

ОСКАР
УАЙЛД

Собрание
сочинений

ОСКАР УАЙЛЪД

Собрание сочинений
в трех томах

ОСКАР УАЙЛЬД

Собрание сочинений
в трех томах

ОСКАР УАЙЛЬД

Собрание сочинений

Том второй

Герцогиня Падуанская

Веер леди Уиндермир

Женщина, не стоящая внимания

Саломея

Идеальный муж

Как важно быть серьезным

Москва

ТЕРРА-КНИЖНЫЙ КЛУБ

2003

УДК 82/89
ББК 84 (4 Вл)
У12

Составитель
А. Дорошевич

Оформление художника
А. Зарубина

Уайльд О.

У12   Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2: Пьесы / Пер. с англ.; Сост. А. Дорошевича; Коммент. А. Аникста.— М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2003. — 432 с.

ISBN 5-275-00920-8 (т. 2)

ISBN 5-275-00918-6

Трехтомное Собрание сочинений английского писателя Оскара Уайльда (1854—1900) — наиболее полное из опубликованных на русском языке. Знаменитый эстет и денди конца прошлого века, забавлявший всех своей экстравагантностью и восхищавший своими парадоксами, человек, гнавшийся за красотой и чувственными удовольствиями, но в конце концов познавший унижение и тюрьму, Уайльд стал символической фигурой для декаданса конца прошлого века. Его удивительный талант беседы нашел отражение в пьесах, до сих пор не сходящих со сцены, размышления о соотношении красоты и жизни обрели форму философского романа «Портрет Дориана Грея», а предсмертное осознание «Смысла и красоты Страдания» дошло до нас в том отчаянном вопле из-за тюремных стен, который, будучи полностью опубликован лишь сравнительно недавно, получил название «De Profundis».

Характернейшая фигура конца прошлого века, Уайльд открывается новыми гранями в конце века нынешнего.

УДК 82/89
ББК 84 (4 Вл)

ISBN 5-275-00920-8 (т. 2)
ISBN 5-275-00918-6

© А. Дорошевич. Сост., 2003
© ТЕРРА—Книжный клуб, 2003

A decorative flourish consisting of two large, symmetrical, swirling lines that frame the title text.

Герцогиня
Падуанская

Драма
в пяти действиях

ЛИЦА ДРАМЫ

Симоне Джессо, герцог Падуанский.

Беатриче, его жена.

Андреа Полайоло, кардинал Падуанский.

Маффио Петруччи, придворный герцога.

Джеппо Вителлоццо придворный герцога.

Тадео Барди, придворный герцога.

Гвидо Ферранти, молодой человек.

Асканио Кристофано, его друг.

Граф Моранцоне, пожилой человек

Бернардо Кавальканти, верховный судья в Падуе.

Уго, палач.

Лючия, девушка при герцогине.

Слуги, горожане, солдаты, монахи, сокольничие с их соколами и собаками и т. п.

Место действия — Падуя.

Время действия — вторая половина XVI века.

Сцены драмы

Действие первое — рынок в Падуе (25 минут).

Действие второе — комната в герцогском дворце (36 минут).

Действие третье — галерея в герцогском дворце (29 минут).

Действие четвертое — зал суда (31 минута).

Действие пятое — темница (25 минут).

Стиль архитектуры:

итальянский, готический и романский.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Рынок в Падуе, в полдень; в глубине — большой собор Падуи; архитектура романского стиля, строен из черного и белого мрамора; мраморные ступени ведут к дверям собора; у подножия лестницы два громадных каменных льва; дома по обеим сторонам сцены окружены каменными аркадами и с цветными жалюзи у окон; на правой стороне сцены — общественный фонтан со статуей, из зеленой бронзы, тритона, трубящего в раковину; вокруг фонтана — каменная скамья; звонит колокол собора, и горожане — мужчины, женщины и дети — проходят в собор.

Входят Гвидо Ферранти и Асканио Кристофано.

Асканио. Ну, жизнью клянусь, Гвидо, дальше я не пойду; если я ступлю еще шаг, то духу во мне не останется для проклятий; мы летим, словно дикие гуси! *(Бросается на скамью у фонтана.)*

Гвидо. Это, должно быть, здесь. *(Направляется к одному из прохожих и снимает шапочку.)* Простите, синьор, ведь это рыночная площадь, а это — церковь Санта-Кроче?

Прохожий кивает утвердительно.

Благодарю вас, синьор.

Асканио. Ну?

Гвидо. Так! Это здесь.

Асканио. Я бы предпочел, чтобы это было где-нибудь в другом месте, так как здесь я не вижу таверны.

Гвидо *(вынимая из кармана письмо и читая его)*. «Час — полдень; город — Падуя; место — рынок; а день — день святого Филиппо».

Асканио. А что до человека, как мы его узнаем?

Гвидо *(все читая)*. «На мне будет лиловый плащ

с вышитым на плече серебряным соколом». Красивое одеяние, Асканио?

А с к а н и о. Мне милее мой кожаный камзол. И ты думаешь, он расскажет тебе о твоём отце?

Г в и д о. Конечно, да! Ты припомни, тому теперь ровно месяц, когда был я в нашем винограднике, как раз в том углу, что подходит к улице и куда обыкновенно заходят козы, — проехал мимо меня какой-то человек, спросил, меня ли зовут Гвидо, и отдал мне это письмо, подписанное: «Друг вашего отца», приглашающее меня быть здесь сегодня, если я хочу узнать тайну своего рождения, и указывающее мне, как признать написавшего. Я всегда думал, что это неверно, но что ребенком меня отдал ему на попечение какой-то неизвестный, которого он более не видал никогда.

А с к а н и о. Так что ты не знаешь, кто твой отец?

Г в и д о. Нет.

А с к а н и о. У тебя нет даже никакого воспоминания о нём?

Г в и д о. Никакого, Асканио, никакого.

А с к а н и о (*смеясь*). Стало быть, не мог он тебе давать затрещин так часто, как мой отец мне.

Г в и д о (*улыбаясь*). Я уверен, что ты их никогда не заслуживал.

А с к а н и о. Никогда; это-то и было в них хуже всего. Ни разу не мог я найти в себе сознания вины... А какой час назначил тот?

Г в и д о. Полдень.

Часы на соборе бьют.

А с к а н и о. Теперь как раз полдень, а твой человек не пришел. Я в него не верю, Гвидо. Должно быть, просто какая-нибудь девица загляделась на тебя; и, раз я проводил тебя из Перуджи в Падую, ты обязан, клянись в этом, проводить меня в ближайшую таверну. (*Встает.*) Призываю во свидетели великие божества еды, я так хочу есть, Гвидо, как вдове хочется мужа, так устал, как молодая девушка от добрых советов, и весь высох, словно монашеская проповедь. Идем, Гвидо, что тебе стоять здесь, глядя в пустоту, словно помешанному, который старается заглянуть в свою собственную душу; твой человек не придет.

Г в и д о. Хорошо; кажется, ты прав. А!

В тот самый миг, когда он встает со скамьи вместе с Асканио, входит граф Моранцоне в лиловом плаще, с серебряным соколом, вышитым на плаще; Моранцоне проходит через всю сцену, направляясь к собору, и в ту минуту, когда он готов войти в него, Гвидо вбегает по ступеням и прикасается к нему.

Моранцоне.

Ты вовремя пришел, Ферранти Гвидо.

Гвидо.

Как! Так отец мой жив?

Моранцоне.

Да, жив в тебе.

Ты — он своим лицом, своей походкой,

Осанкой, видом, внешностью своей;

Ты, верно, он и духом благородным.

Гвидо.

О, расскажите об отце; я этой

Минуты ждал всю жизнь.

Моранцоне.

Нам должно быть

Одним.

Гвидо.

Но это лучший друг мой: он

Пришел со мною из любви ко мне;

Мы, как два брата, делим с ним все тайны.

Моранцоне.

Вы этой тайны не должны делить;

Пусть он уйдет.

Гвидо (к Асканио).

Друг, через час вернись.

Не знает он, что зеркала любви

Такой, как наша, омрачить не может

Ничто. Пока прощай.

Асканио.

Не говори с ним,

Есть что-то страшное в его глазах.

Гвидо (смеясь).

Нет, я уверен: он пришел сказать мне,

Что я Италии великий принц,

Что нас обоих дни веселья ждут

Надолго! До свиданья, друг.

Асканио уходит.

Теперь

Вы про отца расскажете мне все?

(Садится на каменную скамью.)

Он был высок? в седле сидел он стройно?
Он черен был? иль волосы его
Как красно-золотое пламя были?
Имел он голос тихий? Иногда
У первых храбрецов бывает голос
Исполнен тихой музыки; иль, может,
Он, как труба, гремел, внушая ужас
Врагам? Он выезжал один? иль вместе
С толпою слуг, в сопровожденье свиты?
Порой я чувствую, что в этих жилах
Кровь королей стучит! Он был король?

Моранцоне.

Он больше был король, чем все другие.

Гвидо (*гордо*).

Итак, отца вы видели последний.

Что ж, над людьми высоко он стоял?

Моранцоне.

Да, над людьми высоко он стоял

(*подходит к Гвидо и кладет свою руку ему на плечо*)

На красном эшафоте, где палач

Ждал с топором его.

Гвидо (*вскакивая*).

Кто ты, ужасный,

Как некий ворон иль как филин ночи,

Восставший из могилы с страшной вестью?

Моранцоне.

Меня зовут здесь графом Моранцоне,

Владельцем замка на пустой скале;

Есть у меня миль пять земли бесплодной

И нищих шесть слугителей. Но был я

Из самых знатных в Парме; больше: были

Друзьями мы с твоим отцом.

Гвидо (*схватывая его за руку*).

Скажите

Все!

Моранцоне.

Герцога великого Лоренцо

Ты сын. Он властелином в Парме был

И графом всей Ломбардии прекрасной

До самых стен Флоренции, но та

Ему платила дань.

Гвидо.

А как он умер?

Моранцоне.

Узнаешь все. То было в дни войны.

(О благородный лев! Не мог снести
В Италии он никакой неправды!)
Цвет лучший рыцарства повел он против
Клятвопреступника из Римини,
Джованни Малатесты — будь он проклят! —
Но был коварно завлечен в засаду
И, как злодей, как человек безродный,
Казнен на эшафоте всенародно.

Гвидо (*хватаясь за кинжал*).

И Малатеста жив?

Моранцоне. Он умер.

Гвидо. Умер?

О, если б ты, не медлящая смерть,
Могла еще немного подождать,
Твой долг свершил бы я!

Моранцоне. Еще не поздно!

Тот, кем отец твой продан, жив еще.

Гвидо.

Отец был продан?

Моранцоне. Оценен, как вещь,

И за назначенную цену продан.
На вольном рынке был уступлен он
Тем, кто его считался лучшим другом,
Кому он верил и кого любил,
С кем братства узами был долго связан.

Гвидо.

Предатель жив!

Моранцоне. Его ты сам увидишь.

Гвидо.

Так жив Иуда! Хорошо же! Всю землю
Я сделаю «землею крови»¹, ибо
На ней висеть он должен!

Моранцоне. Ты Иудой

Его зовешь? Да, как Иуда, он
Предатель, — но иной он ждал награды:
Не тридцать сребреников, много больше!

Гвидо.

За кровь отца что ж получил он?

Моранцоне. Много...

Поместья, виноградники и замки,
И княжества, и земли...

Гвидо.

От которых
Он сохранит шесть локтей — для могилы!

Где ж гнусный шут? Где негодяй проклятый?
Скажите, где он? Пусть он будет в панцирь
Одет, и в сталь до самых пят закован,
И охраняем тысячью людей, —
Я поражу его сквозь копья, буду
Смотреть, как потечет вдоль по кинжалу
Кровь черная его. Скажите, где он, —
И я его убью.

Моранцоне (*холодно*).

И это месть?

Безумец! Смерть не суждена ль нам всем?
И тем она желанней, чем внезапней.

(*Подступает ближе к Гвидо.*)

Был предан твой отец, — и в этом все.
Предателя предай же в свой черед.
Тебя введу я в дом его, ты должен
Сидеть с ним за столом, есть тот же хлеб...

Гвидо.

О, горький хлеб!

Моранцоне. Ты слишком прихотлив:

Мечь подсластит его! Ты должен ночи
С ним пировать, пить из единой чаши,
Его стать другом, чтоб тебя любил он
И тайны все свои открыл тебе!
Захочет он веселья — будь веселым;
Его порой охватит ли печаль —
Будь грустен сам. Когда ж приспее время...

Гвидо хватается за кинжал.

Ах, я тебе не верю! Юн твой дух
И необуздан; слишком буйный гнев
Не в силах ждать, во имя высшей мести,
Но в страсти гибнет...

Гвидо. Ты меня не знаешь.

Скажи, кто он, — и я готов во всем
Повиноваться.

Моранцоне.

Хорошо. Когда

Приспее время и удобный случай,
И будет враг в сетях, тебе с послем
Поддам я знак.

Гвидо. И как его убью я?

Моранцоне.

В ту ночь к нему прокрасться должно в спальню:

И если ты его застанешь спящим,
Сначала разбудить; потом за горло
Рукой схватить — да, так — и рассказать,
Кто ты, чей сын, за что ты мстишь ему.
Дозволь ему просить пощады, пусть
За жизнь свою он предлагает цену;
Когда ж он обещает все богатства —
Скажи, что золота тебе не надо
И что пощады нет! И соверши все.
Но поклянись, что не убьешь ты раньше,
Чем прикажу я! Или я уйду,
Ты будешь жить в неведеньи, как прежде,
И твой отец не будет отомщен!

Гвидо.

Отца мечом клянусь!

Моранцоне. Палач на рынке
Его пред всем народом преломил.

Гвидо. Отца могилой...

Моранцоне. Где его могила?

Отец твой не лежит в земле; развеян
Был прах его по ветру, и разнесся
По улицам он пылью, беднякам
Слепя глаза... А голову его,
Одев на острие ворот тюремных,
Оставили на поруганье черни,
И та его дразнила языком...

Гвидо.

Так чем же клясться? Памятью отца,
Священной мне, его позорной казнью,
Предательством коварным друга, всем,
Что мне еще осталось, — я клянусь:
Не подыму я на него руки
До приказанья; после — Бог да примет
Проклятый дух: как пес, убит он будет.
Но знак? Какой же знак?

Моранцоне. Вот — твоего
Отца кинжал.

Гвидо. О, дайте рассмотреть мне!
Припоминаю, дядя мой названный,
Старик, которому я отдан был,
Мне говорил, что был я в плащ завернут,
И были вышиты два леопарда
На нем по золоту — такие ж точно!

Но, вылиты из стали, мне милее
Вот эти: с ними к цели путь прямее!..
Отец вам ничего не поручил
Мне передать?

Моранцоне. Отец не знал тебя.
Когда он предан был коварным другом,
Из приближенных всех один я спасся
И в Парму, герцогине, весть принес.

Гвидо.
О мать моя! Скажите мне об ней!

Моранцоне.
Услышав роковую весть, она
Без чувств упала и тебя — до срока —
На свет произвела, и вслед затем
Ее душа взнеслась на небеса,
Чтоб встретить мужа у предверья рая.

Гвидо.
Мать умерла, отец казнен и продан...
Мне кажется: я осажден врагами,
И за гонцом гонец приносят вести,
Одна другой ужасней! Дай вздохнуть мне,
Я изнемог.

Моранцоне.
Когда скончалась мать,
Из страха пред врагами всем сказал я,
Что умер ты, и тайно передал
Тебя старинному слуге, который
Жил близ Перуджии. Что было дальше,
Ты знаешь.

Гвидо. Видели отца вы после?

Моранцоне.
Однажды. Я в одежде бедняка
Пробрался в Римини.

Гвидо (*беря его за руку*).
Какая смелость!

Моранцоне.
Все продается в Римини, и я
Купил тюремщиков. Когда отец твой
Узнал, что у него родился сын,
Его лицо под шлемом просияло,
Как светит в море зарево огня.
Взяв за руки меня, меня просил он,
Чтоб я тебя взрастил его достойным,
И мстителя в тебе я воспитал.

Гвидо.

Вы долг исполнили. Благодарю вас
От имени отца. Но как же имя
Предателя?

Моранцоне.

Как на отца похож ты!

Я узнаю в тебе его движенья.

Гвидо.

Как имя?

Моранцоне.

Ты его сейчас узнаешь.

Вот герцог наш со свитой придворных
Сюда идет.

Гвидо. Что из того! Как имя?

Моранцоне.

Не кажутся ль они тебе собраньем
Людей достойных, честных, благородных?

Гвидо.

Граф! Имя! Имя!

Входят герцог Падуанский с графом Барди, Маффио
Петруччи и другими придворными.

Моранцоне (*быстро*).

Тот, пред кем колени

Я преклоню, и есть убийца, — помни.

Гвидо (*хватается за кинжал*).

Как, герцог?

Моранцоне.

Руку прочь! Ужель так скоро

Ты все забыл?

(*Преклоняется перед герцогом.*)

Наш благородный герцог!

Герцог.

Добро пожаловать, граф Моранцоне.

Давно мы в Падуе вас не видали.

Близ замка вашего еще вчера мы

Охотились, но называть ли замком

Холодный дом, где вы живете, четки

Перебирая, как отшельник дряхлый.

(*Встречает глазами Гвидо и отступает назад.*)

Кто это?

Моранцоне.

Мой племянник, ваша светлость.

Он в тех годах, когда пора на службу,
И быть желал бы при дворе у вас.

Герцог (*молча глядит на Гвидо*).

Его зовут?

Моранцоне. Ферранти Гвидо.

Герцог.

Родом?

Моранцоне.

Он в Мантуе родился, ваша светлость.

Герцог (*подходя к Гвидо*).

Твой взор напоминает мне кого-то;

Кого я знал... Но умер тот бездетным.

Ты честен ли? И если да, то честность

Не расточай, но для себя храни.

Здесь в Падуе все думают, что честность —

Лишь хвастовство; она не в моде. Видишь

Синьоров этих?

Барди (*в сторону*).

В нас стрелой он метит.

Герцог.

Любой из них свою имеет цену,

Все продаются, но, сказать по правде,

Иные слишком дорожатся.

Барди (*в сторону*).

Мило!

Герцог.

Итак: нам честности не надо. Также

Не очень любим мы оригинальность,

Хотя в наш глупый век едва ль не тот

Оригинальней всех, кто смеет мыслить

И возбуждает тем насмешки черни.

А что до черни, презирай ее,

Как я. Толпы восторг минутный мне

Смешон, и одного лишь оскорбленья

Я не испытывал: любви народа.

Маффио (*в сторону*).

А ненависти вдоволь испытал ты.

Герцог.

Благоразумен будь; не торопись

С поступками: подумав дважды, действуй;

Решенье первое всегда прекрасно.

Гвидо (*в сторону*).

Из уст его не жаба ль брызжет ядом!

Герцог.

И постарайся завести врагов:

Иначе свет тебя сочтет ничтожным.
Враги доказывают нашу силу,
Но в маске дружбы каждого встречай,
Пока его в свои не схватишь когти:
Тогда души его.

Гвидо *(в сторону)*.

Философ мудрый!

Не для себя ли роешь ты могилу?

Моранцоне *(к Гвидо)*.

Запомнил?

Гвидо.   Будь спокоен.

Герцог.   И не будь

Разборчив слишком. Чистая рука,

Когда пуста, имеет вид печальный.

И если хочешь львиной доли в жизни,

Оденься в лисью шкуру — подойдет

Она тебе, как всякому подходит.

Гвидо.

Я все запомню, ваша светлость.

Герцог.   Дельно.

Я не хочу быть окружен глупцами,

Что жизни золото долями весят,

Дрожат, колеблются — и все же терпят

Лишь неудачи... Неудача — вот

Единый грех, я в коем неповинен!

Вокруг меня мужчины быть должны.

А что до совести, то это — слово,

Что трусость написала на щите,

Бежав из битвы. Понял?

Гвидо.   Ваша светлость,

Я понял все и заповедям вашим

Отныне буду следовать во всем.

Маффио.

Не знал я, ваша светлость, что так сильны

Вы в деле проповеди. Ах, когда бы

Взглянул на ваши лавры кардинал!

Герцог.

За мной пойдут мужчины, а другие —

За кардиналом. Что мне до него!

Он ревностный служитель церкви,

Но человек не слишком прозорливый.

(К Гвидо.)

Итак, отныне на моей ты службе.

(Протягивает Гвидо руку для поцелуя.)

Гвидо отступает в ужасе, но по знаку графа Моранцоне опускается на колени и целует ее.

Ты должен быть одет, как подобает
И должности твоей и нашей чести.

Гвидо.

Благодарю сердечно вашу светлость.

Герцог.

Тебя зовут, не правда ль, Гвидо?

Гвидо.

Гвидо

Ферранти, государь.

Герцог.

И родом ты

Из Мантуи? За женами, синьоры,

Смотрите в оба: он для них опасен!

Смеетесь вы, граф Барди? Впрочем, тот

Супруг спокоен, чья жена

Нехороша.

Маффио.

Простите, ваша светлость,

Но жены в Падуе вне подозрений.

Герцог.

Как? Все неинтересны?.. Но пойдете.

Сегодня герцогиню кардинал

Совсем замучил. Надо бы ему

И бороду и проповедь убавить.

Угодно, граф, вам с нами слушать текст

Святого Иеронима?

Моранцоне (*кляпясь*).

Государь,

Простите...

Герцог (*прерывая*).

Что за извиненья, если

Идти к обедне лень. Пора, синьоры.

(*Уходит со свитой в собор.*)

Гвидо (*после молчания*).

Он продал моего отца; я — руку

Его поцеловал.

Моранцоне.

Целуй почаще.

Гвидо.

Я должен это делать?

Моранцоне.

Ты поклялся.

Гвидо.

От этой клятвы я окаменею.

Моранцоне.

Прощай, дитя! И раньше срока мы
Не встретимся.

Гвидо. Вернитесь поскорее.

Моранцоне.

Вернусь, когда настанет час. Будь твердым.

Гвидо.

Доверьтесь мне.

Моранцоне. Твой друг идет сюда.

Из сердца и из Падуи его

Ты должен удалить.

Гвидо. Отсюда — да.

Из сердца — нет.

Моранцоне. Нет, нет! Из сердца также.

Я не уйду, пока все не исполнишь.

Гвидо.

Нельзя иметь мне друга?

Моранцоне. Месть — твой друг,

Иных не ведай.

Гвидо. Пусть! Да будет так.

Входит Асканио Кристофано.

Асканио. Ну, Гвидо, я, наверно, во всем превзошел тебя: я выпил фьяску доброго вина², съел пирог и расцеловал служанку в остерии. Что ты глядишь так уныло, словно школьник, которому не на что купить яблок, или как избиратель, которому некому продать свой голос? Что же нового, Гвидо, что нового?

Гвидо.

Асканио, нам должно распрощаться.

Асканио.

Конечно, это ново, но неправда.

Гвидо.

Нет, слишком правда! Ты уйдешь отсюда,

И никогда меня ты не увидишь.

Асканио.

Нет! Значит, ты меня не знаешь, Гвидо!

Да, я простого земледельца сын,

Обычаев придворных я не знаю.

Но если оказалось, что ты знатен,

Ужель я не могу служить тебе?

Клянусь, усердней буду я, чем всякий

Слуга наемный...

Гвидо (*хватая его за руку*).

Ах, Асканио!

(*Взглядывает на Морационе, который смотрит на него, и выпускает руку Асканио.*)

Нет! Этого не может быть.

Асканио.

Не может?

Я думал, что веков прошедших дружба
Еще жива, что в наш ничтожный век
Своей любовью воскресили мы
Преданья Рима древнего... О! этой
Любовью, ясно, словно море летом,
Молю я: что б тебя ни ждало — все
Позволь с тобой мне разделить, как другу!

Гвидо.

Все разделить!

Асканио.

Да, да!

Гвидо.

Нет, нет!

Асканио.

Ах, верно,

Наследство получил ты — пышный замок,
Богатство?

Гвидо (*горько*).

Да, я получил наследство!
Кровавый дар! Ужасное наследье!
Беречь его я должен, как скупец,
Для самого себя хранить. Итак,
Расстанемся, прошу тебя.

Асканио.

Ужели

Мы больше никогда рука с рукой
Не сядем рядом, как сидели часто,
Чтоб углубиться в рыцарскую книгу?
Иль, как бывало, убежав из школы,
Ужель мы вместе больше никогда
Бродить не будем по лесам осенним
С охотником, следя, как ястреб зоркий
Рвет шелковые путы, на опушке
Завидя зайца?

Гвидо.

Больше никогда.

Асканио.

Так должен я уйти без слова дружбы?

Гвидо.

Так ты уйдешь — с тобой моя любовь...

Асканио.

Не рыцарски, не благородно это!

Гвидо.

Не рыцарски, не благородно? Пусть!
Уже бесплодны все слова. Прощай,

Асканио.

Ты ничего мне не поручишь, Гвидо?

Гвидо.

Нет! Прошлое — как детский сон за мною.
Я нынче начинаю жизнь. Прощай.

Асканио.

Прощай.

(Уходит медленно.)

Гвидо (к Моранцоне).

Довольны вы? Я все исполнил.
Любимейшего друга я сейчас
Прогнал, как недостойного слугу.
Я это сделал! Вы теперь довольны?

Моранцоне.

Да. Я доволен и теперь уйду.
Не забудь про знак: кинжал отца.
Сверши свой долг, когда его пришлю я.

Гвидо.

Доверьтесь мне; исполню все.

Моранцоне уходит.

О небо!

Когда в душе моей есть капля чувства,
Есть сострадание, есть нежность — их
Убей, сожги и обрати в ничто!
А если ты не хочешь, сам их вырву
Из сердца я отточенным ножом,
Во сне я жалость задушу в себе,
Чтоб не шептала мне она! О месть,
Ты мне одна осталась. Будь мне другом
И ложе разделяй со мною. Рядом
Сиди со мной, сопутствуй на охоте,
Когда устану, песенки мне пой,
Когда я буду счастлив, веселись,
Когда усну, нашептывай мне в уши
Рассказ ужасный об отца убийстве...
Убийстве, я сказал?

(Обнажает кинжал.)

Внемли, бог мести,
Клятвопреступников разящий громом!

Пусть эту клятву пламенем на небе
Запишут ангелы! Клянусь: отныне,
Пока не отомщу отца убийство
Я кровью, — отрекаюсь я от дружбы,
От благородных радостей любви,
От всякого сочувствия и союза!
И даже больше: отрекаюсь я
От женщин, от любви к ним, от приманок
Их красоты...

Торжественные звуки органа несутся из собора, и под сребротканым балдахинном, что несут четыре пажы, одетые в алое, сходит по мраморным ступеням герцогиня Падуанская; она проходит перед Гвидо, на мгновение встречается с ним глазами и, уже почти покидая сцену, обернувшись, взглядывает на него; кинжал падает из рук Гвидо.

Гвидо. Кто это?
Один из горожан.
Герцогиня.

Занавес

Вы приказанье слышали, синьор?
Что сказано, исполнить.

Петруччи уходит.

Кардинал. Вашу милость
Прошу я выслушать мольбы народа...

Герцог (*садится на свой трон*).

Да, груши этим летом что-то мельче,
Чем были прошлым. Кардинал, простите,
Вы, кажется, о грушах говорили.

Слышны с улицы крики радости.

Что там?

Гвидо (*бросается к окну*).

На площадь герцогиня вышла,
Между народом и стрелками стала,
Им не дает стрелять.

Герцог. Черт побери!

Гвидо (*все еще у окна*).

Теперь идет сюда с толпою граждан.

Герцог (*вскакивая*).

Клянусь святым Джованни, слишком смело
Она себя ведет.

Барди. Вот герцогиня.

Герцог.

Закройте дверь; сегодня день холодный.

Дверь, ведущую в галерею, закрывают. Входит герцогиня
с кучкой бедно одетых горожан.

Герцогиня (*бросается на колени*).

Нас выслушать молю я, ваша светлость!

Герцог.

Чего ж они хотят?

Герцогиня. О государь!

Они того хотят, о чем ни разу
Ни вам, ни мне и никому из этих
Синьоров думать не случилось: хлеба!
Они готовят из гнилой мякины
Свой хлеб!

Первый горожанин.

Да, верно! Из одной мякины!

Герцог.

Хороший корм; я лошадям своим
Даю его.

Герцогиня (*сдерживаясь*).

По их словам, в цистернах —
Водопровод, вы знаете, разрушен —
Вода цветет и затянулась тиной.

Герцог.

Так надо пить вино: вода вредна!

Второй горожанин.

Ах, ваша светлость, пошлины да сборы
У городских ворот берут такие,
Что покупать вино нам не под силу.

Герцог.

Благословляйте пошлины — они
Вас учат воздержанью.

Герцогиня.

Государь,
Подумайте, мы в роскоши живем,
А в темных переулках нищета
Голодная блуждает и ножом
Малюткам перерезывает молча
Их горло теплое...

Третий горожанин.

Да, это правда!
От голода вчерашней ночью помер
Сынишка мой — был по шестому году, —
И схоронить-то не на что его.

Герцог.

Вы бедны? Славьте же судьбу! Ведь бедность
Одна из добродетелей.

(К кардиналу.)

Не так ли?

Вы, монсеньор, берете десятину,
Имеете доходы, замки, земли
За то, что проповедуете бедность.

Герцогиня.

О государь, но будьте милосерды!
Пока сидим мы здесь в чертогах этих,
Где портики от зноя защищают,
А от морозов — стены, двери, крыша, —
Как много граждан Падуи живет
В лачугах со щелями, где всегда
Холодный дождь, и снег, и ветер — дома!
Иные же ночуют под мостами,
Осенней ночью в сырости дрожат,
Потом приходит лихорадка, и...

Герцог (*заканчивает*).

Возносятся на лоно Авраама.

Они меня должны благодарить:

Из мира бедствий шлю я их на небо!

(*К кардиналу.*)

Не сказано ль в писании, что должно

Нам бремя наше с радостью нести?

Мне ль изменять уставленное Богом

И вмешиваться в волю провиденья?

Одни пресыщены, те голодают.

Так создан мир, и создан он не мною.

Первый горожанин.

В нем милости не видно.

Второй горожанин. Помолчи!

Вот кардинал за нас поговорит.

Кардинал.

Терпеть нужду — христианина долг,

Но также долг его быть милосердным!

Есть в нашем городе немало бедствий,

Их реформировать могли бы вы.

Первый горожанин.

Что значит — реформировать?

Второй горожанин. Должно быть,

Оставить все, как есть оно теперь.

Герцог.

Да? Реформировать? Ах, кардинал,

В Германии нашелся некто Лютер

И реформировать задумал церковь —

Не вы ль его еретиком назвали

И отлученью предали?

Кардинал (*поднимаясь с своего трона*).

Хотел

Он паству с пастбища увлечь, а мы

Вас просим накормить овец духовных.

Герцог.

Я тех кормлю, с кого стригу я шерсть.

Что до мятежников...

Герцогиня делает умоляющий жест.

Первый горожанин.

Он стал добрее

И даст нам что-нибудь.

Второй горожанин.

Ах, так ли?

Герцог. Эти
Оборвыши сюда явились с глоткой,
Наполненной изменой...
Третий горожанин. Ваша светлость!

Заткните нам ее краюхой хлеба!
Мы замолчим.

Герцог. Я вас молчать заставлю —
Голодных или сытых, все равно!
Таков наш век, синьоры, что мужик
Перед тобой не снимет шапки: надо
Ее сбивать с башки! На перекрестках
Любой ремесленник господ поносит!
(К горожанам.)

Ввиду молений нашей герцогини,
Не смея отказать прекрасной даме,
Что оскорбило б вежливость и нашу
Любовь, и снисходя на ваши просьбы...

Первый горожанин.

Он сбавит пошлины, честное слово!

Второй горожанин.

Иль выдаст каждому из нас по хлебу.

Герцог.

...Я прикажу, чтоб в это воскресенье
На проповеди кардинал сказал
Вам о высоком долге послушанья.

Ропот среди горожан.

Первый горожанин.

Ну, проповедью брюха не наполнишь.

Второй горожанин.

Она не больше, как подливка, что же
Мы с нею будем есть?

Герцогиня.

Друзья мои,
Вы видите: пред герцогом и я
Бессильна. Но на задний двор пройдите,
Я прикажу, чтоб казначей мой выдал
Из личных средств моих вам сто дукатов.

Первый горожанин.

Бог да хранит нам герцогиню!

Второй горожанин.

Верно!

Бог да хранит ее!

Герцогиня.

И раз в неделю
Я буду раздавать беднейшим хлеб.

Изявляя свою радость, горожане идут к выходу.

Первый горожанин (*уходя*).

Бог да хранит нам герцогиню.

Герцог (*подзывает его*).

Сюда, приятель. Как тебя зовут?

Горожанин.

Я, ваша светлость, Доменико.

Герцог. Имя

Хорошее. А в честь кого дано?

Горожанин (*почесывая голову*).

Да я родился в день святого Джорджо.

Герцог.

Вполне понятно! Вот тебе дукат.

Что ж не кричишь: да здравствует наш герцог?

Горожанин (*слабо*).

Да здравствует наш герцог!

Герцог. Громче! Громче!

Горожанин (*немного громче*).

Да здравствует наш герцог!

Герцог. Чувства мало.

Кричи сильнее, приятель. Вот еще

Тебе дукат.

Горожанин (*восторженно*).

Да здравствует наш герцог!

Герцог (*насмешливо*).

Как трогает меня его любовь,

Синьоры!

(*Горожанину, гневно.*)

Вон!

Горожанин уходит, кланяясь.

Таким путем, синьоры,

Любовь народа приобрести легко.

О, мы — ничто, когда народу чужды!

(*К герцогине.*)

А вы, синьора, сеете мятеж

Меж граждан!

Герцогиня. Государь, есть право бедных:

На жалость и на милость нашу право.

Герцог.

Вы спорите со мной? Вот какова

Та женщина, из-за которой лучших

Три города Италии я отдал:
Орвьетто, Геную и Пизу.

Герцогиня. Вы
Не отдали, а только обещали —
И предпочли опять нарушить слово.

Герцог.
Вы ошибаетесь, синьора, были
На то причины важные.

Герцогиня. Какие
Причины могут быть, чтоб обещанье,
Пред целым миром данное, нарушить?

Герцог.
Есть много кабанов в лесу под Пизой;
Когда я этот город обещал
Достойнейшему вашему отцу,
Я позабыл, что там охота. Также
Я слышал — и не сомневаюсь в том, —
Что в гавани под Генуей так много
Редчайших рыб, как более нигде.
(Обращаясь к одному из придворных.)
Вы блюд изысканных знаток, синьор,
И это объясните герцогине.

Герцогиня.
Так, а Орвьетто?

Герцог (зевая). Я уже не помню.
Должно быть, тоже что-то помешало
Отдать его согласно договору.
Быть может, просто не хотелось мне.
(Подходит к герцогине.)

Синьора, бросьте взгляд: вы здесь одни!
До старой Франции немало миль,
Да и отец ваш при своем дворе
Не больше сотни рыцарей содержит,
На что же вы надеетесь? Кто здесь
Из этих всех синьоров предан вам?

Герцогиня.
Никто.

Гвидо вздрагивает, но овладевает собой.

Герцог. И так останется, пока
Я герцог в Падуе. Синьора, вы
Принадлежите мне. Что я хочу,
Должны вы исполнять. Угодно мне,

Чтоб вы сидели дома, — и дворец
Для вас тюрьмою станет. Захочу я,
Чтоб вы гуляли, и с утра до ночи
Придется вам гулять.

Герцогиня. Но где же право?

Герцог.

Покойная жена вопрос такой же
Мне предложила. Памятник ее
Стоит в капелле фра Бартоломео,
Он весь из мрамора; весьма красив!
Пора идти, синьоры! Руку, Гвидо!
Пойдемте в полдень соколов спускать,
Подумайте, синьора, вы — одни.

(Уходит, опираясь на Гвидо, за ними — вся свита.)

Герцогиня *(глядя ему вслед)*.

Да, герцог прав, я здесь совсем одна,
Заброшена, унижена, забыта!
Бывал ли кто так одинок, как я?
Мужчина, сватаясь, зовет детьми нас,
Нам говорит, что мы не в силах сами
Устроить жизнь, — и разбивает нашу:
Для них мы — вещь, их общие рабыни,
Нас меньше ценят, чем собак послушных,
Ласкают реже, чем любимых птиц!
Я, кажется, сказала: сватовство...
Не сватают — нас просто покупают,
И наше тело — рыночный товар!
Да, это общая судьба всех женщин.
Все выбирают неудачно мужа
И губят жизнь по прихотям его.
Что это доля всех — не легче каждой!
Я, кажется, ни разу не слыхала,
Чтоб женщина смеялась от души?
Нет, слышала: на площади, раз ночью...
Бедняжка шла, раскрасив ярко губы,
Веселья маску на лице храня...
О, так смеяться я бы не желала,
Нет, лучше умереть.

Входит Гвидо, который остается в глубине незамеченным; герцогиня преклоняет колени перед изображением мадонны.

О Мать Божия!
Склонила ты свой бледный, кроткий лик

Меж ликов ангельских, поющих гимны!
Ответь же мне: ужель мне нет надежды?

Гвидо.

Я более переносить не в силах.
Ее люблю! С ней должен говорить я!
(К герцогине.)

Помянут ли и я в молитвах ваших,
Синьора?

Герцогиня (вставая с колен).

Нет, синьор. Одним несчастным
Мои молитвы могут быть нужны.

Гвидо.

Тогда и мне!

Герцогиня. Но разве вы несчастны?
Иль почестей от герцога вам мало?

Гвидо.

Мне от того не нужно, ваша светлость,
Наград, кого в душе я ненавижу.
Хочу тебя молить я на коленях:
Позволь тебе до гроба мне служить.

Герцогиня.

Увы! я так ничтожна, что тебе
В награду ничего дать не могу я.

Гвидо (хватая ее за руку).

Ты можешь дать любовь мне!

Герцогиня отступает, а Гвидо падает к ее ногам.

О святая!

Прости мне, если я был слишком дерзок!
Ты красотой своей зажгла мне кровь.
Дай мне прильнуть устами богомольно
К твоей руке! От страсти я дрожу!
На все готов я, чтоб добиться только
Твоей любви.

(Вскакивает.)

Прикажешь ты мне вырвать
Из львиной пасти гибельную славу —
И я пойду в пустыню на борьбу
С немейским львом! ³ Брось в середину битвы
Цветок, иль ленту, или что-нибудь,
К чему касалась ты, — я их достану,
Хотя б все рыцарство сражалось тут,
И принесу назад! И даже больше.

Мне прикажи на бледные утесы
Могучей Англии ⁴ взобраться я
С ее надменного щита сорву
Те лилии твоей родной страны,
Что у нее похитил лев британский ⁵,
Морей владыка!

Слушай, Беатриче!

Не уходи отсюда! Без тебя
Часы идут свинцовыми ногами,
Когда ж твое очарованье вижу,
Со скоростью Меркурия летят ⁶
И золотят всю жизнь!

Герцогиня. Я не ждала,
Что буду я любима. Только правда ль,
Что любишь ты так сильно, как клянешься?

Гвидо.
Спроси: что, чайка — сильно любит море?
Спроси: что, роза — сильно любит дождь?
Спроси: что, жаворонок, на рассвете
Летающий к небу, — сильно любит день?
И все же все сравнения ничтожны
Они лишь тень моей любви, горящей
Таким огнем, что водам океанов
Ее не погасить! Но ты молчишь.

Герцогиня.
Не знаю я, что вам могу сказать.

Гвидо.
Скажи и ты: люблю тебя.

Герцогиня. Так, сразу?
Совет хорош бы был, когда бы вас
Любила я. А если не люблю?
Тогда что мне сказать?

Гвидо. Скажи все то же!
Скажи: люблю! — и на твоих устах
Ложь, застыдившись, тотчас станет правдой.

Герцогиня.
А может быть, не должно говорить.
Влюбленные счастливей до признанья.

Гвидо.
Молчание мне — смерть, а жить я должен!
Убей меня признаньем, не молчаньем.
Остаться мне иль мне уйти — скажи!

Герцогиня.
Не знаю я, уйти вам иль остаться.

Оставшись, вы похитите мою
Любовь. Уйдя, с собою унесете
Ее же... Гвидо! если б звезды пели,
Они не рассказали бы всей силы
Моей любви!.. Люблю тебя, мой Гвидо!

Гвидо (*простирая к ней руки*).

О, говори еще! А мне казалось,
Что только ночью соловьи поют.
Но если ты молчишь, позволь устами
Прильнуть к твоим устам, поющим нежно.

Герцогиня.

Прильнув к устам, ты сердца не коснешься.

Гвидо.

Ужели для меня оно закрыто?

Герцогиня.

Увы, синьор, его нет у меня.
Едва тебя увидела я, ты
Его похитил! Против воли — вор,
В мою сокровищницу ты проник
И лучший перл с собой унес оттуда!
О, странный вор! Не зная сам того,
Ты стал богаче и меня оставил
Обкраденной и вместе с тем счастливой!

Гвидо (*порывисто обнимая ее*).

Возлюбленная! милая! моя!
Не закрывай лица! Позволь открыть мне
Пурпуровые маленькие двери,
Где дремлет музыка! Позволь проникнуть
К кораллам уст твоих, и лучший дар
Я унесу с собой, чем все богатства,
Хранимые в горах Армейских грифом⁷.

Герцогиня.

Ты — господин мой! Все, чем я владею, —
Давно твое; а если нет чего,
Ты это все создашь мечтой и чудом
Ничтожество в богатство обратишь.

(*Целует его.*)

Гвидо.

Как смел я, что гляжу так на тебя!
Фиалка прячется под свой листок,
Боясь смотреть на пламенное солнце,
Боясь его сиянья; мой же взор,
Мой дерзкий взор достиг такой отваги,

Что, как звезда недвижимая, глядит
В твои глаза, купаясь в их сиянье!

Герцогиня.

О, если б на меня всегда смотрел ты!
Твои глаза — два зеркала глубоких.
В них возникая, узнаю себя
И рада, что в тебе живет мой образ.

Гвидо (*вновь обнимая ее*).

Летающий диск! остановись на небе!
И сделай этот час бессмертным!

Краткое молчание.

Герцогиня.

Милый,

Садись вот здесь, у самых ног моих.
Вложу я пальцы в волосы твои
И буду видеть, как твое лицо
К моим губам влечется, как цветок...
Случалось ли тебе когда входить
В пустынный зал, где пыль лежит и плесень,
Где много лет шагов не слышно было,
Засовы отодвинуть у окна
И отворить навстречу солнцу ставни?
Ты видел ли, как в окна входит солнце,
Как превращает каждую пылинку
В танцующую золотую точку?
Моя душа была тем залом, Гвидо,
Твоя любовь вошла в него, и вдруг
Все стало золотом. Не правда ль, Гвидо,
Любовь — смысл жизни.

Гвидо.

Да! Жизнь без любви

Мертва, как необделанная глыба
В каменоломне, прежде чем ваятель
Прозрел в ней Бога! Да! Жизнь без любви —
Безмолвна, как простой тростник, растущий
По берегам реки и чуждый песен.

Герцогиня.

Но вот певец, по имени Любовь,
Тростник безмолвный сделает свирелью
И песнями наполнит! Ах, любовь
Любую жизнь способна сделать песней.
Не правда ли?

Гвидо.

Для женщин это правда.

Мужчины же творят резцом и кистью,

Как сын красильщика в Вероне, Павел,
Иль как в Венеции его соперник,
Великий Тициан⁸, создавший деву
Стройнее лилий и белее лилий,
Всходящую по ступеням во храм,
Иль тот урбинец, чьи мадонны святы
Затем, что матери они вполне.
Но женщина — вот истинный художник!
Одна она способна нашу жизнь,
Запятнанную думами о деньгах,
Преобразить любовью в красоту!

Герцогиня.

Пусть жили бы мы оба в нищете!
Любя друг друга, были б мы богаты.

Гвидо.

Скажи «люблю» еще раз, Беатриче!

Герцогиня (*касаясь пальцами его воротничка*).

Как этот воротник к лицу тебе!

Граф Моранцоне выглядывает из-за двери,
ведущей в галерею.

Гвидо.

Скажи еще раз мне: люблю!

Герцогиня.

Я помню,

Что в Фонтенбло, когда еще была

Я в милой Франции, носил такие

Воротнички король.

Гвидо.

Так ты не хочешь

Сказать: люблю!

Герцогиня (*смеясь*).

Король Франциск был рыцарь⁹

С осанкой царственной, но ты — прекрасней!

Зачем же, Гвидо, мне твердить: люблю!

(*Берет руками его голову и приближает ее к себе.*)

Не знаешь разве ты, что я — твоя

Навек, душой и телом!

(*Целует его, но внезапно встречается взгляд Моранцоне и вскакивает.*)

О! Кто там?

Моранцоне исчезает.

Гвидо.

Где, милая?

Герцогиня. Я видела глаза,
Горящие огнем, за этой дверью.

Гвидо.
Нет никого. Должно быть, промелькнула
Тень часового.

Герцогиня продолжает стоять, глядя в окно.

Никого не видно.

Герцогиня.
Но что нам может повредить, когда мы
В руках любви? Мне было б все равно,
Хотя б весь мир, устами низкой черни
Меня злословя, жизнь мою топтал.
Нам говорят, что полевой цветок
Сильнее пахнет, если он раздавлен,
Чем в поле на стебле, что травы есть
Без запаха — но дивным ароматом
Дышащие, когда их разотрешь
Меж пальцами. Так молодую жизнь
Жестокий мир стремится раздавить,
Но лишь дает ей больше аромата
И прелести. И если любим мы,
Мы лучшим в жизни обладаем. Правда?

Гвидо.
Мне хочется шутить, смеяться, петь.
Я чувствую, что мог бы петь сегодня.

Герцогиня.
Не говори! Вот миг, когда все в жизни
Слилось в единый сладостный восторг,
И замыкает страсть уста печатью.

Гвидо.
Но пусть мои уста печать сломают.
Меня ты любишь, Беатриче?

Герцогиня. Да!
Как странно, что люблю врага.

Гвидо. Врага?

Герцогиня.
Тебя! Ты сердце мне пронзил стрелой;
Оно укромно, тихой жизнью жило,
Пока его ты не сразил.

Гвидо. Поверь мне,
Стрелой той я ранил и себя.
От этой раны я умру сегодня,
Когда меня, врач милый, не спасешь ты.

Гвидо. О ужас! Неужели
Так скоро я забыл про смерть отца?
Так скоро дал любви прокрасться в сердце?
И должен я любовь прогнать и в душу
Впустить убийство, ждущее у двери?
Я это должен! Разве я не клялся?
Но не сегодня ночью?.. Нет, сегодня!
Прощайте, радости и звезды жизни,
Все милые воспоминанья, вся
Любовь, прощай! Кровавыми руками
Посмею ль я касаться рук невинных?
И уст ее коснусь ли я устами
Убийцы? Буду ли преступным взором
Смотреть в ее фиалковые очи,
Что ясностью своей слепят других
И в вечной ночи их с пути сбивают?
О нет! Убийство страшную преграду
Воздвигнет между нами, будет трудно
Через нее нам целоваться!

Герцогиня. Гвидо!

Гвидо.
Вы обо мне должны забыть навеки,
Изгнать меня из вашей жизни.

Герцогиня (*идя к нему*). Милый!

Гвидо (*отступая назад*).
Меж нами выросла преграда, мы
Переступить ее не смеем.

Герцогиня. Я
Все смею, если только ты со мной!

Гвидо.
Но с вами быть я не могу, не должен,
Единым с вами воздухом дышать,
Лицом к лицу пред вашей красотой
Стоять не должен; перед ней слабеет
Моя рука и замыслов своих
Свершать не смеет. Дайте мне уйти,
Забудьте, что когда-то мы встречались.

Герцогиня.
Как? Мне забыть те клятвы, что твердил ты,
Когда еще лобзаньями твоими
Горят уста?

Гвидо. Беру назад я клятвы.

Герцогиня.
Но ты не властен это сделать, Гвидо!

Те клятвы стали частью мира; воздух
Дрожит их музыкой, и пенье птиц
От них звучит нежней в саду прекрасном!

Гвидо.

Меж нами выросла преграда; я
Об ней не знал, верней — забыл об ней.

Герцогиня.

Ее не будет; за тобою, Гвидо,
Я в жалком рубище идти готова
На край земли.

Гвидо (*жестоко*). Увы! Для нас двоих
Земля мала! Прощай, прощай навек!

Герцогиня (*кротко, подавляя свои чувства*).

Зачем же ты ворвался в жизнь мою,
Зачем в душе моей, в саду пустынном,
Взрастил цветок любви?

Гвидо.

О Беатриче!

Герцогиня.

Теперь его ты хочешь вырвать с корнем,
Но эти корни в сердце так впились,
Что, вырывая их, ты вырвешь сердце.
Зачем же ты ворвался в жизнь мою?
Зачем открыл в душе любви источник,
Давно запечатленный?

Гвидо.

Боже! Боже!

Герцогиня (*сложив руки*).

Зачем во мне открыл ты шлюзы страсти,
Чтоб как река, во время половодья
Сметающая все в своем пути,
Любовь мне в душу рухнула лавиной
И жизнь мою с собою унесла?
Должна ли я теперь за каплей каплю
Сбирать все эти воды и опять
Запечатлеть их? Каждая из них
Слезой станет и соленой влагой
Отравит жизнь мою.

Гвидо.

О, замолчи!

Я должен от твоей любви уйти.
Передо мною путь, которым ты
Идти не можешь.

Герцогиня.

Мне случалось слышать,

Что потерпевшие крушенья в море,
От жажды изнывая на плотях,

В виденьях видят рощи и ручьи,
Но пробуждаются все с той же жаждой,
И умирать еще труднее им
Из-за обманов сна, и, умирая,
Они клянут их обманувший сон.
Тебя я не кляню, хотя крушенье
Я потерпела в море том, что люди
Отчаяньем именовали...

Гвидо. Боже!

Герцогиня.

Останься, Гвидо, я люблю тебя.

(Ждет некоторое время ответа.)

Иль эхо умерло? О, почему

В ответ мне не звучит: люблю тебя!

Гвидо.

Все умерло; одно в живых, и то
Умрет сегодня ночью.

Герцогиня. Если так,
Ко мне не прикасайся! Уходи!

Гвидо уходит.

Преграда! О какой преграде он
Мог говорить? Меж нами нет преград!
Он мне солгал, а я должна за это
Возненавидеть то, что я люблю,
И чем я восхищаюсь — презирать?
Нет! Женщины иной любовью любят.
И если вырежу я милый образ
Из сердца, сердце вслед за ним по миру,
Как раненный стрелою пилигрим,
Пойдет и будет звать назад с любовью!

Входит герцог в охотничьем уборе, с сокольничим
и собаками.

Герцог.

Вы ждать меня заставили, синьора.

Вы ждать собак заставили, синьора.

Герцогиня.

Я не поеду нынче.

Герцог.

Почему?

Герцогиня.

Я, государь, не в силах.

Герцог.

Бледноличка!

Со мной ты спорить смеешь? Я бы мог
Тебя к позорной кляче привязать
И гнать сквозь город, чтобы чернь, которой
Ты хлеб даешь, глумилась над тобой.

Герцогиня.

Мне слова доброго от вас не слышать!

Герцог.

Я крепко вас держу в своих руках,
К чему ж мне тратить добрые слова!

Герцогиня.

Что ж! Я поеду.

Герцог (*ударяя хлыстом по сапогам*).

Нет, я передумал.

Здесь у окна, как верная жена,
Должны вы ждать, пока мы не вернемся,
И грустно думайте о том, что может
Несчастье с супругом приключиться.
Синьоры, в путь! Волнуются собаки,
А я покорностью жены взволнован.
Где Гвидо?

Маффио. Целый час, как, ваша светлость,
Его нигде не видно.

Герцог. Ничего.

Его довольно я еще увижу.

А вы, синьора, сели бы за прялку.
К семейным добродетелям я склонен,
Синьоры, если вижу их — в других.

(*Уходит со свитой.*)

Герцогиня.

Я чувствую, что звезды мне враждебны.
Сегодня ночью, как уснет супруг мой,
Я брошусь на кинжал и все покончу.
Мое окаменело сердце; только
Кинжала сталь его сумеет тронуть.
Пусть лезвие отыщет в сердце имя,
Там скрытое. Да, этой ночью герцог
Со мной развод получит... Но и он
Ведь может умереть; он очень стар.
Что, если он умрет сегодня ночью?
Еще вчера его рука немела,
А многих убивает паралич...
Бывают лихорадки, и удушья
И разные болезни стариков...

Нет, нет, он не умрет, он слишком грешен.
Достойный умирает слишком рано,
Все люди чести умирают; он же,
Как прокаженный, между них живет
Позорной жизнью; матери и дети,
Все умирают, но не герцог: слишком
Он грешен! Почему бессмертен грех
И смертна доблесть? Или тем он жив,
Что для других смертельно, как живут
Гниением ядовитые цветы?
Нет, Бог не может этого терпеть!
И все же герцог жив: он слишком грешен.
Пусть я умру одна; пусть нынче ночью
Любовником мне будет смерть, могила —
Приютом тайных наслаждений! Что же!
Весь мир — большое кладбище, и в каждом
Скрыт, как в гробу, его скелет!

Входит Моранцоне, одетый во все черное, проходит в глубине
сцены, беспокояно оглядываясь кругом.

Моранцоне.

Где Гвидо?

Нигде его не нахожу я.

Герцогиня (*замечая его*).

Боже!

Ты, значит, отнял у меня любовь!

Моранцоне (*с радостным взором*).

Как? Он покинул вас?

Герцогиня.

Ты это знаешь?

Отдай его мне! Говорю: отдай!

Иль на куски тебя я разорву

И к виселице голову прибью,

Чтоб вороны твой обглодали череп!

О, безопасней перед львицей стать,

Чем между мною и моей любовью.

(*С возрастающей страстью.*)

Отдай его назад! Нет, ты не знаешь,

Как я его люблю! Еще сейчас

Он на коленях предо мной стоял,

Вот здесь стоял и на меня смотрел;

Мне руки целовал и в уши мне

Нашептывал он сказку о любви

Столь нежную, что птицы все замолкли!

Отдай его назад мне!

Моранцоне. Он, синьора,
Не любит вас.
Герцогиня. Чума на твой язык!
Отдай его!
Моранцоне. Его не видеть вам
Ни в эту ночь, ни больше никогда.
Герцогиня. Но кто же ты?
Моранцоне. Мне имя — мщенье!
(Уходит.)
Герцогиня. Мщенье?
Я в жизни не обидела ребенка.
Так почему ж ко мне стучится мщенье!
Не все ли мне равно? С ним рядом — смерть
Путь дымным факелом мне озаряет!
Ты людям ненавистна, смерть, но будешь
Со мною ты нежней, чем мой любовник!
Пошли скорее вестников своих,
Поторопи коней ленивых дня,
Пусть ночь, твоя сестра, взойдет скорее
И мир весь в траур облечет. Пусть филин,
Служитель твой, с угрюмой башни стонет,
И воют жабы, и мышей летучих,
Рабынь проклятых грозной Прозерпины ¹⁰,
Шуршат во мраке сумрачные крылья!
В горах безвестных вырви мандрагоры
И прикажи им петь! Вели кроту
Холодную постель в земле мне вырыть,
Чтоб нынче мне уснуть в твоих объятьях!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Широкая галерея в герцогском дворце; в окно (слева) открывается вид на Падую в лунном свете; лестница (справа) ведет к двери с портьерой алого бархата, по которой золотом вышит герцогский герб; на нижней ступени лестницы сидит *ф и г у р а*, закрытая черным плащом; вестибюль освещается железным треножником, наполненным горячей паклей; снаружи то гром, то молния; глубокая ночь.

Г в и д о (влезает в окно).

Растет гроза; как лестница качалась!

Казалось, ветер оборвет веревки!

(Смотрит на город.)

О Боже, что за ночь! Гром в небесах,

И молнии летают с башни к башне

По городу, а бедные дома

Дрожат и клонятся при каждой вспышке

На узких улицах...

(Переходит через сцену к подножию лестницы.)

Но кто же ты,

Сидящий здесь, как у порога смерти,

Чтоб душу грешную схватить?

Молчание.

Ответь же!

Иль ты не можешь говорить? Иль буря

Сковала холодом язык твой?

Фигура встает и снимает маску.

М о р а н ц о н е.

Г в и д о

Ферранти, твой отец ликует нынче.

Г в и д о (смущенно).

Как, это вы?

М о р а н ц о н е. Я долго ждал тебя.

Гвидо (*глядя в сторону*).

Я вас не ждал, но вам я очень рад.

Я вам скажу, что я намерен сделать.

Моранцоне.

Сначала выслушай, что я придумал.

Поставил у ворот, ведущих в Парму,

Я лошадей: когда свой долг свершишь ты,

Мы тотчас же ускачем; завтра ночью...

Гвидо. Тому не быть.

Моранцоне. Нет, это будет!

Гвидо. Граф!

Я герцога решил не убивать.

Моранцоне.

Я, верно, не расслышал. Повтори.

Года мой слух ослабили, я стар.

Что ты сказал? Что ты своим кинжалом

Отмстишь убийство своего отца?

Не так ли?

Гвидо. Нет, я повторяю, граф,

Что герцога решил не убивать.

Моранцоне.

Не может быть; мне чувства лгут; быть может,

Твои слова доходят искаженно.

Гвидо.

Вы верно слышали: я не убью.

Моранцоне.

А как же клятва, о изменник, клятва!

Гвидо.

Решился я нарушить эту клятву.

Моранцоне.

А что ж убийца твоего отца?

Гвидо.

Вы думаете, будет рад отец,

Увидя на руках моих кровь старца?

Моранцоне.

Он будет ликовать.

Гвидо. Нет, я не верю,

Иначе думают на свете том:

Отмщенье мне, и аз воздам¹¹.

Моранцоне. Но ты

Орудие отмщенья.

Гвидо. Не орудьем

Карает Бог, но правою десницей.

Я не убью.

Моранцоне.

Зачем же ты пришел?

Гвидо.

Я в спальню герцога решил пробраться,
И спящему я положу на грудь
Кинжал с письмом; когда проснется, он
Узнает, в чьих руках он был и кем
Был пощажен. Вот доблестная месть,
Иной я не хочу.

Моранцоне. Ты не убьешь?

Гвидо.

Нет.

Моранцоне.

Недостойный сын великих предков!
Ты терпишь, чтобы тот, кем был отец твой
Постыдно продан, — жил!

Гвидо. Не вы ли мне

Убить его на рынке помешали
В тот первый день?

Моранцоне. Тогда не время было,

Оно пришло, а ты теперь, как дева,
Лепечешь о прощенье!

Гвидо. Нет, о мести.

Ее свершит сын моего отца.

Моранцоне.

Ты — трус. Бери кинжал, ступай немедля
В ту комнату и герцогское сердце
Мне принеси. Когда он будет мертв,
Ты будешь вправе рассуждать о мести.

Гвидо.

Вас заклинаю честью и любовью
К отцу покойному, ответьте, граф:
Ужели мог бы мой отец достойный,
Отважный рыцарь, благородный воин,
Прокрасться ночью в спальню, словно вор,
И спящего зарезать старика,
Хотя б он был им оскорблен: ответьте!

Моранцоне (*после некоторого колебания*).

Ты клятву дал! Исполнить должно клятву.
Дитя! Ты думаешь, что я не знаю
Твоих сношений с герцогиней!

Гвидо.

Лжец,

Молчи! Не так чиста луна на небе,
Не так безгрешны звезды!

Моранцоне. Все ж — ты любишь.
Не знаешь ты, что женская любовь —
Игрушка в жизни.

Гвидо. Для тебя, быть может:
В твоих, старик, бессильных жилах кровь
Едва стучит; твои глаза слезятся,
И в них войти не может красота,
Усталый слух твой чуткость потерял,
И для него нема певучесть слов.
Ты говоришь: любовь! Ее не знал ты.

Моранцоне.
О, было время, при луне блуждал я.
Я клялся жить для ласк и поцелуев,
Я клялся, что умру, и вот не умер.
В плохих стихах я пел любовь — о, плохо! —
Но все ж как все влюбленные. Изведал
Я боль разлуки и разгула буйство...
В конце концов мы — звери, а любовь
Под громким именем — простая страсть.

Гвидо.
Я вижу: никогда ты не любил!
Любовь есть таинство; она творит
Прекрасней доблесть; все пороки мира
Она стирает с сердца человека.
Она — огонь очистительный, в котором
Сгорают шлаки, золото являя;
Она — весна, что из земли холодной
Выводит в светлый мир невинность роз;
Она — тот цеп, что делит от мякины
Живые зерна. В наши дни господь
Не сходит к людям, но любовь меж нами
Витает, как его чистейший образ.
Любя, мы ведаем все тайны Бога
И тайны мира. Нет такой лачуги
Ничтожной или малой, чтоб в нее —
Когда живущие в ней сердцем чисты —
Не снизошла любовь. Но если в дверь
Кровавое убийство постучится,
Любовь и во дворце от этой раны
Умрет; и это — Божье наказанье
За грех; любить не может, кто преступен.

Из комнаты герцога слышится стон.

Что это? слышали? — нет, ничего.

(Продолжает.)

Призвание женщины — своей любовью
Спасать нас от грехов. Любя ее,
Ту лилию меж лилий, Беатриче,
Я понял, что достойней будет мщенье —
Преступнику жизнь даровать, чем ночью
Кровавое возмездье совершить
И руки юные багрить во мраке.
И не во имя ли любви Христос,
Сам бывший воплощенною любовью,
Нам повелел прощать своим врагам?

Моранцоне *(насмешливо)*.

То было в Палестине, не у нас;

Он говорил к святым, мы — только люди.

Гвидо.

То было сказано для всех времен.

Моранцоне.

Что ж, лилия меж лилий, герцогиня
Тебе в награду даст за милосердье?

Гвидо.

Увы! ее я больше не увижу.

Назад часов двенадцать я расстался
С ней так жестоко и в таком порыве,
Что для меня ее закрыто сердце.

С ней не увижусь.

Моранцоне. Что ж ты хочешь делать?

Гвидо.

Когда кинжал я положу на место,
Я Падаю покину.

Моранцоне. А потом?

Гвидо.

Я попрошу, чтоб дож венецианский
Меня на службу принял и послал
Меня в сраженья. Не ценю я жизнь
И брошу радостно ее на копьа.

Снова из комнаты герцога слышен стон.

Вы слышали? что это?

Моранцоне. Слышу только

Я крик о мести из могилы темной.

Мы тратим время, скоро встанет солнце.

Решай: свершишь ли долг свой?

Гвидо. Я решил.

Моранцоне.

Отец несчастный, ты отмщен не будешь!

Гвидо.

Еще несчастней — быть отцом убийцы.

Моранцоне.

Но что такое жизнь?

Гвидо.

Не знаю, граф.

Не я дал жизнь, не мне ее отнять.

Моранцоне.

Благодарил я Бога редко; ныне

Благодарю, что не имею сына!

Нет, не отца в тебе струится кровь,

Когда, врага держа в своих руках,

Его щадишь ты. Лучше бы остаться

Тебе в простой семье, где вырос ты.

Гвидо.

Быть может, было б лучше, но еще

Мне было б лучше вовсе не родиться.

Моранцоне.

Прощай!

Гвидо.

Прощайте, граф. Настанет день,

Вы месть мою поймете.

Моранцоне.

Никогда!

(Спускается в окно и удаляется по веревочной лестнице.)

Гвидо.

Мое решенье знаешь ты, отец,

И этой мезтью будешь ты доволен.

Я герцогу оставлю жизнь, но верю —

Я поступаю так, как хочешь ты.

Не знаю, в силах ли наш смертный голос

Проникнуть за врата стальные смерти

И знают ли умершие, что мы

Творим во имя их иль не творим.

Но чье-то здесь присутствие я чую,

Со мною рядом чья-то тень стоит,

Уста бесплотные моих коснулись;

Благословляю их.

(Преклоняет колени.)

Отец, ты ль это?

О, если б, одолев уставы смерти,

В телесном образе предстал ты мне,

Чтоб я припал к руке твоей! — Все тихо.

(Встает.)

То ночь обманами тревожит чувство.

Как в кукольном театре, ночью мы

Там видим нечто, где нет ничего.

Но поздно. Мне пора за дело.

(Вынимает из камзола письмо и пробегает его глазами.)

Герцог

Письмо найдет, проснувшись, и кинжал.

Он ужаснется ли за жизнь свою?

Покается, изменится, захочет

Жить лучше? Или только посмеется,

Что пощадил я злейшего врага?

Мне все равно. Твое, отец, веленье

Я исполняю и веленье той,

Через которую тебя познал!

(Осторожно входит по лестнице.)

Но в ту минуту, когда он протягивает руку, чтобы отодвинуть занавес, выходит герцогиня, вся в белом; Гвидо отступает.

Герцогиня.

Вы, Гвидо, здесь! Зачем вы здесь так поздно?

Гвидо.

О белый, непорочный ангел! Ты

С небес сошла, конечно, — возвестить,

Что милосердие прекрасней мести!

Герцогиня.

Меж нами больше нет преграды, Гвидо.

Гвидо.

Да! больше нет.

Герцогиня.

Я это совершила.

Гвидо.

Здесь жди меня.

Герцогиня.

Как? Ты опять уходишь?

Ты вновь меня покинешь, как тогда?

Гвидо.

В одно мгновение я вернусь назад,

Но к герцогу войти я должен в спальню

И там письмо с кинжалом положить.

Когда проснется утром он...

Герцогиня.

Кто?

Гвидо.

Герцог.

Герцогиня.

Он не проснется.

Гвидо. О Боже!
Герцогиня. Говори же!
Гвидо. Я говорить не в силах.
Герцогиня. Слов не надо.
Бежим скорей. Меж нами нет преграды.
Чего ж ты медлишь? Скоро утро. Время!
(Кладет руку на плечо Гвидо.)
Гвидо *(отступая от нее)*.
Святая дьявола иль ангел ада,
Прочь! Что за демон научил тебя!
Пусть ты убила мужа — что мне в этом,
Его души давно заждался ад! —
Но ты любовь убила и ее
Кроваво-страшным заменила делом.
Его дыханье дышит черным ядом
И все мертвит во мне.
Герцогиня *(в крайнем изумлении)*.
Но это все
Лишь для тебя мной сделано. Когда бы
Не ты, об этом я не помышляла б!
Ты должен был остаться чуждым крови,
Безвинным, безответным, беспорочным.
Мы, женщины, всем жертвуем любви,
И за тебя я погубила душу
В сей жизни и в другой!
Гвидо. Не прикасайся!
Поток кровавый реет между нами!
Я чрез него не вижу. Убивая
Того, вонзила ты клинок в любовь.
Нам вместе быть нельзя.
Герцогиня *(ломая руки)*.
Лишь для тебя,
Лишь для тебя! Ужели ты не понял?
Ты мне сказал: меж нами есть преграда.
Она теперь в той комнате лежит —
Повержена, разломана, разбита,
Нас больше не разделит.
Гвидо. Ты ошиблась.
Грех был преградой, ты его свершила;
Злодейство и убийство было ею,
Ты взгромождила их своей рукой
Так высоко, что дотягнула неба,
Что Бога дотягнула.

Пока тебя не довелось мне встретить,
Я в Падуе жила несчастной, правда,
Но никогда не мысля об убийстве.
Я подчинилась грозному супругу,
Я исполняла все его веленья
И, может быть, была невинней многих
Тех девушек, которые теперь
От рук моих в испуге отшатнутся.

(Встает.)

Но ты пришел; ах, Гвидо, в первый раз
С тех пор, как с Францией рассталась я,
Я услышала ласковое слово
Из уст твоих: да, да! О, только это!
Да, ты пришел, и я в твоих глазах
Прочла обет любви; моей душе
Как музыка твои слова звучали.
Как я тебя любила! Но не смела
Я о любви тебе и намекнуть.
К моим ногам ты сам склонился, Гвидо,
Давая клятвы, — как склоняюсь я.

(Вновь становится на колени.)

Как сладостно в моих ушах те клятвы
Еще звучат — о, верила я им.
Ты клялся мне в любви, и я могла бы
(И тысячи других так поступили б!)
Сказать тебе: пойди убей его!
И если б это сделала я, нынче
Я не лежала б пред тобой во прахе,

(Встает.)

Но ты мне клялся бы в любви безмерной.
(После короткого молчания приближается к нему робко.)

Не знаю, понял ли меня ты, Гвидо:
Лишь для тебя свершила я убийство,
Что холодом мне оковало кровь.
Лишь для тебя.

(Простирая руки.)

Ты говорить не хочешь?

Люби меня хотя б немного — я
И девушкой не знала ни любви,
Ни дружбы.

Гвидо. Тяжело тебя мне видеть.
Мне предлагаешь благосклонность ты —
Отдай ее придворным дамам.

Герцогиня.

Вот как!

Так говорит мужчина! Если б ты
Принес ко мне тяжелый грех на сердце,
Убийство, совершенное за плату, —
Я села бы у ложа твоего,
И стерегла б всю ночь, и не дала бы
Раскаянью прийти и влить свой яд
В твой слух, и сон твой берегла бы зорко.
Преступник более страдает — он
И более нуждается в любви.

Гвидо.

Где преступленье, там любви не место.

Герцогиня.

Где преступленье, нет любви! О Боже!
Мы, женщины, не так любить умеем!
Как много в Падуе есть бедных женщин —
Ремесленников и рабочих жены, —
Мужья которых заработок свой
В тавернах тратят на игру и пьянство
И, приходя домой в субботу ночью,
У очага потухшего найдя
Жену с ребенком плачущим, без хлеба,
Ее жестоко бьют за то, что плачет
От голода ребенок, и за то,
Что в доме холодно. А что ж она? —
Любя его, все так же встанет утром,
С лицом, еще покрытым синяками,
Дом подметет, исполнит всю работу
И, улыбаясь, будет рада, если
Ее вторично муж не поколотит
Перед детьми!.. Вот женская любовь.

Молчание. Гвидо не говорит ничего.

Нет, Гвидо, ты меня не оттолкнешь.
Подумай: мне ведь некуда пойти.
Лишь для тебя я пролила ту кровь,
Лишь для тебя я погубила душу
И вечное спасенье.

Гвидо.

Уходи.

Стал призраком убитый, и любовь,
Как призрак тоже, здесь витает грустно,
По дому, как по склепу, бродит, плача,
Что твой кинжал вонзился в сердце ей.
Ты видишь этот призрак?

Герцогиня. Вижу я,
Что отдает своей любви мужчина
Лишь часть души, а женщина любви
Всю душу отдает. Я это вижу.

Гвидо.
Прочь! Воскреси убитого, тогда
С тобой я буду вновь.

Герцогиня. Ах, если б было
Убитого возможно воскресить,
Вернуть его глазам потухшим зренье,
Его язык умолкший оживить
И сердце мертвое заставить биться!
Но этого нельзя; что было — было;
Кто умер, будет мертв; уже огонь
Не даст ему тепла, и зимний холод
Его не потревожит. Он — не здесь.
Пусть позовут его, он не ответит;
Пусть позабавят, он не засмеется;
Пусть снова ранят, кровь не заструится.
Ах, если б воскресить его могла я!
О Боже, поверни немного солнце,
Из книги жизни вырви эту ночь,
Да будет так, чтоб не было ее!
Дай быть мне той же, что и час назад!
Нет, время на мгновенье не замедлит,
Не повернется солнце, хоть бы голос
Раскаянья охрип. Но ты, мой милый,
Ужель ни слова жалости не можешь
Сказать мне? Гвидо, Гвидо, неужели
Поцеловать меня не можешь ты?
Не брось меня в отчаянье, в безумье.
Ведь женщина теряет разум, если
Так смотрят на нее. Ужель меня
Не поцелуешь?

Гвидо (*держа кинжал*).

Не могу тебя
Я целовать, когда твой нож в крови.
(*Яростно.*)

Вернись к тому, кто был тобой убит!

Герцогиня (*всходя на первые ступени лестницы*).
Вернусь к нему. Да будет милосердней
К тебе судьба, чем ты ко мне сегодня.

Гвидо.

Да будет милосердной, если нынче
И я убийство совершу.

Герцогиня (*спускаясь на несколько ступеней*).
Убийство?

Убийство — жадно, малым недовольно,
И ненасытна смерть, его сестра;
Она по дому бродит, не уйдет,
Пока не обретет себе подруги!
Смерть, погоди, я дам тебе слугу.
Бродить с тобою! Перестань, убийство,
Кричать: ты скоро голод свой насытишь.
На этот дом до утра грянет буря,
Такая страшная, что месяц в небе
От ужаса замрет и побледнеет.
Со стоном ветер воеет вокруг, и звезды
В безумном беге чертят небосвод,
Как если б ночь огнистыми слезами
О том рыдала, что увидит утро!
Плачь, горестное небо! Выплачь горе!
Хотя б ты хлынуло потопом в поле
И превратило землю в море слез,
Все было б мало!

Удар грома.

Слышишь? Это небо
Дает нам знак. Проснулась месть, спустила
Своих собак на мир. Обоим нам
Она грозит. И тот, на чью главу
Небесный гром падет, пусть бережется
Погибели в огне разящих молний!

Блеск молнии, сопровождаемый ударом грома.

Гвидо.

Прочь! Прочь!

Герцогиня уходит; когда она поднимает алый занавес перед дверью, она, обернувшись, одно мгновение смотрит на Гвидо, но тот не делает ни одного движения; раскат грома.

У ног вся жизнь, как груда пепла;
Любовь сама себя убила; в жизнь
Кровавою пятой вошло убийство.
Она свершила это; но меня

Она любила; любит и теперь:
Лишь для меня решилась это сделать.
О, как я был жесток с ней. Беатриче,
Послушай, Беатриче, возвратись!

*(Подымается по лестнице, когда слышится шум
идущих солдат.)*

Что это? факелы? сюда идут?
Спаси ее, о Боже!

Шум усиливается.

Беатриче!
Еще бежать есть время! Возвратись!
Скорей!

Слышен голос герцогини за сценой.

Герцогиня.

Туда бежал убийца мужа.

Вниз по лестнице стремительно сбегает отряд солдат; они сначала не замечают Гвидо, пока герцогиня, окруженная слугами с факелами, не появляется на верху лестницы и не указывает на него; Гвидо тотчас схватывают, и один из солдат, вырвав у него из рук кинжал, показывает его перед всеми начальнику отряда. Картина.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Зал суда; стены обиты серым тисненым бархатом; выше этой обивки стены красные; золоченые символические фигуры поддерживают потолок из красных балок с серым карнизом и фризом; балдахин из белого атласа, вышитый золотыми цветами, поставлен для герцогини; ниже — длинная скамья, покрытая красным сукном, для судей; еще ниже — стол для судебных писцов. Два солдата стоят по сторонам балдахина; два других — на страже у двери; часть горожан уже пришла на суд; другие приходят, приветствуя друг друга; два стража, в лиловом одеянии, с длинными белыми жезлами, поддерживают порядок.

Первый горожанин. Доброе утро, сосед Антонио.

Второй горожанин. Доброе утро, сосед Доменико.

Первый горожанин. Страшный день для Падуи, не правда ли? — герцог умер.

Второй горожанин. Могу сказать, сосед Доменико, что такого дня не бывало с того времени, как умер последний герцог.

Первый горожанин. Сперва будут судить его, а потом произнесут решение, ведь так, сосед?

Второй горожанин. Нет, так он, пожалуй, увернется от наказания; они его сначала осудят, чтобы он получил свое, а судить будут потом, чтобы несправедливости не было.

Первый горожанин. Верно, верно, с ним поступят круто, нечего сомневаться.

Второй горожанин. И впрямь это страшное дело — пролить кровь герцога.

Первый горожанин. Говорят, у герцогов кровь голубая.

Второй горожанин. Я так думаю, что у нашего герцога кровь была черная, как его душа.

Первый горожанин. Берегись, сосед, на тебя посматривает страж.

Второй горожанин. Чего мне бояться, если он на меня смотрит; он ведь не может поколотить меня глазами.

Третий горожанин. А что вы думаете о молодчике, всадившем нож в герцога?

Второй горожанин. Человек очень милый, очень добрый, очень славный, и все же виноват в том, что убил герцога.

Третий горожанин. Это он в первый раз; может быть, суд его и помилует, так как раньше он ничего подобного не делал.

Второй горожанин. Верно.

Страж. Молчи, негодяй!

Второй горожанин. Разве я ваше зеркало, господин страж, что вы меня называете негодяем?

Первый горожанин. Вот идет одна из служанок. Ну, синьора Лючия, вы состоите при дворе, как поживает бедная герцогиня, что ее милое личико?

Лючия. Ну, денек! Что за ужасный день! Что за день! Что за ужас! Ровно девятнадцать лет назад, в июне, в день святого Микеля, я вышла замуж, а вот теперь август, и герцога зарезали. Посмотрите, какое совпадение.

Второй горожанин. Уж если это совпадение, то молодчика, пожалуй, не казнят: закон против совпадения не пойдет.

Первый горожанин. Но как поживает герцогиня?

Лючия. Да, я ведь знала, что над этим домом стряется несчастье: шесть недель назад пироги пригорели с одного бока, а в день святого Мартина, под вечер, налетел на огонь громадный мотылек с крыльями, — я совсем перепугалась.

Первый горожанин. Эх, кумушка, перейди к герцогине: что она?

Лючия. Верно, самое время спрашивать об ней: бедняжка чуть не помешалась. Всю ночь не спала, все ходила по комнате. Уж я ее просила выпить вина покрепче или настойки да лечь в постель и поспать не-

много, чтобы силы подкрепить, но она ответила, что боится увидеть сон. Странный ответ, не правда ли?

Второй горожанин. Знатные люди всегда с придурью, это Бог устроил за то, что у них шелки да бархаты.

Л ю ч и я. Да, уж упаси нас Боже от убийства, пока мы живы.

Входит быстро Моранцоне.

Моранцоне. Герцог умер?

Второй горожанин. Ему нож воткнули в сердце, а это никому не на пользу.

Моранцоне. Кого обвиняют в убийстве?

Второй горожанин. Да обвиняемого, синьор.

Моранцоне. А кто обвиняемый?

Второй горожанин. Да тот, кого обвиняют в убийстве герцога.

Моранцоне. Я спрашиваю, как его зовут?

Второй горожанин. Помилуй Бог, зовут как окрестили, как же иначе?

Страж. Его зовут Гвидо Ферранти, синьор.

Моранцоне.

Я был почти уверен в этом раньше.

(В сторону.)

Что герцога убил он, это странно,

Иное он задумывал. Но, верно,

Когда он герцога увидел ночью —

Его отца продавшего злодея, —

В порыве страсти он забыл свои

Безумные мечтанья о любви

И пожелал отмстить; но странно только,

Что он не спасся.

(Поворачиваясь к другим.)

Как его схватили?

Третий горожанин. За волосы, должно быть, синьор.

Моранцоне. Нет, кто его схватил?

Третий горожанин. Да тот, кто наложил на него руку.

Моранцоне. Кто поднял тревогу?

Третий горожанин. Этого не могу сказать вам, синьор.

Л ю ч и я. Сама герцогиня указала убийцу.

Моранцоне (*в сторону*). Герцогиня? Это очень странно.

Лючия. Да, и в руке у него был кинжал — собственный кинжал герцогини.

Моранцоне. Что вы сказали?

Лючия. Клянусь честью, герцог был убит кинжалом герцогини.

Моранцоне (*в сторону*). Здесь есть какая-то тайна: я этого не понимаю.

Второй горожанин. Долго они что-то не идут.

Первый горожанин. По-моему, для преступника они придут слишком вовремя.

Страж. Молчание в суде!

Первый горожанин. Вы, господин страж, сами больше всех шумите своим криком.

Входят верховный судья и другие судьи.

Второй горожанин. Кто это в красном? Палач?

Третий горожанин. Нет, это верховный судья.

Входит Гвидо под стражей.

Второй горожанин. Это, наверно, преступник.

Третий горожанин. У него вид честный.

Первый горожанин. Этим-то он и плох: негодяи в наши дни так похожи на честных людей, что честному человеку, для отличия, надо быть похожим на негодяя.

Входит палач, который занимает место позади Гвидо.

Второй горожанин. Вот там, должно быть, палач. Господи! Как ты думаешь, топор отточен?

Первый горожанин. Поострее твоих острот; но лезвие направлено не на него, заметь.

Второй горожанин (*почесывая шею*). По правде сказать, неприятно быть поблизости от него.

Первый горожанин. Э, тебе-то его нечего бояться; простым людям голов не рубят; их просто вешают.

Трубы за сценой.

Третий горожанин. Почему трубят? Разве суд кончился?

Первый горожанин. Нет, это для герцогини.

Входит герцогиня в черном бархатном платье; его шлейф из черного бархата, вышитого цветами, несут два паж, одетые в лиловое; с ней кардинал в алой сутане и придворные, все в черном; герцогиня садится на свой трон выше судей, которые встают и снимают шляпы при ее появлении; кардинал садится рядом с герцогиней, несколько ниже ее; придворные располагаются вокруг трона.

Второй горожанин. Бедняжка, как она бледна! Она сядет на трон?

Первый горожанин. Да, ведь она теперь у нас вместо герцога.

Второй горожанин. Это для Падуи хорошо; герцогиня очень добрая и сострадательная герцогиня; она лечила у меня ребенка от лихорадки.

Третий горожанин. Да, и еще дала нам хлеба: не надо забывать про хлеб.

Солдат. Добрые люди, отступите.

Второй горожанин. Если мы добрые, зачем нам отступать?

Страж. Молчание в суде!

Верховный судья.

По вашему желанью, ваша светлость,
Мы приступаем, если вам угодно,
К разбору дела, как убит был герцог.

Герцогиня наклоняет голову в знак согласия.

Пусть подойдет преступник.

Гвидо подводят.

Как тебя

зовут?

Гвидо. Синьор, не важно это.

Верховный судья. Гвидо

Ферранти — так тебя здесь называли.

Гвидо.

Не все ль равно мне, буду я наказан
Под этим именем иль под другим?

Верховный судья.

Ты знаешь, по какому обвиненью
Тяжелому ты привлечен сюда;
А именно: что был тобой убит

Моранцоне подходит к Гвидо, стоящему справа, и берет его за руку.

Моранцоне (*вполголоса*). Гвидо!

Убила герцогиня. Я прочел
Признание в ее глазах. Ужели,
Ты думаешь, позволю я, чтоб ты
Казнен был за чужое преступление!
Отец твой герцогом был предан: ныне
Его вдова здесь предает тебя.

Гвидо.

Граф, это сделал я. Отмщен отец мой.
Чего ж вам более?

Верховный судья.

Сознался он?

Гвидо.

Я сознаю, что было свершено
Ужасное, постыдное убийство.

Первый горожанин. Ну посмотрите, какое у
него доброе сердце: он совсем не похож на убийц; они
его оправдают.

Верховный судья.

И это все?

Гвидо.

Синьор, еще скажу я,
Что смертный грех — пролить чужую кровь.

Второй горожанин. Ему бы следовало сказать
это палачу: дельное мнение.

Гвидо.

Теперь, синьор, прошу я позволения —
Здесь, пред судом, открыто объяснить,
Что скрыто тайного в убийстве этом,
И вам назвать того, кто этой ночью
Кинжалом этим герцога убил.

Верховный судья.

Ты можешь говорить.

Герцогиня (*вставая*).

Нет, он не должен:

Не очевидно разве это дело?

Не он ли схвачен ночью во дворце

В плаще, залитом кровью?

Верховный судья (*показывая ей книгу законов*).

Ваша светлость,

Прочтите, вот закон.

Герцогиня (*отталкивая книгу*).

Синьор, уместно ль,

Чтоб человек, как этот, вправе был
Здесь, пред лицом народа, надругаться
Над герцогом, моим покойным мужем,
Над честью города и надо мной,
Быть может...

Верховный судья.

Государыня, но — право?

Герцогиня.

Он говорить не должен! Пусть ему
И рот заткнут, когда взведут на плаху.

Верховный судья.

Но право?

Герцогиня.

Разве связаны мы правом?

Других мы вяжем им.

Моранцоне.

Синьор, ужели

Допустите вы это беззаконье?

Верховный судья.

Таких советов, граф, суду не нужно. —
Пример опасный был бы, ваша светлость,
Обычный путь закона преграждать.
Бесправию мы тем дадим возможность
Коснуться наших золотых весов,
И беззаконие тогда победу справит.

Барди.

Нельзя мешать закону, ваша светлость.

Герцогиня.

Но если, благородные синьоры,
Затронуть ваши земли и богатства
И ваши беспредельные доходы
Осмелиться на грош один уменьшить, —
Не будете вы говорить о праве
С таким упорством важным, как теперь.

Барди.

На нас клевете вы, ваша светлость.

Герцогиня.

Нет, я не клевету. И кто из вас,
В своем доме застигнув ночью вора,
Несущего в мешке домашний хлам,
С ним станет говорить, а не предаст
Его тотчас же в руки сторожей,
Чтоб отвести его в тюрьму? Не так ли
Должны вы поступить, когда нашли

Убийцу в комнате дворца, с руками,
Залитыми горячей кровью мужа?
Его должны вы привести на суд
И под топор послать без промедленья.

Гвидо.

О Боже!

Герцогиня (*верховному судье*).

Отвечайте.

Верховный судья. Ваша светлость,
Есть точные законы, по которым
Простой убийца все ж имеет право
От обвиненья лично защищаться.

Герцогиня.

Синьор, пред нами не простой убийца.
Он вне закона, он изменник низкий,
На наше герцогство он поднял руку.
Кто убивает государя, с ним
И государство поражает вместе;
Жен делает вдовами, а детей
Сиротами; подобен он врагу,
Пришедшему на нас с военной силой,
Ведя с собой ряды венецианцев,
Чтоб стены Падуи низвергнуть в прах.
Нет, он для нас опаснее врага.
Врата и стены, крепости и замки,
Что созданы из дерева и камня,
Возможно воссоздать, но кто вернет
Жизнь моему убитому супругу,
Кто воскресит его?

Маффио. Клянусь я верой,

Он не получит права говорить.

Джеппо Вителлоццо.

Похоже, так, но слушайте.

Герцогиня. Пускай

Посыплет пеплом Падуя главу,
Повесит всюду черные знамена
И облечется в траур. Только прежде,
Чем мы приступим к горестным обрядам,
Подумать должно о руке преступной,
Готовившей погибель государству;
Пора убийцу бросить в тесный дом,
Где звуков нет, где малой горстью пыли
Навек замкнутся лживые уста.

Гвидо.

Пустите, стражи! Выслушай, судья!
Как не смиришь ты вольный океан,
Альпийскую грозу иль зимний ветер,
Так тщетно мне приказывать молчать!
Свои ножи в меня сейчас вонзите —
Все раны тотчас обретут язык
И будут вопиять!

Верховный судья.

Синьор, напрасен
Такой порыв. Покуда суд не даст
Тебе законно право защищаться,
Мы слов твоих не примем во вниманье.

Герцогиня смеется, а Гвидо с жестом отчаяния отступает назад.

Позвольте мне и судьям, ваша светлость,
Пройти в другую комнату и там
Все затрудненья дела разобрать
И подыскать законы и примеры.

Герцогиня.

Синьор, идите рассмотрите дело
И воспретите вольничать убийце.

Моранцоне.

Идите, судьи, и спросите совесть,
Возможно ли, не выслушав, казнить.

Верховный судья и другие судьи удаляются.

Герцогиня.

Молчи, злой дух моей несчастной жизни!
Ты встал вторично между мной и им.
Но этот раз, синьор, черед за мною.

Гвидо.

Я не умру, не высказав всего.

Герцогиня.

Умрешь и тайну унесешь с собою.

Гвидо.

Ты ль это, герцогиня Беатриче?

Герцогиня.

Я — то, чем сделал ты меня. Смотри:
Я рук твоих создание.

Маффио.

Не похожа ль
Она сейчас на белую тигрицу,
Что Индия прислала дожу в дар?

Д ж е п о.

Молчи, еще услышит.

П а л а ч.

Бедный малый,

Зачем тебе охота говорить,
Когда топор уже висит над шеей?
Словами не притупишь острия.
Но если это так тебе желанно,
То попроси себе духовника:
Простые люди все его зовут,
А он, я знаю, с доброю душою.

Г в и д о.

Хоть смерть и ремесло твое, но все же
Ты был со мной любезнее других.

П а л а ч.

Спаси вас Бог, синьор, а я готов
Вам оказать последнюю услугу.

Г в и д о (*кардиналу*).

Скажите, монсиньор, возможно ль, чтобы
Здесь, в христианском городе, где лик
Спасителя глядит на нас в суде, —
Без исповеди был казнен несчастный?
Мне запретят ли исповедать грех,
Тяжелый грех, в душе лежащий камнем?

Г е р ц о г и н я.

Напрасно было б тратить время.

К а р д и н а л.

Сын мой,

В делах суда я власти не имею.
Наш долг там начинается, где суд
Кончает дело. И тогда тебя
Раскаяться мы будем убеждать
И церкви на ухо поведать тайны
Твоей души греховной.

Г е р ц о г и н я.

Да, ты можешь

На исповеди столько говорить,
Что у тебя от слов распухнут губы,
Но здесь молчать ты должен.

Г в и д о.

Монсиньор,

Мне в этом мало утешенья.

К а р д и н а л.

Сын мой,

Власть церкви переходит за пределы
Того комка земли, на коем мы —
Лишь прах, как говорит Иероним ¹².
И если ты раскаянным умрешь,

Молитвами и мессами мы можем
Твоей душе в чистилище помочь.

Герцогиня.

И если ты в чистилище увидишь
Покойного супруга, с язвой в сердце,
Скажи ему, что послан мной.

Гвидо.

О Боже!

Моранцоне.

И эту женщину ты мог любить!

Кардинал.

Как вы к нему жестоки, ваша светлость.

Герцогиня.

Не боле, чем ко мне он был жесток.

Кардинал.

Пощада — украшенья государей.

Герцогиня.

Я не щажу и не прошу пощады.
Он сердце обратил мне в твердый камень,
Он тернии посеял в чистом поле,
Он в сердце отравил источник блага,
Он вырвал с корнем жалость из души;
Вся жизнь моя — голодная страна,
В которой все живое помертвело.
Я то, чем сделал он меня. *(Плачет.)*

Джеппо.

Как странно,

Что герцога она любила так.

Маффио.

Да, странно, если муж любим женою,
А если не любим — еще страннее.

Джеппо.

Какой философ ты, Петруччи!

Маффио.

Да,

С моею философией легко
Несчастия других переносу я.

Герцогиня.

Седые бороды довольно медлят.
Зовите их, велите им прийти,
А то боюсь, что сердце разорвется!
Не потому, чтоб мне хотелось жить;
Бог видит жизнь мою, в ней мало счастья,
Но как-то странно умереть одной
И в ад одной идти... Ах, монсиньор,

Вы видите, здесь, на моем челе,
Написано пером кровавым: Мечь!
Подайте мне воды, я смою слово.
Мне эти буквы выжгли нынче ночью,
Но днем я не могу их выносить,
Они мне жгут и сушат мозг; подайте
Мне нож, не этот, нет, другой, я срежу
Их прочь с чела!

Кардинал. Понятно, ваша светлость,
Что гневаетесь вы на руку ту,
Что герцога предательски убила.

Герцогиня.
А! Эту руку я сожгла б в огне;
Но вечный пламень пусть палит ее!

Кардинал.
Спаситель повелел — прощать врагам.

Герцогиня.
Прощать? Мне не прощали! Я не буду!
Но вот идут. Ну что ж, синьор, ну что ж?

Входят верховный судья и другие судьи.

Верховный судья.
Всемиловитейшая герцогиня!
Мы долго обсуждали ваш вопрос
И, признавая мудрость ваших слов,
Что исходили из прекрасных уст...

Герцогиня.
Любезностей не надо, дальше!

Верховный судья. Мы
Нашли, что справедливо ваша светлость
Считает гражданина, кто насильем
Злоумышляет против государя,
Стоящим *ipso facto* — вне закона.
Он сам себя лишил защиты права,
И, став изменником, врагом народа,
Он может каждым быть убит свободно,
Причем убивший не несет ответа.
И если будет он представлен в суд,
Он должен там в почтительном молчанье
Прослушать только должный приговор,
Лишившись права защищать себя.

Герцогиня.
Вас от души благодарю, синьор.

Мне ваш закон по сердцу, и прошу
Произнести скорее приговор.
Как, что-то есть еще?

Верховный судья. Да, ваша светлость.
Наш обвиняемый — не падуанец.
Не здесь родившись, с герцогом покойным
Он клятвой верности не связан; он
Ему служил, как мог служить другому.
Итак, хотя он обвинен в измене,
За что закон всегда карает смертью,
Но он по праву может защищаться
Перед лицом народа и суда.
Должны мы даже прямо настоять,
Чтоб он свою защиту произнес,
Дабы тот город, где родился он,
В неправосудии не обвинил нас
И против Падуи войны не начал.
Так милосерды в Падуе законы
По отношению к чужестранцам.

Герцогиня. Как!
Придворный мужа — чужестранец здесь?

Верховный судья.
Да, только после семилетней службы
Он может в Падуе стать гражданином.

Гвидо.
Вас от души благодарю, синьор.
Мне ваш закон по сердцу.

Второй горожанин. Мне законы
Не по душе. Не будь законов, их
Не нарушали б. Каждый был бы честен.

Первый горожанин.
Вот умные слова: ведут далеко.

Страж.
На виселицу, друг.

Герцогиня. Таков закон?
Верховный судья.
Таков закон наверно, ваша светлость.

Герцогиня.
Подайте книгу: он написан кровью
Джеппо.

Герцогиня. Смотри на герцогиню.
Герцогиня. О проклятый!
Я вырвала б тебя из нашей жизни,

Как вырываю здесь, из этой книги:

(Вырывает страницу.)

Граф Барди, подойдите; честны вы?
Доставьте быстро ко дворцу коня,
В Венецию мне надо ехать тотчас.

Барди.

В Венецию?

Герцогиня. Ни слова никому,
Исполните.

Граф Барди уходит.

Синьор, одну минуту.

Вы мне сказали, что таков закон, —
Нет, нет, не сомневаюсь, что вы правы,
Хоть в деле этом и неправ закон, —
Но объясните мне, в моей ли власти
Наш суд отсрочить до другого дня?

Верховный судья.

Нельзя отсрочить дело об убийстве.

Герцогиня.

Я слушать не хочу, как этот дерзкий
Бесстыдным языком порочить будет
В суде священную особу нашу.
Синьоры, мы уходим.

Верховный судья.

Ваша светлость,

Нельзя нам удалиться из суда,
Пока мы приговора не объявим.

Герцогиня.

Нельзя, синьор? Но кто дает вам право
Мне воспрещать, когда хочу уйти?
Как, разве я не герцогиня ваша?
Кто ж правит городом?

Верховный судья.

Да, ваша светлость,

Вы в этом городе — источник права,
Оно из вашей воли истекает;
Едва вы удалитесь, как река,
Оно иссохнет. Вам уйти нельзя.

Герцогиня.

Что ж, ты меня удержишь против воли?

Верховный судья.

Не должно вашей воле спорить с правом.

Герцогиня.

А если силой я найду дорогу?

Верховный судья.

В суде дорогу силой не находят.

Герцогиня.

Я ухожу отсюда.

(Встает с трона.)

Верховный судья.

Где привратник?

Привратник выступает вперед.

Ты знаешь долг свой.

Привратник закрывает двери суда на левой стороне сцены, и, когда герцогиня со свитой приближается к ним, становится на колени.

Привратник.

Ваша светлость, я

Смиренно вас прошу не обращать

Моих обязанностей в непочтенье,

Служенья моего — в непослушанье.

Герцогиня.

Ужель из вас, синьоры, ни единый

Не уберет с дороги болтуна?

Маффио *(обнажая шпагу)*.

Я это сделаю!

Верховный судья.

Граф Маффио,

Не смейте.

(К Джетто.)

Также вы, синьор. Кто первый

Поднимет меч на служащих суда —

Умрет еще до сумерек.

Герцогиня.

Синьоры,

Вложите в ножны ваши шпаги. Я

Хочу признания убийцы слушать.

(Возвращается на свой трон.)

Моранцоне.

Теперь врага в руках ты держишь.

Верховный судья *(держит песочные часы)*.

Гвидо

Ферранти, ты, пока песок в часах

Течет, имеешь право говорить —

Не дольше.

Гвидо.

Этого с меня довольно.

Верховный судья.

Уже стоишь ты на пороге смерти,
И говорить ты должен только правду,
Иное не поможет.

Гвидо. Если я

Скажу иное — пусть меня казнят.

Верховный судья (*перевертывает песочные часы*).

Молчание — пока он говорит.

Страж.

Молчание в суде!

Гвидо. Синьоры, я

Откуда речь свою начать не знаю:

Так это дело странно и ужасно.

Позвольте объяснить мне, кто я родом.

Я сын законный герцога Лоренцо,

Который был изменнически предан

Тем гнусным негодяем, кто так долго

В прекрасной Падуе как герцог правил.

Верховный судья.

Остерегись, напрасно ты глумишься

Над герцогом, в гробу лежащем ныне.

Маффио.

Помилуй Бог! Так, значит, он — законный

Властитель Пармы.

Джеппо.

Виден в нем был рыцарь.

Гвидо.

Я сознаюсь, что с целью правой мести,

Да, с правой целью отомстить убийце,

Я к герцогу на службу поступил,

Ел хлеб его, с ним пил вино и был

Его товарищем. Я сознаюсь,

Что добивался дружбы я его,

Чтоб мне свои все тайны он открыл,

Чтоб мне стал доверять он, как когда-то

Ему отец покойный доверял.

Для этого я у него служил.

(*К палачу.*)

Топор помедли на меня клонить:

Кто знает, мне ли время умереть,

Иль голову другую плаха ждет.

Верховный судья.

Песок в часах не медлит ¹³. Приступай

Скорей к рассказу, как убит был герцог.

Гвидо.

Я буду краток. Прошлой ночью, в полночь,
Я во дворец взобрался по веревке
С намереньем отомстить за смерть отца.
Да, с этой целью, сознаюсь, синьоры.
Все это я признал, и вот еще что:
Я подошел по лестнице до двери,
Ведущей в спальню герцога, и руку
Я протянул к пурпурной занавеске,
Дрожавшей и качавшейся под ветром;
Вдруг белый месяц в небе засиял,
Залив покой своим серебристым светом,
Ночь для меня зажгла свои светила,
И я увидел герцога в постели.
И с мыслью о возлюбленном отце,
Которого на эшафот послал он,
Схватил кинжал я, найденный случайно,
Там, в этой комнате, и прямо в сердце
Его вонзил презренному убийце!

Герцогиня (*вставая с трона*).

О!

Гвидо (*неудержимо*).

Герцога убил я. Нет, синьоры,
Я милости не попрошу у вас.
Пусть только не увижу я рассвета,
Встающего над этим жалким миром.

Верховный судья.

Исполним эту просьбу. Нынче ночью
Ты жизнь покончишь. Пусть его возьмут.
Пойдемте, ваша светлость.

Гвидо уводит; когда он проходит мимо герцогини, она простирает к нему руки и стремительно встает со своего трона.

Герцогиня.

Гвидо! Гвидо!

(*Падает без чувств.*)

Картина.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Темница в падуанской тюрьме; Гвидо спит на скамье (слева); стол, на котором стоит чаша (слева); пять солдат пьют и играют в кости на углу каменного стола; у одного из них фонарь, висящий на алебарде; факел вставлен в стену над головой Гвидо; в глубине два окна с решетками, между которыми дверь (посередине), ведущая в проход; на сцене полутьма.

Первый солдат (*бросает кости*). Опять шестерки, милый Пьетро!

Второй солдат. Черт возьми, товарищ, я больше с тобой не играю. А то проиграю всё.

Третий солдат. Всё, кроме ума; ты этим крепко.

Второй солдат. Да, этого он с меня не возьмет.

Солдаты (*громко смеются*). Ха-ха-ха!

Первый солдат. Тише! Вы заключенного разбудите; он спит.

Второй солдат. Что за беда! Он довольно выспится, когда его похоронят. Вот если бы мы его разбудили в могиле, я думаю, он был бы рад.

Третий солдат. Нет! Ведь когда он там проснется, будет день Страшного суда.

Второй солдат. Зато и сделал он страшное дело; ты подумай: убить одного из нас, состоящих из плоти и крови, это грех, а убить герцога — это уже преступление.

Первый солдат. Ну, это был дурной герцог.

Второй солдат. Поэтому он и не должен был его трогать; кто связывается с дурными людьми, сам от них заражается.

Третий солдат. Что верно, то верно. А сколько ему лет?

Второй солдат. Довольно, чтобы поступить по-глупому, но мало, чтобы поступить по-умному.

Первый солдат. Этак может ему быть лет сколько угодно.

Второй солдат. Говорят, герцогиня хотела его помиловать.

Первый солдат. Да что ты?

Второй солдат. Да, и очень она просила верховного судью, только тот не согласился.

Первый солдат. А я думал, Пьетро, что герцогиня все может.

Второй солдат. Верно, судя по ее сложению; никого я не видывал красивее.

Солдаты (*смеются*). Ха-ха-ха!

Первый солдат. Я хотел сказать, что герцогиня все может сделать.

Второй солдат. Нет, потому что он предан судьям, а те уже позаботятся, чтобы совершилось правосудие, — те, вместе с силачом Уго, палачом; а когда ему голову отрубят, вот тогда герцогиня может его помиловать, если ей угодно; против этого нет законов.

Первый солдат. А мне не думается, чтобы Уго-силачу, как ты его называешь, пришлось-таки в конце концов делать свое дело. Ведь этот Гвидо из знатных и, значит, по закону имеет право раньше выпить яд, если это ему угодно.

Третий солдат. А если он не выпьет?

Первый солдат. Ну, тогда ему отрубят голову.

Стук в дверь.

Посмотри, кто там?

Третий солдат идет к двери и смотрит в окошечко, проделанное в ней.

Третий солдат. Это, синьор, женщина.

Первый солдат. Красива?

Третий солдат. Не сумею сказать, она в маске.

Первый солдат. Только очень безобразные или очень красивые женщины всегда прячут свое лицо. Впусти ее.

Солдат отпирает дверь, входит герцогиня в маске и в плаще.

Герцогиня (*к третьему солдату*). Кто здесь начальник?

Первый солдат (*выходя вперед*). Я, синьора.

Герцогиня. Я должна остаться с узником наедине.

Первый солдат. Очень жаль, синьора, но это невозможно.

Герцогиня подает ему перстень, тот, взглянув на него, возвращает его с поклоном и делает знак солдатам.

Ступайте отсюда!

Солдаты уходят.

Герцогиня. Ваши солдаты немного грубы.

Первый солдат. Они добрые ребята.

Герцогиня. Я выйду отсюда через несколько минут. Прикажите им, когда я буду проходить мимо, не подымать моей маски.

Первый солдат. Не беспокойтесь, синьора.

Герцогиня. У меня есть важные причины на то, чтобы моего лица не видели.

Первый солдат. Синьора, с этим перстнем вы можете приходить и уходить сколько вам угодно: это собственный перстень герцогини.

Герцогиня. Оставьте меня.

Солдат поворачивается, чтобы идти.

Одну минуту, синьор. В каком часу назначена?..

Первый солдат. Нам приказано, синьора, вывести его в двенадцать часов; но я не думаю, чтобы он стал нас дожидаться: по всей вероятности, он выпьет этот яд; люди палачей боятся.

Герцогиня. Это — яд?

Первый солдат. Да, синьора, самый верный яд.

Герцогиня. Можете идти, синьор.

Первый солдат. Черт побери, красивая рука! Кто бы это мог быть? Должно быть, его возлюбленная. (*Уходит.*)

Герцогиня (*снимая маску*).

О, наконец-то! — Может он спастись

В плаще и маске: с ним мы сходны ростом,

Его солдаты примут за меня...

А я? Мне все равно. Лишь только б он

Меня не ненавидел. А боюсь,
Он будет ненавидеть — и по праву.
Теперь одиннадцать; придут в двенадцать.

(Подходит к столу.)

Так это яд. Не странно ль: в этой чаше
Таится ключ всей мудрости земной.

(Берет чашу.)

Он пахнет маком. Помню хорошо,
Когда жила в Сицилии я, в детстве,
Я часто красный мак рвала в полях,
Плела венки, а мой суровый дядя,
Джованни из Неаполя, смеялся.
Не знала я тогда, что может мак
Жизнь оборвать, остановить биенье
В усталом сердце, кровь оледенить
В застывших жилах, так что наше тело
Поволокут крюками и швырнут
В могилу общую. Да, наше тело...
А что душа? На небо или в ад
Она пойдет. Куда ж пойдет моя?

(Берет со стены факел и подходит к постели Гвидо.)

Как сон его спокоен! Спит, как мальчик,
Уставший от игры. О, если б я
Могла так спать. Но сны мне снятся ночью!

(Наклоняясь над ним.)

Что, если поцелую я его?
Нет, я его устами обожгу!
Ему любви довольно. Все готово.
Из Падуи он нынче в ночь уедет;
И это хорошо. Синьор судья,
Быть может, умны вы; но я умнее,
И это хорошо. — Как я любила!
Но из любви цветок кровавый вырос.

(Возвращается к столу.)

Лишь выпить этот сок — всему конец.
Чем лучше ждать, когда захочет смерть
Прийти к моей постели, с черной свитой
Болезней, старости, бед, угрызений?
Ужель еще должна страдать я много?
Я слишком молода, чтоб умирать.
Но это надо. Почему же надо?
Он убежит сегодня. Кровь его
Меня не будет мучить. Нет, так надо.

Я грех свершила, и за это — смерть.
Меня любил он, и за это — смерть.
Меня не любит он, за это — смерть.
Я б умерла счастливой, если б он
Поцеловал меня; он не захочет.
Его не знала я, и мне казалось,
Что он меня предаст суду. Как странно!
Мы, женщины, умеем разгадать
Возлюбленного, лишь расставшись с ним.

Колокол начинает звонить.

Проклятый колокол! Как жадный волк,
Ты медной глоткой вопиешь о смерти.
Добычи не получишь, замолчи!
Он шевельнулся — я должна спешить.
(*Берет в руки чашу.*)

Любовь! любовь! любовь! не знала я,
Что так тебя я буду прославлять!

(*Выпивает яд и ставит чашу на стол, позади себя.*)

Этот шум будит Гвидо, он встает, но не видит, что она сделала. Минуту длится молчание, они смотрят друг на друга.

Я не прощения пришла просить:
Я знаю, ты простить меня не можешь.
Не будем говорить об этом. Я
Во всем созналась судьям: говорили,
Что басней я тебя спасти хочу,
Что ты — сообщник мой, что милосердьем
Играют женщины, как и любовью,
Что я от горя разум потеряла;
Когда ж крестом я поклялась, они
Послали за врачом — лечить меня.
Их было десять, Гвидо, десять против
Одной меня, и ты вполне в их власти.
Я в Падуе считаюсь герцогиней;
Не знаю, так ли это; я просила
Тебя помиловать, мне отказали.
Твердят, что ты изменник, что сама
Я это указала. Может быть
И через час они придут сюда,
Тебя возьмут и уведут отсюда,
Связавши руки за спиной, заставят
На плахе на колени стать. Но я

Успела их опередить. Возьми —
Вот перстень с государственной печатью;
Ты с ним пройдешь свободно мимо стражи;
Вот плащ и маска; дан приказ солдатам
Не трогать маски; миновав ворота,
Иди налево; пред вторым мостом
Ждет конь тебя; ты будешь завтра утром
В Венеции.

Молчание.

Что ж ты не отвечаешь?
Меня проклясть не хочешь, уходя?
Ты — прав.

Молчание.

Ты, кажется, меня не понял.
Между ударом палача и нами
Осталось столько времени, в какое
В часах протечь успеет горсть песку
Из рук ребенка. Перстень — здесь. Возьми.
Нет больше крови на руке моей.
Не отвергай ее. Ты взять не хочешь?
Гвидо (*берет перстень и целует его*).
Возьму охотно.

Герцогиня. И беги сейчас.

Гвидо.

Бежать?

Герцогиня.

Бежать скорее, нынче ночью.

Гвидо.

Да, этой ночью я спасусь.

Герцогиня.

Да будет!

Гвидо.

Я буду жить? Милей еще ни разу

Мне не казалась жизнь.

Герцогиня.

Не медли, Гвидо.

Вот плащ и маска. Конь — ждет у моста.

Налево, мост второй, у перевоза.

Не медли, Гвидо. Разве ты не слышишь

Ужасный колокол? Ударом каждым

Он отрывает у тебя минуты.

Спешу.

Гвидо.

Все ж он прийти успеет.

Герцогиня. Кто?
Гвидо (*спокойно*). Палач.
Герцогиня.
Нет, нет!
Гвидо. Лишь он один мне может
Из Падуи дорогу указать.
Герцогиня.
Не смеешь ты, нет, ты не смеешь, Гвидо,
Вторым убийством отягчить мне душу.
Довольно одного! Когда предстану
На Божий суд, я не хочу, чтоб ты
Явился вслед, с рубцом на белой шее,
И говорил, что я тебя убила.
Гвидо.
Я остаюсь, синьора.
Герцогиня. Ты не смеешь.
Не понял разве ты, что нынче ночью
Я в Падуе бессильна точно так же,
Как женщина любая: ты умрешь.
Я видела на площади помост,
Вокруг него толпилась злая чернь
С ужасными насмешками, со смехом,
Как будто перед кукольным театром,
А не пред троном смерти. Гвидо, Гвидо,
Ты должен убежать.
Гвидо. Я остаюсь.
Герцогиня (*ломаю руку*).
Ужели мало одного греха?
Ужель он должен возрастить второй,
Ужасней первого, чтоб тот стал явным?
Замкни грехов утробу, загради.
Я не хочу, чтоб снова запятнала
Мне руки кровь.
Гвидо (*хватая ее за руку*).
Ужель так низко пал я,
Что за тебя не смею умереть?
Герцогиня (*вырывая руку*).
Как, за меня? — но жизнь моя позорна
И брошена в пыли земных путей;
Ты за меня не должен умирать:
Я — грешница.
Гвидо. Пусть это скажет тот,
Кто не познал, что значит искушение,

Кто не бродил, как мы с тобой бродили,
В огне страстей, чья жизнь бледна и скучна.
Да, если есть на свете человек,
Кто не любил ни разу, пусть в тебя
Он бросит камнем. Но не я.

Герцогиня. Увы!

Гвидо (*падая к ее ногам*).

Ты — вся моя любовь и весь мой мир!
О золото волос! о пурпур губ!
Все это создано — лишь для любви!
Очарованья воплощенный образ!
Тобой любуясь, забываю все,
Тобой любуясь, я с тобой сливаюсь,
Тобой любуясь, счастлив я, как Бог.
Пусть будет тело брошено на плаху,
Моя любовь бессмертна!

Герцогиня закрывает лицо руками; Гвидо отводит их.

О, открой

Дрожащий завес этих милых глаз,
Чтоб я сказал, глядя на эти очи,
Что никогда так не любил тебя,
Как ныне, в час, когда нас разделяют
Уста холодной смерти. Беатриче,
Я говорю тебе: люблю! Ответь же!
Да, я могу перенести топор,
Но не твое молчанье! Повтори же
Мое «люблю»! Скажи одно мне слово,
И смерти притупится лезвие!
Но ты молчишь, и тысяча смертей
В сравненье с этим легче: Ты меня
Не любишь, ты жестока.

Герцогиня. Я не смею.

Я залила любви невинной руки
Багряной кровью. Здесь повсюду кровь.
Она вокруг меня.

Гвидо. О нет, не ты!

Какой-то дьявол искусил тебя.

Герцогиня (*внезапно вставая*).

Мы сами — дьявол свой, и целый мир
Мы превращаем в ад.

Гвидо. Так пусть мой рай
Низвергнут будет в Тартар. Этот мир

Я в небо превращу на эти миги!
О, если был здесь грех, то был он — мой.
Кто, как не я, вскормил убийство в сердце,
Им подслащая явства и вино,
Я герцога сто раз на дню кинжалом
Пронзал в моих мечтах. И если б мог он
Хоть вполовину умирать так часто,
Как я того желал, — всегда стояла б
Смерть во дворце и рыскало убийство.
Но ты, о дорогая, ты жалела
Побитую собаку, на тебя
С восторгом улыбались дети, ты
С собой вносила всюду ясность солнца,
Ты, белый ангел чистоты небесной,
Не можешь быть виновна во грехе!
Что ж это было?

Герцогиня. Было что? Порою
Все, что свершилось, кажется мне сном,
Что мне послал какой-то демон злой,
Но тотчас вижу бледный лик во гробе
И сознаю, что то не сон, что руки
Мои в крови и что душа моя,
В своей любви искавшая приюта
Под грозной бурей мира, — челн свой утлый
Разбила об утес греха. Спросил ты,
Что это было? Ах, одно убийство.
Ужасное убийство. Только это.

Гвидо.
Нет, нет и нет! То был цветок страдальный
Твоей любви; в единый миг он прожил
Жизнь скорби, и в единый миг он дал
Кровавый плод, который я в мечтах
Срывал так много раз. Моя душа
Была убийцей, руки были слабы;
Твоя душа — чиста, хотя руками
Свершила ты убийство. Беатриче,
За это я люблю тебя, и тот,
Кто в милосердии тебе откажет,
Да будет проклят. Поцелуй меня.
(*Пытается поцеловать ее.*)

Герцогиня (*уклоняясь*).
Твои уста чисты, мои преступны.
Любовником мне было преступленье.

И грех со мной лежал на ложе. Нет!
Но если любишь ты меня — беги.
Ведь каждый миг подтачивает жизнь
Твою, как червь. Беги, мой милый. Если
Ты вспомнишь обо мне когда-нибудь,
То знай, что я тебя любила больше,
Чем могут полюбить другие! Помни,
Что я любви пожертвовала жизнью,
Но тем любовь убила... Что такое?
Звук колокола смолк. Я слышу ясно
По лестнице шаги солдат.

Гвидо (*в сторону*). Идут
Уже за мной.

Герцогиня. Что ж колокол замолк?

Гвидо.

Он подал знак, что близится конец
Моей несчастной жизни в этом мире.
Но в мире лучшем будем мы с тобой!

Герцогиня.

Нет, нет, еще не поздно, поспеши.
Конь у моста, беги не медля, Гвидо.

Шум солдат в проходе.

Голос за дверью.

Верховному судье дорогу!

Сквозь решетчатое окно видно, как проходит верховный
судья, предшествуемый людьми с факелами.

Герцогиня.

Поздно!

Голос за дверью.

Дорогу палачу!

Герцогиня (*падая*).

О! О!

Видно, как проходит палач, с топором на плечах, сопровождае-
мый монахами с горящими свечами.

Гвидо.

Прощай,

Моя любовь! Мне должно выпить яд.

Я смерти не боюсь, но не хочу

Я умирать на площади, один.

Здесь, здесь, в твоих руках, тебя целуя,

Умру счастливым...

(*Идет к столу и берет чашу.*)

Как, она пуста?
 Скупой тюремщик, пожалел ты яду!
 Герцогиня (*слабо*).
 Его не обвиняй.
 Гвидо. Как, это — ты?
 Ты вышила? Скажи мне, Беатриче,
 Что нет.
 Герцогиня.
 Когда б я стала отрицать,
 Огонь, сжигающий мне сердце, скоро
 Тебе все объяснил бы.
 Гвидо. Ты жестока,
 Зачем мне не оставила ни капли!
 Герцогиня.
 Для одного лишь было здесь довольно.
 Гвидо.
 О, нет ли яду на губах твоих? —
 Его я поцелуем выпью!
 Герцогиня. Нет!
 Ты не убил и умереть не должен.
 Убила я и умереть должна.
 Ты помнишь: кровь за кровь. Кто так сказал?
 Я позабыла.
 Гвидо. Подожди. Умрем
 С тобой мы вместе!
 Герцогиня. Нет, ты должен жить.
 Есть в мире много женщин, и они
 Тебя полюбят, не свершив убийства.
 Гвидо.
 Люблю одну тебя.
 Герцогиня. Но умереть
 Не должен ты!
 Гвидо. Возлюбленная! Если
 Умрем мы вместе, можно будет лечь
 И вместе нам в могилу.
 Герцогиня. Будет
 Для ложа брачного тесна могила.
 Гвидо.
 Достаточно для нас!
 Герцогиня. Ее закроют
 Суровым саваном, полынью горькой;
 Нет больше на могилах алых роз,
 А если были, все они увяли
 С тех пор, как муж убит мой.

Гвидо. Беатриче,
Есть розы уст твоих — те не увянут!

Герцогиня.
О нет, в могиле станут серым прахом
Мои уста, как и твои глаза
Влюбленные в глазницах помертвеют,
И черви стаяй нам изгложут сердце.

Гвидо.
Я не боюсь. Любовь сильнее смерти.
Во имя торжествующей любви
Умру с тобою!

Герцогиня. Но в могиле мрачно,
В гробу темно. Так, я иду вперед,
Чтоб светочи зажечь перед тобою.
Нет, не хочу я смерти! не хочу!
О милый мой, ты силен, молод, храбр;
Стань между мной и ангелами смерти,
Сражайся с ними за меня.

(Ставит Гвидо перед собой.)

Тебя

Я поцелую, если победишь.
Ужель нет средств спасти меня от яда?
Ужель в Италии нет больше рек,
Что ты не хочешь дать мне горсть воды,
Чтоб загасить огонь!

Гвидо. О Боже!

Герцогиня. Гвидо!
Что ж ты скрывал, что засуха в стране,
Что нет воды и что везде — огонь!

Гвидо.
О Беатриче!

Герцогиня. Позови врача,
Но не того, кто состоял при муже,
Другого! Позови врача. Скорее.
Я знаю, есть лекарства против яда, —
Нам продадут их, если мы заплатим.
Скажи ему: я Падаю отдам
За час единый жизни! Умирать
Я не хочу. Мне больно. Умираю,
Не прикасайся. Яд мне сердце жжет.
Не знала я, как страшно умирать.
Я думала, что жизнь взяла себе
Все муки. Нет, не так.

Гвидо. Гасите, звезды
Проклятые, в слезах свое сиянье!
Пусть месяц не выходит нынче ночью!

Герцогиня.
Зачем мы здесь? Мне кажется, мой Гвидо,
Для брачной комнаты здесь слишком бедно.
Уйдем скорей отсюда. Где же кони?
Давно пора в Венецию нам ехать.
Как холодно. Поскачем поскорей.

Монахи начинают петь за сценой.

Поют? Напев печален. Но теперь
Везде печаль — не знаю почему.
Не надо плакать: мы друг друга любим;
Довольно этого. Зачем здесь смерть?
Кто вас позвал за этот стол, синьора?
Прочь! Ты нам не нужна! Послушай, я
Пила не яд, а в честь твою вино.
Ложь, будто бы мной выпит яд; он пролит
На землю, как та кровь. Ты опоздала.

Гвидо.
Здесь никого нет с нами, дорогая!
Все это только призраки твои.

Герцогиня.
Зачем ты медлишь, смерть! Ступай наверх;
Там есть остатки после похорон,
Возьми себе; мы здесь справляем свадьбу.
Тебе не место здесь. К тому же — лето.
Нам пламени подобного не надо,
Ты нас сожжешь. О Гвидо, я горю!
О, помоги мне! дай воды! воды!
Иль больше яду! Нет, вся боль прошла —
Как странно: боли в теле не осталось —
И смерть ушла, — как этому я рада.
Она — нас разлучить хотела. Гвидо,
Жалеешь ты, что встретился со мной?

Гвидо.
Без этого не стоило и жить,
Клянусь тебе! И многие на свете
Умрут охотно за подобный миг,
Но не найдут его!

Герцогиня. Ты не жалеешь?
Как это странно!

A decorative flourish consisting of two large, symmetrical, swirling lines that frame the text.

Веер
леди Уиндермир

Драма
в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лорд Уиндермир.
Лорд Дарлингтон.
Лорд Огастус Лортон.
Мистер Дамби.
Мистер Сесил Грэхем.
Мистер Хоппёр.
Паркер, дворецкий.
Леди Уиндермир.
Герцогиня Бервик.
Леди Агата Карлайл.
Леди Плимдэйл.
Леди Статфилд.
Леди Джедбер.
Миссис Каупер-Каупер.
Миссис Эрлин.
Розали, горничная.

Место действия:

Действие первое — малая гостиная в доме лорда Уиндермира.

Действие второе — парадная гостиная в доме лорда Уиндермира.

Действие третье — холостая квартира лорда Дарлингтона.

Действие четвертое — там же, где первое.

Действие происходит в Лондоне, в наши дни.

Действие пьесы занимает меньше суток — от пяти часов дня во вторник до половины второго на следующий день.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Малая гостиная в доме лорда Уиндермира на Карлтон-Хаус-Террас. В центре и справа двери. Справа бюро, на нем бумаги и книги. Слева диван, перед ним чайный столик. В глубине слева стеклянная дверь на террасу. Справа стол.

Леди Уиндермир у стола справа ставит букет роз в синюю вазу. Входит Паркер.

Паркер. Ваша милость принимает?

Леди Уиндермир. Да. Кто приехал?

Паркер. Лорд Дарлингтон, миледи.

Леди Уиндермир (*чуть заколебавшись*). Просите... и если еще кто-нибудь приедет — я принимаю.

Паркер. Слушаю, миледи. (*Уходит в среднюю дверь.*)

Леди Уиндермир. Я рада, что он приехал. Мне лучше повидаться с ним еще до вечера.

Входит Паркер.

Паркер. Лорд Дарлингтон!

Входит лорд Дарлингтон. Паркер уходит.

Лорд Дарлингтон. Здравствуйте, леди Уиндермир.

Леди Уиндермир. Здравствуйте, лорд Дарлингтон. Нет, руку подать не могу. У меня все руки мокрые от этих роз. А правда, хороши? Их только сегодня утром прислали из Селби.

Лорд Дарлингтон. Розы великолепные. (*Замечает на столе веер.*) А какой чудесный веер! Можно взглянуть поближе?

Леди Уиндермир. Конечно. Не правда ли, прелесть? На нем мое имя и дата. Я сама его только что

увидела. Это подарок ко дню рождения от моего мужа. Вы ведь знаете, что сегодня мой день рождения?

Лорд Дарлингтон. Что вы говорите? Я не знал.

Леди Уиндермир. Да, мне сегодня исполнился двадцать один год. Как-никак, совершеннолетие, важный день в моей жизни, правда? Поэтому у меня сегодня и будут гости. Да садитесь же! *(Продолжает возиться с цветами.)*

Лорд Дарлингтон *(сидясь)*. Знай я, что сегодня ваш день рождения, леди Уиндермир, я бы всю улицу перед вашим домом усыпал цветами. Они созданы для вас.

Короткая пауза.

Леди Уиндермир. Лорд Дарлингтон, вы вчера плохо вели себя на приеме в министерстве иностранных дел. Боюсь, что вы намерены продолжать в том же духе.

Лорд Дарлингтон. Я, леди Уиндермир?

Входят Паркер и лакей с подносом.

Леди Уиндермир. Вот здесь поставьте, Паркер. Спасибо. *(Вытирает руки носовым платком, идет к столику налево и садится.)* Переходите сюда, лорд Дарлингтон.

Паркер и лакей уходят.

Лорд Дарлингтон *(берет стул и идет к чайному столику)*. Не мучьте меня, леди Уиндермир. Скажите, чем я провинился. *(Садится за столик.)*

Леди Уиндермир. Весь вечер вы преподносили мне комплименты, один замысловатее другого.

Лорд Дарлингтон *(с улыбкой)*. Да, все мы сейчас так обеднели, что комплименты — это единственное подношение, какое мы можем себе позволить. Ничего другого мы просто не в состоянии преподнести.

Леди Уиндермир *(качая головой)*. Нет, нет, я не шучу. Не смейтесь, я говорю совершенно серьезно. Я не люблю комплиментов, и мне непонятно, почему мужчины воображают, что делают женщине приятное, когда говорят ей всякую чепуху, которой вовсе не думают.

Лорд Дарлингтон. Но я-то думаю то, что говорю. *(Принимает у нее из рук чашку с чаем.)*

Леди Уиндермир *(очень серьезно)*. Надеюсь, что это не так. Мне бы не хотелось с вами ссориться, лорд Дарлингтон. Я к вам очень хорошо отношусь, вы это знаете. Но если вы окажетесь таким же, как большинство мужчин, я изменюсь к вам совершенно. Поверьте мне, вы лучше, чем большинство мужчин, а вам, по-моему, иногда хочется, чтобы вас считали хуже.

Лорд Дарлингтон. У каждого из нас свои слабости, леди Уиндермир.

Леди Уиндермир. Зачем же вы выбрали себе именно эту?

Лорд Дарлингтон. Да знаете, сейчас в обществе столько самодовольных людей притворяются хорошими, что притворяться плохим — это, по-моему, проявление милого и скромного нрава. А кроме того, тех, кто притворяется хорошим, свет принимает всерьез. Тех, кто притворяется плохим, — нет. Такова безграничная глупость оптимистов.

Леди Уиндермир. Так вы, значит, не хотите, чтобы свет принимал вас всерьез?

Лорд Дарлингтон. Свет? Нет, не хочу. Кого свет вообще принимает всерьез? Всех самых нудных людей, от епископов до фатов. Чего мне хочется, леди Уиндермир, — это чтобы вы принимали меня всерьез, именно вы, и никто другой.

Леди Уиндермир. Почему же... почему именно я?

Лорд Дарлингтон *(после минутного колебания)*. Потому что мы, думается мне, могли бы быть большими друзьями. Давайте будем друзьями. В один прекрасный день вам может понадобиться друг.

Леди Уиндермир. Для чего вы это сказали?

Лорд Дарлингтон. Ну... каждому иногда нужен друг.

Леди Уиндермир. По-моему, мы с вами и так друзья, лорд Дарлингтон. И можем остаться друзьями, если только вы не...

Лорд Дарлингтон. Если я не?..

Леди Уиндермир. Не испортите все тем, что будете говорить мне разные глупости. Вы, наверно, считаете меня пуританкой? И правда, что-то пуритан-

ское во мне есть. Так меня воспитали. И я этому рада. Моя мать умерла, когда я была еще совсем маленькая. Я всегда жила у леди Джулии, вы знаете, это старшая сестра моего отца. Она была со мной очень строга, но она научила меня тому, о чем в свете сейчас забывают, — отличать хорошее от дурного. Она не признавала компромиссов. И я их не признаю.

Лорд Дарлингтон. Леди Уиндермир, дорогая!

Леди Уиндермир (*откинувшись на спинку дивана*). Вы, видно, считаете, что я отстала от века? Ну и пусть. Меня не прельщает идти в ногу с таким веком.

Лорд Дарлингтон. Вы находите его очень дурным?

Леди Уиндермир. Да. Люди сейчас смотрят на жизнь как на азартную игру. А жизнь — не игра. Жизнь — таинство. Ее идеал — любовь. Ее очищение — жертва.

Лорд Дарлингтон (*с улыбкой*). Не дай бог быть принесенным в жертву!

Леди Уиндермир (*выпрямляясь*). Не говорите этого!

Лорд Дарлингтон. А я это говорю. Я это чувствую... я это знаю.

Входит Паркер.

Паркер. Там спрашивают, миледи, — ковры на террасе стелить?

Леди Уиндермир. По-моему, дождя не будет. Лорд Дарлингтон, как вам кажется?

Лорд Дарлингтон. Я и мысли не допускаю, чтобы в день вашего рождения пошел дождь.

Леди Уиндермир. Скажите им, Паркер, пускай стелят.

Паркер уходит.

Лорд Дарлингтон. Так вы, значит, полагаете, что, если двое, — я, конечно, только привожу воображаемый случай, — если двое недавно женаты, к примеру года два, и муж ни с того ни с сего заводит тесную дружбу с женщиной... ну, скажем, не безупречной репутации — постоянно у нее бывает, завтракает у нее и, вероятно, оплачивает ее счета, — вы полагаете, что и в таком случае жена не должна искать утешения?

Леди Уиндермир (*нахмурившись*). Утешения?

Лорд Дарлингтон. Да. По-моему, должна, по-моему, у нее есть на то право.

Леди Уиндермир. Оттого, что муж поступает подло, и жене нужно так поступать?

Лорд Дарлингтон. Подлость — страшное слово, леди Уиндермир.

Леди Уиндермир. Это страшное свойство, лорд Дарлингтон.

Лорд Дарлингтон. Вы знаете — мне кажется, хорошие люди приносят много вреда в жизни... И главный вред в том, что они придают такое огромное значение дурному. Бессмысленно делить людей на хороших и дурных. Люди бывают либо очаровательны, либо скучны. Я предпочитаю очаровательных, а вы, леди Уиндермир, хотите вы того или нет, к ним принадлежите.

Леди Уиндермир. Лорд Дарлингтон! Опять? (*Встает.*) Сидите, сидите, я хочу только поправить букет. (*Идет к столу направо.*)

Лорд Дарлингтон (*встает и отходит на место стул*). И должен сказать, что вы, по-моему, очень уж сурово судите о нашем времени. Конечно, кое в чем оно заслуживает упрека. Например, большинство женщин сейчас корыстолюбивы.

Леди Уиндермир. Не говорите мне о таких людях.

Лорд Дарлингтон. Ну хорошо, оставим в стороне людей корыстолюбивых — они, разумеется, очень неприятны. Но скажите, неужели вы серьезно считаете, что женщину, которая, как говорят в свете, согрешила, нельзя простить?

Леди Уиндермир (*стоя у стола*). Я считаю, что нельзя.

Лорд Дарлингтон. А мужчину? По-вашему, для мужчин должны быть те же законы, что и для женщин?

Леди Уиндермир. Конечно!

Лорд Дарлингтон. Мне кажется, жизнь слишком сложна, чтобы подходить к ней с такими жесткими правилами.

Леди Уиндермир. Если бы мы держались этих «жестких правил», жизнь была бы много проще.

Лорд Дарлингтон. Исключений вы не допускаете?

Леди Уиндермир. Нет!

Лорд Дарлингтон. Ах, леди Уиндермир, какая же вы обворожительная пуританка!

Леди Уиндермир. Вы могли обойтись без эпитета, лорд Дарлингтон.

Лорд Дарлингтон. Нет, не мог. Я могу противостать всему, кроме соблазна.

Леди Уиндермир. Вы притворяетесь слабовольным — это сейчас модно.

Лорд Дарлингтон (*глядя на нее*). Я только притворяюсь, леди Уиндермир.

Входит Паркер.

Паркер. Герцогиня Бервик и леди Агата Карлайл.

Входят герцогиня Бервик и леди Агата Карлайл.

Паркер уходит.

Герцогиня Бервик (*идет к леди Уиндермир, пожимает ей руку*). Милая Маргарет, до чего же я рада вас видеть. Вы ведь помните мою Агату? (*Идет к лорду Дарлингтону.*) Здравствуйтесь, лорд Дарлингтон. Не стану вас знакомить с моей дочерью, вы слишком испорченный человек.

Лорд Дарлингтон. Полно, герцогиня. Испорченного человека из меня не вышло. Многие даже утверждают, что я за всю жизнь не совершил ни одного по-настоящему дурного поступка. Разумеется, они говорят это только за моей спиной.

Герцогиня Бервик. Ну не чудовище ли? Агата, познакомься, это лорд Дарлингтон. Только смотри, не верь ни единому его слову.

Лорд Дарлингтон здоровается с леди Агатой.

Нет, благодарю, милая, чаю не хочу. (*Садится на диван.*) Мы только что пили чай у леди Маркби. Чай, кстати сказать, на редкость невкусный. Впрочем, удивляться тут нечему — его поставляет ее зять. Дорогая Маргарет, Агата ждет не дождется вашего бала.

Леди Уиндермир. Ах, герцогиня, но бала не будет. Просто решили потанцевать по случаю моего рождения. Приглашено совсем мало народу.

Лорд Дарлингтон (*стоя возле ее кресла*). Небольшое, но избранное общество, герцогиня.

Герцогиня Бервик. Ну разумеется, избранное. У вас в доме, дорогая Маргарет, иного и не бывает. Это один из немногих домов, куда я могу вывозить Агату и где я всегда спокойна за Бервика. Не понимаю, что происходит с обществом. Самые ужасные особы позволяют себе бывать где угодно. Во всяком случае, ко мне на вечера они являются — если их не пригласишь, мужчины просто из себя выходят. Нет, в самом деле, кто-то должен этому воспротивиться.

Леди Уиндермир. Положитесь на меня, герцогиня. Я не потерплю в своем доме никого, о ком идет дурная слава.

Лорд Дарлингтон. Пощадите, леди Уиндермир! Ведь тогда, значит, и для меня ваши двери закрыты.

Герцогиня Бервик. О, мужчины не в счет. Женщины — совсем другое дело. Мы хорошие. По крайней мере некоторые из нас. Но нас положительно затирают. Наши мужья забыли бы о нашем существовании, если бы мы время от времени их не пилили — просто чтобы напомнить им, что имеем на это законное право.

Лорд Дарлингтон. Любопытная вещь брак, герцогиня, — тоже своего рода игра, хотя она, между прочим, выходит из моды, — у жен на руках все онеры, и все-таки они неизбежно отдают решающую взятку.

Герцогиня Бервик. Решающую взятку? Это что же такое, лорд Дарлингтон, — муж?

Лорд Дарлингтон. А неплохое было бы название для современного мужа.

Герцогиня Бервик. Дорогой лорд Дарлингтон, как вы развратны!

Леди Уиндермир. Лорд Дарлингтон просто фриволен.

Лорд Дарлингтон. Ну что вы, леди Уиндермир!

Леди Уиндермир. А почему же вы так фривольно рассуждаете о жизни?

Лорд Дарлингтон. Потому что жизнь, на мой взгляд, слишком важна, чтобы рассуждать о ней серьезно.

Герцогиня Бервик. Что это значит? Снизойдите к моему скудоумию, лорд Дарлингтон, объясните мне, что вы хотели сказать?

Лорд Дарлингтон. Лучше не стоит, герцогиня. Если в наше время говорить понятно, тебя, того и гляди, разгадают. До свидания! (*Прощается за руку с герцогиней.*) До свидания, леди Уиндермир. Вы позволите быть у вас вечером? Ну пожалуйста!

Леди Уиндермир (*идет с ним к двери*). Да, конечно. Но с условием — не говорить глупостей, в которые вы сами не верите.

Лорд Дарлингтон (*с улыбкой*). А, вы взялись за мое воспитание? Воспитывать человека — опасное дело, леди Уиндермир. (*Кланяется и уходит.*)

Герцогиня Бервик (*встает и прохаживается по комнате*). Какой он прелестный и какой испорченный! Он мне ужасно нравится. Я страшно рада, что он ушел. Как вы сегодня мило выглядите! У кого вы шьете? А теперь, дорогая Маргарет, я должна вам выразить, как мне вас жаль. (*Идет к дивану, садится рядом с леди Уиндермир.*) Агата, милочка!

Леди Агата. Да, мама? (*Встает.*)

Герцогиня Бервик. Вон там я вижу альбом с фотографиями, походи посмотри его.

Леди Агата. Хорошо, мама. (*Идет к столу в глубине комнаты.*)

Герцогиня Бервик. Милое дитя! Она так любит фотографии, особенно виды Швейцарии. На редкость целомудренный вкус. Но, право же, Маргарет, мне вас так жаль.

Леди Уиндермир (*улыбаясь*). Почему, герцогиня?

Герцогиня Бервик. Да из-за этой ужасной женщины. К тому же она так изумительно одевается, а это уж совсем плохо — подумайте, какой пример для других. Огастус — вы ведь знаете моего непутевого братца — так вот он по уши в нее влюблен. Это просто неприлично: ведь принимать ее в обществе — нечего и думать. У многих женщин есть прошлое, но у нее их, говорят, не меньше дюжины, и ни в одном нет причин сомневаться.

Леди Уиндермир. О ком вы говорите, герцогиня?

Герцогиня Бервик. О миссис Эрлин.

Леди Уиндермир. Миссис Эрлин? Я о ней даже не слышала. А какое отношение она имеет ко мне?

Герцогиня Бервик. Бедняжка!.. Агата, милочка!

Леди Агата. Да, мама?

Герцогиня Бервик. Ты не хочешь ли выйти на террасу полюбоваться закатом?

Леди Агата. Хорошо, мама. *(Уходит через стеклянную дверь налево.)*

Герцогиня Бервик. Прелестное дитя! Она обожает закаты. Сразу видна тонкая душа, не правда ли? Ведь что ни говори, лучше природы нет ничего, вы со мной не согласны?

Леди Уиндермир. Но что случилось, герцогиня? Почему вы заговорили со мной об этой женщине?

Герцогиня Бервик. Нет, вы в самом деле не знаете? Уверяю вас, мы все страшно огорчены. Не далее как вчера у леди Джансен только и разговору было что об этом. Кто-кто, но чтобы Уиндермир так себя вел — это всех поражает.

Леди Уиндермир. Мой муж? А ему-то что за дело до такой женщины?

Герцогиня Бервик. Вот именно, дорогая. В этом вся суть. Он постоянно к ней ездит, часами сидит у нее, и, пока он там, она никого другого не принимает. Дамы, правда, не часто к ней навещают, но у нее есть множество непутевых приятелей — например, мой братец, как я уже вам говорила, — и потому-то с Уиндермиром получается особенно некрасиво. Мы всегда считали его образцовым мужем, но на этот раз, боюсь, сомнений быть не может. Мои племянницы — вы ведь знаете девочек Сэвил? — они такие милые, такие домохозяйки, некрасивы, правда, до крайности, но доброты необыкновенной, — так вот они все время сидят у окна, вышивают, или шьют какую-то уродскую одежду для бедных, и правильно делают, как же иначе, когда кругом полно этих ужасных социалистов, — а эта невозможная женщина сняла дом прямо напротив них, на Керзон-стрит — такая респектабельная улица... Не понимаю, куда мы идем? Вот они мне и рассказали, что Уиндермир бывает там четыре-пять раз в неделю, они

сами это видят, просто не могут не видеть, и хотя они вовсе не сплетницы, но, конечно, всем об этом рассказывают. Но самое ужасное вот что: мне передавали, что эта женщина вытянула из кого-то очень много денег. Полгода назад она, говорят, приехала в Лондон без всяких средств, а теперь у нее этот прелестный дом в Мейфэрэ, и каждый день она появляется в Хайд-парке в собственной коляске, и все это... все это с тех пор как она познакомилась с нашим бедным Уиндермиром.

Леди Уиндермир. Нет, я не могу этому поверить.

Герцогиня Бервик. Но это сущая правда, дорогая. Весь Лондон это знает. Потому я и решила, что нужно побывать у вас и дать вам добрый совет — увезите вы Уиндермира в Висбаден или в Аахен, там и ему будет не скучно, и вы сможете следить за ним с утра до вечера. Поверьте мне, дорогая, вскоре после того как я вышла замуж, мне несколько раз пришлось притвориться тяжелобольной и пить тошнотворные минеральные воды — а все для того, чтобы увезти Бервика из Лондона. Очень уж он был влюбчив. Впрочем, должна сказать, что много денег он никогда никому не давал. Это несовместимо с его принципами.

Леди Уиндермир (*перебивает ее*). Но этого не может быть! (*Встает с места.*) Подумайте, герцогиня, мы только два года женаты. Нашему ребенку всего шесть месяцев. (*Садится на стул у столика налево.*)

Герцогиня Бервик. Ах, такой очаровательный ребеночек! Ну, как малютка себя чувствует? Это мальчик или девочка? Надеюсь, что девочка... впрочем, нет, я припоминаю, это мальчик. Такая жалость! Все мальчики ведут себя ужасно. Мой сын, например, совершенно безнравственный. Вы не представляете себе, в котором часу он приходит домой. А ведь всего несколько месяцев как из Оксфорда — просто не понимаю, чему их там учат!

Леди Уиндермир. Что же, все мужчины дурные?

Герцогиня Бервик. Все, дорогая, все без исключения. И они никогда не исправляются. Мужчины стареют, но лучше не становятся.

Леди Уиндермир. Наш брак был брак по любви.

Герцогиня Бервик. Да, мы все с этого начина-

ли. Бервик только тем и добился моего согласия, что упорно и тупо грозил покончить с собой. А не прошло и года, как он уже бегал за каждой юбкой — любого цвета, любого фасона, любой материи. Да что там, я еще во время медового месяца заметила, как он подмигивал моей горничной, такая была миловидная, порядочная девушка. Я ее тут же рассчитала и рекомендации не дала... Нет, теперь я вспоминаю, я ее уступила своей сестре: бедный сэръ Джордж страшно близорук, и я решила, что вреда не будет. Но я ошиблась... очень получилось неприятно. *(Встает.)* А теперь, моя дорогая, я должна вас покинуть — мы приглашены к обеду. И право же, не принимайте близко к сердцу этот мимолетный каприз Уиндермира. Увезите его за границу, и увидите — он к вам вернется.

Леди Уиндермир. Вернется?

Герцогиня Бервик. Ну да. Эти скверные женщины отнимают у нас мужей, но потом они всегда к нам возвращаются, хотя, конечно, в слегка попорченном виде. И смотрите не устраивайте сцен, мужчины этого терпеть не могут!

Леди Уиндермир. Вы очень добры, герцогиня, что приехали сообщить мне все это. Но в измену моего мужа я не верю.

Герцогиня Бервик. Прелесть моя! И я когда-то была такая. Теперь-то я знаю, что все мужчины — чудовища.

Леди Уиндермир звонит.

Нам остается одно — кормить их получше. Хорошая кухарка способна творить чудеса, а ваша, я знаю, готовит превосходно. Маргарет, дорогая, вы уж не плачете ли?

Леди Уиндермир. Не бойтесь, герцогиня, я никогда не плачу.

Герцогиня Бервик. И правильно делаете. Слезы — это спасение для дурнушек, а красавицам они только во вред... Агата, милочка!

Леди Агата *(входит слева)*. Да, мама? *(Останавливается позади чайного столика.)*

Герцогиня Бервик. Простись с леди Уиндермир и поблагодари за приятно проведенное время. *(Снова идет к авансцене.)* Чуть не забыла — большое

вам спасибо, что послали приглашение мистеру Хопперу, — вы знаете, этот богатый молодой австралиец, который сейчас так на виду. Отец его нажил огромное состояние продажей каких-то консервов... в круглых банках, и, кажется, они очень вкусные... наверно, это те самые, от которых всегда отказывается прислуга. Но сын — очень интересный молодой человек. Кажется, его пленили умные речи моей милой Агаты. Нам, разумеется, будет очень больно с ней расстаться, но я считаю, что, если мать каждый сезон не расстается по крайней мере с одной дочерью, значит у нее нет сердца. До вечера, дорогая.

Паркер отворяет дверь.

И попомните мои слова — немедленно увезите беднягу из Лондона, это единственный выход. Еще раз до свидания. Пойдем, Агата.

Герцогиня Бервик и леди Агата уходят.

Леди Уиндερмир. Какая низость! Теперь-то я понимаю, зачем лорд Дарлингтон приводил этот воображаемый случай — про мужа и жену, которые женаты всего два года. Но нет, это не может быть правдой!.. Она говорила, что кто-то дает этой женщине массу денег. Я знаю, где Артур хранит свою банковскую книжку — вот в этом бюро, в одном из ящичков. Можно бы узнать таким способом. Ну что ж, и узнаю. *(Выдвигает ящик.)* Нет, тут какое-то гадкое недоразумение. *(Встает, отходит от бюро.)* Какая-нибудь глупая сплетня! Он любит меня! Меня! Но почему и не взглянуть? Я его жена, я имею право. *(Возвращается к бюро, достает книжку, проглядывает страницу за страницей, потом улыбается и говорит со вздохом облегчения.)* Так я и знала! Ни слова правды нет в этой нелепой истории. *(Кладет книжку обратно в ящик. Внезапно вздрагивает и достает другую книжку.)* Еще одна... секретная... с замком! *(Пытается открыть ее, но безуспешно. Замечает разрезной нож и с помощью его сдирает обложку. При виде первой же страницы в ужасе отшатывается.)* «Миссис Эрлин — шестьсот фунтов... миссис Эрлин — семьсот фунтов... миссис Эрлин — четыреста фунтов». Ах, это правда! Это правда! Какая низость! *(Бросает книжку на пол.)*

Лорд Уиндермир. Ну что, дорогая, веер прислали? (*Замечает книжку.*) Маргарет, ты вскрыла мою банковскую книжку. Ты не имела на это никакого права.

Леди Уиндермир. Тебе не нравится, что тебя разоблачили, да?

Лорд Уиндермир. Мне не нравится, когда жена шпионит за мужем.

Леди Уиндермир. Я за тобой не шпионила. Я всего полчаса как узнала о существовании этой женщины. Надо мной сжалились и рассказали мне то, что уже известно всему Лондону, — про твои ежедневные визиты на Керзон-стрит, про твое безумное увлечение, про то, как ты осыпашь деньгами эту мерзкую женщину!

Лорд Уиндермир. Маргарет, не говори в таком тоне о миссис Эрлин, ты не знаешь, как это незаслуженно!

Леди Уиндермир (*резко поворачиваясь к нему*). Честь миссис Эрлин тебе, видно, очень дорога. А о моей чести ты подумал?

Лорд Уиндермир. Твоя честь не задета, Маргарет. Ты же не считаешь, что я...

Леди Уиндермир. Я считаю, что ты своеобразно тратишь деньги. Только и всего. Не пойми меня так, будто для меня важны самые деньги. По мне — можешь растратить хоть все, что у нас есть. Важно другое — как ты, человек, который меня любил, который меня научил любить тебя, — как ты мог променять искреннюю любовь на любовь продажную. Ах, это невыносимо! (*Садится на диван.*) И я же чувствую себя опозоренной. Ты-то ничего не чувствуешь. А меня точно грязью вымазали. Тебе не понять, как противны мне теперь эти последние полгода... каждый твой поцелуй осквернен в моей памяти.

Лорд Уиндермир (*подходит к ней*). Не надо, Маргарет. Я никогда никого не любил, кроме тебя.

Леди Уиндермир (*вставая*). Так кто же тогда эта женщина? Почему ты снял для нее дом?

Лорд Уиндермир. Я не снимал для нее дома.

Леди Уиндермир. Ты дал ей на это денег, а это одно и то же.

Лорд Уиндермир. Маргарет, с тех пор как я знаком с миссис Эрлин...

Леди Уиндермир. А мистер Эрлин тоже существует, или это мифическая личность?

Лорд Уиндермир. Ее муж умер много лет назад. Она совсем одна на свете.

Леди Уиндермир. Никаких родственников?

Лорд Уиндермир. Никаких.

Леди Уиндермир. Немножко странно, правда?

Лорд Уиндермир. Маргарет, я начал тебе говорить — и очень прошу тебя, дослушай, — что с тех пор как я знаком с миссис Эрлин, она ведет себя безупречно. Если когда-то...

Леди Уиндермир. Ах, меня не интересуют подробности ее биографии.

Лорд Уиндермир. Я не собираюсь тебе рассказывать подробности ее биографии. Я просто говорю: когда-то миссис Эрлин пользовалась почетом, любовью, уважением. Она была из хорошей семьи, занимала положение в обществе — и всего лишилась, если хочешь — сама все выбросила за борт. А это особенно страшно. Можно снести любые невзгоды — они приходят извне, они случайны. Но страдать за собственные ошибки — это самое горькое, что может быть в жизни. К тому же с тех пор прошло двадцать лет. Она тогда была совсем юной, а замужем была еще меньше, чем ты.

Леди Уиндермир. Она меня не интересуется... и... и напрасно ты сопоставляешь ее со мной. Это не тактично. *(Садится у бюро.)*

Лорд Уиндермир. Маргарет, ты можешь спасти эту женщину. Она хочет вернуться в порядочное общество и хочет, чтобы ты ей помогла. *(Подходит к ней.)*

Леди Уиндермир. Я?!

Лорд Уиндермир. Да, ты.

Леди Уиндермир. Ну, это просто наглость!

Пауза.

Лорд Уиндермир. Маргарет, я хотел просить тебя о большом одолжении, и прошу, хотя ты узнала то, что я намерен был навсегда сохранить от тебя втайне, — что я дал миссис Эрлин крупную сумму денег. Я

прошу тебя послать ей приглашение на наш сегодняшний вечер.

Леди Уиндермир. Ты с ума сошел! *(Встает.)*

Лорд Уиндермир. Я тебя умоляю. О ней судачат, это верно, но ничего определенного, что могло бы ее опорочить, никто не знает. Ее уже принимают в нескольких домах — пусть не в таких, куда бы ты согласилась поехать, но все же в домах, где бывают женщины из общества — в том смысле, как это сейчас понимают, — однако этого ей мало. Она хочет, чтобы ты один-единственный раз приняла ее у себя.

Леди Уиндермир. Хочет упиться своей победой?

Лорд Уиндермир. Нет, не потому. Она знает, что ты — хорошая женщина, и что если она побывает однажды у тебя в доме, это откроет ей путь к более счастливой и спокойной жизни. Неужели ты не поможешь женщине, которая хочет выплыть на поверхность.

Леди Уиндермир. Нет! Если женщина в самом деле раскаивается, она не захочет вернуться в общество, которое видело ее позор или само ее погубило.

Лорд Уиндермир. Я тебя очень прошу.

Леди Уиндермир *(идет к двери направо)*. Я иду переодеваться к обеду, и, пожалуйста, оставим на сегодня этот разговор. Артур! *(Подходит к нему.)* Ты думаешь, раз у меня нет ни отца, ни матери, значит, я одна на свете и ты можешь поступать со мной, как тебе заблагорассудится. Но ты ошибаешься, у меня есть друзья, много друзей.

Лорд Уиндермир. Маргарет, твои слова неумны и опрометчивы. Я не стану с тобою спорить, но повторяю: ты пригласишь миссис Эрлин на наш сегодняшний вечер.

Леди Уиндермир. И не подумаю.

Лорд Уиндермир. Ты решительно отказываешься?

Леди Уиндермир. Да!

Лорд Уиндермир. Ах, Маргарет, ну сделай это ради меня. Для нее это последний шанс.

Леди Уиндермир. А при чем тут я?

Лорд Уиндермир. Как жестоки хорошие женщины!

Леди Уиндермир. Как слабы дурные мужчины!

Лорд Уиндермир. Маргарет, пусть все мы недостойны тех женщин, на которых женимся, — так оно и есть, — но не вообразила же ты, что я могу... нет, это уж слишком!

Леди Уиндермир. А почему ты должен быть не такой, как другие? Мне говорят, что в Лондоне трудно найти женатого человека, который не растрчивал бы себя на какую-нибудь низменную страсть.

Лорд Уиндермир. Я не таков.

Леди Уиндермир. Я в этом не уверена.

Лорд Уиндермир. В душе ты уверена. Но не создавай между нами еще и еще преград. Видит бог, за последние несколько минут мы достаточно отделились друг от друга. Сядь и напиши приглашение.

Леди Уиндермир. Ни за что на свете.

Лорд Уиндермир (*идет к бюро*). Тогда я сам напишу! (*Звонит, потом садится и пишет приглашительную карточку.*)

Леди Уиндермир. Ты решил пригласить эту женщину? (*Делает шаг к нему.*)

Лорд Уиндермир. Да.

Пауза. Входит Паркер.

Паркер. Слушаю, милорд?

Лорд Уиндермир. Распорядитесь, чтобы это письмо доставили миссис Эрлин, Керзон-стрит, 84-а. (*Отдает письмо Паркеру.*) Ответа не нужно.

Паркер уходит.

Леди Уиндермир. Артур, имей в виду: если эта женщина сюда явится, я ее оскорблю.

Лорд Уиндермир. Не говори этого, Маргарет.

Леди Уиндермир. Я не шучу.

Лорд Уиндермир. Дитя мое, если ты это сделаешь, все женщины Лондона убьют тебя своей жалостью.

Леди Уиндермир. Все хорошие женщины Лондона меня одобряют. Мы слишком снисходительны. Мы должны подавать пример. Сегодня вечером я положу этому начало. (*Берет со стола веер.*) Да, ты подарил мне этот веер ко дню рождения. Если эта женщина переступит порог моего дома, я ударю ее по лицу.

Лорд Уиндермир. Маргарет, ты на это неспособна.

Леди Уиндермир. Ты меня еще не знаешь!
(Идет к двери направо.)

Входит Паркер.

Паркер!

Паркер. Слушаю, миледи?

Леди Уиндермир. Я буду обедать у себя. Впрочем, я совсем не хочу обедать. Проследите, чтобы к половине одиннадцатого все было готово. И пожалуйста, Паркер, произносите имена гостей как можно отчетливее. Иногда вы докладываете так быстро, что я не разбираю. А мне очень важно расслышать все имена совершенно ясно, чтобы не ошибиться. Вы меня поняли, Паркер?

Паркер. Да, миледи.

Леди Уиндермир. Можете идти.

Паркер уходит.

Артур, предупреждаю тебя... если эта женщина сюда явится...

Лорд Уиндермир. Маргарет, ты нас погубишь!

Леди Уиндермир. Нас? Отныне наши жизни расходятся. Но если ты хочешь избежать публичного скандала, сейчас же напиши этой женщине, что я запрещаю ей сюда являться!

Лорд Уиндермир. Нет, я не хочу... не могу... она должна приехать!

Леди Уиндермир. Тогда все будет в точности так, как я сказала. (Идет к двери направо.) Ты мне не оставил выбора. (Уходит.)

Лорд Уиндермир (ей вслед). Маргарет! Маргарет! (Пауза.) О господи! Как же мне быть? Я не смею сказать ей, кто эта женщина. Она бы умерла от стыда. (Опускается на стул и закрывает лицо руками.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Парадная гостиная в доме лорда Уиндермира. В глубине направо дверь в бальную залу, где играет оркестр. Слева дверь, в которую входят гости. В глубине налево дверь на освещенную террасу. Пальмы, цветы, яркий свет. Комната полна гостей. Леди Уиндермир их встречает.

Герцогиня Бервик. Где же лорд Уиндермир? Странно, что его нет. И мистер Хоппер сильно запаздывает. Агата, ты оставила для него пять танцев? *(Идет к авансцене.)*

Леди Агата. Да, мама.

Герцогиня Бервик *(садится на диван)*. Покажи-ка мне свою книжечку. Я так рада, что леди Уиндермир опять ввела бальные книжечки — без них матери совершенно беспомощны. Ах ты, моя простушка! *(Вычеркивает две фамилии.)* Порядочной девушке не пристало вальсировать с такими явно младшими сыновьями. Это выглядит легкомысленно. Вместо последних двух танцев тебе лучше посидеть на террасе с мистером Хоппером.

Входят из бальной залы мистер Дамби и леди Плимдэйл.

Леди Агата. Хорошо, мама.

Герцогиня Бервик *(обмахиваясь веером)*. Здесь такой приятный воздух.

Паркер *(докладывает)*. Миссис Каупер-Каупер. Леди Статфилд. Сэр Джеймс Ройстон. Мистер Гай Беркли.

Гости входят.

Дамби. Добрый вечер, леди Статфилд. Надо полагать, это последний бал в нынешнем сезоне?

Леди Статфилд. Думаю, что так, мистер Дамби. А сезон был прелестный, не правда ли?

Дамби. Ну еще бы! Прелестный! Добрый вечер, герцогиня. Надо полагать, это последний бал в нынешнем сезоне?

Герцогиня Бервик. Думаю, что так, мистер Дамби. Очень скучный был сезон, не правда ли?

Дамби. Смертельно скучный! Смертельно!

Миссис Каупер-Каупер. Добрый вечер, мистер Дамби. Надо полагать, это последний бал в нынешнем сезоне?

Дамби. О нет, едва ли. Кажется, будут еще два. *(Не спеша возвращается к леди Плимдэйл.)*

Паркер *(докладывает)*. Мистер Рафффорд. Леди Джедбер и мисс Грэхем. Мистер Хоппер.

Гости входят.

Хоппер. Здравствуйте, леди Уиндермир! Здравствуйте, герцогиня! *(Кланяется леди Агате.)*

Герцогиня Бервик. Дорогой мистер Хоппер, вы так рано? До чего же это мило с вашей стороны. Все мы знаем, что вы в Лондоне нарахват.

Хоппер. Лондон — необычайно приятный город. Высшее общество здесь куда доступнее, чем в Сиднее.

Герцогиня Бервик. О, мы вас ценим по достоинству, мистер Хоппер. Побольше бы таких, как вы. Жизнь была бы тогда несравненно легче. Вы знаете, мистер Хоппер, мы с Агатой страшно интересуемся Австралией. Как там, должно быть, красиво, когда кругом порхают такие миленькие кенгуру! Агата даже нашла Австралию на карте. Она очень причудливой формы — похожа на большой ящик. Но ведь это, кажется, очень молодая страна?

Хоппер. Разве она была сотворена не одновременно с остальными, герцогиня?

Герцогиня Бервик. Какой вы остроумный, мистер Хоппер! И остроумие у вас совершенно самобытное. Впрочем, не хочу вас задерживать.

Хоппер. Но мне хочется потанцевать с леди Агатой, герцогиня.

Герцогиня Бервик. Ну, что ж, я надеюсь, у нее остался свободный танец. У тебя остался свободный танец, Агата?

Леди Агата. Да, мама.

Герцогиня Бервик. Следующий?

Леди Агата. Да, мама.

Хоппер. Разрешите вас пригласить?

Леди Агата кланяется.

Герцогиня Бервик. Смотрите, мистер Хоппер, не обижайте мою маленькую болтушку.

Леди Агата и мистер Хоппер уходят в бальную залу. Слева входит лорд Уиндермир.

Лорд Уиндермир. Маргарет, мне нужно с тобой поговорить.

Леди Уиндермир. Сейчас.

Музыка смолкает.

Паркер (*докладывает*). Лорд Огастус Лортон.

Входит лорд Огастус.

Лорд Огастус. Добрый вечер, леди Уиндермир.

Герцогиня Бервик. Сэр Джеймс, пойдете в залу. Огастус сегодня у нас обедал, так что хватит с меня пока нашего милого Огастуса. (*Берет сэра Джеймса Ройстона под руку и уходит с ним в залу.*)

Паркер (*докладывает*). Мистер и миссис Артур Бауден. Лорд и леди Пейсли. Лорд Дарлингтон.

Гости входят.

Лорд Огастус (*подходит к лорду Уиндермиру*). Мне нужно сказать вам два слова по секрету, мой милый. От меня осталась одна тень. На вид не скажешь, я знаю. На вид мы все не такие, как на самом деле. Это, между прочим, хорошо. Но мне вот что нужно узнать. Кто она такая, черт побери? Откуда она взялась? Почему у нее нет родных? Вообще-то родные — это бич божий, но они, черт побери, придают человеку известный вес.

Лорд Уиндермир. Вы, надо полагать, говорите о миссис Эрлин? Я всего полгода как с ней познакомился, а до этого и не слышал о ней.

Лорд Огастус. Но с тех пор вы довольно часто с ней виделись.

Лорд Уиндермир (*холодно*). Да, с тех пор я довольно часто с ней виделся. Я и сейчас только от нее.

Лорд Огастус. Наши женщины, черт побери, ужасно ее невзлюбили. Я сегодня обедал у Арабеллы — боже ты мой, послушали бы вы, что она плела про миссис Эрлин! Сорвала с нее, как говорится, все покровы. (*Понизив голос.*) Мы с Бервиком сказали ей,

что это не страшно — фигура у этой дамы, видимо, превосходная. Видели бы вы, какое было лицо у Арабеллы!.. Но серьезно, мой дорогой, я ума не приложу, как мне быть с миссис Эрлин. Она, черт побери, до того ко мне равнодушна, точно я ей муж. А как умна! Она может все объяснить. Ха-ха! Она и вас объясняет. У нее для вас целая куча объяснений, и все разные.

Лорд Уиндермир. Для моей дружбы с миссис Эрлин не требуется никаких объяснений.

Лорд Огастус. Гм! Ну, хорошо, мой милый, а как вы думаете, попадет она когда-нибудь в наше так называемое общество, черт его побери? Вот вы, познакомили бы вы ее с вашей женой? Давайте без обиняков. Познакомили бы?

Лорд Уиндермир. Миссис Эрлин сегодня будет здесь.

Лорд Огастус. Ваша жена ее пригласила?

Лорд Уиндермир. Миссис Эрлин получила приглашение.

Лорд Огастус. Ну, значит, она вне подозрений! Но почему, голубчик, вы не сказали мне об этом раньше? А я-то, черт побери, тревожился! Это избавило бы меня от кучи всяких недоразумений.

Леди Агата и мистер Хоппер проходят из залы на террасу.

Паркер (*докладывает*). Мистер Сесил Грэхем!

Входит мистер Сесил Грэхем.

Сесил Грэхем (*кланяется леди Уиндермир, потом идет к лорду Уиндермиру и здоровается с ним за руку*). Добрый вечер, Артур. Что же вы не спросите, как я поживаю? Я люблю, когда меня об этом спрашивают. Это доказывает, что люди интересуются моим здоровьем. А я сегодня поживаю плохо. Обедал у родителей. И почему это с родителями всегда так скучно? После обеда мой отец пожелал пуститься в нравоучения. Я ему сказал, что стыдно, надо бы понимать, в его-то годы. Но я уже давно убедился — как только человек доживет до таких лет, когда надо понимать, он перестает понимать что бы то ни было. Здорово, Таппи! Ты, говорят, опять собираешься жениться? Я думал, это занятие тебе надоело.

Лорд Огастус. Ты очень фриволен, мой милый, очень фриволен!

Сесил Грэхем. А кстати, Таппи, как было дело? Ты был женат два раза и развелся один раз, или два раза разводился и один раз был женат? Я всем говорю, что ты два раза разводился и один раз был женат. Это звучит как-то правдоподобнее.

Лорд Огастус. Не могу тебе сказать — забыл. Память у меня никудышная. *(Отходит.)*

Леди Плимдэйл. Лорд Уиндермир, я хочу спросить вас кое о чем по секрету.

Лорд Уиндермир. Простите... если можно, не сейчас... мне нужно поговорить с женой.

Леди Плимдэйл. Ни в коем случае! На людях муж не должен обращать на свою жену ни малейшего внимания — в наше время это очень опасно. Людям всегда кажется, что наедине он ее бьет. За последнее время свет перестал верить в счастливые браки. Но оставим наш разговор до ужина. *(Идет к двери в залу.)*

Лорд Уиндермир. Маргарет, мне необходимо с тобой поговорить.

Леди Уиндермир. Будьте добры, лорд Дарлингтон, поддержите мой веер. Спасибо. *(Идет к авансцене.)*

Лорд Уиндермир *(идет ей навстречу)*. Маргарет, то, что ты сказала перед обедом, я надеюсь, забыто?

Леди Уиндермир. Этой женщины сегодня здесь не будет.

Лорд Уиндермир. Миссис Эрлин сюда едет, и если ты хоть чем-нибудь оскорбишь или обидишь ее, ты навлечешь на нас обоих беду и позор. Помни это. Ах, Маргарет, верь мне! Жена должна верить своему мужу!

Леди Уиндермир. В Лондоне слишком много женщин, которые верят своим мужьям. Их сразу можно узнать — у них такой несчастный вид. Меня их пример не прельщает. *(Отходит от лорда Уиндермира.)* Лорд Дарлингтон, отдайте мне, пожалуйста, мой веер. Спасибо... Полезная вещь — веер, правда?.. Мне сегодня нужен друг, лорд Дарлингтон. Не думала я, что он мне понадобится так скоро.

Лорд Дарлингтон. Леди Уиндермир! Я знал, что такое время настанет. Но почему сегодня?

Лорд Уиндермир. Нет, я ей скажу. Иначе нельзя. Если разыграется скандал, это будет ужасно. Маргарет...

Паркер (докладывает). Миссис Эрлин!

Лорд Уиндермир вздрагивает. Входит миссис Эрлин, прекрасно одета, держится с большим достоинством. Леди Уиндермир стискивает в руке веер, потом роняет его на пол. Холодно кланяется миссис Эрлин, та с сияющей улыбкой кланяется в ответ и wpłyвает в комнату.

Лорд Дарлингтон. Вы уронили веер, леди Уиндермир. *(Поднимает веер и подает ей.)*

Миссис Эрлин. Еще раз здравствуйте, лорд Уиндермир! Ваша жена очаровательна. Просто картинка.

Лорд Уиндермир *(вполголоса)*. Вы все-таки приехали! Как это неосторожно!

Миссис Эрлин *(с улыбкой)*. Это самый разумный поступок в моей жизни. И, между прочим, вы сегодня должны быть ко мне очень внимательны. Я боюсь женщин. Вы должны меня где-то с кем из них познакомиться. С мужчинами я справлюсь сама... Лорд Огастус, добрый вечер! Вы меня что-то совсем забыли. Я вас со вчерашнего дня не видела. Боюсь, вы мне изменяете. Я это слышу со всех сторон.

Лорд Огастус. Что вы, помилуйте, миссис Эрлин! Разрешите мне объяснить...

Миссис Эрлин. Нет, милейший лорд Огастус, вы ничего не умеете объяснить. В этом ваше главное очарование.

Лорд Огастус. Ну, если вы находите очарование во мне, миссис Эрлин...

Продолжают разговор. Лорд Уиндермир беспокойно бродит по комнате, поглядывая на миссис Эрлин.

Лорд Дарлингтон *(обращаясь к леди Уиндермир)*. Вы побледнели!

Леди Уиндермир. Как все трусы.

Лорд Дарлингтон. Вам дурно? Выйдем на террасу.

Леди Уиндермир. Да... Паркер, скажите, чтобы мне принесли манто.

Миссис Эрлин *(подходя к ней)*. Леди Уиндермир, как прелестно освещена ваша терраса! Мне вспомнился дворец принца Дориа в Риме.

Леди Уиндермир холодно кланяется и уходит на террасу с лордом Дарлингтоном.

А, мистер Грэхем, добрый вечер! Это ведь ваша тетушка, леди Джедбер? Мне так хотелось бы с ней познакомиться.

Сесил Грэхем (*смущен, минуту колеблется*). Ну, разумеется, если вам угодно... Тетя Кэролайн, позвольте познакомить вас с миссис Эрлин.

Миссис Эрлин. Я так рада, леди Джедбер... (*Садится рядом с ней на диван.*) С вашим племянником мы большие друзья. Меня страшно интересует его политическая карьера. Мне кажется, он многого добьется. Он мыслит как консерватор, а рассуждает как радикал — это в наши дни очень важно. К тому же он блестящий оратор. Впрочем, удивляться тут нечему — мы все знаем, от кого он унаследовал дар слова. Не далее как вчера мы беседовали в Хайд-парке с лордом Алландэйлем, и он сказал, что мистер Грэхем говорит почти так же хорошо, как его тетушка.

Леди Джедбер. Вы очень любезны, мне так приятно это слышать!

Миссис Эрлин улыбается и продолжает разговор.

Дамби (*Сесилу Грэхему*). Ты познакомил миссис Эрлин с леди Джедбер?

Сесил Грэхем. Пришлось, мой милый. Я просто не мог иначе. Эта женщина что угодно заставит сделать. Как ей это удается — уму непостижимо.

Дамби. Не хватало еще, чтобы она заговорила со мной! (*Направляется к леди Плимдэйл.*)

Миссис Эрлин (*обращаясь к леди Джедбер*). В четверг? С большим удовольствием. (*Встает, подходит к лорду Уиндермиру и говорит смеясь.*) Какая тоска — любезничать с титулованными старухами! Но они без этого не могут.

Леди Плимдэйл (*мистеру Дамби*). С кем это разговаривает Уиндермир? Она удивительно хорошо одета.

Дамби. Понятия не имею. Похожа на *édition de luxe** неприличного французского романа, предназначенного для английского рынка.

Миссис Эрлин. Так значит, бедный Дамби тут с леди Плимдэйл? Говорят, она отчаянно его ревнует. Он, кажется, не жаждет сегодня со мной поговорить.

---

* Роскошное издание (*фр.*).

вать. Наверно, боится ее. Эти соломенные блондинки ужасно вспыльчивы. А знаете, Уиндермир, первый тур вальса я, пожалуй, сделаю с вами.

Лорд Уиндермир хмурится, прикусив губу.

То-то лорд Огастус будет ревновать! Лорд Огастус!

Лорд Огастус подходит к ней.

Лорд Уиндермир настаивает, чтобы первый вальс я танцевала с ним. Ну как мне отказаться — ведь мы у него в доме! Вы знаете, что я охотнее пошла бы с вами.

Лорд Огастус (*с низким поклоном*). Ах, если бы я мог этому верить, миссис Эрлин!

Миссис Эрлин. Вы прекрасно это знаете. Мне кажется, с вами можно бы провальсировать целую жизнь и не соскучиться.

Лорд Огастус (*прижав руку к своему белому жилету*). О, благодарю вас, благодарю! Из всех женщин вы самая восхитительная!

Миссис Эрлин. Как славно вы это сказали — просто, искренне. Именно так, как я люблю. Ну, держите пока мой букет. (*Под руку с лордом Уиндермиром направляется к бальной зале.*) А, мистер Дамби, добрый вечер! Какая жалость, что вы три раза подряд не заставляли меня дома. Приходите ко мне завтракать в пятницу.

Дамби (*нимало не смутившись*). Сочту за честь.

Леди Плимдэйл устремляет на мистера Дамби негодующий взор. Лорд Огастус, с букетом в руках, идет в залу следом за миссис Эрлин и лордом Уиндермиром.

Леди Плимдэйл (*мистеру Дамби*). Презренный человек! Ни единому вашему слову нельзя верить! Зачем вы мне сказали, что незнакомы с ней? Зачем вы были у нее три раза кряду? Вы не поедете к ней завтракать. Надеюсь, вам это понятно?

Дамби. Дорогая моя Лора, ну разумеется, не поеду.

Леди Плимдэйл. И вы мне еще не сказали ее имени. Кто она такая?

Дамби (*покашливает, приглаживает волосы*). Это некая миссис Эрлин.

Леди Плимдэйл. Та самая?!

Дамби. Да. Так все ее почему-то называют.

Леди Плимдэйл. Как интересно! Нет, это

страшно интересно! Надо ее как следует разглядеть. *(Идет к двери и заглядывает в бальную залу.)* Я слышала про нее бог знает что. Говорят, она буквально разоряет Уиндермира. А леди Уиндермир тоже хороша. Слывет такой строгой, а сама приглашает ее. Не забавно ли? Только воистину хорошая женщина способна на такой воистину идиотский поступок. Непременно поезжайте к ней в пятницу.

Д а м б и. Почему?

Л е д и П л и м д э й л. Потому что я хочу, чтобы вы забрали с собой моего мужа. Он последнее время так ко мне внимателен, что стал просто невыносим. Ну а эта женщина — как раз то, что ему нужно. Он будет ходить перед ней на задних лапках, пока ей это не надоест, а меня оставит в покое. Уверяю вас, такие женщины очень полезны. Ими держатся чужие браки.

Д а м б и. Вы просто загадка!

Л е д и П л и м д э й л *(глядя ему в лицо)*. Хорошо, кабы вы-то были загадкой!

Д а м б и. А я и есть загадка — для самого себя. Я — единственный на свете человек, которого мне бы хотелось узнать получше. Но пока я не вижу к тому возможностей.

Уходят в залу. С террасы входят леди Уиндермир и лорд Дарлингтон.

Л е д и У и н д е р м и р. Да. Ее появление здесь — это что-то ужасное, нестерпимое. Теперь я поняла, о чем вы говорили сегодня за чаем. Почему вы мне прямо не сказали?

Л о р д Д а р л и н г т о н. Я не мог. Не может мужчина говорить такие вещи про другого мужчину! Но знай я, что он заставит вас пригласить ее, я бы, кажется, вам сказал. Хоть от этого оскорбления вы были бы избавлены.

Л е д и У и н д е р м и р. Я ее не приглашала. Это он захотел — вопреки моей воле... несмотря на мои мольбы. Ах, мне нечем дышать в этом доме! Я чувствую, как все женщины здесь злорадствуют, когда она танцует с моим мужем. Чем я это заслужила? Я отдала ему всю мою жизнь. Он взял ее... испортил... сломал! Я унижена в собственных глазах. И мне недостает мужества. Я трусиха. *(Садится на диван.)*

Л о р д Д а р л и н г т о н. Либо я вас совсем не знаю, либо вы не станете жить с человеком, который с вами

так обращается. Разве это жизнь? День и ночь, каждую минуту вы будете чувствовать, что он вас обманывает. Вы будете чувствовать, что глаза его лгут, и голос лжет, и лживо его прикосновение, и лжива его страсть. Он будет приходить к вам, наскучив другими, и вам же придется утешать его. Он будет приходить к вам, всеми помыслами оставаясь с другими, и вам придется его пленять. Вы станете ширмой для его подлинной жизни, маской, скрывающей его тайны.

Леди Уиндермир. Вы правы — безнадежно правы. Но как от этого спастись? Вы обещали быть мне другом, лорд Дарлингтон. Будьте же мне другом, скажите, что мне делать?

Лорд Дарлингтон. Дружба между женщиной и женщиной невозможна. Страсть, вражда, обожание, любовь — только не дружба. Я вас люблю...

Леди Уиндермир. Нет, нет! *(Встает.)*

Лорд Дарлингтон. Да, люблю! Вы мне дороже всего на свете. Что может дать вам ваш муж? Ничего. Все, что в нем есть, он отдает этой злосчастной женщине, да еще навязал вам ее общество, ввел ее в ваш дом, чтобы при всех опозорить вас. Я предлагаю вам свою жизнь...

Леди Уиндермир. Лорд Дарлингтон!

Лорд Дарлингтон. ...всю свою жизнь. Возьмите ее, делайте с ней что хотите... Я вас люблю... люблю, как не любил никогда и никого. С той минуты как я вас встретил, я вас полюбил безумно, слепо, без памяти! Тогда вы этого не знали — теперь знаете. Сегодня же покиньте этот дом. Я не стану вас уверять, что мнение света, мнение общества ничего не значит, что это пустяки. Это не пустяки, оно много значит, слишком много. Но бывают минуты, когда нужно выбирать: либо жить своей жизнью — смело, свободно, до конца, либо влачить унижительное, фальшивое, жалкое существование, какое свет в своем ханжестве нам предписывает. Сейчас для вас настала такая минута. Выбирайте же! О любовь моя, выбирайте!

Леди Уиндермир *(медленно отступает от него, не сводя с его лица широко открытых испуганных глаз)*. У меня не останется мужества...

Лорд Дарлингтон *(идет за ней)*. Достанет! Пусть впереди трудное время, пусть даже унижения, но через шесть месяцев, когда вы перестанете носить

его имя, когда примете мое — все забудется. Маргарет, любовь моя, моя будущая жена... да, жена, и вы знаете, что так будет! Что вы сейчас? Эта женщина заняла место, которое принадлежит вам по праву. Ах, уходите из этого дома, уходите с гордо поднятой головой, с улыбкой на губах, с решимостью во взоре. Весь Лондон будет знать, почему вы так поступили. И кто вас осудит? Никто. А если и осудят? За какие грехи? И что такое грех? Грешно мужчине бросать свою жену ради бесстыдной женщины. Грешно жене оставаться с человеком, который ее бесчестит. Вы сказали, что не признаете компромиссов. Так докажите это. Будьте смелее! Будьте сами собой!

Леди Уиндермир. Я боюсь быть собой. Дайте мне подумать. Дайте подождать. Может быть, муж вернется ко мне. *(Садится на диван.)*

Лорд Дарлингтон. И вы его не прогоните? Значит, я в вас обманулся. Вы самая обыкновенная женщина, как все другие. Вы готовы на любые муки, лишь бы не заслужить хулу света, чье одобрение вам не нужно. Через неделю вы будете кататься с этой женщиной в Хайд-парке. Она станет у вас частой гостьей, вашей закадычной подругой. Вы готовы на все, лишь бы не разрубить этот безобразный узел одним ударом. Вы правы. У вас нет мужества. Ни капли.

Леди Уиндермир. Ах, дайте мне подумать. Сейчас я не могу вам ответить. *(Нервно проводит рукою по лбу.)*

Лорд Дарлингтон. Ответ мне нужен сейчас, либо уж никогда.

Леди Уиндермир *(вставая)*. Значит, никогда.

Пауза.

Лорд Дарлингтон. Не разбивайте мне сердце!

Леди Уиндермир. Мое уже разбито...

Пауза.

Лорд Дарлингтон. Завтра я уезжаю из Англии. Я смотрю на вас в последний раз. Больше вы меня никогда не увидите. На мгновение наши жизни скрестились, наши души коснулись друг друга. Это не повторится. Прощайте, Маргарет. *(Уходит.)*

Леди Уиндермир. Я одна. Совсем одна в жизни. Как страшно!

Музыка смолкает. Из залы, смеясь и разговаривая, выходят герцогиня Бервик, лорд Пайсли и другие гости.

Герцогиня Бервик. Маргарет, дорогая, мы только что премило поболтали с миссис Эрлин. Не сердитесь на меня за то, что я вам нынче про нее наговорила. Раз вы ее приглашаете — значит, она того достойна. Очень интересная женщина, и взгляды на жизнь у нее чрезвычайно разумные. Она сказала, что не одобряет людей, которые вступают в брак больше одного раза, так что за бедного Огастуса я теперь спокойна. Не понимаю, почему о ней столько судачат. Это все мои противные племянницы — девочки Сэвил — только и делают, что сплетничают. И все же, моя дорогая, я бы на вашем месте уехала в Висбаден. Она, пожалуй, даже чересчур интересна. Но где же Агата? Ах, вот она.

Леди Агата и мистер Хоппер входят с террасы.

Мистер Хоппер, я на вас очень, очень сердита. Вы увели Агату на террасу, а она так легко схватывает простуду.

Хоппер. Виноват, герцогиня. Мы вышли только на минутку, а потом заговорились.

Герцогиня Бервик. Вероятно, об Австралии?

Хоппер. Да!

Герцогиня Бервик. Агата, милочка! (*Отзывается ей в сторону.*)

Леди Агата. Да, мама?

Герцогиня Бервик. Ну что, мистер Хоппер окончательно...

Леди Агата. Да, мама.

Герцогиня Бервик. И что же ты ему ответила, дитя мое?

Леди Агата. Да, мама.

Герцогиня Бервик (*ласково*). Ах ты, моя радость! Ты всегда говоришь то, что нужно... Мистер Хоппер! Джеймс! Агата мне все сказала. Как ловко вы оба держали это в секрете!

Хоппер. Значит, герцогиня, вы не против того, чтобы я увез Агату в Австралию?

Герцогиня Бервик (*возмущенно*). В Австралию? Не говорите мне об этой ужасной, вульгарной стране.

Хоппер. Но она сказала, что охотно со мной поедет.

Герцогиня Бервик (*строго*). Ты это сказала, Агата?

Леди Агата. Да, мама.

Герцогиня Бервик. Агата, ты иногда говоришь невероятные глупости. Я считаю, что жить на Гровнор-сквер куда полезнее для здоровья. На Гровнор-сквер живет сколько угодно вульгарных людей, но там хотя бы не ползают всякие мерзкие кенгуру. Джеймс, можете пригласить Агату ужинать. Вы, конечно, будете у нас к завтраку, Джеймс. Не в два, а в половине второго. Я уверена, что герцог захочет с вами поговорить.

Хоппер. Я рад буду с ним поболтать, герцогиня. Он еще ни слова мне не сказал.

Герцогиня Бервик. Думаю, завтра у него много чего найдется вам сказать.

Леди Агата уходит с мистером Хоппером.

Ну вот, Маргарет, теперь я с вами попрощаюсь. Да, дорогая, снова повторяется старая-престарая история. Любовь... не то чтобы любовь с первого взгляда, но любовь в конце сезона, а это гораздо надежнее.

Леди Уиндермир. До свидания, герцогиня.

Герцогиня Бервик уходит под руку с лордом Пейсли.

Леди Плимдэйл. Дорогая Маргарет, с какой красавицей танцевал ваш муж! Я бы на вашем месте приревновала. Она ваша близкая знакомая?

Леди Уиндермир. Нет.

Леди Плимдэйл. Вот как? До свидания, дорогая. (*Взглянув на мистера Дамби, уходит.*)

Дамби. Невозможные манеры у этого Хоппера!

Сесил Грэхем. Да, Хоппер — дитя природы. Терпеть не могу этот тип.

Дамби. А леди Уиндермир неглупа. Другая на ее месте не пустила бы миссис Эрлин на порог. Но у леди Уиндермир есть здравый смысл — редчайшее качество в наш бессмысленный век.

Сесил Грэхем. А Уиндермир понимает, что нескромным поведением легче всего симулировать невинность.

Дамби. Да, наш милый Уиндермир становится

прямо-таки современным мужчиной. Не ожидал от него. (*Кланяется леди Уиндермир и уходит.*)

Леди Джедбер. До свидания, леди Уиндермир. Какая обаятельная женщина эта миссис Эрлин! В четверг она у меня завтракает. Может быть, и вы бы приехали? Будет епископ и леди Мертон.

Леди Уиндермир. Благодарю, леди Джедбер, но четверг у меня, к сожалению, занят.

Леди Джедбер. Очень, очень жаль. Пойдем, милая.

Леди Джедбер и мисс Грэхем уходят. Входят миссис Эрлин и лорд Уиндермир.

Миссис Эрлин. Чудесный бал! Так и вспомнилось прежнее время. (*Садится на диван.*) И дураков в обществе не убавилось. Приятно убедиться, что все здесь по-старому. Вот только Маргарет изменилась — очень похорошела. В последний раз, что я ее видела, — двадцать лет назад — это был уродец в пеленках. Да, да, совершенный уродец. А герцогиня — какая прелесть! И эта душка леди Агата! Обожаю таких девушек. В самом деле. Уиндермир, если мне суждено породниться с герцогиней Бервик...

Лорд Уиндермир (*сидит слева от нее*). А разве вы...

Сесил Грэхем и другие гости уходят. Леди Уиндермир с болью и гневом смотрит на мужа и миссис Эрлин. Они ее не замечают.

Миссис Эрлин. Вот именно. Он будет у меня завтра, в двенадцать часов. Он уже сегодня хотел сделать мне предложение. Собственно, даже сделал. И не один раз. Бедный Огастус, вы же знаете, как он повторяется. Такая скверная привычка! Но я ему сказала, что ответ он получит только завтра. Я, конечно, дам согласие. И, вероятно, из меня получится превосходная жена — по нынешним-то временам! А у лорда Огастуса много достоинств. К счастью, их сразу видно, они все на поверхности. Самое подходящее для них место. Но вы, разумеется, должны мне помочь в этом деле.

Лорд Уиндермир. Надеюсь, вы не требуете, чтобы я поощрял лорда Огастуса?

Миссис Эрлин. О нет, этим занимаюсь я. А вы, Уиндермир, обеспечите мне приличный доход, хорошо?

Лорд Уиндермир (*хмуро*). Вы хотите говорить об этом сейчас?

Миссис Эрлин. Да.

Лорд Уиндермир (*раздраженно*). Здесь не место для этого разговора.

Миссис Эрлин (*смеясь*). Ну что ж, тогда пойдем на террасу. Для всякой сделки нужен живописный фон, разве не так, Уиндермир? Если фон подходящий, женщина всегда своего добьется.

Лорд Уиндермир. Неужели нельзя отложить до завтра?

Миссис Эрлин. Нельзя. Вы понимаете, завтра я дам ему согласие. И я считаю нелишним сообщить ему, что имею... ну, скажем, две тысячи фунтов годовых, доставшихся мне в наследство от троюродного брата, или от второго мужа, словом-от какого-то дальнего родственника. Это будет как бы приятным дополнением к прочему, верно? Вот сейчас вам представляется случай сделать мне комплимент. Но вы, Уиндермир, не мастер говорить комплименты. Боюсь, что Маргарет не поощряет в вас этой полезной привычки. Это с ее стороны большая ошибка. Когда мужчина перестает говорить приятные слова, у него и мысли меняются соответственно. Но, кроме шуток, как вы смотрите на две тысячи? Пожалуй, даже две с половиной. Всегда лучше иметь что-то про запас. Ах, Уиндермир, интересно жить на этом свете, правда? По-моему, страшно интересно! (*Уходит на террасу с лордом Уиндермиром.*)

В зале играет музыка.

Леди Уиндермир. Остаться в этом доме — нет! Сегодня человек, который меня любит, предложил мне свою жизнь. Я отказалась. Это было глупо. Теперь я предложу ему мою жизнь. Отдам ее ему. Пойду к нему. (*Надевает мантию и идет к двери, потом возвращается. Садится к столу, пишет письмо, кладет в конверт и оставляет на столе.*) Артур никогда меня не понимал. Пусть прочтет это, тогда поймет. Теперь он может распоряжаться своей жизнью как хочет. Я своей распорядилась так, как мне кажется лучше, правильнее. Это он разорвал узы брака. Я только разрываю цепи рабства. (*Уходит.*)

Слева входит Паркер и идет через комнату к зале. С террасы входит миссис Эрлин.

Миссис Эрлин. Леди Уиндермир в зале?

Паркер. Миледи только что вышла.

Миссис Эрлин. То есть как -- вышла? На террасу?

Паркер. Нет, сударыня. Миледи ушла из дому.

Миссис Эрлин (*вздвинув, озадаченно смотрит на Паркера*). Из дому?

Паркер. Да, сударыня. Миледи сказала, что оставила на столе письмо для милорда.

Миссис Эрлин. Письмо лорду Уиндермиру?

Паркер. Да, сударыня.

Миссис Эрлин. Благодарю вас.

Паркер уходит. Музыка в зале смолкает.

Ушла из своего дома! Оставила мужу письмо! (*Идет к столу, смотрит на письмо. Берет его, потом, содрогнувшись, кладет обратно.*) Нет, нет, это невероятно! Так жизнь не повторяет своих трагедий. Ах, почему эта страшная мысль пришла мне в голову? Почему мне вспомнилась та минута моей жизни, которую мне больше всего хочется забыть? Или жизнь все-таки повторяет свои трагедии? (*Разрывает конверт и читает письмо, потом с жестом отчаяния опускается на стул.*) Какой ужас! Эти самые слова я двадцать лет назад написала ее отцу! И как жестоко я была за это наказана! Но нет! Настоящая кара настигла меня сегодня, сейчас!

С террасы входит лорд Уиндермир.

Лорд Уиндермир. Вы простились с моей женой?

Миссис Эрлин (*сжимая письмо в кулаке*). Да.

Лорд Уиндермир. Где же она?

Миссис Эрлин. Она очень устала. Решила лечь. Она сказала, что у нее разболелась голова.

Лорд Уиндермир. Я пойду к ней. Вы разрешите?

Миссис Эрлин (*поспешно вставая*). Ах, зачем? Ведь ничего серьезного нет. Просто она очень устала, вот и все. Да и в столовой еще ужинают. Она хотела, чтобы вы за нее извинились. Сказала, что ее не нужно беспокоить. (*Роняет письмо.*) Она просила меня все это вам передать.

Лорд Уиндермир (*поднимая письмо*). Вы что-то уронили.

Миссис Эрлин. Ах да, спасибо, дайте сюда. *(Протягивает руку за письмом.)*

Лорд Уиндермир *(смотрит на письмо)*. Но это, кажется, почерк моей жены?

Миссис Эрли *(быстро берет письмо)*. Да, это... это один адрес. Будьте добры, скажите, чтобы позвали мою коляску.

Лорд Уиндермир. Сейчас. *(Уходит.)*

Миссис Эрлин. Благодарю вас... Как же теперь быть? Как быть? Во мне поднимается какое-то чувство, еще никогда не испытанное. Дочь не должна идти по стопам матери — это было бы слишком страшно. Как мне ее спасти? Как спасти мою дочь? Одна минута может загубить целую жизнь. Кому это знать, как не мне? Уиндермира нужно удалить из дома — это совершенно необходимо. *(Идет к левой двери.)* Но как это сделать? Что-то нужно придумать. Ах, вот оно!

Из залы входит лорд Огастус с букетом.

Лорд Огастус. Дорогая миссис Эрлин, не томите меня. Долго ли мне еще ждать ответа?

Миссис Эрлин. Лорд Огастус, послушайте. Вы должны сию же минуту увезти лорда Уиндермира к себе в клуб и держать его там как можно дольше. Вы меня поняли?

Лорд Огастус. Но вы же сами велели мне пораньше ложиться!

Миссис Эрлин *(нервно)*. Делайте, что вам говорят.

Лорд Огастус. А награда?

Миссис Эрлин. Награда? Какая награда? Ах, об этом спросите меня завтра. А сейчас вы найдете Уиндермира и не будете спускать с него глаз. Иначе я вас никогда не прощу. Никогда больше не буду с вами разговаривать. Раззнакомлюсь с вами. Помните, вы должны держать Уиндермира у себя в клубе, и чтобы он до утра не возвращался домой. *(Уходит налево.)*

Лорд Огастус. Право, можно подумать, что я уже ее муж. Честное слово! *(Растерянно идет за ней следом.)*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Холостая квартира лорда Дарлингтона. Справа, перед каминном, большой диван. В глубине окно, занавешенное гардиной. Справа и слева двери. Справа стол с письменными принадлежностями. В центре столик, на нем сифоны, стаканы, погребец. На столике слева шкатулка с сигарами и папиросами. Горят лампы.

Леди Уиндермир (*стоит у камина*). Что же он не идет? Это ожидание невыносимо. Почему его нет? Он должен был встретить меня, хоть немножко согреть словами любви. Мне холодно... холодно и тоскливо. Артур уже, наверно, прочел мое письмо. Если б он меня любил, он бы за мною погнался, силой увез бы меня домой. Но он меня не любит. Он думает только об этой женщине... она околдовала его... подчинила себе. Чтобы завоевать мужчину, женщине достаточно разбудить самое дурное, что в нем есть. Ты делаешь из мужчины Бога, и он тебя бросает. Другая делает из него зверя, и он лижет ей руки и не отстает от нее. Как уродлива жизнь!.. Ах, приехать сюда было безумием, просто безумием. А между тем... не знаю, что хуже — быть во власти человека, который тебя любит, или быть женой человека, который позорит тебя в твоём же доме? Какая женщина может ответить на этот вопрос? Но тот, кому я отдаю мою жизнь, всегда ли он будет любить меня? Что я могу ему дать? Губы, которые разучились улыбаться, глаза, ослепшие от слез, холодные руки и пустое сердце. Я ничего не могу ему дать. Надо вернуться домой... Нет. Вернуться нельзя — своим письмом я дала им такое оружие... Артур меня прогонит... Ах, это злосчастное письмо! Ну, хорошо. Лорд Дарлингтон завтра уезжает из Англии. Я поеду с ним — выбора нет. (*Садится, но через минуту поры-*

висто встает и надевает манто.) Нет, нет, я поеду домой, и пусть Артур делает со мной что хочет. Я не могу больше ждать. И как я только могла сюда приехать? Прочь отсюда, скорее. Ну а лорд Дарлингтон... ох, вот он! Что мне делать? Что я скажу ему? Может, он не выпустит меня? Я слышала, что мужчины бывают грубы, беспощадны... О! (*Закрывает лицо руками.*)

Входит миссис Эрлин.

Миссис Эрлин. Леди Уиндермир!

Леди Уиндермир вздрагивает, поднимает голову. Потом с презрением отшатывается.

Слава богу, я не опоздала. Вы должны немедленно вернуться домой.

Леди Уиндермир. Должна?

Миссис Эрлин (*властно*). Да, должны! Нельзя терять ни секунды. Лорд Дарлингтон вот-вот будет здесь.

Леди Уиндермир. Не подходите ко мне!

Миссис Эрлин. Ах, вы на краю гибели, на краю зияющей пропасти. Сейчас же уходите отсюда. Моя коляска ждет на углу. Идемте вместе, и поезжайте прямо домой.

Леди Уиндермир снимает манто и бросает на диван.

Что вы делаете?

Леди Уиндермир. Миссис Эрлин, если бы вы не появились здесь, я бы уехала. Но сейчас, увидев вас, я поняла, что никакая сила не заставит меня жить под одной крышей с лордом Уиндермиром. Вы отвратительны! В вас есть что-то такое, от чего во мне закипает бешеная ярость. И я знаю, почему вы здесь. Это мой муж послал вас — заманить меня домой, чтобы я служила ширмой для ваших с ним отношений.

Миссис Эрлин. Бог с вами, вы не думаете этого, не можете думать!

Леди Уиндермир. Возвращайтесь к моему мужу, миссис Эрлин. Он ваш, а не мой. Вероятно, он боится скандала. Мужчины такие трусы. Преступают все законы света, а сами боятся светской молвы. Но пусть готовится — скандал ему будет. Такой скандал, какого в Лондоне не было много лет. Он увидит свое

имя во всех гнусных газетах, а мое — на всех бесстыдных афишах.

Миссис Эрлин. Нет, нет...

Леди Уиндермир. Да, увидит. Если б он приехал сам, не скрою, я вернулась бы к унижительному существованию, на которое вы с ним обрекли меня... я совсем уже решила вернуться... но самому остаться дома, а подослать ко мне вас — ах, это бесчестно... бесчестно!

Миссис Эрлин. Леди Уиндермир, вы жестоко меня обижаете... жестоко обижаете своего мужа. Он не знает, что вы здесь... он думает, что вы дома. Что вы спокойно спите у себя в комнате. Он не читал вашего безрассудного письма.

Леди Уиндермир. Не читал?

Миссис Эрлин. Ну да. Он о нем и не знает.

Леди Уиндермир. Неужели я, по-вашему, так легковерна? (*Подходит к ней.*) Вы мне лжете!

Миссис Эрлин (*сдерживая гнев*). Нет. Я говорю вам правду.

Леди Уиндермир. Если муж не читал моего письма, как же вы здесь очутились? Кто вам сказал, что я покинула дом, в который у вас достало наглости явиться? Кто вам сказал, куда я пошла? Мой муж. И он послал вас за мной.

Миссис Эрлин. Ваш муж не видел этого письма. Это я увидела его, вскрыла... я прочла его.

Леди Уиндермир (*резко оборачиваясь к ней*). Вы прочли мое письмо к мужу? Вы бы не посмели!

Миссис Эрлин. Не посмела? Да чтобы удержать вас на краю пропасти, в которую вы готовы упасть, я посмела бы все на свете! Вот ваше письмо. Ваш муж не читал его. И никогда не прочтет. (*Идет к камину.*) И лучше бы вы его не писали. (*Рвет письмо и бросает в огонь.*)

Леди Уиндермир (*голосом и взглядом выражая бесконечное презрение*). Откуда мне знать, что это было мое письмо? Вы, кажется, думаете, что я поверю любой выдумке?

Миссис Эрлин. Ах, почему вы не хотите мне верить? Для чего, по-вашему, мне было приходиться сюда, если не для того, чтобы спасти вас от гибели, спасти от последствий гадкого недоразумения? То письмо, что сейчас сгорело, было ваше письмо. Клянусь вам!

Леди Уиндермир (*медленно*). Вы его нарочно сожгли, чтобы я не успела его разглядеть. Я не могу вам верить. Вы, чья жизнь — сплошная ложь, как вы можете сказать правду? (*Садится.*)

Миссис Эрлин (*торопливо*). Думайте обо мне что хотите... говорите все, что вам угодно, но уезжайте, уезжайте домой, к мужу, которого вы любите.

Леди Уиндермир (*упрямо*). Я его не люблю.

Миссис Эрлин. Нет, любите, и отлично знаете, что он тоже вас любит.

Леди Уиндермир. Он вообще не понимает, что такое любовь. Так же как и вы. Но мне ясно, чего вы добиваетесь. Если бы я вернулась, это было бы вам куда как удобно. И боже мой, какая это была бы жизнь! Сдаться на милость женщине, которой чуждо и милосердие и жалость, женщине, с которой и знакомство-то унизительно, позорно... развратной женщине, которая становится между женой и мужем.

Миссис Эрлин (*с жестом отчаяния*). Леди Уиндермир, ради бога, не говорите таких ужасных слов! Вы не знаете, как они ужасны и как несправедливы! Не перебивайте, вы должны меня выслушать. Только вернитесь к мужу, и я обещаю, что прекращу с ним всякие отношения... Никогда больше его не увижу... навсегда уйду из его и из вашей жизни. Те деньги, что он давал мне, он давал не из любви, а из ненависти, не поклоняясь, а презирая. Власть, которую я над ним имею...

Леди Уиндермир (*вставая*). Ага, вы признали, что имеете над ним власть!

Миссис Эрлин. Да, и я скажу, на чем она держится. На его любви к вам, леди Уиндермир.

Леди Уиндермир. И вы хотите, чтобы я этому поверила?

Миссис Эрлин. Должны поверить! Это правда. Только из любви к вам он терпел... ну, скажем, тиранию, угрозы, как хотите называйте. Из любви к вам. Из желания избавить вас от стыда... от стыда и позора.

Леди Уиндермир. Что это значит? Какая наглость! Что у нас с вами общего?

Миссис Эрлин (*смирненно*). Ничего. Я это знаю. Но говорю вам — ваш муж вас любит... такой любви вы можете больше не встретить в жизни... и если вы ее

оттолкнете, настанет день, когда вы будете изнывать без любви и никто вам не поможет, будете молить о любви и мольбы ваши останутся тщетны... О, Артур вас любит!

Леди Уиндермир. Артур? И вы мне говорите, что между вами ничего нет?

Миссис Эрлин. Леди Уиндермир, клянусь Богом, ваш муж ни в чем перед вами не виноват! А я... да если бы мне только пришло в голову, что у вас может зародиться такое чудовищное подозрение, я бы лучше умерла, чем подойти близко к нему или к вам, да, умерла бы, и с радостью! *(Отходит к дивану.)*

Леди Уиндермир. Вы говорите так, словно у вас есть сердце. У таких женщин, как вы, нет сердца. Зачем оно вам? Вас продают и покупают. *(Садится.)*

Миссис Эрлин *(вздрагивает, как от удара. Потом, овладев собой, идет к леди Уиндермир. Говоря, несколько раз протягивает к ней руки, но не смеет ее коснуться)*. Думайте обо мне что хотите. Жалеть меня нечего, я того не стою. Но не губите из-за меня свою чудесную молодую жизнь! Вы не знаете, что вас ждет, если вы сейчас же не уйдете из этого дома. Вы не знаете, что значит попасться в эту ловушку — терпеть презрение, насмешки, издевательства... оказаться покинутой, всеми отверженной! Убедиться, что в дверь тебя больше не пустят, что нужно вползать неприглядными, окольными путями, каждую минуту опасаясь, что с тебя сорвут маску... и все время слышать смех, безжалостный смех толпы — смех более горестный, чем все слезы, которые льются в мире. Вы не знаете, что это такое. За свой грех расплачиваешься, а потом надо платить еще и еще, платить всю жизнь. Вы не должны это испытать. А что до меня, то если правду говорят, будто в муках можно найти искупление, значит, я сегодня искупила все свои грехи, сколько есть. Ведь сегодня вы дали сердце женщине, у которой его не было. Дали — и разбили... Но довольно об этом. Пусть я исковеркала свою жизнь, вас я до этого не допущу... Вы... да вы просто ребенок, вы пропадете. Не тот у вас ум, с каким женщина может пробиться обратно. Вам на это не хватит ни смекалки, ни мужества. Вам не снести позора. Нет! Вернитесь, леди Уиндермир, вернитесь к мужу, который вас любит, которого вы любите. У вас

есть ребенок, леди Уиндермир. Вернитесь к нему. Может быть, он вот сейчас, в эту минуту, плача или смеясь, зовет вас.

Леди Уиндермир встает.

Бог дал вам это дитя. Бог требует, чтобы вы создали ему счастливую жизнь, чтобы вы берегли его. Что вы ответите Богу, если из-за вас жизнь малютки будет сломана? Спешите домой, леди Уиндермир... муж вас любит! Ни разу его любовь к вам не дрогнула. Но измени он вам хоть тысячу раз, вы должны остаться со своим ребенком. Даже если он будет с вами груб, даже если будет жестоко с вами обращаться, вы должны остаться со своим ребенком. Даже если он вас бросит, — все равно ваше место возле вашего ребенка...

Леди Уиндермир рыдает, опустив лицо в ладони.

(Бросаясь к ней.) Леди Уиндермир!

Леди Уиндермир *(по-детски беспомощно протягивает к ней руки)*. Увезите меня домой!

Миссис Эрлин *(хочет ее обнять. Потом удерживает себя. Ее лицо озаряется радостью)*. Едем! Где ваше манто? *(Берет его с дивана.)* Вот. Одевайтесь. Бежим!

Идут к двери.

Леди Уиндермир. Стойте! Слышите голоса?

Миссис Эрлин. Ничего не слышу. Это вам показалось.

Леди Уиндермир. Да нет же! Послушайте. Ой, это голос моего мужа. Он идет сюда. Спасите меня! Это какой-то сговор. Вы за ним послали.

Голоса за дверью.

Миссис Эрлин. Тише! Я пришла спасти вас. Но, кажется, я опоздала. Сюда! *(Указывает на занавешенное окно.)* И при первой возможности, если только она представится, бегите!

Леди Уиндермир. А вы?

Миссис Эрлин. Обо мне не заботьтесь. Я сумею их встретить.

Леди Уиндермир прячется за гардину.

Лорд Огастус *(за сценой)*. Вздор, мой милый Уиндермир. Вы меня не покинете!

Миссис Эрлин. Лорд Огастус! Так это я пропала! (*Секунду колеблется, потом, оглядевшись, замечает дверь справа и уходит в соседнюю комнату.*)

Входят лорд Дарлингтон, мистер Дамби, лорд Уиндермир, лорд Огастус Лортон и мистер Сесил Грэхем.

Дамби. Вот безобразие! Выгнать нас из клуба в такую рань. Время всего два часа. (*Опускается на стул.*) Вечер, можно сказать, только начинается. (*Зевает и закрывает глаза.*)

Лорд Уиндермир. Вы очень добры, лорд Дарлингтон, что позволили Огастусу навязать вам наше общество. Но я, к сожалению, скоро должен уйти.

Лорд Дарлингтон. В самом деле? Как досадно. Но от сигары вы не откажетесь?

Лорд Уиндермир. Благодарю. (*Садится.*)

Лорд Огастус (*лорду Уиндермиру*). Дорогой мой, и не думайте уходить. Мне еще нужно с вами побеседовать, черт побери, и об очень важном предмете. (*Садится рядом с ним у столика слева.*)

Сесил Грэхем. Знаем мы, что это за предмет. Таппи не может говорить ни о чем, кроме как о миссис Эрлин.

Лорд Уиндермир. Знаете, Сесил, по-моему, это не ваше дело.

Сесил Грэхем. Совершенно верно. Поэтому оно меня и интересует. Мои дела всегда нагоняют на меня тоску. Я предпочитаю чужие.

Лорд Дарлингтон. Выпьем, друзья. Сесил, хочешь виски с содовой?

Сесил Грэхем. Не откажусь. (*Подходит к столу с бутылками.*) А верно, миссис Эрлин была сегодня очень эффектна?

Лорд Дарлингтон. У нее много поклонников. Я не из их числа.

Сесил Грэхем. Да и я не был, а теперь вот стал. Она не более не менее как заставила меня познакомиться ее с бедной тетей Кэролайн. Кажется, она приглашена туда к завтраку.

Лорд Дарлингтон (*удивленно*). Да ну?

Сесил Грэхем. В самом деле.

Лорд Дарлингтон. Вы меня извините, друзья.

Завтра я уезжаю, мне нужно написать кое-какие письма. *(Садится у стола справа.)*

Дамби. Умная женщина эта миссис Эрлин.

Сесил Грэхем. Э, Дамби? Я думал, ты спишь.

Дамби. Я и сплю. Как всегда.

Лорд Огастус. Она очень умная женщина. Она знает, что я дурак. Знает, черт побери, не хуже меня знает.

Сесил Грэхем, смеясь, подходит к нему.

Смейся, смейся, мой милый, но встретить женщину, которая до конца тебя понимает, — это великое дело.

Дамби. Это очень опасное дело. Такие в конце концов всегда на себе женят.

Сесил Грэхем. Но как же, Таппи, я думал, ты не хочешь больше ее видеть? Да, да, ты сам мне это говорил вчера, в клубе. Ты сказал, что до тебя дошло... *(Продолжает шепотом.)*

Лорд Огастус. О, это она объяснила.

Сесил Грэхем. А висбаденскую историю?

Лорд Огастус. Тоже объяснила.

Дамби. А ее доходы, Таппи? Это она объяснила?

Лорд Огастус *(очень серьезно)*. Это она объяснит завтра.

Сесил Грэхем возвращается к столику с бутылками.

Дамби. Ужас, как женщины стали расчетливы. Спору нет, нашим бабушкам тоже случалось пускаться во все тяжкие, но их внучки непременно сначала прикинут, что это им даст.

Лорд Огастус. Послушать вас, так она дурная женщина. А это неправда.

Сесил Грэхем. С дурными женщинами не знаешь покоя, а с хорошими изнываешь от скуки. Вот и вся разница.

Лорд Огастус *(попыхивая сигарой)*. У миссис Эрлин впереди будущее.

Дамби. У миссис Эрлин позади прошлое.

Лорд Огастус. Я предпочитаю женщин с прошлым. С ними, черт побери, хоть разговаривать интересно.

Сесил Грэхем. Ну, Таппи, с ней у тебя будет о чем поговорить. *(Встает и идет к нему.)*

Лорд Огастус. Это бестактно, мой милый, это очень, черт побери, бестактно.

Сесил Грэхем (*кладет руки ему на плечи*). Дорогой Таппи, ты уже потерял стройность фигуры и потерял доброе имя. Так не теряй терпения — нового не найдешь.

Лорд Огастус. Мой милый, не будь я самым незлобивым человеком в Лондоне...

Сесил Грэхем. ...мы бы обращались с тобой более уважительно, так, что ли, Таппи? (*Отходит.*)

Дамби. С нынешней молодежью просто сладу нет. Никакого уважения к крашеным волосам.

Лорд Огастус сердито оглядывается.

Сесил Грэхем. Миссис Эрлин очень уважает нашего Таппи.

Дамби. В таком случае миссис Эрлин — отличный пример для подражания. Больно видеть, как большинство современных женщин третируют холостяков и чужих мужей.

Лорд Уиндермир. Дамби, хватит глупостей, а вы, Сесил, придержали бы язык. Оставьте миссис Эрлин в покое. Вы, в сущности, ничего про нее не знаете, а только и делаете, что злословите.

Сесил Грэхем (*подходит к нему*). Дорогой Артур, я никогда не злословлю. Не знаю, как другие, а я только сплетничаю.

Лорд Уиндермир. Какая же разница между злословием и сплетней?

Сесил Грэхем. О, сплетни — это прелесть. Вся история состоит из сплетен. А злословие — это те же сплетни, только приправленные моралью и потому смертельно скучные. Я никогда не читаю мораль. Мужчина, читающий мораль, обычно лицемер, а женщина, читающая мораль, непременно дурнушка. Меньше всего женщину красит пуританская совесть. И к счастью, большинство женщин это понимает.

Лорд Огастус. Совершенно с тобой согласен, мой милый, совершенно согласен.

Сесил Грэхем. Это печально, Таппи. Всякий раз, как со мной соглашаются, я чувствую, что сболтнул глупость.

Лорд Огастус. Когда я, мой милый, был в твоём возрасте...

Сесил Грэхем. Но ты никогда не был в моем возрасте, Таппи, и никогда не будешь. *(Отходит от него.)* Дарлингтон, дай-ка нам карты. Вы ведь сыграете, Артур?

Лорд Уиндермир. Нет, благодарю, Сесил.

Дамби *(со вздохом)*. Боже правый! Вот что значит женатая жизнь! Действует так же разлагающе, как курение, а стоит куда дороже.

Сесил Грэхем. Ты-то, конечно, сыграешь, Таппи?

Лорд Огастус *(наливая себе бренди с содовой)*. Не могу, мой милый. Обещал миссис Эрлин не пить и не играть в карты.

Сесил Грэхем. Таппи, Таппи, не дай совратить себя с пути неправедного! Добродетельный ты будешь невыносимо скучен. Это-то и злит меня в женщинах. Обязательно им подавай хорошего мужчину. Причем если он хорош с самого начала, они его ни за что не любят. Им нужно полюбить его неисправимо дурным, а бросить — до противности хорошим.

Лорд Дарлингтон *(вставая из-за стола, за которым он писал письма)*. Никогда мы для них не хороши.

Дамби. А по-моему, мы не так уж плохи. По-моему, мы все хорошие, кроме Таппи.

Лорд Дарлингтон. Нет, все мы барахтаемся в грязи, но иные из нас глядят на звезды. *(Садится у столика с бутылками.)*

Дамби. Все мы барахтаемся в грязи, но иные из нас глядят на звезды? Честное слово, Дарлингтон, вы сегодня настроены романтично.

Сесил Грэхем. Чересчур романтично. Не иначе, как ты влюблен. Кто она?

Лорд Дарлингтон. Женщина, которую я люблю, не свободна или не считает себя свободной. *(Невольно взглядывает на лорда Уиндермира.)*

Сесил Грэхем. Ах, так! Замужняя женщина! Ну что ж, любовь замужней женщины — это великая вещь. Женатым мужчинам такое и не снилось.

Лорд Дарлингтон. О, она меня не любит. Это хорошая женщина. Единственная, какую я встретил в жизни.

Сесил Грэхем. Единственная хорошая женщина, какую ты встретил в жизни?

Лорд Дарлингтон. Да.

Сесил Грэхем (*закуривая папиросу*). Ну и везет же тебе! Я так встречал сотни хороших женщин. Мне в жизни только и попадаются, что хорошие женщины. Мир ими просто битком набит. Знакомство с ними — это своего рода начальное образование.

Лорд Дарлингтон. Эта женщина чиста и невинна. В ней есть все, что мы, мужчины, утратили.

Сесил Грэхем. Побойся Бога, дорогой, на какого дьявола мужчине чистота и невинность? С толком подобранная бутоньерка и то нужнее.

Дамби. Значит, она вас не любит?

Лорд Дарлингтон. Нет, не любит.

Дамби. Ну, тогда поздравляю. В нашей жизни возможны только две трагедии. Одна — это когда не получаешь того, что хочешь, другая — когда получаешь. Вторая хуже, это поистине трагедия! Но вы говорите — она вас не любит? Это очень интересно. Сесил, сколько времени ты мог бы любить женщину, которая тебя не любит?

Сесил Грэхем. Которая не любит? Всю жизнь.

Дамби. Я тоже. Но как трудно такую встретить!

Лорд Дарлингтон. И хвастун же вы, Дамби!

Дамби. Я этим не хвастаюсь. Я об этом скорблю. Меня любили страстно, безумно. И очень жаль. Это невероятно мешало мне в жизни. Я бы не прочь иметь иногда немножко свободного времени.

Лорд Огастус (*оборачиваясь*). Чтобы кой-чему поучиться?

Дамби. Нет, чтобы забыть все, чему меня учили. Это гораздо важнее, Таппи.

Лорд Огастус беспокойно ерзает на стуле.

Лорд Дарлингтон. Ох, друзья, какие же вы циники!

Сесил Грэхем. Что есть циник? (*Усаживается на спинку дивана.*)

Лорд Дарлингтон. Это человек, который все-му знает цену и ничего не ценит.

Сесил Грэхем. А сентиментальный романтик, дорогой мой Дарлингтон, это человек, который во всем усматривает какую-то дурацкую ценность и не знает, что почем на рынке.

Лорд Дарлингтон. Забавно тебя слушать, Сесил. Говоришь, точно у тебя богатейший опыт.

Сесил Грэхем. Так оно и есть. *(Идет к камину.)*

Лорд Дарлингтон. Молод ты для этого!

Сесил Грэхем. Годы здесь ни при чем. Опыт — это интуитивное понимание жизни. У меня оно есть. У Таппи его нет. Таппи называет опытом собственные ошибки. Вот и все.

Лорд Огастус, возмущенный, оборачивается.

Дамби. Все называют опытом собственные ошибки.

Сесил Грэхем *(стоя спиной к камину)*. Не надо их совершать. *(Замечает на диване веер леди Уиндермир.)*

Дамби. Без них жизнь была бы не жизнь, а сплошная скука.

Сесил Грэхем. Ты, Дарлингтон, конечно, верен этой женщине, в которую влюблен, — этой хорошей женщине?

Лорд Дарлингтон. Сесил, когда любишь по-настоящему, все другие женщины ничего для тебя не значат. Любовь изменяет человека — я не тот, что был прежде.

Сесил Грэхем. Подумайте, как интересно! Таппи, мне надо с тобой поговорить.

Лорд Огастус не отвечает.

Дамби. С Таппи говорить бессмысленно. Все равно что с каменной стеной.

Сесил Грэхем. Но с каменной стеной говорить одно удовольствие — это единственный, кто мне не возражает. Таппи!

Лорд Огастус. Ну что такое? Что такое? *(Встает и направляется к Сесилу Грэхему.)*

Сесил Грэхем. Поди сюда. Ты мне нужен. *(Вполголоса.)* Дарлингтон тут читал мораль и распространялся насчет чистой любви и прочего тому подобного, а у самого в квартире прячется женщина.

Лорд Огастус. Что? Ей-богу?

Сесил Грэхем *(вполголоса)*. Да. Вон ее веер. *(Указывает.)*

Лорд Огастус *(со смешком)*. Ну и ну!

Лорд Уиндермир. Теперь, лорд Дарлингтон,

мне в самом деле пора. Очень жаль, что вы так скоро уезжаете. Когда вернетесь, милости просим к нам. Мы с женой всегда рады вас видеть.

Лорд Дарлингтон (*в глубине, с лордом Уиндермиром*). Скорее всего я пробуду в отлучке много лет. Всего хорошего!

Сесил Грэхем. Артур!

Лорд Уиндермир. Что?

Сесил Грэхем. На минуточку. Мне надо вам что-то сказать.

Лорд Уиндермир (*надевая пальто*). Не могу. Мне пора.

Сесил Грэхем. Вернитесь, не пожалее. Вам будет страшно интересно.

Лорд Уиндермир (*с улыбкой*). Опять какие-нибудь проделки, Сесил.

Сесил Грэхем. Да нет же. Право, нет.

Лорд Огастус (*идет к нему*). Дорогой мой, не уходите. Мне много о чем надо с вами побеседовать. А Сесил хочет вам показать одну вещь.

Лорд Уиндермир (*возвращаясь от двери*). Ну, что там такое?

Сесил Грэхем. У Дарлингтона где-то здесь спрятана женщина. Вон ее веер. Забавно, а?

Пауза.

Лорд Уиндермир. Боже милостивый! (*Хватает веер.*)

Дамби встает.

Сесил Грэхем. Что случилось?

Лорд Уиндермир. Лорд Дарлингтон!

Лорд Дарлингтон (*оборачивается*). Да?

Лорд Уиндермир. Как очутился в вашей квартире веер моей жены? Руки прочь, Сесил! Отойдите от меня.

Лорд Дарлингтон. Веер вашей жены?

Лорд Уиндермир. Да. Вот он!

Лорд Дарлингтон (*идет к нему*). Не знаю.

Лорд Уиндермир. Не можете не знать. Я требую объяснения... (*Сесилу Грэхему.*) Да не держите меня, болван несчастный!

Лорд Дарлингтон (*в сторону*). Значит, она все-таки пришла!

Лорд Уиндермир. Говорите же, сэр! Почему веер моей жены здесь? Отвечайте! Какого черта, я обещаю вашу квартиру, и, если моя жена здесь, я... *(Делает шаг к двери.)*

Лорд Дарлингтон. Обыскать? Не имеете права. Я вам запрещаю.

Лорд Уиндермир. Негодяй! Я не уйду, пока не обещаю здесь каждый угол. Что там шевелится за занавеской? *(Бросается к окну.)*

Миссис Эрлин *(входит из двери направо)*.
Лорд Уиндермир!

Лорд Уиндермир. Миссис Эрлин!

Все в изумлении оборачиваются. Леди Уиндермир выскальзывает из-за гардины и, незамеченная, убегает в дверь налево.

Миссис Эрлин. Так глупо — сегодня, уходя от вас, я по ошибке захватила веер вашей жены вместо своего. Право же, мне очень неприятно. *(Берет у него веер.)*

Лорд Уиндермир смотрит на нее с глубоким презрением. Лорд Дарлингтон — со смешанным чувством удивления и гнева. Лорд Огастус отворачивается. Двое остальных переглядываются, улыбаясь.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Декорация первого действия.

Леди Уиндермир (*лежит на диване*). Как я ему скажу? Я не могу сказать, это выше моих сил. Если б знать, что случилось после того, как я вырвалась из этой ужасной комнаты. Может, она все ему открыла — зачем она пришла и как туда попал мой злополучный веер. Ах, если он знает — какими глазами мне смотреть на него? Он мне ни за что не простит. (*Звонит.*) Вот живешь, и кажется, что все так прочно, спокойно, что ты недоступна соблазну, греху, безумию. А потом — вдруг... Ох, как страшна жизнь! Не мы над ней властны, а она над нами.

Справа входит Розали.

Розали. Ваша милость звонили?

Леди Уиндермир. Да. Вы узнали, в котором часу лорд Уиндермир приехал домой?

Розали. Милорд приехал домой только в пять часов утра.

Леди Уиндермир. В пять часов? И сегодня он стучал ко мне?

Розали. Да, миледи, в половине десятого. Я ему сказала, что ваша милость еще спите.

Леди Уиндермир. А он что-нибудь сказал?

Розали. Что-то насчет вашего веера, миледи... Я не очень разобрала. А что, миледи, веер пропал? Я его никак не найду, и Паркер говорит, что нигде его не видел. Он искал во всех комнатах, и на террасе тоже.

Леди Уиндермир. Это не важно. Скажите Паркеру, пусть больше не ищет. Можете идти.

Розали уходит.

(*Вставая.*) Конечно, она все ему рассказала. Так легко себе это представить: женщина совершает благородный, самоотверженный поступок — сгоряча, не подумав... а потом видит, что это слишком дорого ей обойдется. С чего бы ей жертвовать собой ради меня?.. Как странно! Я хотела опозорить ее при всех, в своем доме. А она, в другом доме, выставляет себя на позор, чтобы спасти меня... Сколько в этом горькой иронии! Сколько горькой иронии в том, как мы рассуждаем о хороших женщинах и о дурных. Какой урок! И как жаль, что такие уроки мы получаем слишком поздно! Ведь даже если она будет молчать, я-то должна признаться. Ох, как стыдно, как стыдно! Рассказать — значит все пережить сызнова. Поступки — первая трагедия жизни, слова — вторая. И слова, пожалуй, еще хуже. Слова жалят... Ах! (*Вздрагивает при виде входящего лорда Уиндермира.*)

Лорд Уиндермир (*целуя ее*). Маргарет, какая ты бледная!

Леди Уиндермир. Я плохо спала.

Лорд Уиндермир (*садится с ней рядом на диван*). Бедняжка! А я пришел домой уже под утро и не хотел тебя будить. Ты плачешь, родная?

Леди Уиндермир. Да, плачу, потому что мне нужно тебе что-то рассказать.

Лорд Уиндермир. Девочка моя, ты нездорова. Ты переутомилась. Поедем в деревню, в Селби ты сразу оживешь. Сезон почти кончился, в городе сидеть нет смысла. Бедная моя! Если хочешь, уедем хоть сегодня. (*Встает.*) Мы еще поспеем на три сорок. Сейчас я pošлю Феннану телеграмму. (*Идет к бюро и садится писать телеграмму.*)

Леди Уиндермир. Да, Артур, уедем сегодня же... Ох нет, сегодня я не могу. Мне до отъезда нужно повидаться... повидаться с одним человеком, который оказал мне услугу...

Лорд Уиндермир (*подходит к дивану*). Услугу?

Леди Уиндермир. Нет, неизмеримо больше. Я тебе все расскажу, Артур, только люби меня, люби как прежде.

Лорд Уиндермир. Как прежде? Ты думаешь об этой злосчастной женщине, которая была здесь вчера?

(Садится рядом с ней.) Неужели ты все еще воображаешь... нет, не может этого быть!

Леди Уиндермир. Да. Я знаю, я была неправа и наговорила глупостей.

Лорд Уиндермир. Я очень ценю, что ты приняла ее вчера, но больше ты ее не увидишь.

Леди Уиндермир. Почему ты так говоришь?

Пауза.

Лорд Уиндермир (берет ее за руку). Маргарет, мне казалось, что молва чересчур сурова к миссис Эрлин. Мне казалось, что она хочет исправиться, хочет снова занять положение, которого лишилась из-за минутной слабости, снова жить, как порядочная женщина. Я ей поверил — и ошибся в ней. Она дурная женщина, она неисправима.

Леди Уиндермир. Артур, Артур, не говори так жестоко ни о ком! Я теперь поняла, что нельзя делить людей на дурных и хороших, как будто это разные сорта или породы. В женщинах, которых называют хорошими, таится много страшного — безрассудные порывы ревности, упрямства, греховные мысли. А те, так называемые дурные женщины, способны на муки, раскаяние, жалость, самопожертвование. И я думаю, нет, я знаю, что миссис Эрлин нельзя назвать дурной женщиной.

Лорд Уиндермир. Дорогая моя, она невозможна. Пусть пытается вредить нам как хочет, но ты больше не должна с ней встречаться. Ей не место в обществе.

Леди Уиндермир. Но я хочу ее видеть. Я хочу, чтобы она ко мне приехала.

Лорд Уиндермир. Ни под каким видом.

Леди Уиндермир. Один раз она была здесь по твоему приглашению. Теперь я сама ее приглашу. Так будет справедливо.

Лорд Уиндермир. Ей вообще не следовало сюда являться.

Леди Уиндермир (встает). Об этом не стоит говорить, Артур. Поздно. (Отходит от него.)

Лорд Уиндермир. Маргарет, если бы ты знала, где миссис Эрлин была вчера ночью, когда уехала отсюда, ты бы не захотела оказаться с ней в одной комнате. Все это было просто безобразно.

Леди Уиндермир. Артур, я больше не могу. Я должна тебе рассказать. Вчера ночью...

Входит Паркер с подносом. На подносе веер леди Уиндермир и визитная карточка.

Паркер. Миссис Эрлин захела возвратить веер миледи. Она вчера по ошибке его захватила. Миссис Эрлин написала несколько слов на карточке.

Леди Уиндермир. Ах, передайте миссис Эрлин, что я прошу ее зайти. (*Читает написанное на карточке.*) Скажите, что я буду очень рада ее видеть.

Паркер уходит.

Она хочет меня видеть, Артур.

Лорд Уиндермир (*берет карточку, читает*). Маргарет, убедительно тебя прошу, не нужно. Или дай я хотя бы сам с ней сначала поговорю. Она крайне опасная женщина. Самая опасная, какую я знаю. Ты не понимаешь, на что идешь.

Леди Уиндермир. И все-таки я приму ее — иначе нельзя.

Лорд Уиндермир. Дитя мое, тебе, возможно, предстоит мучительный разговор. Постарайся избежать его. Дай мне повидаться с ней первым. Это совершенно необходимо.

Леди Уиндермир. Почему?

Входит Паркер.

Паркер. Миссис Эрлин.

Входит миссис Эрлин. Паркер уходит.

Миссис Эрлин. Здравствуйте, леди Уиндермир! (*Лорду Уиндермиру.*) Здравствуйте! Поверьте, леди Уиндермир, мне страшно неприятна эта история с вашим веером. И как я только могла допустить такую оплошность. А тут я как раз ехала в вашу сторону, вот и решила сама возвратить вам пропажу и попросить извинения за свою рассеянность, а кстати проститься с вами.

Леди Уиндермир. Проститься? (*Вместе с миссис Эрлин идет к дивану и садится с нею рядом.*) Разве вы уезжаете, миссис Эрлин?

Миссис Эрлин. Да. Я опять буду жить за грани-

цей. Английский климат не по мне. Здесь меня беспокоит... сердце, это мне не нравится. Я предпочитаю жить на юге. В Лондоне слишком много тумана и... и серьезных людей, лорд Уиндермир. То ли туман порождает серьезных людей, то ли наоборот — не знаю, но все это действует мне на нервы. Я уезжаю сегодня, вечерним поездом.

Леди Уиндермир. Сегодня? А я так хотела побывать у вас!

Миссис Эрлин. Вы очень добры. Но, к сожалению, я не могу отложить отъезд.

Леди Уиндермир. И я никогда больше вас не увижу?

Миссис Эрлин. Боюсь, что так. Едва ли судьба сведет нас еще раз. Но у меня к вам есть небольшая просьба. Мне бы хотелось иметь вашу фотографию, леди Уиндермир. Вы мне не подарите? Я была бы так рада.

Леди Уиндермир. О, с удовольствием. Вон там на столе есть одна. Сейчас я вам покажу. *(Идет к столу в глубине направо.)*

Лорд Уиндермир *(подходит к миссис Эрлин и говорит вполголоса)*. Это бог знает что — вторгаться сюда после того, что вы позволили себе ночью.

Миссис Эрлин *(с насмешливой улыбкой)*. Мой милый Уиндермир, даже когда читаешь нотации, не мешаешь быть вежливым.

Леди Уиндермир *(возвращаясь)*. Фотограф мне польстил — я не так красива. *(Показывает снимок.)*

Миссис Эрлин. Вы гораздо красивее. Но нет ли у вас фотографии, где вы сняты со своим сынишкой?

Леди Уиндермир. Есть. Вам больше хочется иметь такую?

Миссис Эрлин. Да.

Леди Уиндермир. Тогда будьте добры, подождите минутку, пока я схожу за ней. Она у меня наверху.

Миссис Эрлин. Вот видите, леди Уиндермир, сколько хлопот я вам доставляю.

Леди Уиндермир *(идет к двери направо)*. Ну что вы, миссис Эрлин.

Миссис Эрлин. Я вам так благодарна...

Вы сегодня как будто не в духе, Уиндермир? С чего бы? Мы с Маргарет отлично ладим.

Лорд Уиндермир. Мне тошно видеть вас рядом с ней. Кроме того, вы мне сказали неправду, миссис Эрлин.

Миссис Эрлин. То есть я не сказала ей правды.

Лорд Уиндермир. Порой я об этом жалею. Знай она все, мне бы не нужно было полгода терзаться, жить в постоянном страхе. Но ради того, чтобы скрыть от моей жены, что ее мать жива — мать, которую она считает умершей, которую оплакивает как мертвую, — что это разведенная женщина, живущая под вымышленной фамилией, дурная женщина, хищница — теперь-то я знаю, что это так, — ради этого я был готов ссужать вас деньгами на оплату всех ваших счетов, всех ваших прихотей, я шел на то, что и произошло вчера, — на первую за все время ссору с женой. Вам не понять, что это для меня значит. Но говорю вам — единственные горькие слова, какие сорвались с ее милых губ, относились к вам, и мне противно видеть вас рядом с нею. Вы пятнаете ее невинность... И потом... я думал, что при всех своих недостатках вы прямая и честная. Но и этого нет.

Миссис Эрлин. Почему вы так решили?

Лорд Уиндермир. Вы добились от меня приглашения на бал к моей жене.

Миссис Эрлин. К моей дочери. Да.

Лорд Уиндермир. Вы явились. А не прошло и часа с вашего отъезда отсюда, как вас застают в холостой квартире и вы перед всеми опозорены.

Миссис Эрлин. Да.

Лорд Уиндермир (*круто поворачиваясь к ней*). Значит, я вправе считать вас тем, что вы есть, — ничтожной, порочной женщиной. Я вправе запретить вам переступить порог этого дома, запретить всякие попытки сблизиться с моей женой...

Миссис Эрлин (*холодно*). С моей дочерью.

Лорд Уиндермир. Вы не имеете права называть ее дочерью. Вы ее покинули, бросили ее малым ребенком, бросили ради любовника, который в свою очередь бросил вас.

Миссис Эрлин (*вставая*). Кому это, по-вашему, делает честь, лорд Уиндермир, — ему или мне?

Лорд Уиндермир. Ему, теперь это мне ясно.

Миссис Эрлин. Берегитесь — советую вам быть поосторожнее.

Лорд Уиндермир. Ну, с вами я не намерен церемониться. Я вижу вас насквозь.

Миссис Эрлин (*глядя на него в упор*). Сомневаюсь.

Лорд Уиндермир. Напрасно. Двадцать лет вы жили без своей дочери, ни разу о ней не вспомнили. В один прекрасный день вы узнали из газет, что она вышла за богатого человека. Вы усмотрели в этом возможность для своих махинаций. Вы знали, что я пойду на все, лишь бы избавить ее от позора, лишь бы она не узнала, какая у нее мать. И вы принялись меня шантажировать.

Миссис Эрлин (*пожимает плечами*). Не употребляйте таких некрасивых слов, Уиндермир. Это вульгарно. Но вы правы — я усмотрела интересную возможность и воспользовалась ею.

Лорд Уиндермир. Да, а вчера ночью вы попались, и все пошло прахом.

Миссис Эрлин (*с загадочной улыбкой*). Совершенно верно. Вчера ночью все пошло прахом.

Лорд Уиндермир. А уж то, что вы натворили с веером моей жены, просто непростительно. Увезти его с собой, потом оставить на виду в комнате Дарлингтона... Я теперь видеть его не могу. Я велю жене убрать его подальше. Он словно забрызган грязью. Лучше бы вы его не привозили, а оставили себе.

Миссис Эрлин. Пожалуй, я так и сделаю. Веер очень изящный. (*Берет его в руки.*) Я попрошу его у Маргарет в подарок.

Лорд Уиндермир. Надеюсь, она исполнит вашу просьбу.

Миссис Эрлин. Да, я в этом уверена.

Лорд Уиндермир. Хотел бы я, чтобы она заодно подарила вам миниатюру, которую целует каждый вечер, перед тем как прочесть молитвы... Это портрет юной девушки с невинным взором и прекрасными темными волосами.

Миссис Эрлин. Да, да, припоминаю. Ох, как

давно это было. (*Садится на диван.*) Я только еще собиралась замуж. В то время, Уиндермир, темные волосы и невинный взор были в моде.

Пауза.

Лорд Уиндермир. Зачем вы сюда приехали? С какой целью? (*Садится у столика слева.*)

Миссис Эрлин (*с насмешкой в голосе*). Ну как же, чтобы проститься с моей нежно любимой дочерью.

Лорд Уиндермир с досадой прикусывает губу.

(*Смотрит на него, и тон ее становится серьезным. В голосе прорывается трагическая нота. На минуту она остается без маски.*) О, не бойтесь, я не намерена разыгрывать трогательную сцену, рыдать у нее на груди и рассказывать, кто я такая. Роль матери меня не прельщает. Всего раз в жизни я испытала материнские чувства. Вчера. Это страшные чувства. Мне было больно... невыносимо больно. Вы правильно сказали — двадцать лет я жила как бездетная женщина. И дальше хочу жить так же. (*Смеется, снова переходя на притворно легкомысленный тон.*) К тому же, посудите сами, Уиндермир, куда это годится, я — и вдруг мать взрослой дочери! Маргарет двадцать один год, а я даю понять, что мне не больше двадцати девяти — от силы тридцать. Двадцать девять, когда лампы под розовыми абажурами, тридцать в остальных случаях. Так что видите, какие тут возникли бы затруднения. Нет, я не помешаю вашей жене хранить в памяти образ безгрешной матери, покинувшей этот мир. Зачем мне лишать ее иллюзий? Мне и свои-то, оказывается, нелегко сберечь. Одной иллюзии я лишилась вчера. Я думала, что у меня нет сердца, а оказывается — есть. Но сердце мне ни к чему, Уиндермир. Как-то оно не вяжется с модными туалетами. Оно старит. (*Берет со стола зеркальце, смотрится.*) И в критические минуты портит вам карьеру.

Лорд Уиндермир. Вы отвратительны... просто отвратительны.

Миссис Эрлин (*вставая*). Вам, Уиндермир, вероятно хотелось бы, чтобы я ушла в монастырь либо стала сестрой милосердия — словом, поступила бы как героини дурацких современных романов. Это неумно,

Артур. В жизни мы так не поступаем... во всяком случае если еще не растеряли свою красоту. Нет, в наше время утешаются не раскаянием, а удовольствиями. Раскаяние вышло из моды. Да к тому же, если женщина искренне раскаивается, она вынуждена шить у скверной портнихи, иначе никто ей не поверит. А на такой шаг меня ничто не подвигнет. Нет. Я окончательно уйду из вашей с Маргарет жизни. Знакомство с вами было ошибкой, вчера я в этом убедилась.

Лорд Уиндермир. Это была роковая ошибка.

Миссис Эрлин (*с улыбкой*). Почти что роковая!

Лорд Уиндермир. Теперь я жалею, что с самого начала не рассказал жене всю правду.

Миссис Эрлин. Я жалею о своих дурных поступках. Вы — о хороших. Этим мы и отличаемся друг от друга.

Лорд Уиндермир. Я вам не доверяю. Я все равно скажу ей. Пусть лучше знает, и притом от меня. Это причинит ей страшное горе... ей будет нестерпимо стыдно, но иначе нельзя.

Миссис Эрлин. Вы хотите ей сказать?

Лорд Уиндермир. Я это твердо решил.

Миссис Эрлин (*подходит к нему вплотную*). Если вы это сделаете, я так себя ославлю, что ей недобровать. Жизнь для нее станет сплошным адом. Если вы посмеете ей сказать, я не пожалею себя — пойду на любой позор, на любое бесчестье. Вы ей не скажете — я вам запрещаю.

Лорд Уиндермир. Почему?

Миссис Эрлин (*помолчав*). Если бы я вам ответила, что она мне дорога, что я, быть может, люблю ее, — вы ведь рассмеялись бы мне в лицо?

Лорд Уиндермир. Я бы подумал, что вы говорите неправду. Любовь матери — это преданность, самопожертвование, забвение себя. Откуда вам знать такие чувства?

Миссис Эрлин. Вы правы. Откуда мне знать такие чувства? Оставим этот разговор. Но говорить моей дочери, кто я, — этого я вам не разрешу. Это моя тайна, и только моя. Если я сочту нужным сказать ей — а я к этому склоняюсь, — то скажу сама еще до того, как уйду отсюда. Если нет — не скажу никогда.

Лорд Уиндермир (*в сердцах*). В таком случае я очень прошу вас немедленно покинуть наш дом. Перед Маргарет я за вас извинюсь.

Входит леди Уиндермир. С фотографией в руке идет через комнату к миссис Эрлин. Лорд Уиндермир отступает за диван и во время последующего диалога тревожно следит за миссис Эрлин.

Леди Уиндермир. Простите, что заставила вас так долго ждать, миссис Эрлин. Никак не могла найти этот снимок. Наконец отыскала у мужа в комнате — он его, оказывается, стащил.

Миссис Эрлин (*берет фотографию, рассматривает*). Не удивительно — снимок прелестный. (*Вместе с леди Уиндермир идет к дивану и садится. Снова глядит на снимок.*) А это, значит, ваш сын. Как его зовут?

Леди Уиндермир. Джерард, так звали моего отца.

Миссис Эрлин (*кладет снимок на стол*). В самом деле?

Леди Уиндермир. Да. Если бы родилась девочка, я бы назвала ее в честь моей матери. Маму звали так же, как меня, — Маргарет.

Миссис Эрлин. И меня зовут Маргарет.

Леди Уиндермир. Да неужели?

Миссис Эрлин. Да. (*Пауза.*) Ваш муж говорил мне, леди Уиндермир, что вы свято чтите память матери?

Леди Уиндермир. У всех у нас есть идеалы. Или должны быть. Для меня идеал — моя мать.

Миссис Эрлин. Идеалы — опасная вещь. Факты лучше. Они ранят, но они все же лучше.

Леди Уиндермир (*качая головой*). Если б я потеряла свой идеал, у меня бы ничего не осталось.

Миссис Эрлин. Ничего?

Леди Уиндермир. Да.

Пауза.

Миссис Эрлин. А отец ваш много рассказывал вам о вашей матери?

Леди Уиндермир. Нет, это было ему слишком тяжело. Он рассказал мне, что мама умерла, когда мне было несколько месяцев. Рассказал со слезами на глазах. А потом велел мне больше никогда о ней не загова-

ривать. Даже упоминание о ней причиняло ему боль. Мой отец... про него действительно можно сказать, что он умер от разбитого сердца. Несчастнее его я не знала человека.

Миссис Эрлин (*вставая*). Как ни грустно, леди Уиндермир, мне пора ехать.

Леди Уиндермир (*вставая*). О, посидите еще!

Миссис Эрлин. Да нет, не стоит. Коляска моя, должно быть, вернулась. Я послала кучера с письмом к леди Джедбер.

Леди Уиндермир. Артур, узнай, пожалуйста, вернулась коляска миссис Эрлин?

Миссис Эрлин. Не трудитесь, лорд Уиндермир.

Леди Уиндермир. Узнай, Артур, хорошо?

Лорд Уиндермир минуту колеблется, глядя на миссис Эрлин. Она невозмутима. Он выходит из комнаты.

Леди Уиндермир (*идет к миссис Эрлин*). Ах, что мне вам сказать? Вы спасли меня!

Миссис Эрлин. Тише! Не надо об этом.

Леди Уиндермир. Нет, надо. Ведь иначе вы можете подумать, что я приму вашу жертву, такую жертву! Нет, я все расскажу мужу. Это мой долг.

Миссис Эрлин. Неправда... вернее, у вас есть долг и по отношению к другим. Вы говорите, что чем-то мне обязаны?

Леди Уиндермир. Я вам обязана всем.

Миссис Эрлин. Тогда отблагодарите меня молчанием. Другого способа у вас нет. Не портите единственное доброе дело, какое я сделала в жизни, — не говорите о нем никому. Пусть то, что произошло этой ночью, останется нашей тайной, обещайте мне это. Избавьте своего мужа от лишних терзаний. Зачем отравлять его любовь? Убить любовь легко, ах, так легко! Дайте мне слово, леди Уиндермир, что никогда ему не скажете. Я этого требую.

Леди Уиндермир (*опустив голову*). Это ваша воля, не моя.

Миссис Эрлин. Да, это моя воля. И не забывайте о своем ребенке. Мне хочется помнить, что вы мать. Мне хочется, чтобы вы сами это помнили.

Леди Уиндермир (*поднимает голову*). Теперь я всегда буду это помнить. Только раз в жизни я сама

забыла о своей матери — вчера ночью. Ах, если б я помнила о ней, я бы не поступила так глупо, так гадко.

Миссис Эрлин (*передернувшись, точно от боли*). Тсс... Вчерашняя ночь прошла и не вернется.

Входит лорд Уиндермир.

Лорд Уиндермир. Вашей коляски еще нет, миссис Эрлин.

Миссис Эрлин. Это не важно. Я возьму кэб. Ничто так не респектабельно, как хороший наемный кэб. Ну, а теперь, дорогая леди Уиндермир, нам в самом деле пора проститься. (*Делает несколько шагов к двери.*) Ах да, совсем забыла. Вам это покажется смешно, но, знаете, мне очень жаль расставаться с этим веером, который я умудрилась вчера унести. Не могли бы вы подарить его мне? Лорд Уиндермир не против. Я знаю, это его подарок.

Леди Уиндермир. Ну конечно, если это доставит вам удовольствие. Но только на нем мое имя. Там стоит «Маргарет».

Миссис Эрлин. А нас ведь зовут одинаково.

Леди Уиндермир. Правда, я и забыла. Разумеется, берите его. Какое совпадение, что у нас одно и то же имя, просто удивительно.

Миссис Эрлин. Да, удивительно. Ну, благодарю — он всегда будет напоминать мне о вас. (*Пожимает ей руку.*)

Входит Паркер.

Паркер. Лорд Огастус Лортон. Коляска миссис Эрлин ждет.

Входит лорд Огастус.

Лорд Огастус. С добрым утром, мой милый. С добрым утром, леди Уиндермир. (*Замечает миссис Эрлин.*) Миссис Эрлин?

Миссис Эрлин. Здравствуйте, лорд Огастус! Как вы себя чувствуете?

Лорд Огастус (*холодно*). Превосходно, миссис Эрлин, благодарю вас.

Миссис Эрлин. А выгладите вы неважно, лорд Огастус. Слишком поздно ложитесь — это вам вредно. В самом деле, вы бы поберегли себя. Прощайте, лорд Уиндермир. (*Кланяется лорду Огастусу. Идет к две-*

ри. Потом вдруг оглядывается на него с улыбкой.)
Лорд Огастус! Может, вы проводите меня до коляски? Понесли бы мой веер.

Лорд Уиндермир. Позвольте мне!

Миссис Эрлин. Нет. Я хочу, чтобы меня проводил лорд Огастус. Мне нужно кое-что передать через него герцогине. Так как же, лорд Огастус, донесете мне веер?

Лорд Огастус. Если вам угодно...

Миссис Эрлин (*смеясь*). Ну разумеется, угодно. Вы так грациозно его понесете. Да вы все на свете снесете грациозно, дорогой лорд Огастус. (*Дойдя до дверей, оглядывается на леди Уиндермир.*)

Мгновение они смотрят друг на друга. Потом миссис Эрлин уходит, а за ней — лорд Огастус.

Леди Уиндермир. Артур, ты больше не будешь дурно говорить о миссис Эрлин?

Лорд Уиндермир (*с достоинством*). Она лучше, чем я думал.

Леди Уиндермир. Она лучше, чем я.

Лорд Уиндермир (*с улыбкой, глядя ее по голове*). Дитя мое, вы с ней живете в разных мирах. В твой мир зло никогда не заглядывало.

Леди Уиндермир. Не говори так, Артур. Мир один для всех. Добро и зло, грех и невинность идут в нем рука об руку. Для собственного спокойствия закрывать глаза на половину жизни — то же, что идти зажмурившись среди пропастей и трясин, воображая, что это поможет миновать их.

Лорд Уиндермир. Родная моя, почему ты так говоришь?

Леди Уиндермир (*сидя на диван*). Потому что я, живя с повязкой на глазах, подошла к краю пропасти. А та, что едва нас не разлучила...

Лорд Уиндермир. Мы ни на минуту не разлучались.

Леди Уиндермир. Мы никогда не должны разлучаться. Ах, Артур, только люби меня, как прежде, а я буду больше тебе верить. Буду верить тебе во всем. Поедем в Селби. Там сейчас цветут розы — белые, красные...

Входит лорд Огастус.

Лорд Огастус. Артур, она все объяснила!

На лице леди Уиндермир изображается крайний испуг. Лорд Уиндермир вздрагивает. Лорд Огастус берет его под руку и отводит на авансцену. Говорит быстро, понизив голос. Леди Уиндермир в ужасе на них смотрит.

Мой милый, она, черт побери, объяснила решительно все. Мы перед ней бесконечно виноваты. Она, оказывается, поехала к Дарлингтону только из-за меня. Заезжала в клуб... не хотела больше меня томить... не застала... поехала следом... струхнула, когда мы все туда ввалились, — вполне естественно... скрылась в соседнюю комнату... уверяю вас, для меня это очень отрадно. Мы все обошлись с ней по-свински. Именно такая женщина мне и нужна. Точно для меня создана. И условие она ставит только одно — навсегда уехать из Англии. А я с радостью. Осточертели мне здешние клубы, и климат, и кухня, черт бы их побрал!

Леди Уиндермир (*в испуге*). Неужели миссис Эрлин...

Лорд Огастус (*идет к ней и говорит с низким поклоном*). Так точно, леди Уиндермир. Миссис Эрлин сделала мне честь... дала согласие стать моей женой.

Лорд Уиндермир. Ну, что ж, могу сказать одно: вы женитесь на очень умной женщине.

Леди Уиндермир (*беря мужа за руку*). А главное — вы женитесь на очень хорошей женщине!

Занавес

Женщина,
не стоящая
внимания

Драма
в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лорд Иллингворт.
Сэр Джон Понтефракт.
Лорд Альфред Рафффорд.
Мистер Келвиль, Ч. П.
Архидиакон Добени.
Джеральд Арбетнот.
Фаркэр, дворецкий.
Френсис, лакей.
Леди Ханстентон.
Леди Кэролайн Понтефракт.
Леди Статфилд.
Миссис. Оллонби.
Мисс Эстер Уэрсли.
Алиса, горничная.
Миссис Арбетнот.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Лужайка перед террасой в Ханстентоне.

Сэр Джон и леди Кэролайн Понтефракт, мисс Эстер Уэрсли — на стульях под большим тиссом.

Леди Кэролайн. Мисс Уэрсли, вам, кажется, впервые приходится гостить в английском поместье?

Эстер. Да, леди Кэролайн.

Леди Кэролайн. У вас в Америке нет помещичьих домов, как мне говорили?

Эстер. У нас их не много.

Леди Кэролайн. А деревня у вас есть? То есть то, что мы назвали бы «деревенским простором»?

Эстер (*улыбаясь*). У нас есть просторы, наша страна самая обширная на всем свете. В школе нас учили, что некоторые из наших штатов по величине равняются Англии и Франции, вместе взятым.

Леди Кэролайн. Воображаю, какие у вас там сквозняки! (*Сэру Джону.*) Джон, надел бы ты шарф. Для чего же я вяжу тебе шарфы, если ты их никогда не носишь?

Сэр Джон. Мне очень тепло, Кэролайн, уверяю тебя.

Леди Кэролайн. Не думаю, Джон. Ну что ж, мисс Уэрсли, вам повезло; очаровательное местечко, лучше и не найти, хотя дом крайне сырой, прямо-таки непростительно сырой, а милая леди Ханстентон подчас бывает не слишком разборчива, приглашая сюда гостей. (*Сэру Джону.*) Она любит смешанное общество. Лорд Иллингворт, конечно, человек выдающийся. Быть знакомой с ним — уже привилегия. А этот член парламента, мистер Кеттль...

Сэр Джон. Келвиль, дорогая, Келвиль.

Леди Кэролайн. Должно быть, очень порядоч-

ный человек. О нем никто ровно ничего не слышал, а в наше время одно это уже очень много говорит о человеке. Зато миссис Оллонби вряд ли подходящая особа.

Эстер. Мне миссис Оллонби не нравится. Так не нравится, что и сказать не могу.

Леди Кэрролайн. Не знаю, мисс Уэрсли, следует ли иностранкам так прямо говорить, что им нравятся или не нравятся люди, с которыми их знакомят. Миссис Оллонби очень хорошего рода. Она племянница лорда Бранкастера. Правда, говорят, что до замужества она два раза убежала из дому. Но вы знаете, как люди бывают несправедливы. Я лично думаю, что она бегала не больше одного раза.

Эстер. Мистер Арбетнот очень мил.

Леди Кэрролайн. Ах да, тот молодой человек, что служит в банке. Леди Ханстенон была так добра, что пригласила его к себе, и лорду Иллингворту он, кажется, очень понравился. Но не знаю, право, хорошо ли делает Джейн, что поднимает его выше привычной сферы. В мое время, мисс Уэрсли, людей, которые зарабатывали себе на жизнь, нельзя было встретить в обществе. Это считалось как-то не принято.

Эстер. В Америке именно таких людей уважают больше всего.

Леди Кэрролайн. Не сомневаюсь в этом.

Эстер. Мистер Арбетнот чудесная натура. Он такой простой, такой искренний. Один из самых чудесных людей, каких я встречала. Познакомиться с ним — это привилегия.

Леди Кэрролайн. Мисс Уэрсли, в Англии не принято, чтобы молодая девушка говорила с восторгом о лицах другого пола. Английские женщины скрывают свои чувства до тех пор, пока не выйдут замуж. А после того они их выказывают.

Эстер. Разве у вас в Англии не допускают дружбы между молодым человеком и девушкой?

Входит леди Ханстенон в сопровождении лакея с шальями и подушкой.

Леди Кэрролайн. Мы считаем это крайне нежелательным. Джейн, я только что говорила, какое приятное общество у вас собралось. У вас удивительная способность объединять людей. Прямо-таки талант.

Леди Ханстенон. Как это любезно с вашей стороны, Кэролайн. Я думаю, мы все отлично уживаемся вместе. И, надеюсь, наша милая гостья из Америки унесет с собой приятные воспоминания о жизни в английском поместье. (*Лакею.*) Подушку сюда, Френсис. И мою шаль. Шотландскую. Принесите шотландскую.

Лакей уходит за шалью. Входит Джеральд Арбетнот.

Джеральд. Леди Ханстенон, могу сообщить вам очень приятную новость. Лорд Иллингворт только что предложил мне стать его секретарем.

Леди Ханстенон. Секретарем? Да, это действительно приятная новость, Джеральд. Это значит, что перед вами открывается блестящее будущее. Ваша милая матушка будет в восторге. Право, надо постараться уговорить ее, чтобы она пришла сюда нынче вечером. Как по-вашему, Джеральд, она придет? Я знаю, как трудно уговорить ее пойти куда-нибудь.

Джеральд. О, я думаю, она придет, леди Ханстенон, когда узнает, что лорд Иллингворт сделал мне такое предложение.

Входит лакей с шалью.

Леди Ханстенон. Я напишу ей и попрошу прийти и познакомиться с ним. (*Лакею.*) Подождите, Френсис. (*Пишет письмо.*)

Леди Кэролайн. Изумительное начало для такого молодого человека, как вы, мистер Арбетнот.

Джеральд. В самом деле, леди Кэролайн. Надеюсь, я смогу доказать, что достоин этого.

Леди Кэролайн. Я тоже надеюсь.

Джеральд (*к Эстер*). Вы еще не поздравили меня, мисс Уэрсли.

Эстер. А вы очень этому рады?

Джеральд. Конечно, рад. Для меня это значит все: все, на что я не смел надеяться до сих пор, стало теперь для меня доступно.

Эстер. Нет ничего такого, на что нельзя было бы надеяться. Жизнь и есть надежда.

Леди Ханстенон. Мне кажется, Кэролайн, лорд Иллингворт метит в дипломаты. Ему, как я слышала, предлагали Вену. Но это еще, может быть, и неправда.

Леди Кэролайн. Не думаю, Джейн, чтобы

представителем Англии за рубежом мог быть холостяк. Это может вызвать осложнения.

Леди Ханстенон. Не волнуйтесь, Кэролайн. Поверьте мне, вы напрасно волнуетесь. Кроме того, лорд Иллингворт может жениться, когда ему вздумается. Я надеялась, что он женится на леди Келсо. Но, кажется, он говорил, что у нее слишком большая семья. Или слишком большая нога? Не помню, что именно. Но мне, право, очень жаль. Она создана быть женою посланника.

Леди Кэролайн. У нее в самом деле есть удивительная способность запоминать фамилии людей и забывать их лица.

Леди Ханстенон. Что ж, Кэролайн, это ведь вполне естественно, не так ли? *(Лакею.)* Скажите, чтобы Генри подождал ответа. Я написала несколько строк вашей милой матушке, Джеральд. Сообщаю ей вашу новость и прошу непременно приехать к обеду.

Джеральд. Вы очень добры, леди Ханстенон. *(К Эстер.)* Не хотите ли пройтись, мисс Уэрсли?

Эстер. С удовольствием. *(Уходит вместе с Джеральдом.)*

Леди Ханстенон. Я очень рада, что Джеральду так повезло. Он ведь мой протеже. И я особенно довольна тем, что лорд Иллингворт сам предложил ему место, без всяких намеков с моей стороны. Кто же любит, чтобы у него просили одолжений? Я помню, один сезон бедную Шарлотту Пегден просто избегали в обществе, потому что она всем навязывала свою гувернантку-француженку.

Леди Кэролайн. Я видела эту гувернантку, Джейн. Еще до того, как Элинор начала выезжать в свет. Она была слишком красива, чтобы ее можно было держать в порядочном доме. Не удивляюсь, что леди Пегден так хотелось отделаться от нее.

Леди Ханстенон. Ах, тогда понятно!

Леди Кэролайн. Джон, на траве для тебя слишком сыро. Сию минуту пойдешь и наденешь галоши.

Сэр Джон. Мне и так хорошо, не беспокойся, Кэролайн.

Леди Кэролайн. Нет, ты уж позволь, Джон. Мне лучше это знать. Сделай, пожалуйста, как я говорю.

Сэр Джон встает и уходит.

Леди Ханстентон. Вы, право, балуете его, Кэролайн!

Входят миссис Оллонби и леди Статфилд.

(К миссис Оллонби.) Ну, дорогая, надеюсь, вам понравился парк? Говорят, деревья в нем хороши.

Миссис Оллонби. Деревья чудесные, леди Ханстентон.

Леди Статфилд. Да-да, очень, очень хорошие.

Миссис Оллонби. А все-таки мне кажется, проживи я в деревне полгода, я стала бы до того неинтересной, что на меня решительно перестали бы обращать внимание.

Леди Ханстентон. Уверяю вас, дорогая, деревня вовсе не оказывает такого влияния. Ну как же, ведь это из Меторпа, всего в двух милях от нас, леди Белтон убежала с лордом Фезерсделем. Прекрасно помню этот случай. Бедный лорд Белтон скончался через три дня не то от радости, не то от подагры. Забыла от чего. У нас в то время гостило много народу, так что мы все очень интересовались этим происшествием.

Миссис Оллонби. Я думаю, что бежать — это трусость. Это значит избегать опасности. А опасности так редко встречаются в нашей жизни.

Леди Кэролайн. Насколько я могу судить, единственная цель жизни у теперешних молодых женщин — это игра с огнем.

Миссис Оллонби. Первое условие игры с огнем, леди Кэролайн, в том, чтобы даже не обжечься. Обжигаются только те, кто не знает правил игры.

Леди Статфилд. Да, понимаю. Это очень, очень полезно знать.

Леди Ханстентон. Не знаю, как мир уживется с такой теорией, милая миссис Оллонби.

Леди Статфилд. Ах, мир был создан для мужчин, а не для женщин!

Миссис Оллонби. Не скажите, леди Статфилд. Нам живется гораздо веселее. Для нас существует гораздо больше запретного, чем для них.

Леди Статфилд. Да, это совершенно, совершенно верно. Мне это как-то не приходило в голову.

Входят сэр Джон и мистер Келвиль.

Леди Ханстентон. Ну как, мистер Келвиль, закончили вы свою работу?

Келвиль. На сегодня я кончил писать, леди Ханстенон. Задача была нелегкая. Современный общественный деятель должен отдавать работе все свое время, а это очень тяжело, в самом деле тяжело. И не думаю, чтобы его труды встречали соответственное признание.

Леди Кэралайн. Джон, ты надел галоши?

Сэр Джон. Да, милая.

Леди Кэралайн. Ты бы лучше перешел ко мне, сюда, Джон. Здесь больше тени.

Сэр Джон. Мне и так очень хорошо, Кэралайн.

Леди Кэралайн. Не думаю, Джон. Тебе лучше бы сесть рядом со мной.

Сэр Джон встает и переходит к ней.

Леди Статфилд. А о чем же вы писали сегодня, мистер Келвиль?

Келвиль. На обычную тему, леди Статфилд. О чистоте нравов.

Леди Статфилд. Должно быть, очень, очень интересно писать на эту тему.

Келвиль. Это единственная тема, действительно имеющая в наши дни общенародное значение. Я намерен обратиться по этому вопросу с речью к моим избирателям перед открытием парламентской сессии. Я считаю, что беднейшие классы нашей страны проявляют заметное стремление к более высокому моральному уровню.

Леди Статфилд. Очень, очень мило с их стороны.

Леди Кэралайн. Вы стоите за то, чтобы женщины участвовали в политике, мистер Кеттль?

Сэр Джон. Келвиль, дорогая, Келвиль!

Келвиль. Постоянно растущее влияние женщин — это единственное в нашей политической жизни, что подает какую-то надежду на будущее, леди Кэралайн. Женщины всегда стоят за нравственность, и личную и общественную.

Леди Статфилд. Это очень, очень лестно слышать от вас.

Леди Ханстенон. Ах да! Нравственное достоинство женщины — вот что всего важнее. Боюсь, Кэралайн, что лорд Иллингворт не ценит нравственности в женщинах так, как следовало бы!

Входит лорд Иллингворт.

Леди Статфилд. В свете говорят, что лорд Иллингворт очень, очень безнравственный человек.

Лорд Иллингворт. Но какой свет говорит это, леди Статфилд? Тот свет, надо полагать. А с этим светом я в наилучших отношениях. (*Садится рядом с миссис Оллонби.*)

Леди Статфилд. Все, кого я знаю, говорят, что вы очень, очень безнравственный.

Лорд Иллингворт. Это прямо чудовищно, как люди себя ведут нынче: говорят у человека за спиной всю чистую правду.

Леди Ханстентон. Милый лорд Иллингворт совершенно безнадежен, леди Статфилд. Я давно оставила все попытки его исправить. Для этой цели надо было бы основать благотворительное общество с советом директоров и платным секретарем. Но ведь у вас уже есть секретарь, лорд Иллингворт, не правда ли? Джеральд рассказал нам, как ему повезло, — вы очень добры.

Лорд Иллингворт. Не говорите этого, леди Ханстентон. «Добрый» — ужасное слово. Мне с первого взгляда очень понравился молодой Арбетнот, и он будет мне весьма полезен в том, что я по своему безрассудству задумал сделать.

Леди Ханстентон. Это замечательный юноша. И его мать одна из самых близких моих приятельниц. Он только что пошел прогуляться с нашей хорошенькой американочкой. Ведь правда, она очень хорошенькая?

Леди Кэрлайн. Слишком даже хорошенькая. Эти американки захватывают себе самых лучших женихов. Почему они не сидят у себя дома? Они же всегда твердят нам, что Америка — рай для женщин.

Лорд Иллингворт. Это так и есть, леди Кэрлайн. Вот потому-то они и стремятся, подобно Еве, поскорее удрать отсюда.

Леди Кэрлайн. А кто родители мисс Уэрсли?

Лорд Иллингворт. Американки удивительно ловко скрывают своих родителей.

Леди Ханстентон. Дорогой мой лорд Иллингворт, что вы хотите этим сказать? Мисс Уэрсли сирота, Кэрлайн. Ее отец был, кажется, не то миллионер, не то филантроп, или и то и другое вместе; он оказал очень любезный прием моему сыну, когда тот был в Бостоне. Не знаю, право, на чем он нажил свои миллионы.

Келвиль. Я думаю, на американской мануфактуре.

Леди Ханстенон. А что это такое?

Лорд Иллингворт. Американские романы.

Леди Ханстенон. Как странно!.. Ну что ж, откуда бы ни произошло богатство мисс Уэрсли, я очень ее уважаю. Она необыкновенно хорошо одевается. Все американки хорошо одеваются. Они заказывают свои туалеты в Париже.

Миссис Оллонби. Говорят, леди Ханстенон, что после смерти хорошие американцы отправляются в Париж.

Леди Ханстенон. Вот как? А куда же деваются после смерти плохие американцы?

Лорд Иллингворт. О, они отправляются в Америку.

Келвиль. Боюсь, лорд Иллингворт, что вы недооцениваете Америку. Это весьма замечательная страна, особенно если принять во внимание ее молодость.

Лорд Иллингворт. Молодость Америки — это самая старая из ее традиций. Ей насчитывается уже триста лет. Послушаешь американцев, так можно вообразить, будто они все еще находятся во младенчестве. А во всем, что касается цивилизации, они уже впали в детство.

Келвиль. Без сомнения, политическая жизнь Америки сильно затронута коррупцией. Я полагаю, вы это имеете в виду?

Лорд Иллингворт. Не знаю. Может быть.

Леди Ханстенон. Говорят, с политикой нынче везде просто ужасно. И в Англии, разумеется, тоже. Милый мистер Кардью просто губит страну. Не знаю, как это миссис Кардью ему позволяет. Вы, конечно, не думаете, лорд Иллингворт, что невежественных людей можно допускать к голосованию?

Лорд Иллингворт. Я думаю, что только их-то и следует допускать.

Келвиль. А разве вы не становитесь на чью-либо сторону в политике, лорд Иллингворт?

Лорд Иллингворт. Никогда и ни в чем не надо становиться на чью-либо сторону, мистер Келвиль. С этого начинается искренность, за ней по пятам следует серьезность — и человек делается непроходимо скучен. Тем не менее Палата общин — учреждение, в сущности,

почти безвредное. Законодательным путем нельзя привести людей к добродетели — и это уже хорошо.

Келвиль. Вы не можете отрицать, что Палата общин всегда проявляла большое сочувствие к страданиям бедняков.

Лорд Иллингворт. Это ее болезнь. И вообще болезнь века. Надо бы сочувствовать радости, красоте, живой жизни. Чем меньше говорят о язвах жизни, тем лучше, мистер Келвиль.

Келвиль. Все же наш Ист-Энд представляет собой весьма важную проблему.

Лорд Иллингворт. Совершенно верно. Это проблема рабства. А мы пытаемся разрешить ее, развлекая рабов.

Леди Ханстенон. Конечно, очень много можно сделать путем недорогих развлечений, как вы говорите, лорд Иллингворт. Наш милый доктор Добени, здешний пастор, зимой устраивает чудесные вечера для бедных. И очень много добра можно сделать, если показать им волшебный фонарь, дать послушать какого-нибудь миссионера или устроить еще что-нибудь популярное в этом роде.

Леди Кэрролайн. Я решительно против развлечений для бедных, Джейн. Довольно с них одеял и угля. И без того высшие классы помешаны на удовольствиях. Нам в нашей современной жизни не хватает здоровья. А это нездоровое направление, совсем нездоровое.

Келвиль. Вы совершенно правы, леди Кэрролайн.

Леди Кэрролайн. Думаю, что я всегда права.

Миссис Оллонби. Отвратительное слово «здоровье».

Лорд Иллингворт. Самое глупое слово в нашем языке, а ведь хорошо известно, что такое распространенное в публике представление о здоровье. Английский помещик, во весь опор скачущий за лисцей, — бесшабашный в погоне за несъедобной.

Келвиль. Разрешите спросить, лорд Иллингворт, считаете ли вы Палату лордов более совершенным учреждением, чем Палату общин?

Лорд Иллингворт. Разумеется. В Палате лордов мы никогда не сталкиваемся с общественным мнением. Это и делает нас культурным учреждением.

Келвиль. Вы серьезно высказываете такой взгляд?

Лорд Иллингворт. Совершенно серьезно, мистер Келвиль. (*К миссис Оллонби.*) Вульгарная привычка завелась теперь у людей: спрашивать, после того как вы поделились с ними мыслью, — серьезно вы говорили или нет. Ничто не серьезно, кроме страсти. Интеллект и сейчас не серьезен, да и никогда не был серьезным. Это инструмент, на котором играешь, вот и все. Единственно серьезная форма интеллекта, как мне известно, — это британский интеллект. А на британском интеллекте невежды играют как на барабане.

Леди Ханстенон. Что это вы говорите про барабан, лорд Иллингворт?

Лорд Иллингворт. Я просто пересказывал миссис Оллонби передовые статьи из лондонских газет.

Леди Ханстенон. А разве вы верите всему, что пишут в газетах?

Лорд Иллингворт. Верю. Нынче только то и случается, чему невозможно поверить. (*Встает вместе с миссис Оллонби.*)

Леди Ханстенон. Вы уходите, миссис Оллонби?

Миссис Оллонби. Не так далеко — в оранжерею. Лорд Иллингворт сказал мне, что там есть орхидея, прекрасная, как семь смертных грехов.

Леди Ханстенон. Дорогая моя, надеюсь, там нет ничего подобного. Придется мне поговорить с садовником.

Миссис Оллонби и лорд Иллингворт уходят.

Леди Кэролайн. Интересный тип эта миссис Оллонби.

Леди Ханстенон. Она иногда уж слишком дает волю своему острому язычку.

Леди Кэролайн. Разве миссис Оллонби только в этом одном дает себе волю?

Леди Ханстенон. Ну конечно, Кэролайн, надеюсь, что так.

Входит лорд Альфред.

Дорогой лорд Альфред, присоединяйтесь к нам.

Лорд Альфред садится рядом с леди Статфилд.

Леди Кэролайн. Вы всему хорошему готовы верить, Джейн. А это большая ошибка.

Леди Статфилд. Вы в самом деле думаете, леди Кэролайн, что нельзя верить ничему-ничему хорошему?

Леди Кэролайн. Я думаю, что так гораздо безопаснее, леди Статфилд. Пока, разумеется, не узнаешь, что человек действительно хорош. А это в наше время не так-то легко узнать.

Леди Статфилд. Но в нашей жизни столько злословия.

Леди Кэролайн. Вчера за обедом лорд Иллингворт говорил, что в основе каждой сплетни лежит хорошо проверенная безнравственность.

Келвиль. Лорд Иллингворт, конечно, весьма выдающаяся личность, но, мне кажется, ему недостает этой прекрасной веры в чистоту и благородство жизни, что так много значит в наш век.

Леди Статфилд. Да, очень, очень много значит, не правда ли?

Келвиль. У меня создалось впечатление, что он неспособен оценить всю прелесть английской семейной жизни. Я бы сказал, что он заражен чужеземными взглядами на этот счет.

Леди Статфилд. Нет ничего лучше семейной жизни, ведь правда, правда?

Келвиль. На ней зиждется английская мораль, леди Статфилд. Без нее мы уподобились бы нашим соседям.

Леди Статфилд. А это было бы очень печально, не правда ли?

Келвиль. Боюсь, кроме того, что лорд Иллингворт видит в женщине просто игрушку. Ну, а я лично никогда не смотрел на женщину как на игрушку. Женщина — это мыслящая подруга мужчины, его помощница, как в общественной, так и в частной жизни. Без нее мы забыли бы истинные идеалы. *(Садится рядом с леди Статфилд.)*

Леди Статфилд. Я очень, очень рада слышать это от вас.

Леди Кэролайн. Вы женаты, мистер Кеттль?

Сэр Джон. Келвиль, дорогая, Келвиль.

Келвиль. Я женат, леди Кэролайн.

Леди Кэролайн. И дети есть?

Келвиль. Да.

Леди Кэролайн. Сколько?

Келвиль. Восьмеро.

Леди Статфилд переносит свое внимание на лорда Альфреда.

Леди Кэролайн. Вероятно, миссис Кеттль с детьми отдыхает на взморье?

Сэр Джон пожимает плечами.

Келвиль. Моя жена сейчас на взморье вместе с детьми, леди Кэролайн.

Леди Кэролайн. Вы, конечно, поедете к ним несколько позже?

Келвиль. Если позволят мои общественные обязанности.

Леди Кэролайн. Ваша общественная деятельность, должно быть, доставляет много радости миссис Кеттль?

Сэр Джон. Келвиль, дорогая, Келвиль.

Леди Статфилд (*лорду Альфреду*). Какая прелесть эти ваши папиросы с золотым ободком, лорд Альфред; это очень, очень мило.

Лорд Альфред. Они ужасно дороги. Я курю их только тогда, когда я по уши в долгу.

Леди Статфилд. Наверно, это очень, очень печально — быть в долгу?

Лорд Альфред. По нынешним временам надо иметь какое-нибудь занятие. А если б у меня не было долгов, то мне решительно не о чем было бы думать. Решительно все, кого я только знаю, все мои приятели, тоже в долгу.

Леди Статфилд. Но ведь те люди, которым вы должны, верно, доставляют вам очень, очень много беспокойства?

Входит лакей.

Лорд Альфред. О нет, ведь это они едят, а не я.

Леди Статфилд. Это очень, очень странно.

Леди Ханстентон. А, вот и письмо, Кэролайн, от нашей милой миссис Арбетнот. Она не будет к обеду. Очень жаль. Зато она придет вечером. Я, право, очень рада. Это такая милая женщина. И почерк у нее прекрасный, такой крупный, такой твердый. (*Передаст письмо леди Кэролайн*).

Леди Кэролайн (*глядя на письмо*). Немножко не хватает женственности, Джейн. Женственность —

это качество, которым я больше всего восхищаюсь в женщинах.

Леди Ханстенон (*берет у нее письмо и кладет его на стол*). Ах, она очень женственная, Кэрролайн, и такая добрая к тому же. Послушали бы вы, что о ней говорит архидиакон. Он считает ее своей правой рукой в приходе.

Лакей что-то говорит ей.

В желтой гостиной. Не пора ли нам? Леди Статфилд, не хотите ли вы чаю?

Леди Статфилд. С удовольствием, леди Ханстенон.

Встают, собираясь уходить. Сэр Джон берет накидку леди Статфилд.

Леди Кэрролайн. Джон! Если бы ты передал моему племяннику плащ леди Статфилд, то мог бы взять у меня рабочую корзинку.

Входят лорд Иллингворт и миссис Оллонби.

Сэр Джон. Конечно, дорогая.

Уходят.

Миссис Оллонби. Любопытно, что некрасивые женщины всегда ревнуют своих мужей, а красивые — никогда.

Лорд Иллингворт. Красивым женщинам некогда. Они всегда так заняты — ревнуют чужих мужей.

Миссис Оллонби. Казалось бы, за столько лет леди Кэрролайн должны были надоесть супружеские тревоги. Ведь сэр Джон у нее четвертый!

Лорд Иллингворт. Конечно, не следовало бы так часто выходить замуж. Двадцать лет любви делают из женщины развалину; зато двадцать лет брака превращают ее в нечто подобное общественному зданию.

Миссис Оллонби. Двадцать лет любви! Разве это возможно?

Лорд Иллингворт. Только не в наше время. Женщины стали слишком остроумны. Ничто так не вредит роману, как чувство юмора в женщине.

Миссис Оллонби. Или недостаток его в мужчине.

Лорд Иллингворт. Вы совершенно правы. В

храме все должны быть серьезны, кроме того, кому поклоняются.

Миссис Оллонби. И это должен быть мужчина?

Лорд Иллингворт. Женщины преклоняют колена так грациозно, а мужчины — нет.

Миссис Оллонби. Вы имеете в виду леди Статфилд?

Лорд Иллингворт. Уверяю вас, я вот уже четверть часа не думаю о леди Статфилд.

Миссис Оллонби. Разве она такая загадка?

Лорд Иллингворт. Больше чем загадка — она настроение.

Миссис Оллонби. Настроения длятся недолго.

Лорд Иллингворт. В этом их главное очарование.

Входят Эстер и Джеральд.

Джеральд. Лорд Иллингворт, все меня поздравляют, леди Ханстентон и леди Кэролайн, и... все. Надеюсь, из меня выйдет хороший секретарь.

Лорд Иллингворт. Вы будете образцовым секретарем, Джеральд. *(Разговаривает с ним.)*

Миссис Оллонби. Вам нравится жить в поместье, мисс Уэрсли?

Эстер. Очень нравится.

Миссис Оллонби. А вы не тоскуете о лондонских обедах?

Эстер. Я ненавижу лондонские обеды.

Миссис Оллонби. А я их обожаю. Умные люди никогда не слушают, а глупые — всегда молчат.

Эстер. Мне кажется, что глупые люди очень много разговаривают.

Миссис Оллонби. Ах, я никогда не слушаю!

Лорд Иллингворт. Мой милый, если б вы мне не понравились, я бы не предложил вам это место. Именно потому, что вы мне так нравитесь, я и хочу, чтобы вы были всегда со мной.

Эстер уходит с Джеральдом.

Чудесный юноша этот Джеральд Арбетнот!

Миссис Оллонби. Он очень мил, право, очень мил. Но эту американскую девицу я просто не выношу.

Лорд Иллингворт. Почему?

Миссис Оллонби. Она сказала мне вчера, да еще так громко, что ей всего только восемнадцать лет. Это было очень неприятно.

Лорд Иллингворт. Никогда нельзя верить женщине, которая не скрывает своих лет. Женщина, которая говорит, сколько ей лет, может рассказать все что угодно.

Миссис Оллонби. Кроме того, она пуританка.

Лорд Иллингворт. А вот это уже непростительно. Пускай бы еще некрасивые женщины были пуританками. Это их единственное оправдание. Но она-то положительно хорошенькая. Я ею безмерно восхищаюсь. *(Смотрит пристально на миссис Оллонби.)*

Миссис Оллонби. Какой вы, должно быть, насквозь испорченный человек!

Лорд Иллингворт. Кого вы считаете испорченным?

Миссис Оллонби. Тех мужчин, которые восхищаются невинностью.

Лорд Иллингворт. А испорченными женщинами?

Миссис Оллонби. О, тех женщин, которые никогда не надоедают мужчинам.

Лорд Иллингворт. Вы очень строги к самой себе.

Миссис Оллонби. Дайте нам определение.

Лорд Иллингворт. Сфинксы без загадки¹.

Миссис Оллонби. Это относится и к пуританкам?

Лорд Иллингворт. Знаете ли, я не верю в существование пуританок. Не думаю, чтобы на свете нашлась хоть одна женщина, которая не была бы польщена, когда за ней ухаживают. Вот это и делает женщин такими неотразимо соблазнительными.

Миссис Оллонби. Вы думаете, нет такой женщины на свете, которая не позволила бы поцеловать себя?

Лорд Иллингворт. Очень мало.

Миссис Оллонби. Мисс Уэрсли не позволит.

Лорд Иллингворт. Вы в этом уверены?

Миссис Оллонби. Вполне.

Лорд Иллингворт. Как вы думаете, что она сделает, если я ее поцелую?

Миссис Оллонби. Заставит вас жениться на

ней или даст пощечину. А что бы вы сделали, если бы она ударила вас по щеке перчаткой?

Лорд Иллингворт. Вероятно, влюбился бы в нее.

Миссис Оллонби. Тогда это к лучшему, что вы ее не поцелуете.

Лорд Иллингворт. Это вызов?

Миссис Оллонби. Стрела, пущенная в воздух.

Лорд Иллингворт. А знаете ли, мне всегда удается все, что бы я ни задумал.

Миссис Оллонби. Очень жаль это слышать. Мы, женщины, обожаем неудачников. Мы их опора.

Лорд Иллингворт. Вы поклоняетесь победителям. Вы льнете к ним.

Миссис Оллонби. Мы — лавровые венки, прикрывающие их лысину.

Лорд Иллингворт. А вы им нужны постоянно, кроме минуты торжества.

Миссис Оллонби. В эту минуту они неинтересны.

Лорд Иллингворт. Вы соблазнительница!

Пауза.

Миссис Оллонби. Лорд Иллингворт, в вас есть одно, что мне всегда будет нравиться.

Лорд Иллингворт. Только одно? А у меня так много недостатков.

Миссис Оллонби. Ах, не слишком чваньтесь ими. Вы можете все это утратить, когда состаритесь.

Лорд Иллингворт. Я вовсе не намерен стариться. Душа рождается старой, но становится все моложе. В этом комедия жизни.

Миссис Оллонби. А тело рождается молодым, но становится старым. В этом трагедия жизни.

Лорд Иллингворт. А иногда и комедия. Но по какой это загадочной причине я всегда буду вам нравиться?

Миссис Оллонби. Потому что вы за мной никогда не ухаживали.

Лорд Иллингворт. Я никогда ничего другого не делал.

Миссис Оллонби. Право? Я не заметила.

Лорд Иллингворт. Какое счастье! Для нас обоих это могло бы стать трагедией.

Миссис Оллонби. Вместе мы бы ее пережили.

Лорд Иллингворт. Нынче все можно пережить, кроме смерти, и все можно перенести, кроме хорошей репутации.

Миссис Оллонби. А вы знаете, что такое хорошая репутация?

Лорд Иллингворт. Это одна из многих неприятностей, которых мне не пришлось испытать.

Миссис Оллонби. Может быть, еще придется.

Лорд Иллингворт. Почему вы мне грозите?

Миссис Оллонби. Я вам скажу, когда вы поцелуете эту пуританку.

Входит лакей.

Лакей. Чай подан в желтой гостиной, милорд.

Лорд Иллингворт. Скажите леди Ханстентон, что мы сейчас придем.

Лакей. Слушаюсь, милорд.

Лорд Иллингворт. Не пойти ли нам пить чай?

Миссис Оллонби. А вы любите такие простые удовольствия?

Лорд Иллингворт. Обожаю простые удовольствия. Это последнее прибежище сложных натур. Но если хотите, останемся здесь. Да, останемся. Книга Жизни начинается с мужчины и женщины в саду².

Миссис Оллонби. А кончается Откровением³.

Лорд Иллингворт. Вы божественно фехтуете. Но с вашей рапиры соскочил наконечник.

Миссис Оллонби. Зато маска еще на мне.

Лорд Иллингворт. От этого ваши глаза только сильнее блестят.

Миссис Оллонби. Благодарю вас. Идемте.

Лорд Иллингворт (*замечает письмо миссис Арбетнот на столе, берет его и смотрит на конверт*). Какой любопытный почерк! Он напоминает мне почерк женщины, которую я знал много лет назад.

Миссис Оллонби. Кто это такая?

Лорд Иллингворт. О, никто. Не важно кто. Женщина, не стоящая внимания. (*Бросает письмо на стол и вместе с миссис Оллонби поднимается по ступеням террасы. Они улыбаются друг другу.*)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Гостиная леди Ханстентон после обеда; лампы зажжены. Дамы сидят на диванах.

Миссис Оллонби. Какое облегчение избавиться от мужчин хоть ненадолго!

Леди Статфилд. Да, мужчины нас так преследуют, правда?

Миссис Оллонби. Преследуют? Хотелось бы мне, чтоб они нас преследовали.

Леди Ханстентон. Дорогая моя!

Миссис Оллонби. Досадно, что эти негодные могут быть совершенно счастливы и без нас. Вот почему, мне кажется, долг каждой женщины не оставлять их ни на минуту, кроме вот этой короткой передышки после обеда; без нее мы, бедные женщины, иссохли бы и превратились в тени.

Слуги вносят кофе.

Леди Ханстентон. Превратились бы в тени, дорогая?

Миссис Оллонби. Да, леди Ханстентон. Это так утомительно — держать мужчин в руках. Они всегда стараются ускользнуть от нас.

Леди Статфилд. Мне кажется, это мы всегда стараемся ускользнуть от них. Мужчины очень, очень бессердечны. Они знают свою силу и пользуются ею.

Леди Кэрролайн. Все это вздор и чепуха — насчет мужчин. Надо только, чтобы мужчина знал свое место.

Миссис Оллонби. А где же его место, леди Кэрролайн?

Леди Кэрролайн. Возле жены, миссис Оллонби.

Миссис Оллонби (*берет у лакея кофе*). Вот как?.. А если он не женат?

Леди Кэралайн. Если он не женат, так должен искать себе жену. Это просто позор, сколько холостяков встречаешь нынче в обществе. Надо бы провести такой закон, чтобы заставить их всех жениться в течение года.

Леди Статфилд (*отказывается от кофе*). Но если он влюблен в женщину, которая, может быть, принадлежит другому?

Леди Кэралайн. В таком случае, леди Статфилд, его надо в одну неделю женить на какой-нибудь некрасивой и порядочной девушке, чтобы не покушался на чужую собственность.

Миссис Оллонби. Не знаю, можно ли вообще говорить о нас как о чужой собственности. Все мужчины — собственность замужних женщин. Это единственно верное определение того, что такое собственность замужних женщин. Мы же не принадлежим никому.

Леди Статфилд. О, я очень, очень рада слышать это от вас.

Леди Ханстентон. Но вы в самом деле думаете, Кэралайн, что законодательным путем можно как-то исправить положение? Говорят, что нынче все женатые живут как холостяки, а все холостяки — как женатые.

Миссис Оллонби. Я, право, никогда не могу отличить женатого от холостого.

Леди Статфилд. Я думаю, сразу можно узнать, есть у человека семейные обязанности или нет. Я не раз замечала такое грустное, грустное выражение в глазах женатых мужчин.

Миссис Оллонби. Ах, все, что я могла заметить, — это то, что мужчины ужасно скучны, если они хорошие мужья, и отвратительно тщеславны, если плохие.

Леди Ханстентон. Ну что ж, надо полагать, мужья нынче совсем не то, что во времена моей молодости, но я должна сказать, что мой бедный Ханстентон был самый прелестный человек и по характеру чистое золото.

Миссис Оллонби. Ах, мой муж нечто вроде векселя, мне надоело по нему платить.

Леди Кэролайн. Но вы возобновляете этот вексель время от времени?

Миссис Оллонби. О нет, леди Кэролайн. У меня был всего-навсего один муж. Должно быть, вы на меня смотрите как на дилетантку?

Леди Кэролайн. С вашими взглядами на жизнь удивительно, как вы вообще вышли замуж.

Миссис Оллонби. Мне тоже это удивительно.

Леди Ханстенон. Милое дитя, вы, верно, очень счастливы в семейной жизни, но хотите скрыть ваше счастье от других.

Миссис Оллонби. Уверяю вас, я ужасно обманулась в Эрнесте.

Леди Ханстенон. Надеюсь, что нет, милая. Его мать была урожденная Страттон, Кэролайн, одна из дочерей лорда Кроуленда.

Леди Кэролайн. Виктория Страттон? Отлично ее помню. Глупенькая блондинка без подбородка.

Миссис Оллонби. Ах, у Эрнеста есть подбородок. У него очень энергичный подбородок, квадратный подбородок. Даже слишком квадратный.

Леди Статфилд. А вы в самом деле думаете, что подбородок у мужчины может быть слишком квадратным? Я думаю, что мужчина должен выглядеть очень, очень сильным, и подбородок у него должен быть совершенно, совершенно квадратным.

Миссис Оллонби. Тогда вам надо бы познакомиться с Эрнестом, леди Статфилд. Но только следует предупредить вас, что разговаривать он не мастер.

Леди Статфилд. Я обожаю молчаливых мужчин.

Миссис Оллонби. О, Эрнест не из молчаливых. Он все время говорит. Но разговаривать не умеет. О чем он говорит — не знаю. Я уже много лет его не слушаю.

Леди Статфилд. Вы так его и не простили? Как это печально! Но ведь вся жизнь очень, очень печальна, не правда ли?

Миссис Оллонби. Жизнь, леди Статфилд, есть просто *un mauvais quart d'heure*^{*}, составленное из мгновений счастья.

Леди Статфилд. Да, бывают такие мгновения.

---

* Неприятные четверть часа (фр.).

Но разве мистер Оллонби сделал что-нибудь очень, очень дурное? Рассердился на вас и сказал что-нибудь нелюбезное или чистую правду?

Миссис Оллонби. О боже мой, нет! Эрнест всегда неизменно спокоен. Это одна из причин, почему он мне действует на нервы. Ничто так не раздражает, как спокойствие. Есть что-то положительно скотское в спокойном характере современных мужчин. Удивляюсь, как мы, женщины, ухитряемся это терпеть.

Леди Статфилд. Да, хороший характер у мужчин доказывает, что они грубее нас, не так чувствительны. Это нередко создает барьер между мужем и женой, не так ли? Но мне все же очень хотелось бы знать, что такого сделал мистер Оллонби?

Миссис Оллонби. Ну что же, я вам скажу, если вы дадите торжественное обещание рассказывать об этом всем и каждому.

Леди Статфилд. Благодарю вас, благодарю. Я непременно постараюсь.

Миссис Оллонби. Когда мы с Эрнестом обручились, он поклялся мне на коленях, что никогда в жизни не любил никого другого. В то время я была еще очень молода, и — нечего вам даже говорить — не поверила ему. К несчастью, я не стала никого расспрашивать об этом, пока не прошло месяцев пять после свадьбы. И вот тогда-то я узнала, что он сказал мне чистую правду. А после такого признания мужчина делается совершенно неинтересен.

Леди Ханстентон. Дорогая моя!

Миссис Оллонби. Мужчина всегда хочет быть первой любовью женщины. Такое у них нелепое тщеславие. Мы, женщины, более чутки в таких вещах. Нам хотелось бы стать последней любовью мужчины.

Леди Статфилд. Понимаю, что вы хотите сказать. Это очень, очень красиво.

Леди Ханстентон. Милое дитя, неужели вы хотите сказать, что не можете простить мужа за то, что он не любил никого, кроме вас? Слышали вы что-нибудь подобное, Кэролайн? Я вне себя от изумления.

Леди Кэролайн. О, женщины стали такие образованные, Джейн, что нас теперь ничто не удивит, кроме счастливых браков. По-видимому, это в наше время большая редкость.

Миссис Оллонби. Они совершенно устарели.

Леди Статфилд. Везде, кроме разве средних классов, сколько я слышала.

Миссис Оллонби. Как это на них похоже!

Леди Статфилд. Да, не правда ли? Очень, очень похоже.

Леди Кэрролайн. Если правда то, что вы говорите о средней буржуазии, леди Статфилд, это делает ей честь. Следует пожалеть, что в нашем кругу жены всегда ведут себя легкомысленно, вообразив, как видно, что так и надо. Мне кажется, именно поэтому в обществе столько несчастных браков, как всем нам известно.

Миссис Оллонби. А знаете, леди Кэрролайн, по-моему, легкомыслие жен тут совершенно ни при чем. Семья распадается гораздо чаще от здравого смысла мужа, чем от чего-нибудь другого. Как может женщина быть счастливой с человеком, который упорно желает видеть в ней вполне разумное существо?

Леди Ханстентон. Дорогая моя!

Миссис Оллонби. Мужчина, бедненький, неловкий, основательный и надежный мужчина принадлежит к тому полу, который уже целые миллионы лет был разумен. Он ничего с собой поделывать не может. Это у него в крови. А история женщины совершенно иная. Мы всегда были живописным протестом против самого существования здравого смысла. Мы заметили его опасность с самого начала.

Леди Статфилд. Да, конечно, здравый смысл мужей очень утомителен. Скажите мне, как вы представляете себе идеального мужа? Мне кажется, это было бы очень, очень полезно послушать.

Миссис Оллонби. Идеального мужа? Таких вообще не бывает. Самое понятие ложно.

Леди Статфилд. Ну, тогда идеального мужчину в его отношениях к нам.

Леди Кэрролайн. Он, верно, должен быть крайне реалистичен.

Миссис Оллонби. Идеальный мужчина? Идеальный мужчина должен говорить с нами как с богинями, а обращаться с нами — как с детьми. Он должен отказывать нам во всех серьезных просьбах и потакать всем нашим капризам. Потворствовать всем нашим прихотям и запрещать нам иметь призвание. Он дол-

жен всегда говорить не то, что думает, и думать не то, что говорит.

Леди Ханстентон. Но, дорогая, как же он может делать и то и другое сразу?

Миссис Оллонби. Он не должен пренебрегать другими хорошенькими женщинами. Это доказало бы, что у него нет вкуса, или вызвало бы подозрение, что вкуса у него слишком много. Нет, он должен быть мил со всеми женщинами, но говорить, что они почему-то его не привлекают.

Леди Статфилд. Да, это всегда очень, очень приятно слышать о других женщинах.

Миссис Оллонби. Когда мы его спросим о чем-нибудь, в ответ он должен говорить нам только о нас самих. Он должен неизменно превозносить нас за те качества, которых у нас нет. Зато он должен быть беспощаден, совершенно беспощаден, порицая нас за такие добродетели, которые нам и не снились. Он не должен верить, что нам нужно хоть что-нибудь полезное. Это было бы непростительно. Зато он должен осыпать нас всем тем, что нам вовсе не нужно.

Леди Кэрлайн. Насколько я понимаю, ему остается только одно: осыпать нас подарками и комплиментами.

Миссис Оллонби. Он должен постоянно компрометировать нас в обществе и быть совершенно почтительным наедине. И все-таки он должен быть всегда готов вытерпеть самую ужасную сцену, если нам захочется ее устроить, мгновенно стать несчастным, совершенно несчастным, и через какие-нибудь двадцать минут осыпать нас справедливыми упреками, а через полчаса положительно разъяриться и покинуть нас навеки без четверти восемь, когда нам нужно переодеться к обеду. А после того как женщина рассталась с ним навсегда и он отказался взять обратно те пустяки, которые когда-то ей подарил, и пообещал никогда с ней больше не видаться и не писать ей безрассудных писем — он должен чувствовать, что сердце его совершенно разбито, и целый день посылать ей телеграммы и записочки со своим кучером каждые полчаса, и обедать в клубе в полном одиночестве, чтобы все видели, как он несчастен. И вот, после целой ужасной недели, в течение которой она всегда выезжает вместе со своим

мужем, для того только, чтобы показать, как он одинок, можно назначить ему третье, последнее свидание, вечером, и тогда, если его поведение было совершенно безупречным, а она действительно была с ним жестока, можно позволить ему сознаться, что он был совершенно неправ; когда же он в этом сознается, долг женщины — простить ему, а после того она может начинать все сначала, с разными вариациями.

Леди Ханстенон. Какая вы умница, дорогая моя! Вы ничего этого не думаете, ни единого слова!

Леди Статфилд. Благодарю вас, благодарю. Это очень, очень увлекательно. Надо постараться все это запомнить. Тут столько очень, очень важных подробностей.

Леди Кэрлайн. Но вы не сказали мне, какую же награду получит идеальный мужчина?

Миссис Оллонби. Какую награду? О, возможность бесконечно надеяться. Этого ему вполне достаточно.

Леди Статфилд. Но ведь мужчины так ужасно требовательны, не правда ли?

Миссис Оллонби. Это ничего не значит. Женщина все-таки не должна уступать.

Леди Статфилд. Даже идеальному мужчине?

Миссис Оллонби. Разумеется, только не ему. Если, конечно, она не хочет, чтобы он ей надоел.

Леди Статфилд. Ах!.. да. Понимаю. Это очень, очень важно. Как вы думаете, миссис Оллонби, встречу я когда-нибудь идеального мужчину? Или он не один такой на свете?

Миссис Оллонби. В Лондоне их ровно четыре, леди Статфилд.

Леди Ханстенон. О, моя дорогая!

Миссис Оллонби (*подходит к ней*). Что случилось? Скажите мне.

Леди Ханстенон (*тихим голосом*). Я совсем забыла, что эта американочка все время сидела тут же в комнате. Боюсь, кое-что из этого остроумного разговора могло ее шокировать.

Миссис Оллонби. Ах, это будет ей очень полезно.

Леди Ханстенон. Надеюсь, она многого не поняла. Мне, пожалуй, надо бы пойти поговорить с

ней. (*Встает и подходит к Эстер.*) Ну, милая моя мисс Уэрсли. (*Садится рядом.*) Вы так тихонько сидели все это время в вашем уютном уголке! Должно быть, читали? Здесь в библиотеке столько книг.

Эстер. Нет, я слушала ваш разговор.

Леди Ханстентон. Знаете, дорогая, не следует верить всему тому, что здесь говорилось.

Эстер. Я и не поверила ни единому слову.

Леди Ханстентон. Так и надо, милая.

Эстер. Я не могла поверить, чтобы женщины действительно смотрели на жизнь так, как об этом рассказывали сегодня ваши гости.

Неловкая пауза.

Леди Ханстентон. Говорят, у вас, в Америке, такое приятное общество. Кое-где совсем похоже на наше, судя по письмам моего сына.

Эстер. У нас в Америке, как и везде, тоже есть свои кружки, леди Ханстентон. Но настоящее общество состоит из всех хороших женщин и мужчин, из всех хороших людей, какие только есть в нашей стране.

Леди Ханстентон. Какая разумная система и, я думаю, очень приятная к тому же. Боюсь, у нас, в Англии, слишком много искусственных социальных перегородок. Мы почти не видим средних и низших классов общества.

Эстер. У нас в Америке нет низших классов.

Леди Ханстентон. В самом деле? Какое странное общественное устройство!

Миссис Оллонби. О чем говорит эта ужасная девочка?

Леди Статфилд. Она так утомительно естественна, правда?

Леди Кэрролайн. Говорят, у вас в Америке нет очень многого, мисс Уэрсли. Говорят, у вас совсем нет развалин, нет редкостей.

Миссис Оллонби (*к леди Статфилд*). Какой вздор! У них есть их матери, есть их манеры.

Эстер. Английская аристократия поставляет нам редкости, леди Кэрролайн. Их высылают к нам каждое лето пароходом, и на другой день после приезда они предлагают нам руку и сердце. Что касается развалин,

мы стремимся построить нечто более долговечное, чем кирпичи и камни. (*Встает, чтобы взять со стола свой веер.*)

Леди Ханстентон. Что же это такое, милая? Ах да, эту вашу железную Выставку в городке с таким смешным названием⁴, не правда ли?

Эстер (*стоя у стола*). Мы хотим построить жизнь, леди Ханстентон, на лучших, более чистых и справедливых основаниях, чем те, на каких она построена здесь. Без сомнения, всем вам это покажется странно. Да и не может не показаться странным. Вы, богатые англичане, сами не понимаете, как вы живете. Да и как вам понять? Вы изгоняете из вашего общества все доброе и хорошее. Вы смеетесь над всем простым и чистым. Живя, как вы все, на чужой счет, вы издеваетесь над самопожертвованием, а если и бросаете беднякам кусок хлеба, то только для того, чтобы усмирить их на время. Со всей вашей роскошью, богатством и художеством вы не умеете жить — даже этого не умеете. Вам нравится красота, которой можно любоваться, которую можно трогать и вертеть, та красота, которую вы в силах уничтожить и уничтожаете, но о незримой красоте жизни, о незримой красоте высшей жизни вы не имеете понятия. Ваше английское общество кажется мне мелким, эгоистичным, неразумным. Оно не видит и не слышит. Оно возлежит как прокаженный в пурпуре. Оно недвижимо, словно гроб повапленный. В нем все ложно, все ложно.

Леди Статфилд. Об этом, я думаю, и знать не следует. Это ведь очень, очень неприлично, не правда ли?

Леди Ханстентон. Милая моя мисс Уэрсли! А я-то думала, что вам очень нравится английское общество. Вы имели у нас такой успех. Вами так восхищались самые первые люди. Не припомню, что сказал про вас лорд Генри Уэстон, — но что-то очень лестное, а вы знаете, какой он ценитель красоты.

Эстер. Лорд Генри Уэстон! Я его помню, леди Ханстентон! Человек с отвратительной улыбкой и отвратительным прошлым. Его везде приглашают. Ни один обед без него не обходится. А где те, кого он погубил? Они — парии. Даже имени их не называют. Вы отвернетесь, если встретите их на улице. Я не жалею о

том, что они наказаны. Пусть будут наказаны все женщины, которые грешили.

Миссис Арбетнот входит с террасы в накидке, с кружевной вуалью на голове. Услышав последние слова, она вздрагивает.

Леди Ханстенон. Дорогая моя мисс Уэрсли!

Эстер. Это справедливо, чтоб они несли кару, но пусть же страдают не они одни. Если мужчина и женщина согрешили, пусть удаляются в пустыню и там любят или ненавидят друг друга. Надо заклеить и того и другого. Если хотите, отметьте клеймом обоих, но нельзя же карать одну, оставив другому свободу. Нельзя, чтоб был один закон для мужчин, а другой для женщин. У вас в Англии несправедливы к женщинам. И пока вы не признаете, что позор для женщины есть бесчестье и для мужчины, вы всегда будете несправедливы, и Добро — этот огненный столп, и Зло — этот облачный столп, будут вам видны очень смутно, или совсем не видны, а если и будут видны, вы не станете на них смотреть.

Леди Кэролайн. Нельзя ли попросить вас, милая мисс Уэрсли, раз вы все равно стоите, передать мне мой клубок: он как раз за вашей спиной? Благодарю вас.

Леди Ханстенон. Миссис Арбетнот, дорогая моя! Я так рада, что вы пришли. Но я не слышала, как о вас доложили.

Миссис Арбетнот. О, я вошла прямо с террасы, не снимая накидки. Вы мне не писали, что у вас званый вечер.

Леди Ханстенон

(Хочет помочь ей. Потом звонит.) Кэролайн, это миссис Арбетнот, мой лучший друг. Леди Кэролайн Понтефракт, леди Статфилд, миссис Оллонби и мой юный друг из Америки, мисс Эстер Уэрсли, которая только что рассказывала нам, какие мы все испорченные.

Эстер. Боюсь, леди Ханстенон, вам показалось, что я говорила слишком резко. Но в Англии много такого...

Леди Ханстенон. Милая девочка, я думаю, в том, что вы говорили, немало правды, и вы были такая хорошенькая в эту минуту, что гораздо важнее, как

сказал бы лорд Иллингворт. В одном только вы были слишком уж строги, как мне подумалось, — это по отношению к брату леди Кэролайн, бедному лорду Генри. Право, он такой интересный собеседник.

Входит лакей.

Возьмите вещи миссис Арбетнот.

Лакей уходит с вещами.

Эстер. Леди Кэролайн, я понятия не имела, что это ваш брат. Мне очень жаль, что я вас огорчила... я...

Леди Кэролайн. Милая мисс Уэрсли, единственное место в вашем маленьком спиче, если можно так выразиться, с которым я вполне согласна, это то, что вы говорили о моем брате. Что бы вы о нем ни сказали, все это будет слишком мягко для него. Я считаю Генри бесчестным, совершенно бесчестным. Но я должна сознаться, как и вы это заметили, Джейн, что он — интересный собеседник, что повар у него — лучший в Лондоне, а после хорошего обеда всякому простишь, даже родному брату.

Леди Ханстенон (*к мисс Уэрсли*). А теперь, дорогая, подойдите и познакомьтесь с миссис Арбетнот. Она одна из тех добрых, хороших, простых людей, которых мы, по вашему мнению, никогда не допускаем в общество. Мне очень жаль, что миссис Арбетнот так редко ко мне приходит. Но я тут ничего не могу поделать.

Миссис Оллонби. Как досадно, что мужчины так засиживаются в столовой после обеда! Должно быть, говорят про нас бог знает что.

Леди Статфилд. Вы в самом деле так думаете?

Миссис Оллонби. Уверена в этом.

Леди Статфилд. Это очень, очень гадко с их стороны! Не перейти ли нам на террасу?

Миссис Оллонби. О, куда угодно, лишь бы подальше от этих вдов, от этих нерях. (*Встает и вместе с леди Статфилд идет к двери.*) Мы только пойдем посмотрим на звезды, леди Ханстенон.

Леди Ханстенон. Сейчас их очень много, дорогая моя, очень много. Не простудитесь только. (*К миссис Арбетнот.*) Нам будет очень недоставать Джеральда, миссис Арбетнот.

Миссис Арбетнот. Но разве лорд Иллингворт действительно предложил Джеральду быть его секретарем?

Леди Ханстенон. О да! Он был так мил, так любезен. Он самого высокого мнения о вашем сыне. Вы, кажется, незнакомы с лордом Иллингвортом, дорогая.

Миссис Арбетнот. Я никогда с ним не встречалась.

Леди Ханстенон. Но вы, конечно, знаете его по имени?

Миссис Арбетнот. Кажется, нет. Я живу так замкнуто, почти никого не вижу. Помню, много лет назад я слышала о старом лорде Иллингворте, который жил, кажется, в Йоркшире.

Леди Ханстенон. Ах, да. Это был предпоследний граф. Очень любопытный человек. Он хотел жениться на женщине из низов. Или, напротив, не хотел. Об этом много говорили. Нынешний лорд Иллингворт совсем другой. Большой аристократ. Он занимается... Впрочем, он ничем особенно не занят, что так не нравится нашей хорошенькой американской гостье; не знаю даже, интересуется ли он тем, что так занимает вас, миссис Арбетнот. Как вы думаете, Кэролайн, интересуется ли лорд Иллингворт убежищами для бедных?

Леди Кэролайн. Думаю, что ничуть не интересуется, Джейн.

Леди Ханстенон. У всех нас разные вкусы, не правда ли? Но лорд Иллингворт занимает очень высокое положение и может добиться всего, чего только захочет. Конечно, он еще сравнительно молодой человек и не так давно унаследовал свой титул — с каких пор он лорд Иллингворт, Кэролайн?

Леди Кэролайн. Да я думаю, уже года четыре, Джейн. Я помню, он получил титул в тот самый год, когда моего брата разоблачили в газетах.

Леди Ханстенон. Ах да, припоминаю. Это будет как раз около четырех лет. Ну, вы понимаете, миссис Арбетнот, между лордом Иллингвортом и титулом стояло много людей. Там был, например... кто же такой, Кэролайн?

Леди Кэролайн. Сын бедняжки Маргарет. Вы помните, как ей хотелось иметь сына, и у нее родился

мальчик, но он умер, а после него умер и ее муж, и она как-то очень скоро вышла за одного из сыновей лорда Аскота, и, говорят, он ее колотит.

Леди Ханстенон. Ах, дорогая, это у них семейное. А еще был один пастор, который выдавал себя за сумасшедшего, или сумасшедший, который выдавал себя за пастора, — точно не помню, но знаю, что дело разбирали Канцлерский суд и вынес решение, что он в своем уме. Потом я его видела у бедного лорда Пламстеда с сеном в волосах или еще с чем-то таким странным. Уж не помню с чем. Я часто жалею, Кэролайн, что милая леди Сесилия не дожила до того дня, когда ее сын стал лордом.

Миссис Арбетнот. Леди Сесилия?

Леди Ханстенон. Матушка лорда Иллингворта, милая миссис Арбетнот, была одна из хорошеньких дочек герцогини Джернингэм: она вышла за сэра Томаса Харфорда, и в то время не считали, что это хорошая партия для нее, хотя он был первым красавцем во всем Лондоне. Я близко знала всю семью, и обоих сыновей тоже: и Артура и Джорджа.

Миссис Арбетнот. Титул унаследовал, конечно, старший сын, леди Ханстенон?

Леди Ханстенон. Нет, милая, он был убит на охоте... Или на рыбной ловле, Кэролайн? Забыла. Но все наследство досталось Джорджу. Я всегда говорю, что ни одному младшему сыну так не повезло, как ему.

Миссис Арбетнот. Леди Ханстенон, мне нужно сейчас же переговорить с Джеральдом. Могу я его видеть? Можно за ним послать?

Леди Ханстенон. Конечно, дорогая. Он в столовой. Я сейчас пошлю за ним. Не знаю, что это мужчины сегодня так засиделись. (*Звонит в колокольчик.*) Когда я знала лорда Иллингворта еще нетитулованным Джорджем Харфордом, это был просто блестящий светский юноша, и у него никогда не было своих денег, кроме того, что давала ему бедняжка леди Сесилия. Она его очень любила. Больше из-за того, я думаю, что он очень не ладил с отцом. А вот и наш милый архидиакон. (*Слуге.*) Нет, не нужно.

Входят сэр Джон и доктор Добени. Сэр Джон подходит к леди Статфилд, доктор Добени к леди Ханстенон.

Доктор Добени. Лорд Иллингворт был сегодня очень интересен. Я никогда еще не проводил время так приятно. (*Видит миссис Арбетнот.*) А! миссис Арбетнот!

Леди Ханстенон (*доктору Добени*). Видите, наконец-то я уговорила миссис Арбетнот приехать ко мне.

Доктор Добени. Это большая честь, леди Ханстенон: миссис Добени позавидует вам.

Леди Ханстенон. Ах, как жаль, что миссис Добени не могла приехать с вами. Головная боль, как и всегда, я думаю?

Доктор Добени. Да, леди Ханстенон, она сущая мученица. Но ей всего лучше, когда она остается в одиночестве. Всего лучше в одиночестве.

Леди Кэролайн (*мужу*). Джон!

Сэр Джон подходит к ней. Доктор Добени разговаривает с леди Ханстенон и миссис Арбетнот. Миссис Арбетнот все время следит за лордом Иллингвортом. Не заметив ее, он переходит комнату, направляясь к миссис Оллонби, которая вместе с леди Статфилд смотрит на террасу, стоя возле дверей.

Лорд Иллингворт. Как чувствует себя самая очаровательная женщина на свете?

Миссис Оллонби (*беря за руку леди Статфилд*). Мы обе чувствуем себя прекрасно. Благодарю вас, лорд Иллингворт. Что же вы так недолго побыли в столовой? Мы, кажется, только что оттуда ушли.

Лорд Иллингворт. Скука была смертная. Я все время молчал. Только и думал, как бы поскорее вернуться к вам.

Миссис Оллонби. А стоило бы. Американка читала нам лекцию.

Лорд Иллингворт. В самом деле? Мне кажется, все американцы любят читать лекции. Должно быть, у них климат как-то располагает к этому. О чем же была лекция?

Миссис Оллонби. Ну конечно, о пуританстве.

Лорд Иллингворт. Мне предстоит обратиться к ней, не правда ли? Какой срок вы мне даете?

Миссис Оллонби. Неделю.

Лорд Иллингворт. Недели за глаза хватит.

Входят Джеральд и лорд Альфред.

Джеральд (*подходит к матери*). Милая мама!

Миссис Арбетнот. Джеральд, мне что-то нехорошо. Проводи меня домой. Не надо мне было приезжать.

Джеральд. Как жалко, мама. Ну конечно. Но сначала познакомься с лордом Иллингвортом. (*Идет к нему.*)

Миссис Арбетнот. Только не сегодня, Джеральд.

Джеральд. Лорд Иллингворт, мне очень хотелось бы познакомить вас с моей матерью.

Лорд Иллингворт. С величайшим удовольствием! (*К миссис Оллонби.*) Я через минуту вернусь. Чужие матери всегда надоедают мне. И все женщины становятся похожи на своих матерей. В этом их трагедия.

Миссис Оллонби. А мужчины — никогда. В этом их трагедия.

Лорд Иллингворт. Какое у вас чудесное настроение сегодня! (*Поворачивается и подходит вместе с Джеральдом к миссис Арбетнот. Увидев ее, отшатывается в изумлении. Затем медленно переводит взгляд на Джеральда.*)

Джеральд. Мама, это лорд Иллингворт, который предлагает мне стать его личным секретарем.

Миссис Арбетнот холодно кланяется.

Для меня это прекрасное начало, не правда ли? Надеюсь только, что он во мне не разочаруется. Ты ведь поблагодаришь лорда Иллингворта, мама?

Миссис Арбетнот. Конечно, лорд Иллингворт очень добр, что принимает в тебе участие.

Лорд Иллингворт (*кладя руку на плечо Джеральда*). О, мы с Джеральдом уже успели подружиться, миссис... Арбетнот.

Миссис Арбетнот. Между вами и моим сыном не может быть ничего общего, лорд Иллингворт.

Джеральд. Мама, милая, как ты можешь это говорить? Конечно, лорд Иллингворт очень остроумен и все такое, он все на свете знает.

Лорд Иллингворт. Мои милый мальчик!

Джеральд. Он знает жизнь лучше, чем кто бы то ни было. Я себя чувствую таким тупицей, когда я с вами, лорд Иллингворт. Конечно, у меня не было никаких преимуществ. Я не учился ни в Итоне, ни в Оксфорде, как другие. Но лорд Иллингворт, по-видимому, не придает этому значения. Он был очень добр ко мне, мама.

Миссис Арбетнот. Лорд Иллингворт может еще передумать. Вряд ли он хочет, чтобы ты был его секретарем!

Джеральд. Мама!

Миссис Арбетнот. Не забывай, ты сам сказал, что у тебя не было почти никаких преимуществ.

Миссис Оллонби. Лорд Иллингворт, мне нужно поговорить с вами. Подойдите на минутку.

Лорд Иллингворт. Извините меня, миссис Арбетнот. Не позволяйте вашей милой матушке настаивать на своих возражениях, Джеральд. Дело ведь совсем решено, не так ли?

Джеральд. Надеюсь, что так.

Лорд Иллингворт отходит к миссис Оллонби.

Миссис Оллонби. Я думала, вы никогда не уйдете от этой дамы в черном бархате.

Лорд Иллингворт. Она очень красива. *(Смотрит на миссис Арбетнот.)*

Леди Ханстентон. Кэролайн, не перейти ли нам в концертную залу? Мисс Уэрсли сыграет нам. Вы ведь тоже идете с нами, милая миссис Арбетнот? Вы не знаете, какое нас ждет удовольствие. *(Доктору Добени.)* Право, надо как-нибудь привезти к вам мисс Уэрсли. Мне так хочется, чтобы милая миссис Добени послушала ее игру на скрипке. Ах, я и забыла! Милая миссис Добени, кажется, не так хорошо слышит?

Доктор Добени. Глухота для нее большое лишение. Она не может даже слушать мои проповеди. Она читает их дома. Но у нее есть внутренние ресурсы, есть ресурсы.

Леди Ханстентон. Она, я думаю, много читает?

Доктор Добени. Только самую крупную печать. Ее зрение быстро слабеет. Но она никогда не жалуется, никогда.

Джеральд (*лорду Иллингворту*). Пожалуйста, поговорите с мамой, лорд Иллингворт, перед тем как вы пойдете слушать музыку. Ей кажется, вы говорите мне не то, что думаете.

Миссис Оллонби. Разве вы не идете?

Лорд Иллингворт. Сию минуту. Леди Ханстенон, если миссис Арбетнот позволит, я хотел бы сказать ей несколько слов, а потом мы присоединимся к вам.

Леди Ханстенон. Ах, да, конечно. Вам есть что сказать ей, и ей хочется поблагодарить вас за многое. Не каждому сыну делают такое предложение, миссис Арбетнот. Но я знаю, вы его сумеете оценить, дорогая моя.

Леди Кэролайн. Джон!

Леди Ханстенон. Только не задерживайте миссис Арбетнот слишком долго, лорд Иллингворт. Мы без нее не можем обойтись. (*Уходит вслед за другими гостями.*)

Из залы доносятся звуки скрипки.

Лорд Иллингворт. Так это наш сын, Рэчел! Что ж, я горжусь им. Он настоящий Харфорд, с головы до ног. Кстати, почему он Арбетнот, Рэчел?

Миссис Арбетнот. Не все ли равно, какое имя он носит, если у него нет прав ни на какое.

Лорд Иллингворт. Пожалуй, но почему он Джеральд?

Миссис Арбетнот. В честь того человека, чье сердце я разбила, — в честь моего отца.

Лорд Иллингворт. Ну, Рэчел, что прошло, то прошло. Скажу только одно — я очень, очень доволен нашим мальчиком. Общество будет знать его только как моего личного секретаря, но для меня он будет и самым близким и самым дорогим человеком. Странно, Рэчел, мне казалось, что жизнь моя полна. Но это было неверно. Мне чего-то недоставало, мне недоставало сына. Теперь я нашел моего сына и очень рад, что нашел.

Миссис Арбетнот. Вы не имеете на него никакого права, ни малейшего. Он целиком мой и останется моим.

Лорд Иллингворт. Милая моя Рэчел, вы владели им больше двадцати лет. Почему бы теперь не

уступить его мне, хоть ненадолго? Он столько же мой, сколько и ваш.

Миссис Арбетнот. Вы говорите это о ребенке, которого бросили? О ребенке, который мог бы умереть от голода и нужды, если б это только от вас зависело?

Лорд Иллингворт. Вы забываете, Рэчел, что это вы меня бросили. А не я вас.

Миссис Арбетнот. Я бросила вас потому, что вы отказались дать ребенку имя. Перед тем как родился мой сын, я умоляла вас жениться на мне.

Лорд Иллингворт. У меня тогда не было никаких надежд на будущее. И кроме того, Рэчел, я был не многим старше вас. Мне было всего двадцать два года. А когда вся эта история началась в саду вашего отца, мне был двадцать один год.

Миссис Арбетнот. Когда мужчина достаточно взрослый для того, чтобы делать зло, он достаточно взрослый и для того, чтобы это зло исправить.

Лорд Иллингворт. Милая Рэчел, отвлеченные рассуждения всегда очень интересны, но в моральном отношении они ровно ничего не стоят. Говорить, будто я оставил своего сына умирать голодной смертью, и неверно и неумно. Моя мать предлагала вам шестьсот фунтов в год. Но вы ничего не взяли. Вы просто скрылись и увезли с собой ребенка.

Миссис Арбетнот. Я не приняла бы от нее ни одного пенни. Ваш отец был совсем другой. Когда мы были в Париже, он вам сказал при мне, что вы должны на мне жениться.

Лорд Иллингворт. Долг — это то, чего мы требуем от других и не делаем сами. Конечно, я был тогда под влиянием матери. В юности это со всеми бывает.

Миссис Арбетнот. Очень рада это от вас слышать. Джеральд, разумеется, не поедет с вами.

Лорд Иллингворт. Какой вздор!

Миссис Арбетнот. Неужели вы думаете, я позволю моему сыну...

Лорд Иллингворт. Нашему сыну!

Миссис Арбетнот. Моему сыну!

Лорд Иллингворт пожимает плечами.

Уехать с человеком, который погубил мою молодость, испортил мне жизнь, отравил каждую минуту существ-

вования? Вы не понимаете, что мое прошлое было сплошным страданием и позором?

Лорд Иллингворт. Милая моя Рэчел, должен сказать откровенно, что будущее Джеральда для меня гораздо важнее, чем ваше прошлое.

Миссис Арбетнот. Будущее Джеральда нельзя отделить от моего прошлого.

Лорд Иллингворт. Именно это он и должен сделать. Именно в этом вы и должны ему помочь. Как это типично для женщины! Вы говорите так сентиментально, а сами остаетесь насквозь эгоисткой. Но постараемся обойтись без сцены. Рэчел, я просил бы вас взглянуть на дело с точки зрения здравого смысла, с точки зрения пользы для нашего сына, оставив нас обоих в стороне. Что он такое сейчас? Мелкий служащий в провинциальном банке, в захолустном английском городке. Если вы воображаете, что он счастлив, вы очень ошиблись. Он недоволен и несчастлив.

Миссис Арбетнот. Он был доволен, пока не встретил вас. Это вы сделали его несчастным.

Лорд Иллингворт. Конечно, я. Недовольство — первый шаг к прогрессу, как у отдельного человека, так и у народа. Но я же не бросил его, пробудив в нем стремление к недоступному. Нет, я сделал ему лестное предложение. Могу сказать, что он в восторге. Как и всякий юноша на его месте. А теперь, только потому, что я прихожусь родным отцом мальчику, а он мне — родным сыном, вы хотите загубить его карьеру. Иными словами, если б я был ему чужой, вы бы позволили Джеральду уехать со мной. Но так как он моя плоть и кровь — вы ему это запрещаете. Где же тут логика?

Миссис Арбетнот. Я его не отпущу.

Лорд Иллингворт. А как вы его не пустите? Под каким предлогом вы заставите его отклонить мое предложение? Я ему, конечно, не скажу, кем он мне приходится. А вы не посмеете сказать. Вы это знаете. Вы сами его так воспитали.

Миссис Арбетнот. Я воспитала его хорошим человеком.

Лорд Иллингворт. Совершенно верно. А результат? Вы воспитали из него судью себе, если только он когда-нибудь узнает ваше прошлое. И он будет для вас суровым, несправедливым судьей. Не обманывайте

себя, Рэчел. Дети начинают с любви к родителям. А потом — судят их. Они не прощают им почти никогда.

Миссис Арбетнот. Джордж, не отнимайте у меня сына. Я пережила двадцать лет горя, и только одно существо на свете меня любит, только одно. Ваша жизнь была полна радостей, наслаждений, успехов. Вы были вполне счастливы и ни разу не вспомнили о нас. Да судя по вашим взглядам, и вспоминать нас не было никакой причины. Встреча с нами была просто случайностью, несчастной случайностью. Забудьте о ней. Зачем же вы явились, чтобы отнять у меня... все, что у меня есть на этом свете. У вас есть все, кроме этого одного. Оставьте мне маленький вертоград моей жизни, оставьте мне мой сад за оградой и источник в нем; оставьте мне агнца, которого Бог послал мне из жалости или во гневе. Джордж, не отнимайте у меня Джеральда!

Лорд Иллингворт. Рэчел, вы теперь уже не нужны для карьеры Джеральда, а я нужен. Больше нам говорить не о чем.

Миссис Арбетнот. Я не пушу его.

Лорд Иллингворт. А вот и сам Джеральд. Он имеет право сам решить этот вопрос.

Входит Джеральд.

Джеральд. Ну, мама, надеюсь, ты обо всем сговорила с лордом Иллингвортом?

Миссис Арбетнот. Нет, Джеральд.

Лорд Иллингворт. Ваша матушка почему-то не хочет, чтобы вы ехали со мной.

Джеральд. Почему же, мама?

Миссис Арбетнот. Я думала, ты был счастлив со мною и здесь, Джеральд. Я не знала, что тебе так хочется покинуть меня.

Джеральд. Мама, ну как ты можешь так говорить! Конечно, я был совершенно счастлив с тобой. Но ведь мужчина не может всю жизнь оставаться при своей матери. Никто так не делает. Мне хочется создать себе положение, добиться чего-то. Я думал, ты будешь гордиться мной, когда я стану секретарем лорда Иллингворта.

Миссис Арбетнот. Не думаю, чтобы из тебя

вышел такой секретарь, какой нужен лорду Иллингворту. У тебя нет для этого знаний.

Лорд Иллингворт. Я не хочу вмешиваться в ваши дела, миссис Арбетнот, но в том, что касается вашего последнего возражения, я, разумеется, лучший судья. И могу только сказать, что у вашего сына есть все данные, на какие только я мог надеяться. И даже больше, чем я думал. Гораздо больше.

Миссис Арбетнот молчит.

Может быть, у вас есть иные причины, миссис Арбетнот, почему вы не желаете, чтобы ваш сын занял это место?

Джеральд. Есть такие причины, мама? Отвечай же!

Лорд Иллингворт. Если они есть, миссис Арбетнот, то очень прошу вас, скажите. Мы теперь совсем одни. Что бы это ни было — нечего и говорить, оно останется между нами.

Джеральд. Мама?

Лорд Иллингворт. Если вы хотите поговорить с сыном наедине, я вас оставлю. У вас могут быть особые причины, о которых мне знать не следует.

Миссис Арбетнот. Других причин у меня нет.

Лорд Иллингворт. Тогда, мой милый мальчик, можно считать дело решенным. Пойдемте на террасу и выкурим по папироске. Позвольте сказать вам, миссис Арбетнот, что вы поступили очень, очень разумно. *(Уходит с Джеральдом.)*

Миссис Арбетнот остается одна. Она стоит неподвижно, ее лицо выражает глубокое страдание.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картинная галерея в Ханстентоне. Дверь в глубине ведет на террасу. Лорд Иллингворт и Джеральд; лорд Иллингворт полулежит на диване, Джеральд сидит в кресле.

Лорд Иллингворт. Чрезвычайно разумная женщина ваша матушка, Джеральд. Я так и знал, что в конце концов она согласится.

Джеральд. Мама очень щепетильна, лорд Иллингворт; я знаю, она думает, что я не настолько образован, чтобы быть вашим секретарем. И она совершенно права. В школе я отчаянно ленился, а теперь не выдержал бы экзамена даже ради спасения жизни.

Лорд Иллингворт. Милый мой Джеральд, экзамены ровно ничего не значат. Если вы джентльмен, то знаете столько, сколько нужно, а если не джентльмен — то всякое знание вам только вредит.

Джеральд. Но я так мало знаю свет, лорд Иллингворт.

Лорд Иллингворт. Не бойтесь, Джеральд. Помните, что у вас есть самое замечательное в жизни — молодость. Нет ничего лучше молодости. Пожилые люди уже в долгу у жизни. А старики сданы в архив. Но молодость — владыка жизни. У молодости все впереди. Каждый рождается королем, и многие, подобно королям, умирают в изгнании. Для того чтобы вернуть свою молодость, Джеральд, я готов делать все — только не вставать рано, не заниматься гимнастикой и не быть полезным членом общества.

Джеральд. Но ведь вы не считаете себя стариком, лорд Иллингворт?

Лорд Иллингворт. Я достаточно стар, чтобы быть вашим отцом, Джеральд.

Джеральд. Я не помню своего отца, он умер очень давно.

Лорд Иллингворт. Я это слышал от леди Ханстентон.

Джеральд. Очень странно, мама никогда не говорит со мною об отце. Я иногда думаю, что она, должно быть, вышла за человека недостойного.

Лорд Иллингворт (*слегка хмурится*). Вот как? (*Подходит к Джеральду и кладет руку ему на плечо.*) Вам, я думаю, было трудно без отца, Джеральд?

Джеральд. О нет, мама так любила меня. Ни у кого нет такой матери, как у меня!

Лорд Иллингворт. Я не сомневаюсь. А все-таки, мне кажется, матери не всегда понимают сыновей. То есть не представляют себе, что у сына может быть честолюбие, желание видеть жизнь, создать себе имя. В конце концов, Джеральд, вы ведь не можете просидеть всю жизнь в такой дыре, как Рокли, не правда ли?

Джеральд. Конечно нет! Это было бы ужасно.

Лорд Иллингворт. Материнская любовь очень трогательна, разумеется, но она часто бывает крайне эгоистична. Я хочу сказать, что в этой любви немало эгоизма.

Джеральд (*после паузы*). Мне тоже так кажется.

Лорд Иллингворт. Ваша матушка — очень хорошая женщина. Но даже у самых хороших женщин такие узкие взгляды на жизнь, их горизонт ограничен, их интересы так мелки, не правда ли?

Джеральд. Да, они интересуются такими вещами, до которых нам дела нет.

Лорд Иллингворт. Должно быть, ваша матушка очень религиозна, ну и прочее в этом же духе?

Джеральд. Да, она часто ходит в церковь.

Лорд Иллингворт. А! она не современная женщина, а теперь самое главное — не отстать от современности. Вы ведь хотите быть человеком своего времени, Джеральд? Вы хотите узнать жизнь, какова она есть. А не быть сбитым с толку разными отсталыми теориями о жизни. Так вот, вам теперь надо только войти в лучшее общество. Человек, который может овладеть разговором за лондонским обедом, может овладеть всем миром. Будущее принадлежит денди. Господствовать должны утонченные люди.

Джеральд. Мне очень хотелось бы изящно одеваться, но я всегда слышал, что мужчина не должен много заниматься своей внешностью.

Лорд Иллингворт. Люди нынче стали до того поверхностны, что не понимают даже философии внешности. Кстати, Джеральд, вам надо научиться завязывать галстук. Для бутоньерки в петлице довольно и чувства. А для галстука самое главное — стиль. Хорошо завязанный галстук — это первый важный шаг в жизни.

Джеральд (смеясь). Галстук я, быть может, научусь завязывать, лорд Иллингворт, но никогда не научусь говорить так, как вы. Я совсем не умею говорить.

Лорд Иллингворт. О! говорите с каждой женщиной так, как будто вы в нее влюблены, а с каждым мужчиной так, как будто он вам надоел, и к концу первого сезона у вас будет репутация светского человека с необыкновенным тактом.

Джеральд. Но ведь получить доступ в высший свет очень трудно, правда?

Лорд Иллингворт. Чтобы получить нынче доступ в высший свет, надо или кормить людей обедами, или потешать их, или шокировать — вот и все!

Джеральд. В светском обществе, должно быть, замечательно интересно!

Лорд Иллингворт. Бывать в обществе просто скучно. А быть вне общества — уже трагедия. Без общества нельзя обойтись. Мужчина не может иметь успеха в жизни, если его не поддерживают женщины, а женщины правят обществом. Если женщины не на вашей стороне, то вы человек конченный. Уж тогда лучше сразу идти в адвокаты, в маклеры или в журналисты.

Джеральд. Очень трудно понимать женщин, не правда ли?

Лорд Иллингворт. А вам и не надо их понимать. Женщина — это картина. Мужчина — это проблема. Если вы хотите знать, что на самом деле думает женщина — а это, кстати сказать, всегда опасно, — смотрите на нее, но не слушайте.

Джеральд. Но ведь женщины очень умны?

Лорд Иллингворт. Это им всегда следует говорить. И для философа, милый мой Джеральд, женщи-

ны являют собой торжество материи над духом, точно так же как мужчина — торжество духа над моралью.

Джеральд. Почему же тогда женщины имеют такую власть, как вы говорите?

Лорд Иллингворт. История женщин — это история самого худшего вида тирании, какую знал мир. Тирания слабого над сильным. Это единственная форма тирании, которая еще держится.

Джеральд. Но разве влияние женщин не облагораживает?

Лорд Иллингворт. Облагораживает только интеллект.

Джеральд. Но все-таки бывают женщины всякого рода, не правда ли?

Лорд Иллингворт. В обществе — только двух родов: некрасивые и накрашенные.

Джеральд. Но ведь есть в обществе и хорошие женщины, да?

Лорд Иллингворт. Даже слишком много.

Джеральд. Разве вы не думаете, что женщины и должны быть хорошими?

Лорд Иллингворт. Никогда не надо им этого говорить, а то все они сразу станут хорошими. Женщины — очаровательно своенравный пол. Каждая женщина — мятежница и яростно восстает против самой себя.

Джеральд. Вы никогда не были женаты, лорд Иллингворт?

Лорд Иллингворт. Мужчины женятся от усталости, женщины выходят замуж из любопытства. И те и другие разочаровываются.

Джеральд. А как вы думаете, человек может быть счастливым, если женится?

Лорд Иллингворт. Вполне. Но счастье женатого человека зависит от тех, на ком он не женат.

Джеральд. Но если он влюблен?

Лорд Иллингворт. Надо всегда быть влюбленным. Вот почему никогда не следует жениться.

Джеральд. Удивительная вещь — любовь, не правда ли?

Лорд Иллингворт. Когда человек влюблен, он сначала обманывает себя. А кончает тем, что обманывает других. Это-то и называется на свете любовью. Но

настоящая *grande passion** встречается теперь сравнительно редко. Это привилегия людей, которым нечего делать. Это единственное занятие для праздных слоев общества и единственный смысл жизни для нас, Харфордов.

Джеральд. Для Харфордов, лорд Иллингворт?

Лорд Иллингворт. Это мое родовое имя. Вам надо бы изучать Книгу пэров, Джеральд. Это единственная книга, которую светский молодой человек должен знать наизусть, и самый лучший роман, какой произвели на свет англичане. А теперь, Джеральд, вы входите вместе со мной в совершенно новую жизнь, и я хочу научить вас, как жить.

Миссис Арбетнот появляется сзади, на террасе.

Потому что мир создан глупцами для того, чтобы в нем жили умные люди!

Входят леди Ханстенон и доктор Добени.

Леди Ханстенон. Ах, вот вы где, дорогой лорд Иллингворт! Вы, верно, говорили с нашим юным другом о его новых обязанностях и дали ему много полезных советов вместе с хорошей папиросой.

Лорд Иллингворт. Я дал ему самые лучшие советы, леди Ханстенон, и самые лучшие папиросы.

Леди Ханстенон. Мне очень жаль, что я тут не была и не слышала вас, но я, пожалуй, уже стара учиться. Разве только у вас, дорогой архидиакон, я готова учиться, когда вы говорите с вашей красивой кафедрой. Но там я всегда знаю наперед, что вы скажете, и меня это не тревожит. (*Замечает миссис Арбетнот.*) Ах, милая моя миссис Арбетнот, идите к нам! Идите же, дорогая. (*С террасы входит миссис Арбетнот.*) Джеральд так долго разговаривал с лордом Иллингвортом, я думаю, вы очень рады, что ему так повезло. Давайте сядем.

Обе садятся.

Как подвигается ваша прелестная вышивка?

Миссис Арбетнот. Я все еще работаю над ней леди Ханстенон.

---

* Большая страсть (фр.).

Леди Ханстенон. Миссис Добени тоже немножко вышивает, кажется?

Доктор Добени. Когда-то она прекрасно вышивала. Но теперь пальцы у нее сведены подагрой. Она уже лет девять-десять не дотрагивалась до рукоделия. Но у нее много других развлечений. Она очень интересуется своим здоровьем.

Леди Ханстенон. Ах! это всегда большое удовольствие, не правда ли? О чем же вы говорили, лорд Иллингворт? Расскажите нам.

Лорд Иллингворт. Я только что объяснял Джеральду, что люди всегда смеются над своими трагедиями — это единственный способ переносить их. И, следовательно, во всем, к чему люди относятся серьезно, нужно видеть комическую сторону вещей.

Леди Ханстенон. Ну вот, я опять совсем сбита с толку, как и всегда, когда говорит лорд Иллингворт. А человеколюбивое общество так невнимательно. Никогда не придет на помощь. И мне остается только погибать. Мне смутно представляется, лорд Иллингворт, что вы всегда на стороне грешников, а я всегда стараюсь быть на стороне святых, но больше я ничего не понимаю. А может быть, все это только кажется утопашей.

Лорд Иллингворт. Единственная разница между святым и грешником та, что у святого всегда есть прошлое, а у грешника — будущее.

Леди Ханстенон. Ну, это меня совсем доконало. Не могу возразить ни слова. Мы с вами, дорогая миссис Арбетнот, совсем отстали от века. Нам не понять лорда Иллингворта. Боюсь, нас чересчур заботливо воспитывали. А теперь хорошее воспитание — только помеха. Оно от слишком многого отгораживает.

Миссис Арбетнот. Я была бы огорчена, если бы разделяла хоть какие-нибудь взгляды лорда Иллингворта.

Леди Ханстенон. И вы совершенно правы, дорогая.

Джеральд, пожимая плечами, недовольно смотрит на мать. Входит леди Кэролайн.

Леди Кэролайн. Джейн, вы не знаете, где Джон?

Леди Ханстенон. Вы напрасно беспокоитесь о нем, милая. Он с леди Статфилд, я их видела недавно в желтой гостиной. Им, кажется, очень весело вместе. Не уходите, Кэролайн. Посидите с нами, пожалуйста.

Леди Кэролайн. Я лучше пойду поищу Джона. *(Уходит.)*

Леди Ханстенон. Не годится оказывать мужчинам столько внимания. И Кэролайн решительно не о чем тревожиться. Леди Статфилд такая симпатичная. Она ко всему относится с одинаковой симпатией. Прекрасный характер.

Входят сэр Джон и миссис Оллонби.

А вот и сэр Джон! Да еще с миссис Оллонби! Должно быть, я и видела его с миссис Оллонби. Сэр Джон, вас повсюду ищет Кэролайн.

Миссис Оллонби. Мы ждали ее в концертной зале, милая леди Ханстенон.

Леди Ханстенон. Ах да, разумеется, в концертной зале. А я думала — в желтой гостиной, память у меня стала такая ненадежная. *(Доктору Добени.)* У миссис Добени замечательная память, не правда ли?

Доктор Добени. Она раньше славилась своей памятью, но после последнего приступа она помнит только события раннего детства. Но она находит большое утешение в таких воспоминаниях, большое утешение.

Входят леди Статфилд и мистер Келвиль.

Леди Ханстенон. А! милая леди Статфилд! О чем же говорил с вами мистер Келвиль?

Леди Статфилд. О биметаллизме⁵, сколько я помню.

Леди Ханстенон. О биметаллизме? А это разве подходящая тема для разговора? Хотя, насколько я знаю, теперь люди свободно говорят решительно обо всем, А о чем говорил с вами сэр Джон, милая миссис Оллонби?

Миссис Оллонби. О Патагонии⁶.

Леди Ханстенон. Неужели? Какая отдаленная тема. Но весьма поучительная, не сомневаюсь.

Миссис Оллонби. Он очень интересно говорил о Патагонии. Оказывается, дикари на все смотрят совершенно так же, как и культурные люди. Они такие развитые.

Леди Ханстенон. Что же они делают?

Миссис Оллонби. По-видимому, все.

Леди Ханстенон. А ведь крайне поучительно узнать, дорогой архидиакон, что человеческая натура всегда одинакова. В общем, в мире везде одно и то же, не правда ли?

Лорд Иллингворт. Весь мир делится на два класса: одни веруют в невероятное, как простая чернь, другие же совершают невозможное...

Миссис Оллонби. Как вы сами?

Лорд Иллингворт. Да, я всегда удивляю сам себя. Это единственное, ради чего стоит жить.

Леди Статфилд. А что вы сделали удивительного за последнее время?

Лорд Иллингворт. Я открыл разного рода прекрасные качества в себе самом.

Миссис Оллонби. Ах, не становитесь совершенством так сразу. Делайте это постепенно!

Лорд Иллингворт. Я и не собираюсь сразу становиться совершенством. То есть надеюсь, что не стану. Это было бы совсем некстати. Женщины любят нас за наши недостатки. Если у нас их довольно, они простят все, даже наш гигантский интеллект.

Миссис Оллонби. Не рано ли просить, чтобы мы простили способность к анализу. Мы прощаем обожание — большего с нас и требовать нельзя.

Входит лорд Альфред. Он подсаживается к леди Статфилд.

Леди Ханстенон. Мы, женщины, должны прощать все, не так ли, милая миссис Арбетнот? Я уверена, вы согласитесь со мною.

Миссис Арбетнот. Не могу, леди Ханстенон. Я думаю, есть многое, чего женщина прощать не должна.

Леди Ханстенон. Что же это такое?

Миссис Арбетнот. Загубленная жизнь другой женщины. *(Медленно проходит в глубь сцены.)*

Леди Ханстенон. Да, это очень печально, разумеется, но есть прекрасные учреждения, где за этими женщинами смотрят, исправляют их, и мне, в общем, кажется, что секрет жизни в том и состоит, чтобы ко всему относиться как можно легче.

Миссис Оллонби. Секрет жизни в том, чтобы не поддаваться чувству, когда оно неуместно.

Леди Статфилд. Секрет жизни в том, чтобы наслаждаться разочарованием, когда вас ужасно, просто ужасно обманут.

Келвиль. Секрет жизни в том, чтобы устоять перед искушением, леди Статфилд.

Лорд Иллингворт. Никакого секрета жизни не существует. Цель жизни, если она есть, в том, чтобы всегда искать соблазнов. Их очень мало. Иногда проходит весь день, а мне ни одного не встретится. Это просто ужасно. Начинаешь опасаться за будущее.

Леди Ханстенон (*грозит ему веером*). Не знаю, отчего, но все, что вы говорите нынче, кажется мне совершенно безнравственным. Но слушать вас было очень интересно.

Лорд Иллингворт. Всякая мысль безнравственна. Ее суть в разрушении. Когда вы думаете о чем-нибудь, вы это губите. Ничто не может перенести воздействия мысли.

Леди Ханстенон. Ни единого слова не понимаю, лорд Иллингворт. Но не сомневаюсь, что все это совершенно верно. Лично мне не приходится упрекать себя в том, чтобы я много думала. Женщинам, мне кажется, вредно много думать. Они должны быть умеренны и в этом, как и во всем остальном.

Лорд Иллингворт. Умеренность — роковое свойство, леди Ханстенон. Только крайность ведет к успеху.

Леди Ханстенон. Надеюсь, что я это запомню. Это изречение звучит прелестно. Но я теперь стала все забывать. Такое несчастье!

Лорд Иллингворт. Это одно из самых сильных ваших очарований, леди Ханстенон. Женщинам не надо бы иметь память. Память в женщине убивает вкус. Глядя на шляпу женщины, всегда можно сказать, есть у нее память или нет.

Леди Ханстенон. Какой вы милый, лорд Иллингворт! У вас всегда получается, что наш самый вопиющий недостаток и есть наше самое большое достоинство. У вас такие утешительные взгляды на жизнь.

Входит Фаркэр.

Фаркэр. Экипаж доктора Добени подан!

Леди Ханстенон. Дорогой мой архидиакон!
Сейчас только половина одиннадцатого.

Доктор Добени (*вставая*). Боюсь, что мне пора домой, леди Ханстенон. По вторникам миссис Добени всегда плохо спит.

Леди Ханстенон (*вставая*). Что ж, не буду вас задерживать. (*Провожает его к дверям.*) Я приказала Фаркэру положить в экипаж пару куропаток. Может быть, они понравятся миссис Добени.

Доктор Добени. Вы очень любезны, но миссис Добени теперь не ест ничего твердого. Она питается одним только желе. Но она очень жизнерадостна, очень. Ей не на что жаловаться. (*Выходит вместе с леди Ханстенон.*)

Миссис Оллонби (*подходит к лорду Иллингворту*). Какая сегодня чудесная луна.

Лорд Иллингворт. Идемте полюбуемся на нее. В наше время так приятно любоваться чем-нибудь непостоянным.

Миссис Арбетнот. Ведь у вас есть зеркало.

Лорд Иллингворт. Оно жестоко. Оно только показывает мне мои морщины.

Миссис Арбетнот. Мое гораздо лучше воспитано. Оно никогда не говорит мне правды.

Лорд Иллингворт. Значит, оно влюблено в вас.

Сэр Джон, леди Статфилд, Келвиль и лорд Альфред уходят.

Джеральд (*лорду Иллингворту*). Можно и мне пойти с вами?

Лорд Иллингворт. Конечно, мой милый. (*Идет к выходу вместе с миссис Оллонби и Джеральдом.*)

Входит леди Кэролайн, оглянувшись вокруг, уходит в сторону, противоположную той, куда ушли сэр Джон и леди Статфилд.

Миссис Арбетнот. Джеральд!

Джеральд. Как? Мама?

Лорд Иллингворт уходит вместе с миссис Оллонби.

Миссис Арбетнот. Уже поздно. Идем домой.

Джеральд. Мама, милая, побудем еще немнож-

ко. С лордом Иллингвортом так интересно, и между прочим, мама, у меня есть для тебя большой сюрприз. Мы уезжаем в Индию в конце месяца.

Миссис Арбетнот. Идем домой.

Джеральд. Если тебе так хочется, то конечно, мама, только сначала мне надо проститься с лордом Иллингвортом. Я вернусь через пять минут. *(Уходит.)*

Миссис Арбетнот. Пусть уходит от меня, если ему хочется, но только не с ним, только не с ним! Этого я не вынесу! *(Расхаживает взад и вперед.)*

Входит Эстер.

Эстер. Какая сегодня чудесная ночь, миссис Арбетнот!

Миссис Арбетнот. Разве?

Эстер. Миссис Арбетнот, мне так хотелось бы познакомиться с вами ближе, если вы позволите. Вы так не похожи на всех остальных женщин здесь. Когда вы вошли сегодня в гостиную, то от вас как-то сразу повеяло всем, что есть в жизни прекрасного и чистого. Я вела себя глупо. Нужно слово иногда говорят не тогда, когда надо, и не тому, кому надо.

Миссис Арбетнот. Я слышала все, что вы говорили. Я с этим согласна, мисс Уэрсли.

Эстер. Я не знала, что вы меня слышали. Но я знала, что вы со мной согласитесь. Женщина, которая согрешила, должна быть наказана, правда?

Миссис Арбетнот. Да.

Эстер. Ее ведь нельзя допускать в общество порядочных мужчин и женщин?

Миссис Арбетнот. Да, нельзя.

Эстер. И мужчина тоже должен быть совершенно так же наказан?

Миссис Арбетнот. Совершенно так же. А дети, если они есть, тоже должны быть так же наказаны?

Эстер. Да, так и следует, чтобы грехи отцов пали и на детей. Это справедливый закон. Данный Богом закон.

Миссис Арбетнот. Один из самых жестоких законов, данных Богом. *(Отходит к камину.)*

Эстер. Вы жалеете, что сын оставляет вас, миссис Арбетнот?

Миссис Арбетнот. Да.

Эстер. А вы довольны, что он едет с лордом Иллингвортом? Конечно, там и положение и деньги, но ведь положение и деньги это еще не все, правда?

Миссис Арбетнот. Они ничего не значат; они только приносят несчастье.

Эстер. Так зачем же вы отпускаете с ним сына?

Миссис Арбетнот. Он сам этого хочет.

Эстер. Но если б вы попросили его, он бы остался, разве нет?

Миссис Арбетнот. Он уже твердо решил уехать.

Эстер. Вам он ни в чем отказать не может. Он слишком вас любит. Попросите его остаться. Позвольте, я пришлю его к вам. Он сейчас на террасе с лордом Иллингвортом. Я слышала, как они смеялись, когда проходила мимо.

Миссис Арбетнот. Не беспокойтесь, мисс Уэрсли, я подожду. Это не так важно.

Эстер. Нет, я ему скажу, что вы ждете. Пожалуйста... попросите его остаться. (*Уходит.*)

Миссис Арбетнот. Он не придет... Я знаю, что не придет.

Входит леди Кэралайн. Она тревожно озирается по сторонам.

Входит Джеральд.

Леди Кэралайн. Мистер Арбетнот, позвольте спросить, не видели ли вы сэра Джона где-нибудь на террасе?

Джеральд. Нет, леди Кэралайн, на террасе его нет.

Леди Кэралайн. Очень странно. Ему давно пора спать. (*Уходит.*)

Джеральд. Милая мама, прости, я заставил тебя ждать. Я совсем забыл. Мне так хорошо сегодня, мама. Я еще никогда так не радовался.

Миссис Арбетнот. Тому, что ты уезжаешь?

Джеральд. Нет, мама, не говори так. Конечно, мне жаль с тобой расставаться. Ты самая лучшая из матерей. Но в конце концов, нельзя же, как говорит лорд Иллингворт, прожить всю жизнь в таком городишке, как Рокли. Тебе это ничего. Но у меня есть честолюбие, мне этого мало. Я хочу чего-нибудь добиться. Сделать

что-нибудь такое, чтобы ты могла гордиться мной, и лорд Иллингворт мне поможет. Он все для меня сделает.

Миссис Арбетнот. Джеральд, не уезжай с лордом Иллингвортом. Умоляю, не уезжай! Прошу тебя, Джеральд!

Джеральд. Мама, как ты переменчива! Ты, кажется, сама не знаешь, чего хочешь. Полтора часа назад в желтой гостиной ты на все соглашалась; теперь ты передумала, находишь возражения и хочешь, чтобы я упустил единственный в жизни шанс. Да, единственный шанс. Не думаешь же ты, мама, что такие люди, как лорд Иллингворт, встречаются нам каждый день? Даже странно, что, когда мне так повезло, единственный человек ставит мне препятствия — и это моя родная мать! А кроме того, знаешь, мама, я люблю Эстер Уэрсли. И как ее не полюбить? Я люблю ее так, что и сказать тебе не могу, больше, чем можно выразить словами. А если у меня будет положение, появятся надежды на будущее, я... я сделаю... Понимаешь ли ты теперь, мама, что значит для меня стать секретарем лорда Иллингворта? Такое начало — это готовая карьера для человека, она открыта перед ним, она ждет его. Если б я стал секретарем лорда Иллингворта, я бы мог сделать Эстер предложение. А для жалкого банковского клерка с какой-то сотней в год это было бы дерзостью.

Миссис Арбетнот. Боюсь, тебе нечего и надеяться на брак с мисс Уэрсли. Я знаю ее взгляды на жизнь. Она только что высказала их мне.

Пауза.

Джеральд. Тогда мне, во всяком случае, остается мое честолюбие. Это уже кое-что — и я рад, что у меня оно есть. Ты всегда старалась подавить во мне честолюбие, мама, не так ли? Ты говорила мне, что свет порочен, что к успеху не стоит стремиться, что общество ничтожно и так далее, — ну, а я этому не верю. Я думаю, что мир полон радости. Думаю, что в обществе должно быть очень интересно. Думаю, что успеха стоит добиваться. Во всем, чему ты меня учила, мама, ты была права, совершенно права. Лорд Иллингворт имеет большой успех. Он не отстает от времени. Он живет в свете и для света. Я бы все отдал, лишь бы стать таким, как он.

Миссис Арбетнот. А для меня — лучше бы ты умер!

Джеральд. Мама, что ты имеешь против лорда Иллингворта? Скажи мне, скажи сейчас же. Что именно?

Миссис Арбетнот. Он дурной человек.

Джеральд. Чем дурной? Я тебя не понимаю.

Миссис Арбетнот. Я скажу тебе.

Джеральд. Я думаю, тебе он кажется дурным, потому что взгляды у него другие. Так ведь мужчины не похожи на женщин, мама. Естественно, поэтому и взгляды у них разные.

Миссис Арбетнот. Дело не в том, во что верит или не верит лорд Иллингворт, не это делает его дурным. Он сам дурен.

Джеральд. Мама, ты что-нибудь знаешь о нем? Узнала что-нибудь наверно?

Миссис Арбетнот. Да, я о нем кое-что знаю.

Джеральд. Ты совершенно в этом уверена?

Миссис Арбетнот. Совершенно уверена.

Джеральд. И давно ты это знаешь?

Миссис Арбетнот. Уже двадцать лет.

Джеральд. Справедливо ли это — вспоминать о том, что было с человеком двадцать лет назад? И что нам с тобой до юности лорда Иллингворта? Какое нам до этого дело?

Миссис Арбетнот. Чем этот человек был, тем он и остался и навсегда останется.

Джеральд. Мама, скажи мне, что сделал лорд Иллингворт? Если он сделал что-нибудь позорное, я с ним не поеду. Ведь ты же меня знаешь.

Миссис Арбетнот. Джеральд, подойди ко мне. Сядь совсем рядом, как бывало в детстве, когда ты был маленьким, когда ты был моим родным сыночком.

Джеральд садится рядом с матерью.

Миссис Арбетнот (*треплет его волосы, гладит руки*). Джеральд, жила когда-то одна девушка, она была очень молода, ей в то время было немногим больше восемнадцати лет. Джордж Харфорд — так звали тогда лорда Иллингворта, — Джордж Харфорд познакомился с ней. Она ничего не знала о жизни. Он знал все. Он заставил эту девушку влюбиться в себя.

Влюбиться так сильно, что она ушла с ним из отцовского дома. Она так сильно его полюбила, и он обещал на ней жениться! Он торжественно обещал ей жениться, и она ему поверила! Она была очень молода и совсем не знала, что такое жизнь. Но он откладывал свадьбу с недели на неделю, с месяца на месяц. Она все время ему верила. Она любила его. Перед рождением ребенка — а у нее был ребенок — она умоляла его жениться на ней ради этого ребенка, чтобы дать ему имя, чтобы грех ее не пал на ребенка, ни в чем не повинного ребенка. Он отказался. После того как родился ребенок, она ушла от него и взяла с собой ребенка, и жизнь ее была загублена, и душа загублена, и все, что было в ней доброго, чистого и кроткого, тоже погибло. Она ужасно страдала — и теперь страдает. Она будет страдать всю жизнь. Для нее нет ни радости, ни покоя, ни искупления. Эта женщина влачит свою цепь, как преступница. Эта женщина носит маску, как прокаженная. Огонь не может ее очистить. Вода не может утолить ее мучений. Ничто не может исцелить ее! Никакое снотворное не даст ей сна, никакой опиум не может дать ей забвения! Она погибла! Ее душа погибла!.. Вот почему я считаю лорда Иллингворта дурным человеком. Вот почему я не хочу, чтобы мой сын уехал с ним.

Джеральд. Милая мама, все это, конечно, звучит очень трагически. Но мне кажется, девушка виновата столько же, сколько и лорд Иллингворт. В конце концов, разве хорошая девушка, по-настоящему хорошая, ушла бы из дому с человеком, который на ней не женился, и стала бы с ним жить как жена? Хорошая девушка так не сделает.

Миссис Арбетнот (после паузы). Джеральд, я беру назад все свои возражения. Ты волен ехать с лордом Иллингвортом когда и куда хочешь.

Джеральд. Милая мама, я так и знал, что ты не захочешь мне мешать. Ты — лучшая женщина, какую создал Бог. А что касается лорда Иллингворта, то я не верю, чтоб он был способен на что-нибудь бесчестное и подлое. Не могу этому поверить, просто не могу.

Эстер (за сценой). Пустите меня! Пустите!

Вбегает испуганная Эстер, бросается к Джеральду и ищет спасения в его объятиях.

Эстер. О! Спасите меня, спасите от него!

Джеральд. От кого?

Эстер. Он меня оскорбил! Страшно оскорбил! Спасите меня!

Джеральд. Кто? Кто посмел?..

В глубине сцены появляется лорд Иллингворт. Эстер, высвободившись из объятий Джеральда, указывает на него.

(Вне себя от гнева и возмущения.) Лорд Иллингворт, вы оскорбили самое чистое создание на земле, такое же чистое, как моя мать. Вы оскорбили девушку, которую я люблю больше всего на свете, люблю, как свою мать. И я убью вас, если есть еще Бог на небесах!

Миссис Арбетнот *(подбегает к Джеральду и удерживает его)*. Нет! Нет!

Джеральд *(отталкивает ее)*. Не держи меня — я его убью!

Миссис Арбетнот. Джеральд!

д. Пусти меня, говорю тебе!

Миссис Арбетнот. Стой, Джеральд, стой! Ведь это твой отец!

Джеральд, схватив мать за руки, смотрит ей в лицо. Она медленно опускается на пол, подавленная стыдом. Эстер на цыпочках идет к двери. Лорд Иллингворт хмурится, кусая губы. Проходит минута-другая — Джеральд поднимает мать и, обняв ее за плечи, уводит из комнаты.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гостиная миссис Арбетнот. Большая стеклянная дверь в глубине открыта и выходит в сад. Двери справа и слева.

Джеральд пишет за столом. Входит Алиса, за нею леди Ханстентон и миссис Оллонби.

Алиса. Леди Ханстентон и миссис Оллонби. (*Выходит.*)

Леди Ханстентон. Доброе утро, Джеральд.

Джеральд (*вставая*). Доброе утро, леди Ханстентон. Здравствуйте, миссис Оллонби.

Леди Ханстентон (*сядаясь*). Мы пришли справиться о здоровье вашей милой матушки, Джеральд. Надеюсь, ей лучше?

Джеральд. Она еще не выходила из своей комнаты, леди Ханстентон.

Леди Ханстентон. Ах, я боюсь, вчера было слишком душно. Воздух, по-моему, был насыщен грозой. А может быть, и музыкой. Музыка всегда как-то настраивает на романтический лад, то есть всегда действует на нервы.

Миссис Оллонби. В наше время это почти одно и то же.

Леди Ханстентон. Не понимаю, милая, что вы хотите сказать, и очень рада, что не понимаю. Боюсь, вы имели в виду что-то не совсем хорошее. Ах, я вижу, вы разглядываете хорошенькую гостиную миссис Арбетнот. Это так мило и так старомодно, не правда ли?

Миссис Оллонби (*разглядывая комнату в лорнет*). Самый настоящий английский дом — счастливый семейный очаг.

Леди Ханстентон. Вот именно, милая, вполне точное определение. Во всем, что окружает вашу ма-

тушку, Джеральд, чувствуется ее благотворное влияние.

Миссис Оллонби. Лорд Иллингворт говорит, что всякое влияние вредно, но благотворное влияние хуже всего на свете.

Леди Ханстенон. Когда лорд Иллингворт познакомится с миссис Арбетнот поближе, он переменит свое мнение. Я непременно приведу его сюда.

Миссис Оллонби. Хотелось бы мне видеть лорда Иллингворта в счастливом семейном кругу.

Леди Ханстенон. Милая, это будет ему очень полезно. Нынче чуть ли не все женщины в Лондоне украшают свои комнаты орхидеями, иностранцами и французскими романами. А здесь мы видим келью чистой и кроткой святой. Свежие полевые цветы, книги, которые никого не шокируют, картины, на которые можно смотреть, не краснея.

Миссис Оллонби. А я очень люблю краснеть.

Леди Ханстенон. Ну что ж, в пользу стыдливого румянца можно сказать очень многое, если, конечно, умеешь краснеть, когда это нужно. Бедняжка Ханстенон говаривал мне, что я слишком редко краснею. Но ведь зато он и был такой разборчивый. Он не хотел знакомить меня со своими друзьями, кроме тех, которым было уже за семьдесят, вроде бедного лорда Эштона; кстати говоря, он уже много после фигурировал в бракоразводном процессе. Такое несчастье.

Миссис Оллонби. Я обожаю мужчин за семьдесят. Они всегда предлагают женщинам любовь до гроба. По-моему, семьдесят лет — идеальный возраст для мужчины.

Леди Ханстенон. Она неисправима, Джеральд, не правда ли? Надеюсь, теперь я буду чаще видаться с вашей милой матушкой. Ведь вы с лордом Иллингвортом очень скоро уезжаете?

Джеральд. Я передумал и не буду секретарем лорда Иллингворта.

Леди Ханстенон. Быть не может, Джеральд! Это сущее безумие! Какая же причина?

Джеральд. Мне кажется, я не подхожу для этой должности.

Миссис Оллонби. Хорошо, если б лорд Иллингворт предложил мне стать его секретарем. Но он говорит, что я недостаточно серьезна.

Леди Ханстентон. Милая, вам не следует так говорить в этом доме. Миссис Арбетнот ничего не знает о развращенном обществе, в котором мы все вращаемся. Она не хочет в нем бывать. Она слишком хороша для него. Я считаю большой честью, что она побывала вчера у меня. Это создало атмосферу порядочности.

Миссис Оллонби. Ах, вот почему вам показалось, что в воздухе пахнет грозой.

Леди Ханстентон. Милая, ну как можно это говорить? Между этими вещами нет решительно ничего общего. Но в самом деле, Джеральд, почему же вы не подходите?

Джеральд. У нас с лордом Иллингвортом совершенно разные взгляды на жизнь.

Леди Ханстентон. Но, милый мой Джеральд, у вас в вашем возрасте не должно быть никаких своих взглядов на жизнь. Это совершенно неуместно. В этом отношении вами должны руководить другие. Лорд Иллингворт сделал вам самое лестное предложение, путешествуя с ним, вы увидели бы свет — то есть ровно столько, сколько нужно видеть, — в самых благоприятных условиях, знакомились бы с самыми нужными людьми, что так важно для начала вашей карьеры.

Джеральд. Я не хочу видеть свет: я уже достаточно видел.

Миссис Оллонби. Надеюсь, вы не пресыщены жизнью, мистер Арбетнот. Когда мужчина так говорит, это значит, что жизнь его доконала.

Джеральд. Я не хочу уезжать от моей матери.

Леди Ханстентон. Ну, Джеральд, это уже просто лень. Не уезжать от матери! Если б я была вашей матерью, я бы настояла на вашем отъезде.

Входит Алиса.

Алиса. Миссис Арбетнот извиняется, миледи, но у нее сильно болит голова и она никого не может видеть сегодня утром. *(Уходит.)*

Леди Ханстентон. Сильно болит голова! Как жаль! Джеральд, может быть, вы с ней придете вечером к нам в Ханстентон, если ей станет лучше?

Джеральд. Сегодня вечером вряд ли, леди Ханстентон.

Леди Ханстентон. Ну что ж, тогда завтра. Ах;

если б у вас был отец, Джеральд, он бы не допустил, чтобы вы прозябали здесь. Он бы немедленно отправил вас отсюда с лордом Иллингвортом. Но матери всегда так слабы. Они во всем уступают сыновьям. Мы живем сердцем, только сердцем. Идемте, милая, мне надо еще заехать к ректору и справиться о здоровье миссис Добени, она, кажется, неважно себя чувствует. Удивительно, как архидиакон это выносит, просто удивительно. Он самый лучший из мужей. Прямо-таки образцовый. До свиданья, Джеральд, передайте самый сердечный привет вашей матушке.

Миссис Оллонби. До свиданья, мистер Арбетнот.

Джеральд. До свиданья.

Леди Ханстенон и миссис Оллонби уходят.

(Садится и перечитывает письмо.) Какой фамилией подписаться? У меня нет прав ни на какую. *(Подписывается, кладет письмо в конверт, надписывает адрес и хочет запечатать письмо.)*

Отворяется дверь и входит миссис Арбетнот. Джеральд кладет сургуч на стол. Мать и сын смотрят друг на друга.

Леди Ханстенон *(через открытую стеклянную дверь в глубине сцены)*. Еще раз до свиданья, Джеральд. Мы уходим напрямик через ваш хорошенький садик. И не забудьте мои советы: уезжайте немедленно с лордом Иллингвортом.

Миссис Оллонби. Au revoir, мистер Арбетнот. Смотрите привезите мне что-нибудь хорошенькое из вашего путешествия, только не индийскую шаль, ни в коем случае не индийскую шаль.

Уходят.

Джеральд. Мама, я написал ему.

Миссис Арбетнот. Кому?

Джеральд. Моему отцу. Я ему написал, чтобы он пришел сюда к четырем часам.

Миссис Арбетнот. Он не придет. Я не пущу его на порог своего дома.

Джеральд. Он должен прийти.

Миссис Арбетнот. Джеральд, если ты хочешь уехать с лордом Иллингвортом, уезжай сейчас же. Уезжай, пока это меня не убило: но не проси, чтобы я с ним виделась.

Джеральд. Мама, ты не понимаешь. Никто не заставит меня уехать с лордом Иллингвортом и бросить тебя. Ты же меня знаешь. Нет, я написал ему...

Миссис Арбетнот. О чем ты можешь ему писать?

Джеральд. Мама, неужели ты не догадалась, о чем я писал в этом письме?

Миссис Арбетнот. Нет.

Джеральд. Мама, ты, верно, догадываешься. Ну подумай, подумай хорошенько, что нужно сделать теперь же, немедленно, на этих же днях.

Миссис Арбетнот. Ничего нельзя сделать.

Джеральд. Я написал лорду Иллингворту, что он должен на тебе жениться.

Миссис Арбетнот. Жениться на мне?

Джеральд. Мама, я его заставлю. Зло, которое он тебе сделал, должно быть исправлено. Должно быть искуплено. Справедливость должна восторжествовать, мама, хоть и поздно. Через несколько дней ты станешь законной женой лорда Иллингворта.

Миссис Арбетнот. Но, Джеральд...

Джеральд. Я настаю на этом. Я его заставлю: он не посмеет отказаться.

Миссис Арбетнот. Но, Джеральд, это я отказываюсь. Я не выйду за лорда Иллингворта.

Джеральд. Не выйдешь? Мама!

Миссис Арбетнот. Я за него не выйду.

Джеральд. Но ты не понимаешь! Это ради тебя, не ради меня. Этот брак необходим, он должен состояться по совершенно понятным причинам, хотя мне он не поможет, не даст мне имени, которое было бы настоящим, моим по праву. Но для тебя, конечно, будет иметь значение, что ты, моя мать, станешь, хоть и поздно, женой моего отца. Разве это ничего не значит?

Миссис Арбетнот. Я за него не выйду.

Джеральд. Мама, ты должна выйти за него.

Миссис Арбетнот. Я не хочу. Ты говоришь об искуплении за причиненное мне зло. Чем его можно искупить? Никакого искупления быть не может. Я опозорена, а он — нет. Вот и все. Обычная история мужчины и женщины, так всегда было и так всегда будет. И конец ее — обыкновенный конец. Женщина страдает. А мужчина уходит свободным.

Джеральд. Я не знаю, мама, обыкновенный ли

это конец: надеюсь, что нет. Но твоя жизнь, во всяком случае, на этом не кончится. Здесь мужчина должен искупить свою вину. И этого мало. Это не загладит прошлого, я понимаю. Но по крайней мере будущее станет лучше, мама, лучше для тебя.

Миссис Арбетнот. Я отказываюсь выйти за лорда Иллингворта.

Джеральд. Если б он пришел к тебе сам и просил бы твоей руки, ты ответила бы ему по-другому. Не забудь — он мой отец.

Миссис Арбетнот. Если б он пришел сам — чего он не сделает, — мой ответ был бы тот же самый. Не забудь, я твоя мать.

Джеральд. Мама, с тобой очень трудно разговаривать: я не понимаю, отчего ты не хочешь взглянуть на дело с правильной, с единственно возможной точки зрения. Это должно уничтожить горечь твоей жизни, должно снять тень с нашего имени — вот для чего нужен этот брак. Другого выхода нет; а после свадьбы мы с тобой уедем вместе. Но сначала должна быть свадьба. Это твоя обязанность не только по отношению к себе, но и ко всем другим женщинам, да, ко всем другим женщинам на свете, чтоб он их больше не обманывал.

Миссис Арбетнот. Я им ничем не обязана. Ни одна женщина мне не помогла. Ни у одной женщины я не могла бы найти ни сострадания, если б захотела его принять, ни сочувствия, если бы была его достойна. Женщины жестоки одна к другой. Эта девушка вчера вечером, хоть она и добрая, убежала от меня как от зачумленной. И она права. Я опозорена. Но мои грехи — только мои, и я одна буду нести их. Я должна нести их одна. Что общего со мной у тех женщин, которые не грешили, или у меня с ними? Нам не понять друг друга.

Входит Эстер.

Джеральд. Умоляю тебя, сделай, как я прошу.

Миссис Арбетнот. Какой сын просил мать о такой ужасной жертве? Не было такого сына!

Джеральд. Какая мать отказывалась выйти за отца своего ребенка? Не было такой матери!

Миссис Арбетнот. Что ж, пусть я буду первая. Я этого не сделаю.

Джеральд. Мама, ты веришь сама и меня тоже

вырастила верующим. Так пускай же твоя вера, та вера, которой ты учила меня в детстве, мама, пускай эта вера скажет тебе, что я прав. Ты это знаешь, ты это чувствуешь.

Миссис Арбетнот. Не знаю и не чувствую. Никогда я не буду стоять перед алтарем и просить благословения Божьего на такое отвратительное кощунство, как мой брак с Джорджем Харфордом. Я не смогу произнести тех слов, которые велит произнести церковь. Я не хочу и не смею произнести их. Как могу я обещать, что буду любить того, кого ненавижу, почитать того, кто покрыл тебя позором, повиноваться тому, кто, пользуясь своей властью, вовлек меня в грех? Нет! Брак — это таинство для любящих. А не для такого, как он, и не для такой, как я. Джеральд, я лгала всему свету, чтобы спасти тебя от насмешек и обид. Двадцать лет я лгала свету. Я бы не могла сказать правду. Да и кто мог бы? Но ради себя самой я не стану лгать Богу и людям перед Богом. Нет, Джеральд, никакой обряд, освященный церковью или законом, не соединит меня с Джорджем Харфордом. Быть может, я и теперь связана с ним, с тем, кто, обокрав меня, сделал меня богаче, и в грязи своей жизни я нашла бесценную жемчужину или то, что мне казалось жемчужиной.

Джеральд. Теперь я тебя не понимаю.

Миссис Арбетнот. Мужчины не понимают, что такое мать. Я отличалась от других женщин только тем, что передо мной виноваты, и я сама виновна в том, что перенесла тяжелую кару и глубокий позор. И все же чтобы родить тебя, мне пришлось взглянуть в глаза смерти. Чтобы выкормить тебя, мне пришлось бороться со смертью. Смерть боролась со мной из-за тебя. Всем женщинам приходится с ней бороться за жизнь своих детей. Смерть бездетна и потому хочет отнять детей у нас. Джеральд, ты был наг, и я одевала тебя, ты был голоден, и я кормила тебя. Всю ту долгую зиму я ходила за тобой день и ночь. Никакая услуга не низка, никакая забота не мелка ради того, кого любишь, — а я... о! как же я любила тебя. Не меньше, чем Анна Самуила⁷. А ты нуждался в любви, ты был слаб, и только любовь сохранила тебе жизнь. Только любовь и может сохранить жизнь человеку. А мальчики нередко бывают небрежны и ранят без умысла, и нам всегда кажет-

ся, что они вознаградят нас за это потом, когда вырастут и поймут нас как следует. Но это неверно. Жизнь влечет их к себе, они дружат с теми; с кем им веселее, чем с матерью, у них есть развлечения, которых мы лишены, интересы, которые нам чужды: они часто несправедливы к нам, ибо за горечь жизни они всегда винят нас, а сладость жизни не делят с нами... У тебя завелось много друзей, ты бывал у них в домах и радовался вместе с ними, а я, храня свою тайну, не смела последовать за тобой, я оставалась дома и запирала дверь, пряталась от солнца и пребывала во тьме. Что было мне делать в почтенных семействах? Мое прошлое было всегда со мной... А ты думал, что я равнодушна к радостям жизни? Сознаюсь тебе, я о них тосковала, но не смела даже коснуться их, чувствуя, что у меня нет на это права. Ты думал, что мне нравится работать среди бедняков. Тебе казалось, что это мое призвание. Вовсе нет, но куда же еще могла я деваться? Больные не спрашивают, чиста ли та рука, которая поправляет им подушку, и умирающим все равно, знали ли греховный поцелуй те уста, которые касаются их чела. Это о тебе я думала все время — я отдавала им ту любовь, в которой ты не нуждался; расточала на них чувство, которое не принадлежало им... А ты думал, что я слишком часто хожу в церковь, трачу слишком много времени на церковные дела. Но куда же еще могла я ходить? Божий дом — это единственный дом, где рады грешникам, а ты был всегда в моем сердце, Джеральд, всегда и везде. И хотя день за днем, утром и вечером я преклоняла колени в доме Божием, я никогда не каялась в своем грехе. Как я могла каяться, когда плодом этого греха был ты, любимый мой? Даже теперь, когда ты так суров со мной, я не раскаиваюсь. Нет. Ты для меня дороже, чем невинность. Для меня лучше быть твоей матерью — гораздо лучше! — чем сохранить навеки чистоту... Ах, как же ты не видишь, как же ты не понимаешь? Ведь это мой позор соединил нас так неразрывно, это мой позор сделал тебя еще дороже для меня. Я заплатила за тебя, заплатила ценой души и тела, оттого я и люблю тебя так. И не проси меня, не заставляй совершить эту мерзость. Ты дитя моего позора, так останься же им навсегда!

Джеральд. Мама, я не знал, что ты так меня лю-

бишь. И я теперь буду тебе лучшим сыном, чем был до сих пор. И мы с тобой никогда больше не расстанемся... но, мама... тут я ничего не могу... ты должна стать женой моего отца. Тебе надо выйти за него. Это твой долг.

Эстер (*подбегает к миссис Арбетнот и обнимает ее*). Нет, нет — не надо. Это будет настоящий позор, первый позор в вашей жизни. Настоящее бесчестие впервые коснулось бы вас. Оставьте его и уедем со мной. Есть другие страны кроме Англии. Да, другие страны за морем, гораздо лучше, мудрее, справедливее. Мир велик и просторен.

Миссис Арбетнот. Нет, только не для меня. Для меня он не шире ладони, и на пути моем — одни тернии.

Эстер. Так не должно быть. Мы найдем где-нибудь зеленые долины и светлые воды, а если надо плакать — ну что ж, будем плакать вместе. Ведь мы обе любили его!

Джеральд. Эстер!

Эстер (*отстраняя его*). Нет, нет, не надо! Вы не можете любить меня, если не любите ее. Вы не можете уважать меня, если не преклоняетесь перед ней. В ней воплотилось все страдание женщины. Не ее одну, всех женщин поразило горе в ее лице.

Джеральд. Эстер, Эстер, что же мне делать?

Эстер. Вы уважаете человека, который был вашим отцом?

Джеральд. Уважать его? Я его презираю. Он бесчестен!

Эстер. Благодарю вас, вчера вы спасли меня от него.

Джеральд. Это пустяки. Ради вашего спасения я готов умереть. Но вы так и не сказали, что мне делать сейчас?

Эстер. Разве я не благодарила вас за то, что вы спасли меня?

Джеральд. Но что же мне делать?

Эстер. Спросите свое сердце, а не меня. У меня не было матери, которую надо спасать — или оставлять на позор.

Миссис Арбетнот. Он жесток, да, жесток. Дайте мне уйти.

Джеральд (*бросается к матери и становится перед ней на колени*). Мама, прости меня: я был неправ.

Миссис Арбетнот. Не целуй моих рук: они холодны. Мое сердце холодно — оно разбито.

Эстер. Ах, не говорите так. Сердце живет ранами. Наслаждение может превратить сердце в камень, богатство может иссушить его, но горе... нет, горе не может разбить его. Да и какое же у вас горе? В эту минуту вы ему стали дороже чем когда-либо, как бы вы ни были дороги прежде, о, как вы были ему всегда дороги! Ах, будьте добры к нему.

Джеральд. Ты мне и мать и отец. И больше мне никого не нужно. Все это я говорил только ради тебя, ради тебя одной. О, скажи хоть слово, мама. Неужели я нашел одну любовь и потерял другую? Не говори этого. Ах, мама, ты жестока! (*Встает и с рыданиями бросается на диван.*)

Миссис Арбетнот (*к Эстер*). А он нашел другую любовь?

Эстер. Вы же знаете, я его полюбила с первого взгляда.

Миссис Арбетнот. Мы очень бедны.

Эстер. Кто беден, если его любят? Никто, ни один человек. Я ненавижу свое богатство. Оно гнетет меня. Пусть он разделит этот гнет со мной.

Миссис Арбетнот. Но мы опозорены. Мы в числе отверженных. У Джеральда нет имени. Грехи отцов да падут на детей их. Это закон Божий.

Эстер. Я была неправа. Закон Божий — только Любовь.

Миссис Арбетнот (*встает и, взяв Эстер за руку, подводит ее к Джеральду, который лежит на диване, обхватив голову руками. Она дотрагивается до него, он поднимает голову*). Джеральд, я не могу дать тебе отца, но я привела тебе жену.

Джеральд. Мама, я недостоин вас обеих.

Миссис Арбетнот. Если она пришла первая, значит, ты достоин. А когда ты уедешь, Джеральд... вместе с ней... вспоминай обо мне иногда. Не забывай меня. А когда станешь молиться, помолись за меня. Молиться надо в самые счастливые минуты, а ты будешь счастлив, Джеральд.

Эстер. Неужели вы хотите с нами расстаться?

Джеральд. Мама, ты же не уедешь от нас?

Миссис Арбетнот. Я навлекла бы на вас позор.

Джеральд. Мама!

Миссис Арбетнот. Тогда только ненадолго: а потом, если вы хотите, я всегда буду около вас.

Эстер (*к миссис Арбетнот*). Идемте с нами в сад.

Миссис Арбетнот. Не сейчас, немного погодя.

Эстер и Джеральд уходят. Миссис Арбетнот подходит к двери слева. Останавливается перед камином и смотрит в зеркало.

Входит Алиса.

Алиса. К вам пришли, сударыня.

Миссис Арбетнот. Скажите, что меня нет дома. Дайте мне его карточку. (*Берет карточку с подноса и читает.*) Скажите — я не могу его принять.

Входит лорд Иллингворт. Миссис Арбетнот видит его в зеркале, вздрагивает, но не оборачивается. Алиса выходит.

Что вам нужно от меня сегодня, Джордж Харфорд? Вам нечего мне сказать. Оставьте этот дом.

Лорд Иллингворт. Рэчел, Джеральд знает все о нас с вами, надо же прийти к какому-то соглашению, чтобы оно устроило всех троих. Уверяю вас, он найдет во мне самого любезного и самого щедрого отца.

Миссис Арбетнот. Мой сын может войти в любую минуту. Я вас спасла вчера вечером. Сегодня это вряд ли удастся. Мой сын болезненно, очень болезненно переживает мой позор. Прошу вас уйти.

Лорд Иллингворт (*садясь*). Вчерашний вечер кончился крайне неудачно. Эта глупая девочка, эта пуританка устроила сцену только из-за того, что я хотел ее поцеловать. Что особенно дурного в поцелуе?

Миссис Арбетнот (*оборачиваясь*). Поцелуй может погубить всю жизнь, Джордж Харфорд. Я это знаю. Знаю слишком хорошо.

Лорд Иллингворт. Не стоит сейчас об этом спорить. И сегодня, так же как и вчера, для нас всего важнее наш сын. Я очень его люблю, как вам известно, и, хотя это может показаться вам странным, я просто в восторге от того, как он себя держал вчера вечером. Он, ни минуты не мешкая, встал на защиту этой хорошенькой недотроги. Он как раз таков, каким я хотел

бы видеть моего сына. Кроме того разве, что мой сын ни в коем случае не стал бы защищать пуритан: это, конечно, ошибка. Так вот что я предлагаю...

Миссис Арбетнот. Лорд Иллингворт, никакие ваши предложения мне не интересны.

Лорд Иллингворт. По нашим нелепым английским законам я не могу усыновить Джеральда. Но я могу оставить ему мое состояние. Иллингворт, разумеется, родовое имение, но это не дом, а скучнейшая казарма. Он может получить Эшби, которое гораздо красивее, Харборо, там лучшие места для охоты во всей Северной Англии, и дом на Сент-Джеймс-сквер. Чего еще желать джентльмену?

Миссис Арбетнот. Ровно ничего, разумеется.

Лорд Иллингворт. Что касается титула, то в наше демократическое время он скорее помеха. Когда я был просто Джордж Харфорд, у меня было все, что я хотел. Теперь же у меня есть только то, чего хочется другим, а это гораздо менее приятно. Так вот что я предлагаю...

Миссис Арбетнот. Я уже сказала вам, что мне это неинтересно, и я прошу вас уйти.

Лорд Иллингворт. Мальчик будет жить полгода с вами, а остальные полгода со мной. Ведь это вполне справедливо, не так ли? Вы можете получить пособие, какое вам угодно, и жить где хотите. Что касается вашего прошлого, о нем никто не знает, кроме меня и Джеральда. Ну, конечно, еще эта пуританка в белом кисейном платье, но ее считать нечего. Она не может об этом рассказать, умолчав о том, что ее хотели поцеловать, а она противилась, не так ли? Но тогда все женщины сочтут ее дурой, а мужчины — недотрогой. И вам нечего бояться, у меня не будет других наследников, кроме Джеральда. Не стоит и говорить, что я во все не собираюсь жениться.

Миссис Арбетнот. Вы опоздали. Моему сыну вы не нужны. Мы обойдемся и без вас.

Лорд Иллингворт. Что вы хотите сказать, Рэчел?

Миссис Арбетнот. Для карьеры Джеральда вы уже не нужны. Теперь вы лишний.

Лорд Иллингворт. Не понимаю вас.

Миссис Арбетнот. Посмотрите в окно.

Лорд Иллингворт встает и подходит к окну.

Лучше не показывайтесь им: не будите неприятных воспоминаний.

Лорд Иллингворт смотрит в окно и отшатывается.

Она его любит. Они любят друг друга. Мы избавились от вас и теперь хотим уехать.

Лорд Иллингворт. Куда?

Миссис Арбетнот. Мы вам не скажем, а если вы отыщете нас, мы вас не узнаем. Кажется, вас это удивляет? Чего же вы ожидали от девушки, чьи уста вы хотели осквернить поцелуем, от юноши, чью жизнь вы покрыли позором, от матери, которую обесчестили?

Лорд Иллингворт. Как вы стали суровы, Рэчел.

Миссис Арбетнот. Я была когда-то слишком мягка. Для меня лучше, что я изменилась.

Лорд Иллингворт. Я был очень молод тогда. Мы, мужчины, узнаем жизнь слишком рано.

Миссис Арбетнот. А мы, женщины, узнаем жизнь слишком поздно. Вот в чем разница между мужчинами и женщинами.

Пауза.

Лорд Иллингворт. Рэчел, я не могу без сына. Мои деньги ему, может быть, и не нужны. Может быть, и я сам ему не нужен, но мне без него нельзя. Помогите нам сблизиться, Рэчел. Вы это можете, если захотите. *(Замечает письмо на столе.)*

Миссис Арбетнот. Вам нет места в жизни моего сына. Вы ему неинтересны.

Лорд Иллингворт. Тогда зачем же он мне пишет?

Миссис Арбетнот. Не понимаю вас.

Лорд Иллингворт. Что это за письмо? *(Берет письмо.)*

Миссис Арбетнот. Это... так, пустяки. Дайте его мне.

Лорд Иллингворт. Оно адресовано мне.

Миссис Арбетнот. Не распечатывайте. Я запрещаю вам.

Лорд Иллингворт. И почерк Джеральда.

Миссис Арбетнот. Оно не должно было попасть

к вам. Это нисьмо он написал вам утром, до того как увиделся со мной. А теперь он жалеет, что написал его, очень жалеет. Вам нельзя его вскрывать. Отдайте мне.

Лорд Иллингворт. Оно мое. *(Распечатывает конверт, садится и не торопясь читает письмо.)*

Миссис Арбетнот не спускает с него глаз.

Вы, я думаю, читали это письмо, Рэчел?

Миссис Арбетнот. Нет.

Лорд Иллингворт. Вы знаете, о чем оно?

Миссис Арбетнот. Да.

Лорд Иллингворт. Я никак не могу согласиться с тем, что он пишет. Не могу согласиться с тем, что я будто бы должен на вас жениться. Совершенно отрицаю это. Но чтоб вернуть моего сына, я готов, да, готов жениться на вас, Рэчел, и всегда оказывать вам то уважение, которое подобает моей жене. Я женюсь на вас, когда вам будет угодно. Даю вам слово.

Миссис Арбетнот. Вы уже давали это слово однажды и не сдержали его.

Лорд Иллингворт. А теперь сдержу. И это вам покажет, что я люблю моего сына не меньше, чем вы его любите. Ведь когда я женюсь на вас, Рэчел, мне придется отказаться от моих честолюбивых замыслов. Высоких замыслов, если честолюбие можно назвать высоким.

Миссис Арбетнот. Я не приму вашего предложения, лорд Иллингворт.

Лорд Иллингворт. Вы шутите?

Миссис Арбетнот. Нет.

Лорд Иллингворт. Объясните же причины. Они мне крайне интересны.

Миссис Арбетнот. Я уже объясняла их моему сыну.

Лорд Иллингворт. Это, верно, что-нибудь очень сентиментальное, не так ли? Вы, женщины, живете только чувством и ради чувства. У вас нет никакой жизненной философии.

Миссис Арбетнот. Да, вы правы. Мы, женщины, живем чувством и ради чувства. Страстью и ради страсти, если вам угодно. У меня две страсти, лорд Иллингворт: моя любовь к сыну, моя ненависть к вам. Убить их вы не можете. Одна питает другую.

Лорд Иллингворт. Что же это за любовь, которая не может жить без двойника — ненависти?

Миссис Арбетнот. Это та любовь, которой я люблю Джеральда. Вы думаете, что это страшно? Да, страшно. Всякая любовь страшна. Всякая любовь — трагедия. Я любила вас когда-то, лорд Иллингворт. О, какая это трагедия для женщины — любить вас!

Лорд Иллингворт. Так вы и вправду отказываетесь выйти за меня?

Миссис Арбетнот. Да.

Лорд Иллингворт. Потому что ненавидите меня?

Миссис Арбетнот. Да.

Лорд Иллингворт. И мой сын тоже ненавидит меня, как вы?

Миссис Арбетнот. Нет.

Лорд Иллингворт. Я рад этому, Рэчел.

Миссис Арбетнот. Он просто презирает вас.

Лорд Иллингворт. Как жаль! Жаль его, я хочу сказать.

Миссис Арбетнот. Не обманывайте себя, Джордж. Дети начинают с того, что любят родителей. Потом они судят их. И почти никогда не прощают им.

Лорд Иллингворт (*очень медленно перечитывает письмо*). Позвольте спросить, какими доводами вы убедили мальчика, написавшего это письмо, это чудесное, вдохновенное письмо, что вам не следует выходить замуж за его отца, за отца вашего собственного ребенка?

Миссис Арбетнот. Не я убедила его. Это сделала другая.

Лорд Иллингворт. Кто же эта передовая особа?

Миссис Арбетнот. Та самая пуританка, лорд Иллингворт.

Пауза. Лорд Иллингворт хмурится, затем встает и медленно подходит к столу, где лежит его шляпа и перчатки. Миссис Арбетнот стоит возле стола. Он берет одну перчатку и начинает ее натягивать.

Лорд Иллингворт. Пожалуй, здесь мне больше нечего делать, Рэчел?

Миссис Арбетнот. Нечего.

Лорд Иллингворт. Это прощание, да?

Миссис Арбетнот. Надеюсь, навсегда, лорд Иллингворт.

Лорд Иллингворт. Как странно! В эту минуту у вас точно такое же выражение, как в ту ночь, когда вы ушли от меня. И губы сжаты точно так же. Честное слово, Рэчел, ни одна женщина не любила меня так, как вы. Вы подарили мне себя как цветок, я мог делать с ним что хочу. Вы были самой прелестной игрушкой, самым пленительным коротеньким романом... *(Достает часы.)* Без четверти два! Пора идти обратно в Ханстентон. Пожалуй, я вас больше не увижу. Мне, право, очень жаль. Забавно встретить среди людей своего же круга свою любовницу, окруженную таким уважением, и своего собственного...

Миссис Арбетнот хватается перчатку и ударяет лорда Иллингворта по лицу. Лорд Иллингворт содрогается от стыда — он потрясен. Затем, овладев собой, подходит к окну и смотрит на своего сына. Вздыхает и выходит из комнаты.

Миссис Арбетнот *(рыдая, падает на диван)*. Он мог это сказать! Он мог это сказать!

Из сада входят Джеральд и Эстер.

Джеральд. Что же, милая мама! Ты так и не вышла. Мы сами за тобой пришли. Мама, ты плакала? *(Становится перед ней на колени.)*

Миссис Арбетнот. Мой мальчик! Мой мальчик! *(Проводит рукой по его волосам.)*

Эстер *(подходит к ним)*. У вас теперь двое детей. Вы позволите мне быть вашей дочерью?

Миссис Арбетнот *(глядя на нее)*. А вы хотите, чтобы я была вашей матерью?

Эстер. Только вас одну и хочу — из всех женщин, каких я знала.

Обнявшись, они идут к двери в сад. Джеральд подходит к столу взять шляпу. Замечает на полу перчатку лорда Иллингворта и поднимает ее.

Джеральд. Послушай, мама, чья это перчатка? У тебя был гость? Кто это такой?

Миссис Арбетнот *(оборачиваясь к нему)*. О, никто. Что о нем говорить? Человек, не стоящий внимания.

Занавес

Саломея

Драма
в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ирод Антипа, тетрарх¹ Иудеи.

Иоканаан, пророк.

Молодой сириец, начальник отряда телохранителей.

Тигеллин, молодой римлянин.

Каппадокиец.

Нубиец.

Первый солдат.

Второй солдат.

Паж Иродиады.

Иудеи, назаряеяне и прочие.

Раб.

Нааман, палач.

Иродиада, жена тетрарха.

Саломея, дочь Иродиады.

Рабыни Саломен.

СЦЕНА

Обширная терраса во дворце Ирода, к которой примыкает пиршественная зала. Солдаты стоят, облокотившись на балкон. Направо огромная лестница. Налево, в глубине, старый водоем, с краями из зеленой бронзы. Свет луны.

Молодой сириец. Как красива царица Саломея сегодня вечером!

Паж Иродиады. Посмотри на луну. Станный вид у луны. Она как женщина, встающая из могилы. Она похожа на мертвую женщину. Можно подумать — она ищет мертвых.

Молодой сириец. Очень странный вид у нее. Она похожа на маленькую царицу в желтом покрывале, ноги которой из серебра. Она похожа на царицу, у которой ноги, как две белые голубки. Можно подумать — она танцует.

Паж Иродиады. Она как мертвая женщина. Она медленно движется.

Шум в пиршественном зале.

Первый солдат. Почему они спорят о своей вере?

Второй солдат. Не знаю. Они всегда так. Фарисеи² утверждают, например, что есть ангелы, а саддукеи говорят, что ангелов не существует.

Первый солдат. Я нахожу, что смешно спорить о таких вещах.

Молодой сириец. Как красива царица Саломея сегодня вечером!

Паж Иродиады. Ты постоянно смотришь на нее. Ты слишком много смотришь на нее. Не надо так смотреть на людей. Может случиться несчастье.

Молодой сириец. Она очень красива сегодня вечером.

Первый солдат. У тетрарха мрачный вид.

Второй солдат. Да, у него мрачный вид.

Первый солдат. Он смотрит на что-то.

Второй солдат. Он смотрит на кого-то.

Первый солдат. На кого он смотрит?

Второй солдат. Я не знаю.

Молодой сириец. Как царица бледна! Я никогда не видел, чтобы она была так бледна. Она похожа на отражение белой розы в серебряном зеркале.

Паж Иродиады. Не надо смотреть на нее. Ты слишком много смотришь на нее!

Первый солдат. Иродиада наполнила кубок тетрарха.

Каппадокиец. Это царица Иродиада, та вон, в черном уборе, усеянном жемчугом, и у которой волосы напудрены голубым?

Первый солдат. Да, это Иродиада. Супруга тетрарха.

Второй солдат. Тетрарх очень любит вино. У него есть три сорта вин. Одно с острова Самофракии, пурпурное, как мантия цезаря.

Каппадокиец. Я никогда не видел цезаря.

Второй солдат. Другое с острова Кипра, оно желтое, как золото.

Каппадокиец. Я очень люблю золото.

Второй солдат. И третье вино — сицилийское. Это вино — красное, как кровь.

Нубиец. Боги моей страны очень любят кровь. В год два раза мы приносим им в жертву юношей и девушек: пятьдесят юношей и сто девушек. Но, должно быть, мы все недостаточно даем им, потому что они очень суровы к нам.

Каппадокиец. В моей стране нет больше богов, их выгнали римляне. Некоторые говорят, что они бежали в горы, но я этому не верю. Я три ночи провел в горах и искал их всюду. Я их не нашел. Наконец я стал их звать по именам, но они не появлялись. Я думаю, они умерли.

Первый солдат. Иудеи молятся богу, которого нельзя видеть.

Каппадокиец. Я не могу понять этого.

Первый солдат. Словом, они верят только в то, чего нельзя видеть.

Каппадокиец. Мне это кажется очень смешным.

Голос Иоканаана. За мною придет другой, кто сильнее меня. Я недостойн развязать ремни сандалий его. Когда он придет, пустыня возликует. Она расцветет, как лилия. Глаза слепых увидят свет, и уши глухих раскроются. Вновь рожденный положит руку на логовище драконов и поведет львов за гриву их.

Второй солдат. Заставь его замолчать. Он всегда говорит вздор.

Первый солдат. Ну нет, это святой человек. И очень кроткий. Я каждый день ношу ему пищу. Он меня всегда благодарит.

Каппадокиец. Кто он такой?

Первый солдат. Он пророк.

Каппадокиец. Как его зовут?

Первый солдат. Иоканаан.

Каппадокиец. Откуда он?

Первый солдат. Из пустыни, где он питался акридами и диким медом. На нем было платье из верблюжьей шерсти, а на чреслах кожаный пояс. Он был очень дикий на вид. Большая толпа следовала за ним. У него были даже ученики.

Каппадокиец. А что он говорит?

Первый солдат. Мы этого никогда не знаем. Иногда он говорит ужасные вещи, но понять его невозможно.

Каппадокиец. Можно его увидеть?

Первый солдат. Нет. Тетрарх не позволяет.

Молодой сириец. Царевна спрятала лицо свое за веер! Ее маленькие белые руки движутся как голубки, что улетают к своей голубятне. Они похожи на белых бабочек. Они совсем как белые бабочки.

Па ж Ироди ады. Но что тебе до этого? Зачем ты смотришь на нее? Не надо так смотреть на нее. Может случиться несчастье.

Каппадокиец (*указывая на водоем*). Какая странная тюрьма!

Второй солдат. Это старый водоем.

Каппадокиец. Старый водоем! Там должно быть очень нездорово.

Второй солдат. Нет. Брат тетрарха, например,

его старший брат, первый муж царицы Иродиады, был заключен там целых двенадцать лет. И не умер. Его под конец пришлось задушить.

Каппадокиец. Задушить? Кто же осмелился это сделать?

Второй солдат (*указывая на палача, большого негра*). Вон тот, Нааман.

Каппадокиец. Он не побоялся?

Второй солдат. Нет. Тетрарх послал ему перстень.

Каппадокиец. Какой перстень?

Второй солдат. Перстень смерти. Так что он не боялся.

Каппадокиец. Все же ужасно задушить царя.

Первый солдат. Почему? У царей такая же шея, как у других людей.

Каппадокиец. Мне кажется, что это ужасно.

Молодой сириец. Царевна встает! Она выходит из-за стола! У нее очень скучающий вид. А! Она идет сюда. Да, она идет к нам. Как она бледна! Я никогда не видел, чтобы она была так бледна.

Паж Иродиады. Не смотри на нее. Я прошу тебя, не смотри на нее.

Молодой сириец. Она как голубка, которая заблудилась... Она как нарцисс, колеблемый ветром... Она похожа на серебряный цветок.

Входит Саломея.

Саломея. Я не останусь там. Я не могу там оставаться. Что он все смотрит на меня, тетрарх, своими глазами крота из-под дрожащих век? Странно, что муж моей матери так на меня смотрит. Я не знаю, что это значит... Впрочем, нет, я это знаю.

Молодой сириец. Ты покинула пир, царевна?

Саломея. Какой свежий воздух здесь! Наконец здесь можно дышать! Там внутри — иудеи из Иерусалима, которые рвут друг друга на части из-за своих глупых обрядов, и варвары, которые пьют не переставая и льют вино на пол, на плиты, и греки из Смирны с своими накрашенными глазами, нарумяненными щеками, с завитыми колечками волосами, и египтяне, молчаливые, хитрые, с ногтями из зеленчака, в коричневых плащах, и римляне, грубые, тяжеловесные, ругаю-

щиеся. Ах, как я ненавижу римлян! Самые последние люди, а изображают из себя знатных господ.

Молодой сириец. Не хочешь ли ты сесть, царевна?

Паж Иродиады. Зачем говорить с нею? Зачем смотреть на нее? О! случится несчастье.

Саломея. Как хорошо смотреть на луну. Она похожа на маленькую монету. Она совсем как маленький серебряный цветок. Она холодная и целомудренная, луна... О, наверно, она девственница. У нее красота девственности... Да, она девственница. Она никогда не была осквернена. Она никогда не отдавалась людям, как другие богини.

Голос Иоканаана. Он пришел, Господь! Он пришел, сын человеческий. Кентавры скрылись в реках, и сирены покинули реки и скрылись в чаще лесов.

Саломея. Кто прокричал это?

Второй солдат. Это пророк, царевна.

Саломея. А! Это пророк, которого боится тетрарх.

Второй солдат. Об этом мы ничего не знаем, царевна. Это пророк Иоканаан.

Молодой сириец. Прикажешь, чтобы тебе принесли носилки, царевна? В саду очень хорошо.

Саломея. Он говорит чудовищные вещи о моей матери, правда?

Второй солдат. Мы никогда не понимаем, что он говорит, царевна.

Саломея. Да, он говорит чудовищные вещи о ней.

Раб. Царевна, тетрарх просит тебя вернуться на пир.

Саломея. Я не вернусь туда.

Молодой сириец. Прости, царевна, но, если ты не вернешься туда, может случиться несчастье.

Саломея. Он старик, этот пророк?

Молодой сириец. Царевна, лучше было бы вернуться. Позволь мне проводить тебя.

Саломея. Пророк... старик?

Первый солдат. Нет, царевна, он совсем молодой.

Второй солдат. Это неизвестно. Некоторые говорят, что это Илия.

Саломея. Кто это Илия?

Второй солдат. Очень древний пророк этой страны, царевна.

Раб. Какой ответ мне передать тетрарху от царевны?

Голос Иоканаана. Не ликуй, страна Палестины, ибо бич того, кто бичевал тебя, преломился. Из рода змия изойдет василиск, и то, что родится, поглотит птиц.

Саломея. Какой страшный голос! Мне хотелось бы говорить с ним.

Первый солдат. Это, верно, невозможно, царевна. Тетрарх не хочет, чтобы с ним говорили. Он запретил даже первосвященнику говорить с ним.

Саломея. Я хочу говорить с ним.

Первый солдат. Это невозможно, царевна.

Саломея. Я хочу.

Первый солдат. Мы не смеем, царевна.

Саломея (*подходит к краю водоема и смотрит в глубь его*). Как там темно! Ужасно, должно быть, сидеть в такой темной дыре! На могилу похоже... (*К солдатам.*) Вы не поняли меня? Выведите его сюда. Я хочу его видеть.

Второй солдат. Царевна, я прошу тебя, не требуй этого от нас.

Саломея. Вы заставляете меня ждать.

Первый солдат. Царевна, наши жизни тебе принадлежат, но то, что ты хочешь, мы не можем сделать... И не к нам тебе нужно обращаться...

Саломея (*смотрит на молодого сирийца*). А!

Паж Иродиады. О! Что будет? Я уверен, что случится несчастье.

Саломея (*подходя к молодому сирийцу*). Нарработ, ты это сделаешь для меня, ведь правда? Ты это сделаешь для меня? Я к тебе всегда была расположена. Не правда ли, ты это сделаешь для меня? Я только посмотреть хочу на него, на этого странного пророка. О нем так много говорили. Я так часто слышала, как говорил о нем тетрарх. Мне кажется, он боится его, тетрарх. Я уверена, что он боится его... А ты, Нарработ, ты тоже боишься его?

Молодой сириец. Я не боюсь его, царевна, я никого не боюсь. Но тетрарх строжайше запретил, чтобы кто-нибудь приподнимал крышку с этого водоема.

Саломея. Ты сделаешь это для меня, Нарработ, и завтра, когда я в своих носилках поравняюсь с дверями торгующих идолами, я уроню для тебя маленький цветок, маленький зеленый цветок.

Молодой сириец. Царевна, я не могу, я не могу.

Саломея (*улыбаясь*). Ты это сделаешь для меня, Нарработ. Ты же знаешь, что ты это сделаешь для меня. И завтра, когда мои носилки поравняются на мосту с теми, что торгуют идолами, я посмотрю на тебя сквозь кисейные завесы, я посмотрю на тебя, Нарработ, и, может быть, я улыбнусь тебе. Посмотри на меня, Нарработ. Посмотри на меня. А, ты знаешь наверно, что ты сделаешь то, о чем я тебя прошу. Ты это наверно знаешь, не правда ли?.. Я это знаю наверно.

Молодой сириец (*делает знак третьему солдату*). Выведите сюда пророка... Царевна Саломея хочет его видеть.

Саломея. А!

Паж Иродиады. О! Какой странный вид у луны! Как будто это рука мертвой, которая хочет закрыться саваном.

Молодой сириец. Очень странный вид у нее. Она как маленькая царевна с глазами из янтаря. Сквозь облака кисеи она улыбается, как маленькая царевна.

Пророк выходит из водоема. Саломея смотрит на него и отступает.

Иоканаан. Где тот, чаша скверны которого уже преисполнена? Где тот, что однажды, в одежде из серебра, умрет перед лицом всего народа? Скажите, чтобы он пришел сюда, дабы он внял голосу того, кто взывал в пустынях и в дворцах царей.

Саломея. О ком говорит он?

Молодой сириец. Этого никогда не знаешь, царевна.

Иоканаан. Где та, что, увидев мужей, на стене изображенных, лики халдеев, означенных красками, предалась похоти глаз своих и отправила послов в Халдею?

Саломея. Он говорит о моей матери.

Молодой сириец. О нет, царевна.

Саломея. Да, он говорит о моей матери.

Иоканаан. Где та, что отдалась военачальнику ассирийцев, которые носят перевязи на чреслах и раз-

ноцветные венчики на головах? Где та, что отдавалась юношам Египта, одетым в полотно и гиацинты, носящим золотые щиты и серебряные шлемы, им, что росли телом? Пусть встанет она с ложа бесстыдства своего, с ложа кровосмешения, и услышит слова того, кто приуготовляет путь Господень, дабы покаяться во грехах своих. Хотя она и не раскается никогда и будет пребывать в своей скверне, пусть придет, ибо Господь уже держит бич в руках своих.

Саломея. Но он ужасен, он ужасен.

Молодой сириец. Не оставайся здесь, царевна, я прошу тебя.

Саломея. Самое ужасное — это его глаза. Они точно черные дыры, прожженные факелами в тирских коврах. Точно черные пещеры, где живут драконы, черные пещеры Египта, где находят себе пристанище драконы. Точно черные озера, возмущенные призрачными озерами... Вы думаете, он будет еще говорить?

Молодой сириец. Не оставайся здесь, царевна, я прошу тебя, не оставайся здесь.

Саломея. Как он худ! Он похож на тонкую фигуру из слоновой кости. Точно фигура из серебра. Я уверена, что он целомудрен, как месяц. Он похож на лунный луч, на серебряный лунный луч. Его тело, должно быть, очень холодное, как слоновая кость... Я хочу видеть его вблизи.

Молодой сириец. Нет, нет, царевна.

Саломея. Мне надо посмотреть на него вблизи.

Молодой сириец. Царевна! Царевна!

Иоканаан. Что это за женщина смотрит на меня? Я не хочу, чтобы она смотрела на меня. Что она смотрит на меня своими золотыми глазами под золотыми веками? Я не знаю, кто она. Не хочу знать, кто она. Пусть она уйдет. Не с ней хочу я говорить.

Саломея. Я Саломея, дочь Иродиады, царевна иудейская.

Иоканаан. Прочь! Дочь Вавилона! Не приближайся к избраннику Господню. Твоя мать наполнила землю вином своих злодеяний, и крик грехов ее достиг ушей Господних.

Саломея. Говори еще, Иоканаан. Твой голос пьянит меня.

Молодой сириец. Царевна! Царевна! Царевна!

Саломея. Говори еще. Говори еще, Иоканаан, и скажи мне, что мне делать.

Иоканаан. Не приближайся ко мне, дочь Содомы, закрой лучше покрывалом твое лицо, посыпь главу твою пеплом и беги в пустыню искать сына человеческого.

Саломея. Кто это — сын человеческий? Он так же красив, как ты, Иоканаан?

Иоканаан. Прочь! Прочь! Я слышу во дворце взмахи крыльев ангела смерти.

Молодой сириец. Царевна, я молю тебя, вернись!

Иоканаан. Ангел Господень, зачем ты здесь с мечом своим? Что ищешь ты в этом нечестивом дворце?.. Не настал еще день того, кто умрет в серебряной одежде.

Саломея. Иоканаан!

Иоканаан. Кто говорит?

Саломея. Иоканаан! Я влюблена в твое тело! Твое тело белое, как лилия луга, который еще никогда не косили. Твое тело белое, как снега, что лежат на горах Иудеи и нисходят в долины. Розы в саду аравийской царицы не так белы, как твое тело. Ни розы в саду царицы аравийской, благоуханном саду царицы аравийской, ни стопы утренней зари, скользящей по листьям, ни лоно луны, когда она покоится на лоне моря... Нет ничего на свете белее твоего тела. Дай мне коснуться твоего тела!

Иоканаан. Прочь, дочь Вавилона! Через женщину зло пришло в мир. Не говори со мной. Я не хочу слушать тебя. Я слушаю только слова Господа Бога.

Саломея. Твое тело отвратительно. Оно как тело прокаженного. Оно точно выбеленная стена, по которой прошли ехидны, точно выбеленная стена, где скорпионы устроили свое гнездо. Оно точно выбеленная гробница, которая полна мерзостей. Оно ужасно, оно ужасно, твое тело!.. Я в твои волосы влюблена, Иоканаан. Твои волосы похожи на гроздь винограда, на гроздь черного винограда, что висят в виноградниках Эдома³ в стране эдомитов. Твои волосы как кедровые ливанские, как высокие кедровые ливанские, что дают тень львам и разбойникам, которые хотят днем скрыться. Длинные черные ночи, ночи, когда луна не показывается, когда звезды боятся, не так черны. Молчание,

живущее в лесах, не так черно. Нет ничего на свете чернее твоих волос... Дай мне коснуться твоих волос.

И о к а н а а н. Прочь, дочь Содома⁴! Не прикасайся ко мне! Нельзя осквернить храм Господа Бога.

С а л о м е я. Твои волосы ужасны. Они покрыты грязью и пылью. Они как терновый венок, что положили тебе на лоб. Точно узел черных змей, которые вьются вокруг твоей шеи. Мне не нравится твоя шея. Мне не нравятся твои волосы... Я в рот твой влюблена, Иоканаан. Он как алая перевязь на башне из слоновой кости. Он как гранат, разрезанный ножом из слоновой кости. Цветы граната, что цветут в садах Тира⁵, — более красные, чем розы, — не так красны. Красные крики боевых труб, возвещающие прибытие царей и внушающие страх врагам, не так красны. Твой рот краснее, чем ноги тех, что мнут виноград в давильнях. Он краснее, чем ноги голубей, которые живут в храмах и которых кормят священники. Он краснее, чем ноги того, кто возвращается из леса, где он убил льва и видел золотистых тигров. Твой рот как ветка коралла, что рыбаки нашли в сумерках моря и которую они берегают для царей. Он точно киноварь, что моавитяне находят в рудниках Моавии⁶ и которую цари отнимают у них. Он как лук персидского царя, выкрашенный киноварью и с рогами из кораллов. Нет ничего на свете красивее твоего рта... Дай мне поцеловать твой рот.

И о к а н а а н. Никогда! Дочь Вавилона⁷! Дочь Содома, никогда!

С а л о м е я. Я поцелую твой рот, Иоканаан. Я поцелую твой рот.

Молодой сириец. Царевна, царевна, ты как цвет мирты, ты голубка из голубок, не смотри на этого человека, не смотри на него! Не говори ему таких вещей. Я не могу это вынести... Царевна, царевна, не говори таких вещей.

С а л о м е я. Я поцелую твой рот, Иоканаан.

Молодой сириец. А! *(Убивает себя и падает между Саломеей и Иоканааном.)*

П а ж Иродиады. Молодой сириец убил себя! Молодой начальник убил себя! Тот, кто был моим другом, убил себя! Я подарил ему маленькую коробочку благовоний и серьги, сделанные из серебра, а он теперь убил себя! Ах, не предсказывал ли он, что случится не-

счастье... Я сам предсказал это, и оно случилось. Я знал, что луна искала мертвого, но я не знал, что его искала она. Ах, зачем я не скрыл его от луны? Если бы я скрыл его в пещере, она бы не увидела его.

Первый солдат. Царевна, сейчас молодой начальник убил себя.

Саломея. Дай мне поцеловать твой рот, Иоканаан.

Иоканаан. И не страшно тебе, дочь Иродиады? Не говорил ли я тебе, что я слышал во дворце взмахи крыльев ангела смерти, и не явился ли ангел этот?

Саломея. Дай мне поцеловать твой рот.

Иоканаан. Дочь прелюбодеяния, есть один человек, который может спасти тебя⁸. Это тот, о котором я говорил тебе. Иди ищи его. Он в лодке на море Галилейском и говорит к своим ученикам. Стань на колени на берегу моря и зови его по имени. Когда он придет к тебе — он приходит ко всем, кто зовет его, — простиись у ног его и проси прощения грехам твоим.

Саломея. Дай мне поцеловать твой рот.

Иоканаан. Будь проклята, дочь кровосмесительницы матери, будь проклята.

Саломея. Я поцелую твой рот, Иоканаан.

Иоканаан. Я не хочу тебя видеть, я не буду смотреть на тебя. Ты проклята, Саломея, ты проклята. *(Спускается в водоем.)*

Саломея. Я поцелую твой рот, Иоканаан, я поцелую твой рот.

Первый солдат. Надо перенести труп в другое место. Тетрарх не любит смотреть на трупы, исключая трупов тех, которых он сам убил.

Паж Иродиады. Он был моим братом, он был мне ближе брата. Я подарил ему маленькую коробочку с благовониями и кольцо из агата, которое он всегда носил на руке. Вечером мы бродили с ним по берегу реки под миндальными деревьями, и он рассказывал мне о своей родине. Он говорил всегда очень тихо. Звук его голоса походил на звук флейты играющего на флейте. Он также очень любил смотреться в реку. Я упрекал его в этом.

Второй солдат. Ты прав, нужно убрать труп. Не надо, чтобы тетрарх его видел.

Первый солдат. Тетрарх не придет сюда. Он

никогда не выходит на террасу: он слишком боится пророка.

Входят Ирод, Иродиада и весь двор.

Ирод. Где Саломея? Где царица? Почему она не вернулась на пир, как я просил ее? А! Вот она!

Иродиада. Не надо смотреть на нее. Ты все время смотришь на нее.

Ирод. Какая странная луна сегодня вечером. Ведь правда, она очень странная? Она как истеричная женщина, которая всюду ищет любовников. И она нагая. Она совершенно нагая. Облака хотят ее закрыть, но она не хочет. Она показывается совсем нагая на небе. Она идет шатаясь среди облаков, как пьяная женщина... Я уверен, что она ищет любовников... Ведь правда, она шатается, как пьяная женщина? Она похожа на истеричную женщину, ведь правда?

Иродиада. Нет. Луна как луна, и все тут. Пойдем домой... Тебе здесь нечего делать.

Ирод. Я останусь здесь! Манасия, постелите ковры там. Зажгите факелы. Принесите столы из слоновой кости и столы из яшмы. Воздух здесь чудесный. Я выпью еще вина с моими гостями. Послам цезаря нужно оказать всевозможные почести.

Иродиада. Не для них ты здесь остаешься.

Ирод. Да, воздух чудесный. Пойдем, Иродиада, наши гости ждут нас... А! Я поскользнулся в крови! Это дурной знак. Это очень дурной знак. Почему здесь кровь?.. И этот труп? Почему здесь труп? Не думаете ли вы, что я как царь египетский, который всегда, когда устраивает пир, показывает труп своим гостям? Да и кто это такой? Я не хочу его видеть.

Первый солдат. Это наш начальник, владыка. Молодой сириец, которого всего три дня тому назад ты сделал начальником.

Ирод. Я не давал приказаний убить его.

Второй солдат. Он сам убил себя, владыка.

Ирод. Почему? Я сделал его начальником.

Второй солдат. Мы не знаем, владыка. Но он убил себя сам.

Ирод. Это мне кажется странным. Я думал, что только римские философы убивают себя⁹. Не правда ли, Тигеллин, римские философы убивают себя?

Тигеллин. Некоторые убивают себя, владыка. Это люди очень грубые. И потом это люди очень смешные. Я их нахожу очень смешными.

Ирод. Я тоже. Смешно убивать себя.

Тигеллин. Над ними очень смеются в Риме. Император написал на них сатиру¹⁰. Ее повторяют всюду.

Ирод. А! Он написал на них сатиру! Цезарь удивительный. Он все умеет... Странно, что молодой сириец убил себя. Мне жаль его. Да, мне очень жаль его. Потому что он был красив. Он был даже очень красив. У него были такие томные глаза. Я вспоминаю, я видел, как томно он смотрел на Саломею; правда, я находил, что он слишком много смотрел на нее.

Иродиада. Есть и другие, которые слишком много смотрят на нее.

Ирод. Его отец был царь, я изгнал его из царства. А царицу, его мать, ты сделала своей рабыней, Иродиада. Таким образом, он был здесь как бы гость. И потому я его сделал начальником. Мне жаль, что он умер... Но почему вы оставили здесь труп? Уберите его отсюда. Я не хочу его видеть... Унесите его...

Тело уносят.

Здесь холодно. Здесь ветер. Ведь правда, здесь ветер?..

Иродиада. Нет, здесь нет ветра.

Ирод. Нет, здесь ветер... И я слышу в воздухе что-то подобное взмахам крыльев, взмахам гигантских крыльев. А ты не слышишь?

Иродиада. Я ничего не слышу.

Ирод. Теперь и я не слышу их, но я слышал. Это был, верно, ветер. Теперь прошло. Но нет, я еще их слышу. А ты не слышишь? Совсем как взмахи крыльев.

Иродиада. Ничего нет, говорю я тебе. Ты болен. Пойдем домой.

Ирод. Я не болен. Это твоя дочь больна. У нее вид очень больной, у твоей дочери. Я никогда не видел, чтобы она была так бледна.

Иродиада. Я тебе говорила — не смотри на нее.

Ирод. Налейте вина.

Приносят вино.

Саломея, подойди и выпей немного вина со мной. У меня тут чудесное вино. Сам цезарь послал мне его.

Омочи твои маленькие красные губы в кубке, и потом я осушу его.

Саломея. Я не хочу пить, тетрарх.

Ирод. Ты слышишь, как она мне отвечает, твоя дочь?

Иродиада. Я нахожу, что она совершенно права. Почему ты на нее все смотришь?

Ирод. Принесите плодов.

Приносят плоды.

Саломея, подойди и съешь со мной плодов. Я люблю видеть след твоих маленьких зубов на них. Откуси маленький кусочек от этого плода, а потом я съем то, что останется.

Саломея. Я не хочу есть, тетрарх.

Ирод (к Иродиаде). Вот как ты воспитала ее, твою дочь.

Иродиада. Моя дочь и я царского рода, а твой дед пас верблюдов! И к тому же он был вор!

Ирод. Ты лжешь!

Иродиада. Ты сам знаешь, что это правда.

Ирод. Саломея, подойди, сядь ко мне, я дам тебе престол твоей матери.

Саломея. Я не устала, тетрарх.

Иродиада. Вот видишь, как она обращается с тобой.

Ирод. Принесите... Что это мне надо? Я не знаю! Ах! Ах! вспомнил...

Голос Иоканаана. Время настало! То, что я возвестил, сбылось, говорит Господь Бог. Настал день, о котором я говорил.

Иродиада. Вели ему замолчать. Я не хочу слышать его голос. Этот человек постоянно изрыгает поношенья на меня.

Ирод. Он ничего не говорил против тебя. И к тому же он великий пророк.

Иродиада. Я не верю в пророков. Какой человек может сказать, что случится? Никто этого не знает. И к тому же он меня постоянно оскорбляет. Но, мне кажется, ты боишься его... Да, я знаю, ты боишься его.

Ирод. Я не боюсь его. Я никого не боюсь.

Иродиада. Нет, ты боишься его. Если не боишь-

ся, почему ты его не выдашь иудеям, которые уже шесть месяцев у тебя его просят?

Иудей. Владыка, действительно было бы лучше выдать его нам.

Ирод. Довольно об этом. Я уже вам дал свой ответ. Я вам его не выдам. Это святой человек, этот человек видел Бога.

Иудей. Это невозможно, никто не видел Бога после пророка Илии. Он последний видел Бога. В наше время Бог не показывается. Он скрывается. И потому в стране такие великие бедствия.

Другой иудей. Наконец, это еще неизвестно, видел ли действительно пророк Илия Бога. Вернее, он видел тень Бога.

Третий иудей. Бог никогда не скрывается. Он является всегда и во всем. Бог так же в зле, как и в добре.

Четвертый иудей. Не надо этого говорить. Эта мысль очень опасная. Эта мысль вышла из александрийских школ, где учат греческой философии¹¹. А греки — язычники. Они даже не обрезаны.

Пятый иудей. Никогда нельзя знать, как Бог свершает, ибо пути его неисповедимы. Может быть, то, что нам кажется злом, — добро, и что нам кажется добром — зло. Ничего нельзя знать. Нужно только быть покорным всему. Бог очень силен. Он разит одновременно и слабых и сильных. Никого не щадит.

Первый иудей. Это верно. Бог страшен. Он дробит слабых и сильных, как дробят в ступе зерно. Но этот человек никогда не видел Бога. Никто не видел Бога со времени пророка Илии.

Иродиада. Вели им замолчать. Они надоели мне.

Ирод. А я слышал, что говорят, будто Иоканаан сам ваш пророк Илия.

Иудей. Это невозможно. Со времени пророка Илии прошло более трехсот лет.

Ирод. Да, но есть люди, которые говорят, что это пророк Илия.

Голос Иоканаана. День пришел, день Господень, и я слышу на горах шаги того, кто будет спасителем мира.

Ирод. Что это значит? Спаситель мира.

Тигеллин. Это один из титулов цезаря.

Ирод. Но цезарь не будет в Иудее. Я получил вчера письма из Рима. Об этом ничего не говорится. А ты, Тигеллин, ты был зимой в Риме, ты ничего об этом не слышал?

Тигеллин. Поистине, владыка, я ничего не слышал об этом, я просто объясняю титул. Это один из титулов цезаря.

Ирод. Цезарь здесь быть не может. У него подагра. Говорят, у него ноги, как у слона. Есть на это и государственные причины. Рим теряет — кто Рим покидает. Он не будет здесь. Но цезарь господин, и, если захочет, он будет здесь. Но я думаю, что он не будет здесь.

Первый назарейнин. Это не о цезаре пророк говорил, владыка.

Ирод. Не о цезаре?

Первый назарейнин. Нет, владыка.

Ирод. О ком же он говорил?

Первый назарейнин. О Мессии, который пришел.

Иудей. Мессия не пришел.

Первый назарейнин. Он пришел и повсюду творит чудеса.

Иродиада. О! О! Чудеса! Я не верю в чудеса. Я слишком много видела чудес. (*К пажу.*) Мой веер.

Первый назарейнин. Этот человек совершает истинные чудеса. Так, по случаю свадьбы в маленьком городе Галилеи, в довольно значительном городе, он обратил воду в вино; мне рассказывали об этом люди, которые там были. Он тоже исцелил двух прокаженных, которые сидели у врат Капернаума¹², одним прикосновением своим.

Второй назарейнин. Нет, он исцелил двух слепых в Капернауме.

Первый назарейнин. Нет, это были прокаженные. Но он исцелил и слепых, и его видели на одной горе беседующим с ангелами.

Саддукей. Ангелы не существуют.

Фарисей. Ангелы существуют, но я не верю, чтобы этот человек с ними беседовал.

Первый назарейнин. Большая толпа людей видела, как он беседовал с ангелами.

Саддукей. Не с ангелами.

И р о д и а д а. Как они раздражают меня, эти люди! Они глупы. Они совершенно глупы. (*К пажу.*) Ну, а мой всеер?

Паж подает ей всеер.

У тебя такой вид, будто ты мечтаешь. Не надо мечтать. Мечтатели — больные. (*Ударяет пажу всеером.*)

В т о р о й н а з а р е я н и н. Еще свершилось чудо с дочерью Иаира.

П е р в ы й н а з а р е я н и н. Да, это совершенно верно; этого отрицать нельзя.

И р о д и а д а. Эти люди безумны. Они слишком много смотрели на луну. Скажи, чтобы они замолчали.

И р о д. Что это такое за чудо с дочерью Иаира?

П е р в ы й н а з а р е я н и н. Дочь Иаира умерла. Он ее воскресил.

И р о д. Он воскрешает мертвых?

П е р в ы й н а з а р е я н и н. Да, владыка. Он воскрешает мертвых.

И р о д. Я не хочу, чтобы он это делал. Я запрещаю ему это делать! Я не позволю воскрешать мертвых! Надо найти этого человека и сказать ему, что я не позволю ему воскрешать мертвых. Где он теперь, этот человек?

В т о р о й н а з а р е я н и н. Он всюду, владыка, но найти его очень трудно.

П е р в ы й н а з а р е я н и н. Говорят, он в Самарии ¹³ теперь.

И у д е й. Вот и видно, что это не Мессия, если он в Самарии. Не к самаритянам придет Мессия. Самаритяне прокляты. Они никогда не приносят жертв в храм.

В т о р о й н а з а р е я н и н. Несколько дней тому назад он покинул Самарию; я думаю, что он сейчас в окрестностях Иерусалима.

П е р в ы й н а з а р е я н и н. Да нет же, его там нет, я как раз из Иерусалима. Вот уже два месяца ничего не слыхали о нем.

И р о д. Это все равно! Его все же надо найти и сказать ему от меня, что я не позволяю воскрешать мертвых. Обращать воду в вино, исцелять прокаженных и слепых... пусть он все это делает, если хочет. Мне нечего возразить на это. Исцеление прокаженных кажется мне даже добрым делом. Но я не позволяю ему вос-

крешать мертвых. Было бы ужасно, если бы мертвые возвращались.

Голос Иоканаана. А! Блудница! Прелюбодейка! А! Дочь Вавилона, с своими золотыми глазами под золотыми веками! Вот что говорит Господь Бог. Пусть выпустят на нее толпу людей. Пусть народ побьет ее камнями.

Иродиада. Прикажи ему замолчать!

Голос Иоканаана. Пусть начальники войск пронзят ее мечами, пусть раздавят ее щитами своими.

Иродиада. Какая низость!

Голос Иоканаана. Так истреблю я беззакония земли, и все женщины научатся не подражать мерзостям этой женщины.

Иродиада. Ты слышишь, что он обо мне говорит? Ты терпишь, чтобы так оскорбляли твою супругу?

Ирод. Он не называл твоего имени.

Иродиада. Что из этого? Ты же знаешь, что он старается опозорить именно меня. А я твоя супруга, не так ли?

Ирод. Да, дорогая и достойная Иродиада, ты моя супруга, а прежде ты была супругой моего брата.

Иродиада. Но это ты вырвал меня из его объятий.

Ирод. В самом деле, я был более сильным... Но не будем говорить об этом. Я не хочу говорить об этом. Поэтому пророк сказал эти страшные слова. Может быть, поэтому случится несчастье. Не будем говорить об этом... Благородная Иродиада, мы забываем наших гостей. Налей мне вина, возлюбленная моя. Наполните вином эти большие серебряные кубки и эти большие хрустальные кубки. Я буду пить за здоровье цезаря. Здесь римляне. Надо пить за здоровье цезаря.

Все. Цезарь! Цезарь!

Ирод. Ты не замечаешь, как твоя дочь бледна.

Иродиада. Что тебе за дело, бледна она или нет?

Ирод. Я никогда не видал, чтобы она была так бледна.

Иродиада. Не надо смотреть на нее.

Голос Иоканаана. В тот день солнце почернеет, как власяница, луна будет, как кровь, и звезды с неба упадут на землю, как незрелые плоды падают со смоковницы, и царям земным станет страшно.

Иродиада. А! А! Хотела бы я увидеть день, о котором он говорит, когда луна будет, как кровь, и звезды упадут на землю, подобно незрелым плодам. Этот пророк говорит, как пьяный... Но я не могу выносить звук его голоса. Я ненавижу его голос. Прикажи ему замолчать.

Ирод. Нет, зачем? Я не понимаю, что он говорит, но это может быть предвещание.

Иродиада. Я не верю в предвещения. Он говорит, как пьяный.

Ирод. Быть может, он пьян вином Господним!

Иродиада. Что это за вино — вино Господне? Из каких оно виноградников? В какой давильне изготовляется оно?

Ирод (*уже не отрываясь, смотрит на Саломею*). Тигеллин, когда ты в последний раз был в Риме, говорил тебе цезарь о...

Тигеллин. О чем, владыка?

Ирод. О чем? А! Я тебя спросил о чем-то, не правда ли? Я забыл, что мне хотелось знать.

Иродиада. Ты опять смотришь на мою дочь, не надо на нее смотреть. Я уже говорила тебе это.

Ирод. Ты только это и говоришь.

Иродиада. И говорю еще раз.

Ирод. А восстановление храма, о чем так много говорили? Что-нибудь выйдет из этого? Не правда ли, говорят — завеса исчезла из святилища.

Иродиада. Да ведь ты же ее взял. Сам не знаешь, что говоришь. Я не хочу больше оставаться здесь. Пойдем к себе.

Ирод. Саломея, танцуй для меня.

Иродиада. Я не хочу, чтобы она танцевала.

Саломея. Мне совсем не хочется танцевать, тетрарх.

Ирод. Саломея, дочь Иродиады, танцуй для меня.

Иродиада. Оставь ее в покое.

Ирод. Я приказываю тебе танцевать, Саломея.

Саломея. Я не буду танцевать, тетрарх.

Иродиада (*смеясь*). Вот как она слушается тебя!

Ирод. Что мне до того, танцует она или нет? Мне это все равно. Сегодня вечером я счастлив. Я очень счастлив. Я никогда еще не был так счастлив.

Первый солдат. У тетрарха мрачный вид. Правда, у него мрачный вид?

Второй солдат. Да, у него мрачный вид.

Ирод. Почему бы мне не быть счастливым? Цезарь — а он повелитель мира, повелитель над всем в мире — меня он очень любит. Он только что послал мне драгоценнейшие дары. И еще он обещал мне отозвать в Рим царя каппадокийского, моего врага. Быть может, в Риме он распнет его. Он может сделать для меня все, что захочет, цезарь. Ибо он повелитель. Поэтому, вы видите, я имею право быть счастливым. И правда, я счастлив. Еще никогда я не был так счастлив. Нет ничего на свете, что могло бы испортить мою радость.

Голос Иоканаана. Он будет восседать на престоле своем. В пурпур и багрянец будет одет он. В руке своей он будет держать золотой сосуд, наполненный поруганиями его, и ангел Господа Бога поразит его. Он будет съеден червями.

Иродиада. Слышишь, что он говорит о тебе? Он говорит — ты будешь съеден червями.

Ирод. Не обо мне он говорит. Он никогда не говорит против меня. Он говорит о царе каппадокийском, моем враге. Это он будет съеден червями; не я. Никогда он ничего не говорил против меня, пророк, кроме того, что я поступил несправедливо, взяв в жены жену моего брата. Быть может, он прав. В самом деле, ты бесплодна.

Иродиада. Я бесплодна! Я! И это говоришь ты, ты, который постоянно смотрит на мою дочь, ты, который хотел, чтобы она танцевала для твоей услады! Смешно говорить это. У меня уже был ребенок. У тебя ни одного не было, ни от одной из твоих рабынь даже; это ты бесплоден, а не я.

Ирод. Молчи. Я говорю, что ты бесплодна. Ты не подарила мне ребенка, и пророк говорит, что наш брак не есть истинный брак. Он говорит, что этот брак кровосмесительный, что этот брак принесет несчастья... Я боюсь, что он прав. Я уверен, что он прав. Но теперь не время говорить об этом. Я сейчас хочу быть счастлив. Я и счастлив. Я очень счастлив. Нет ничего, чего бы мне не хватало.

Иродиада. Я очень рада, что ты в таком хорошем

расположении духа сегодня вечером. Это не в твоих привычках. Однако поздно. Вернемся домой. Не забудь, что завтра с восходом солнца мы все едем на охоту. Послам цезаря нужно оказать всякие почести, не так ли?

Второй солдат. Какой мрачный вид у тетрарха.

Первый солдат. Да, у него мрачный вид.

Ирод. Саломея, Саломея, танцуй для меня. Я молю тебя, танцуй для меня. Мне грустно сегодня вечером. Да, мне очень грустно сегодня вечером. Когда я вошел сюда, я поскользнулся в крови, это дурной знак, и я слышал, я уверен, что я слышал, взмахи крыльев в воздухе, взмахи как бы гигантских крыльев. Я не знаю, что это значит... Мне грустно сегодня вечером. Поэтому танцуй для меня. Танцуй для меня, Саломея, я умоляю тебя. Если ты будешь танцевать для меня, ты можешь просить все, что захочешь, и я дам тебе. Да, танцуй для меня, Саломея, я дам тебе все, что ты пожелаешь, будь это половина моего царства.

Саломея (*вставая*). Ты мне дашь все, что я пожелаю, тетрарх?

Иродиада. Не танцуй, дочь моя.

Ирод. Все, будь это половина моего царства.

Саломея. Ты в этом клянешься, тетрарх?

Ирод. Я в этом клянусь, Саломея.

Иродиада. Дочь моя, не танцуй.

Саломея. Чем поклянешься ты, тетрарх?

Ирод. Жизнью моей, короной моей, богами моими. Все, что ты пожелаешь, я дам тебе, будь это половина моего царства, если ты будешь танцевать для меня. О! Саломея, Саломея, танцуй для меня.

Саломея. Ты поклялся, тетрарх.

Ирод. Я поклялся, Саломея.

Саломея. Что бы я ни пожелала, будь это половина твоего царства?

Иродиада. Не танцуй, дочь моя.

Ирод. Будь это половина моего царства. Как ты прекрасна будешь царицей, Саломея, если тебе угодно будет пожелать половину моего царства. Не правда ли, она будет очень красивой царицей?.. А! Здесь холодно! Холодный ветер, и я слышу... Почему я слышу в воздухе эти взмахи крыльев? О! можно подумать, что какая-то птица, какая-то большая черная птица носится над террасой. Почему я не могу видеть эту птицу?

Взмахи крыльев ее ужасны. Это холодный ветер... Но нет, здесь совсем не холодно. Напротив, очень жарко. Очень жарко. Я задыхаюсь. Воды полейте мне на руки. Дайте мне снегу поесть. Расстегните мне мантию. Скорее, скорее расстегните мантию... Нет. Оставьте. Это мне больно от моего венка, от моего венка из роз. Цветы как будто из огня. Они сожгли мне лоб. (*Срывает с головы венок и бросает его на стол.*) Ах! Наконец я дышу. Как красны эти лепестки! Они как пятна крови на скатерти. Это ничего. Не надо находить знамения во всем, что видишь. Это делает жизнь невозможной. Лучше было бы сказать, что пятна крови так же прекрасны, как лепестки роз. Было бы гораздо лучше сказать так... Но не будем говорить об этом. Теперь я счастлив. Я очень счастлив. Я имею право быть счастливым, не правда ли? Твоя дочь будет танцевать для меня. Ведь правда, ты будешь танцевать для меня, Саломея? Ты обещала танцевать для меня.

И р о д и а д а. Я не хочу, чтобы она танцевала.

С а л о м е я. Я буду танцевать для тебя, тетрарх.

И р о д. Ты слышишь, что говорит твоя дочь. Она будет танцевать для меня. Это с твоей стороны хорошо, Саломея, что ты будешь танцевать для меня. И когда ты кончишь танцевать, не забудь потребовать от меня все, что ты захочешь. Все, что ты захочешь, я дам тебе, будь это половина моего царства, я поклялся, не правда ли?

С а л о м е я. Ты поклялся, тетрарх.

И р о д. И я никогда не нарушал своего слова. Я не из тех, кто нарушает свое слово. Я не умею лгать. Я раб своего слова, и слово мое есть слово царя. Царь каппадокийский всегда лжет, но он и не настоящий царь. Он трус. Он мне и деньги должен и не хочет платить, он даже оскорбил моих послов. Он говорил очень обидные вещи. Но цезарь его распнет, когда он вернется в Рим. Я уверен, что цезарь распнет его. А если нет, он умрет, съеденный червями. Пророк предсказал это. Что ж! Саломея, чего ты ждешь?

С а л о м е я. Я жду, чтобы рабыни мои принесли мне благовония и семь покрывал и сняли с ног моих сандалии.

Р а б ы н и приносят благовония и семь покрывал и снимают с Саломен сандалии.

Ирод. Ты будешь танцевать босая! Как хорошо! Как хорошо! Твои маленькие ножки будут, как белые голубки. Они будут похожи на белые цветочки, что пляшут на дереве. А! Нет. Она будет танцевать на крови! На земле кровь. Я не хочу, чтобы она танцевала на крови. Это было бы очень дурное предвещание.

Иродиада. Что тебе до того, что она будет танцевать на крови? Ты достаточно ходил по крови... ты...

Ирод. А! мне что до того?! А! посмотри на луну! Она стала красной. Она стала красной, как кровь. А! Пророк ведь это предсказал. Он предсказал, что луна станет красной, как кровь. Ведь правда, он это предсказал? Вы все это слышали. Луна стала как кровь. Ты этого не видишь?

Иродиада. Отлично вижу, и звезды падают, как неспелые плоды, да? И солнце становится черным, как власяница, и цари земные боятся. Это по крайней мере видно. Хоть раз в жизни пророк оказался прав. Цари земные боятся. Пойдем, однако, к себе. Ты болен. В Риме скажут, что ты сошел с ума. Пойдем к себе, говорю я тебе.

Голос Иоканана. Кто тот, что пришел из Эдома, что пришел из Босры в своей пурпуровой одежде, блистая в великолепии одеяния, и кто это шествует во всемогуществе своем? Почему одежды ваши окрашены в багрянец?

Иродиада. Пойдем к себе. Голос этого человека приводит меня в исступление. Я не хочу, чтобы моя дочь танцевала в то время, как он выкликает так. Я не хочу, чтобы она танцевала в то время, как ты будешь на нее смотреть так. Одним словом, я не хочу, чтобы она танцевала.

Ирод. Не вставай, супруга моя, моя царица, это напрасно. Я не уйду, пока не увижу, как она танцевала. Танцуй, Саломей, танцуй для меня.

Иродиада. Не танцуй, дочь моя.

Саломея. Я готова, тетрарх. *(Танцует танец семи покрывал.)*

Ирод. А, это чудесно, чудесно! Ты видишь, она для меня танцевала, твоя дочь. Подойди ко мне, Саломея! Подойди, чтобы я мог наградить тебя. А! Я хорошо плачу танцовщицам. Хорошо заплачу и тебе. Я тебе дам все, что ты захочешь. Что хочешь ты, говори?

Саломея (*опускаясь на колени*). Я хочу, чтобы мне сейчас же принесли на серебряном блюде...

Ирод (*смеясь*). На серебряном блюде? Ну да, конечно, на серебряном блюде. Она очаровательна, не правда ли? Что ты хочешь, чтобы тебе принесли на серебряном блюде, дорогая и прекрасная Саломея, ты, которая прекраснее всех девушек Иудеи? Что ты хочешь, чтобы тебе принесли на серебряном блюде? Скажи мне. Что бы это ни было, тебе это дадут. Мои сокровища принадлежат тебе. Что же это такое, Саломея?

Саломея (*вставая*). Голову Иоканаана.

Иродиада. А! это хорошо сказано, дочь моя.

Ирод. Нет, нет.

Иродиада. Это хорошо сказано, дочь моя.

Ирод. Нет, нет, Саломея. Ты не просишь этого. Не слушай твою мать. Она всегда подает дурные советы. Не слушай ее.

Саломея. Я не слушаю мою мать. Для моего собственного удовольствия я прошу на серебряном блюде голову Иоканаана. Ты поклялся, Ирод. Не забудь, ты поклялся.

Ирод. Я знаю. Я поклялся моими богами. Я хорошо это знаю. И все же я умоляю тебя, Саломея, проси у меня чего-нибудь другого, проси половину моего царства, я дам тебе его. Но не проси у меня то, чего ты просишь.

Саломея. Я прошу у тебя голову Иоканаана.

Ирод. Нет, нет, я не хочу.

Саломея. Ты поклялся, Ирод.

Иродиада. Да, ты поклялся. Все слышали. Ты поклялся перед всеми.

Ирод. Молчи. Я говорю не с тобой.

Иродиада. Моя дочь совершенно права, прося голову того человека. Он покрывал меня ругательствами. Он говорил обо мне чудовищные вещи. Видно, как она любит свою мать. Не уступай, дочь моя. Он поклялся, он поклялся.

Ирод. Молчи. Не говори со мной... Послушай, Саломея, надо быть разумной, не правда ли? Ведь правда, надо быть разумной? Я никогда не был суров к тебе. Я всегда тебя любил... Быть может, я слишком любил тебя. Так не проси же у меня этого... Это чудовищно, это ужасно просить у меня этого. В сущности, я

думаю, ты это не серьезно. Голова обезглавленного некрасивая вещь, не правда ли? Девушка не должна смотреть на такие вещи. Какое удовольствие может это тебе доставить? Никакого. Нет, нет, ты этого не хочешь... Послушай меня одну минуту. У меня есть изумруд, большой круглый изумруд, который послал мне любимец цезаря. Если ты посмотришь сквозь этот изумруд, ты увидишь вещи, происходящие на громадном отдалении. Сам цезарь носит камень совершенно подобный этому, когда идет в цирк. Но мой изумруд больше. Это самый большой изумруд в мире. Не правда ли, тебе хочется его? Пожелай, и я дам тебе его.

Саломея. Я прошу голову Иоканаана.

Ирод. Ты не слушаешь меня, ты не слушаешь меня. Дай же мне сказать, Саломея.

Саломея. Голову Иоканаана.

Ирод. Нет, нет, ты этого не хочешь. Ты это говоришь, только чтоб помучить меня, потому что я весь вечер смотрел на тебя. Ну да! это так. Я смотрел на тебя весь вечер. Твоя красота смутила меня. Твоя красота страшно смутила меня, и я слишком много смотрел на тебя. Но я больше не буду этого делать. Не надо смотреть ни на людей, ни на вещи. Надо смотреть только в зеркала. Потому что зеркала отражают одни лишь маски... О! О! вина! мне пить хочется... Саломея, Саломея, будем друзьями. Ну вот, посмотри... что это я хотел сказать? Что такое? Да, вспомнил. Саломея! Нет, подойди поближе ко мне. Я боюсь, ты не услышишь меня... Саломея, ты знаешь моих белых павлинов, моих красивых белых павлинов, что гуляют в саду среди мирт и высоких кипарисов? У них клювы золотые, и зерна, которые они клюют, золотые, и их ноги пурпурно-красные. Когда они кричат, идет дождь, и когда они распускают свой хвост, на небе показывается луна. Они ходят парами между кипарисами и черными миртами, и у каждого раб, который ходит за ним. Иногда они летают между деревьями, иногда лежат на лужайках и вокруг пруда. Во всем свете нет таких чудесных птиц. Ни у одного царя на свете нет таких чудесных птиц. Я уверен, что у самого цезаря нет таких чудесных птиц. Так вот я дам тебе пятьдесят таких павлинов. Они будут всюду следовать за тобой, и ты среди них будешь, как луна в большом белом облаке. Я отдам

тебе всех, у меня их всего сто, и нет ни одного царя на свете, который обладает такими павлинами, но я отдам тебе их всех. Только освободи меня от моего слова и не проси у меня того, что ты у меня просила. (*Осушает кубок вина.*)

Саломея. Дай мне голову Иоканаана.

Иродиада. Это хорошо сказано, дочь моя; ты смешон со своими павлинами.

Ирод. Молчи. Ты постоянно кричишь. Ты кричишь, как хищный зверь. Не надо кричать так. Твой голос мучит меня. Молчи, говорю я тебе... Саломея, подумай, что ты делаешь. Быть может, этот человек послан Богом. Я уверен, что он послан Богом. Он святой человек. Перст Божий коснулся его. Ужасные слова вложил Бог в его уста. Во дворце, как и в пустыне, Бог всегда с ним... По крайней мере, это возможно. Наверно неизвестно, но возможно, что Бог за него и с ним. Умири он, меня может поразить несчастье. Он сказал, что в день, когда он умрет, кого-то поразит несчастье. Только меня он мог разуместь. Помнишь, я поскользнулся в крови, когда я вошел сюда. И еще я слышал взмахи крыльев в воздухе, взмахи гигантских крыльев. Это очень дурные предвещения. И были другие. И, наверно, были другие, хотя я их не заметил. Но ты не захочешь, Саломея, чтобы меня поразило несчастье! Ты не хочешь этого. Послушай меня.

Саломея. Голову Иоканаана.

Ирод. Вот видишь, ты не слушаешь меня. Не волнуйся — я очень спокоен. Я совершенно спокоен. Послушай. Здесь у меня спрятаны драгоценности, которых не видела даже и мать твоя, совсем необычайные драгоценности. У меня есть ожерелье из четырех рядов жемчуга. Можно подумать, что это луны, нанизанные на серебряные лучи. Можно подумать — пятьдесят лун, уловленных в золотую сеть. Это носила когда-то одна царица на белой, как слоновая кость, груди. Когда ты наденешь его, ты будешь хороша, как царица. У меня есть аметисты двух пород. Одни черные, как вино. Другие красные, как вино с водою. У меня есть желтые топазы, как глаза тигров, и розовые топазы, как глаза голубей, — и зеленые топазы, как глаза кошек. У меня есть опалы, которые всегда светятся очень холодным пламенем, опалы, которые делают душу пе-

чальной и боятся мрака. У меня есть ониксы, подобные зрачкам мертвой женщины. У меня есть лунные камни, которые меняются, когда меняется луна, и бледнеют, когда они видят солнце. У меня есть сапфиры, большие, как яйца, и синие, как синие цветы. В них волнуется море, и луна никогда не мутит синевы их волн. У меня есть хризолиты и бериллы, хризопразы и рубины, сардониксы, и гиацинты, и халцедоны, я отдам тебе их все и к ним прибавлю еще много других вещей. Царь Индии как раз послал мне четыре опахала из перьев попугаев, а царь Нубии — одеяние из страусовых перьев. У меня есть кристалл, на который не позволено смотреть женщинам, и даже молодые люди могут смотреть на него только после того, как их бичевали розгами. В ларчике из перламутра у меня есть три чудесных бирюзы. Если их носить на лбу, можно воображать то, чего нет, а если их носить в руке, то можно женщин сделать бесплодными. Эти сокровища — великой ценности. Эти сокровища бесценны. И это не все. В эбеновом ларчике у меня два янтарных кубка, подобных золотым яблокам. Если в эти кубки враг подмешает яду, они делаются подобны серебряным яблокам. В ларчике, выложенном янтарем, у меня есть сандалии, украшенные стеклом. У меня есть одеяния, что из страны Шелковичной, и браслеты, украшенные карбункулами и зеленчаками из города Ефрата... Ну, что же ты хочешь, Саломея? Скажи мне, что ты хочешь, и я дам тебе это! Я дам тебе все, что ты попросишь. Кроме одной вещи. Я дам тебе все, что имею, кроме одной жизни. Я дам тебе облачение первосвященника. Я дам тебе завесу святая святых.

Иудеи. О! О!

Саломея. Дай мне голову Иоканаана.

Ирод (*опускаясь на свое седалище*). Дать ей то, что она просит! Воистину она дочь своей матери.

Первый солдат приближается; Иродиада снимает с руки тетрарха перстень смерти и отдает его солдату, который тотчас же относит его палачу. У палача испуганный вид.

Ирод. Кто взял мое кольцо? У меня было кольцо на правой руке. Кто выпил мое вино? В моем кубке было вино. Он был полон вина. Кто-нибудь его выпил? О, я уверен, случится несчастье с кем-нибудь.

Ах! Зачем я дал слово? Цари никогда не должны давать слова. Не сдерживают они его — это ужасно. Сдерживают — это тоже ужасно.

И р о д и а д а. Я нахожу, что моя дочь хорошо поступила.

И р о д. Я уверен, что случится несчастье.

С а л о м е я (*наклоняется над водоемом и прислушивается*). Ни звука. Я ничего не слышу. Почему он не кричит, этот человек? Ах, если бы кто-нибудь захотел убить меня, я бы кричала, я бы защищалась, я бы не хотела страдать... Ударь, ударь, Нааман, ударь, говорю тебе... Нет, я ничего не слышу. Ужасное молчание. А! что-то упало на землю. Это меч палача. Он боится, этот раб. Он уронил свой меч. Он не смеет убить его. Он трус, этот раб! Надо послать солдат. (*Видит паж Иродиады и обращается к нему.*) Поди сюда, ты был другом того, кто умер, ведь так? Еще не довольно мертвых. Скажи солдатам, чтобы они спустились и принесли мне то, что я прошу, что обещал мне тетрарх, что мне принадлежит.

Паж отступает.

(*Обращается к солдатам.*) Подите сюда, солдаты. Спуститесь в этот водоем и принесите мне голову этого человека.

Солдаты отступают.

Тетрарх, тетрарх, прикажи твоим солдатам принести мне голову Иоканаана.

Большая черная рука, рука палача, показывается из водоема, держа на серебряном щите голову Иоканаана. Саломея ее схватывает. Ирод скрывает голову в своей мантии. Иродиада улыбается и опаживается веером. Назаряне опускаются на колени и начинают молиться.

А, ты не хотел мне дать поцеловать твой рот, Иоканаан. Хорошо, теперь я поцелую его. Я укушу его зубами своими, как кусают зрелый плод. Да, я поцелую твой рот, Иоканаан. Не говорила ли я тебе? Ведь говорила? Так вот! я поцелую его теперь. Но почему ты не смотришь на меня, Иоканаан? Твои глаза, которые были

так страшны, которые были полны гнева и презрения, закрыты теперь. Почему они закрыты? Открой глаза твои! Приподними твои веки, Иоканаан. Почему ты не смотришь на меня?.. Ты боишься меня, Иоканаан, что не смотришь на меня?.. А язык твой, подобный красной змее, источающей яды, он не шевелится больше, он ничего не говорит теперь, Иоканаан, эта красная ехидна, которая своим ядом оплевала меня. Не странно ли это? Как же случилось, что эта красная ехидна не шевелится больше? Ты не захотел меня, Иоканаан. Ты оттолкнул меня. Ты говорил мне позорящие меня слова. Ты обращался со мной как с распутной, как с продажной, со мной, Саломеей, дочерью Иродиады, царевной иудейской! А теперь, Иоканаан, я жива еще, а ты мертв, и твоя голова принадлежит мне. Я могу с нею делать что хочу. Я могу ее бросить собакам и птицам в воздухе. Что оставят собаки, съедят птицы в воздухе... А! Иоканаан! Иоканаан, ты был единственный человек, которого я любила. Все другие внушают мне отвращение. Но ты, ты был красив. Твое тело было подобно колонне из слоновой кости на подножии из серебра. Оно было подобно саду, полному голубей и серебряных лилий. Оно было подобно башне из серебра, украшенной щитами из слоновой кости. Ничего на свете не было белее твоего тела. Ничего на свете не было чернее твоих волос. В целом свете не было ничего красивее твоего рта. Твой голос был жертвенным сосудом, изливающим странное благовоние, и, когда я смотрела на тебя, я слышала странную музыку! А! почему ты не смотрел на меня, Иоканаан? За твоими руками и за хулениями твоими скрыл ты лицо свое. На глаза свои ты надел повязку, как тот, кто хочет видеть своего Бога. Ну что же, ты видел своего Бога, Иоканаан, но меня, меня ты никогда не видал. Если бы ты меня увидел, ты полюбил бы меня. Я видела тебя, Иоканаан, и я полюбила тебя! Я еще люблю тебя, Иоканаан. Тебя одного. Твоей красоты я жажду. Тела твоего я хочу. И ни вино, ни плоды не могут утолить желания моего. Что буду я делать теперь, Иоканаан? Ни реки, ни великие воды не погасят моей страсти. Царевной была я, ты презрел меня. Девушкой была я, ты лишил меня девственности. Целомудренна я была, ты зажег огонь в моих жилах... А! А! Почему ты не по-

смотрел на меня, Иоканаан? Если бы ты посмотрел, ты полюбил бы меня. Я знаю, ты полюбил бы меня, потому что тайна любви больше, чем тайна смерти. Лишь на любовь надо смотреть.

И р о д. Она чудовищна, твоя дочь, она совершенно чудовищна. То, что она сделала, большое преступление. Я уверен, что это преступление против какого-нибудь неведомого бога.

И р о д и а д а. Я одобряю, что сделала моя дочь, и теперь хочу остаться здесь.

И р о д (вставая). А! заговорила жена-кровосмесительница! Пойдем! Я не хочу оставаться здесь. Идем, говорю я. Я уверен, что случится несчастье. Манасия, Иссахар, Осия, тушите факелы. Я ничего не хочу видеть, не хочу, чтобы меня что-нибудь видело. Тушите факелы. Скройте луну. Скройте звезды. Скроемся в нашем дворце, Иродиада. Я начинаю бояться.

Рабы тушат факелы. Звезды исчезают. Большое черное облако проходит и совсем закрывает луну. Совершенно темнеет. Тетрарх начинает подниматься по лестнице.

Г о л о с С а л о м е и. А! я поцеловала твой рот, Иоканаан, я поцеловала твой рот! На твоих губах был острый вкус. Был это вкус крови?.. Может быть, это вкус любви. Говорят, у любви острый вкус. Но все равно. Все равно. Я поцеловала твой рот, Иоканаан, я поцеловала твой рот.

Луч луны падает на Саломею и освещает ее.

И р о д (оборачивается и видит Саломею). Убейте эту женщину.

Солдаты бросаются и щитами своими раздавливают Саломею, дочь Иродиады, царевну иудейскую.

З а н а в е с

A decorative flourish consisting of two large, symmetrical, swirling lines that frame the title text.

Идеальный муж

Драма
в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Граф Кавершем, кавалер ордена Подвязки.

Лорд Горинг, его сын.

Сэр Роберт Чилтерн, баронет, товарищ министра иностранных дел.

Виконт де Нанжак, атташе французского посольства в Лондоне.

Мистер Монфорд.

Мэсон, дворецкий сэра Роберта Чилтерна.

Фиппс, дворецкий лорда Горинга.

Джеймс, лакей.

Гарольд, лакей.

Леди Чилтерн.

Леди Маркби.

Графиня Бэзилдон.

Миссис Марчмонт.

Мисс Мейбл Чилтерн, сестра сэра Роберта Чилтерна.

Миссис Чивли.

Действие первое — восьмиугольный зал в доме сэра Роберта Чилтерна на Гровнор-сквер.

Действие второе — малая гостиная в доме сэра Роберта Чилтерна.

Действие третье — библиотека в доме лорда Горинга на Керзон-стрит.

Действие четвертое — обстановка второго действия.

Время действия — наши дни.

Место действия — Лондон.

Все события пьесы совершаются
в течение двадцати четырех часов.

ФРЭНКУ ГАРРИСУ
Скромное приношение талантливому и утонченному художнику, рыцарственному и благородному другу.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Восьмиугольный зал в доме сэра Роберта Чилтерна на Гровнор-сквер. Комната ярко освещена и полна гостей. Наверху лестницы стоит леди Чилтерн. Ей лет двадцать семь, она очень хороша собой — тип строгой классической красоты. Она встречает поднимающихся наверх гостей. С потолка над лестницей спускается люстра с восковыми свечами; свет ее падает на затягивающий стену вдоль лестницы большой французский гобелен XVIII века, изображающий «Торжество любви» по рисункам Буше. Справа дверь в музыкальный зал, откуда слабо слышны звуки струнного квартета. Слева дверь в другие парадные комнаты. Миссис Марчмонт и леди Бэзилдон сидят рядом на диванчике в стиле Людовика XVI. Обе очень хорошенькие, хрупкие, воздушные. Некоторая аффектация манер придает им тонкое очарование.

Ватто охотно написал бы их портреты.

Миссис Марчмонт. Поедете сегодня к Хартлокам, Оливия?

Леди Бэзилдон. Вероятно. А вы?

Миссис Марчмонт. Я тоже. У них всегда такая скука, правда?

Леди Бэзилдон. Ужас! Не понимаю, зачем я к ним езжу. Не понимаю, зачем я вообще куда-нибудь езжу.

Миссис Марчмонт. Я езжу сюда, чтобы узнать что-нибудь полезное.

Леди Бэзилдон. Ах, я так не люблю узнавать что-нибудь полезное.

Миссис Марчмонт. Я тоже. Это ставит нас на один уровень с деловыми кругами, вы не находите? Но милая Гертруда Чилтерн всегда говорит, что мне нужно иметь серьезную цель в жизни. Ну, я и пришла сюда в надежде ее найти.

Леди Бэзилдон (*оглядывает гостей в лорнет*).

Но я никого здесь не вижу, кто мог бы стать серьезной целью в жизни. Этот господин, что вел меня к столу, все время говорил о своей жене.

Миссис Марчмонт. Какая пошлость!

Леди Бэзилдон. Ужасная! А ваш кавалер о чем говорил?

Миссис Марчмонт. Обо мне.

Леди Бэзилдон (*томно*). Вам было интересно?

Миссис Марчмонт (*покачав головой*). Ни капельки.

Леди Бэзилдон. Какие мы с вами мученицы, милая Маргарет!

Миссис Марчмонт (*вставая*). И как это нам идет, Оливия!

Обе встают и направляются к дверям в музыкальный зал. Виконт де Нанжак, молодой атташе, известный своими галстуками и своей англomанией, подходит к ним с низким поклоном; завязывается разговор.

Мэсон (*стоя на площадке, докладывает о новых гостях*). Мистер Барфорд и леди Джейн Барфорд. Лорд Кавершем.

Входит лорд Кавершем, представительный джентльмен лет семидесяти, с лентой и орденом Подвязки на шее. Тип старого вига.

Напоминает портрет кисти Лоуренса.

Лорд Кавершем. Добрый вечер, леди Чилтерн! Что, этот бездельник, мой сын, еще у вас не был?

Леди Чилтерн (*с улыбкой*). Нет, лорд Горинг, кажется, еще не появлялся.

Мейбл Чилтерн (*подходя к лорду Кавершему*). Почему вы называете лорда Горинга бездельником?

Мейбл Чилтерн — совершенный образчик английской женской красоты, бело-розовой, как цвет яблони. В ней благоуханность и свежесть цветка. Волосы отливают золотом, словно в них запутались солнечные лучи, губы маленького рта полуоткрыты, как у ребенка, который ждет чего-то приятного. Ей присущ пленительный деспотизм юности и ошеломляющая прямота невинности. Здравомыслящим людям она не напоминает никаких произведений искусства, но, если разобраться, она похожа на танагрскую статуэтку, хотя такой комплимент вряд ли пришелся бы ей по вкусу.

Лорд Кавершем. Потому что он ведет такой праздный образ жизни.

Мейбл Чилтерн. Ну как вы можете это говорить! Каждое утро, в десять часов, он катается верхом в Хайд-парке; три раза в неделю бывает в опере, переодевается по меньшей мере пять раз в день и каждый вечер обедает в гостях. А вы говорите — праздный образ жизни!

Лорд Кавершем (*смотрит на нее с добродушной усмешкой в глазах*). Вы весьма очаровательная молодая леди!

Мейбл Чилтерн. Как это мило с вашей стороны, лорд Кавершем! Приходите к нам почаще. Мы всегда дома по средам. А вы такой красивый с этой звездой!

Лорд Кавершем. Никуда не хожу. Не выношу лондонского общества. Не возражаю, если мне представят моего собственного портного — он всегда голосует за кого следует. Но не согласен вести к столу модистку моей жены. Всегда считал, что шляпки леди Кавершем верх безобразия.

Мейбл Чилтерн. А мне нравится лондонское общество. По-моему, за последнее время оно изменилось к лучшему. И теперь почти сплошь состоит из красивых идиотов и остроумных сумасбродов. Как раз то, чем и должно быть общество.

Лорд Кавершем. Гм! А кто же Горинг? Красивый идиот или... вот то, другое?

Мейбл Чилтерн (*с важностью*). Пока мне пришлось зачислить лорда Горинга в особую категорию. Но он быстро развивается.

Лорд Кавершем. В какую сторону?

Мейбл Чилтерн (*с легким реверансом*). Надеюсь, что вскоре смогу вам сообщить, лорд Кавершем!

Мэсон (*докладывает*). Леди Маркби. Миссис Чивли.

Входят леди Маркби и миссис Чивли. Леди Маркби приятная пожилая дама; седые волосы уложены в прическу à la marquise; носит великолепные кружева; добродушна и пользуется всеобщей симпатией. Сопровождающая ее миссис Чивли высока и худощава. Сухие, сильно накрашенные губы яркой чертой перерезают бледное лицо. Золотисто-рыжие волосы, орлиный нос, длинная шея. Румяна только подчеркивают ее природную бледность. Серо-зеленые беспокойные глаза. Платье цвета гелиотроп, бриллианты. Похожа на орхидею и возбуждает любопытство. Все движения очень грациозны. В целом она — произведение искусства, но со следами влияния слишком многих школ.

Леди Маркби. Добрый вечер, милая Гертруда! Я воспользовалась вашей любезностью и привела моего друга, миссис Чивли. Две такие прелестные женщины должны быть знакомы.

Леди Чилтерн (*с приветливой улыбкой идет навстречу миссис Чивли, но вдруг останавливается и сдержанно кланяется*). Мы, кажется, уже встречались с миссис Чивли. Я не знала, что она вторично вышла замуж.

Леди Маркби (*добродушно*). Да, теперь женщины стараются как можно чаще выходить замуж. Это сейчас в моде. (*Обращаясь к герцогине Мэриборо.*) Добрый вечер, милая герцогиня. А как здоровье герцога? Все еще страдает слабоумием? Ну, этого следовало ожидать, его покойный отец был такой же. Старинный род, знаете ли. Чистота крови — это великая вещь!

Миссис Чивли (*играет веером*). Разве мы уже встречались, леди Чилтерн? Но где? Что-то не помню. Я так давно не была в Англии.

Леди Чилтерн. Мы вместе учились в школе, миссис Чивли.

Миссис Чивли (*свысока*). Вот как? А я уже забыла свои школьные годы. Помню только, что они были очень неприятные.

Леди Чилтерн (*холодно*). Это меня не удивляет.

Миссис Чивли (*самым любезным тоном*). Заранее предвкушаю удовольствие от знакомства с вашим блестящим мужем, леди Чилтерн. С тех пор как он стал товарищем министра иностранных дел, в Вене только о нем и говорят. В газетах даже научились правильно писать его фамилию. Одно это уже доказательство его славы.

Леди Чилтерн. Вряд ли у вас найдется много общего с моим мужем, миссис Чивли. (*Отходит.*)

Виконт де Нанжак. Oh, chère madame, quelle surprise! * Давно вас не видал! В последний раз мы, кажется, встречались в Берлине?

Миссис Чивли. Да. В Берлине. Пять лет назад.

Виконт де Нанжак. А вы с тех пор стали еще моложе, еще прекраснее! Чем вы этого добились?

Миссис Чивли. Тем, что вяла себе за правило разговаривать только с такими очаровательными людьми, как вы, виконт.

---

* Какая приятная неожиданность! (*фр.*)

Виконт де Нанжак. Вы мне льстите. Вы меня маслите, как здесь говорят.

Миссис Чивли. Неужто здесь так говорят? Это ужасно!

Виконт де Нанжак. Да, у них тут очень интересный язык. Я считаю, он достоин самого широкого распространения.

Входит сэр Роберт Чилтерн. Ему сорок лет, но выглядит моложе. Бритый, с тонкими чертами лица, темноглазый и темноволосый. Ярко выраженная индивидуальность. Не внушает симпатии — выдающиеся люди редко ее внушают, — но некоторые преклоняются перед ним, и все его уважают. Безукоризненные манеры, с оттенком надменности. Видно, что он сознает, каких успехов достиг в жизни и этим гордится. Нервный темперамент, вид усталый. Поразителен контраст между твердыми линиями рта и подбородка и мечтательным выражением глубоко посаженных глаз. Эта противоречивость внешнего облика заставляет подозревать такое же противоречие в душевной жизни; догадываешься, что страсти и разум, мысль и чувство живут в нем раздельно, запертые каждое в своей сфере насильственным приказанием воли. Тонкие ноздри, бледные худые руки с заостренными пальцами тоже говорят о нервности. Было бы неточно сказать, что у него своеобразная внешность, — Палата общин стирает всякое своеобразие, — но Ван-Дейк¹ не отказался бы написать его портрет.

Сэр Роберт Чилтерн. Добрый вечер, леди Маркби! Надеюсь, сэр Джон с вами?

Леди Маркби. Я привела вам гораздо более приятную гостью, чем мой супруг. С тех пор как сэр Джон всерьез занялся политикой, у него стал невыносимый характер. Право же, ваша Палата общин чем больше старается быть полезной, тем больше приносит вреда.

Сэр Роберт Чилтерн. Надеюсь, не такой уж большой вред, леди Маркби. Мы, во всяком случае, прилагаем все усилия к тому, чтобы как можно больше времени тратить зря. Но кто же эта очаровательная гостья, которую вы так любезно к нам привели?

Леди Маркби. Ее зовут миссис Чивли. Кажется, она из дорсетширских Чивли. А впрочем, не знаю. Сейчас все так перепуталось. Каждый оказывается в конце концов кем-то другим.

Сэр Роберт Чилтерн. Миссис Чивли? Я как будто слышал это имя.

Леди Маркби. Она только сейчас из Вены.

Сэр Роберт Чилтерн. А! Ну тогда я знаю, о ком вы говорите.

Леди Маркби. Ну конечно. У нее там множество знакомых, и она про всех рассказывает такие забавные истории. На будущий год непременно поеду в Вену. Надеюсь, в посольстве есть хороший повар?

Сэр Роберт Чилтерн. Если нет, мы отзовем посла. Будьте добры, покажите мне миссис Чивли. Я хотел бы на нее посмотреть.

Леди Маркби. Разрешите, я вас представлю. (*К миссис Чивли.*) Дорогая, сэр Роберт Чилтерн жаждет с вами познакомиться.

Сэр Роберт Чилтерн (*с поклоном*). Все жаждут познакомиться с блистательной миссис Чивли. Наши атташе в Вене только о ней нам и пишут.

Миссис Чивли. Благодарю вас, сэр Роберт. Если знакомство начинается с комплимента, оно имеет все шансы превратиться в прочную дружбу. Потому что начало было правильное. К тому же, как выяснилось, мы с леди Чилтерн старые знакомые.

Сэр Роберт Чилтерн. Вот как?

Миссис Чивли. Да. Она только что напомнила мне, что мы вместе учились в школе. Тогда и я вспомнила. Она всегда получала награды за хорошее поведение. Да, я отлично помню: леди Чилтерн всегда получала награды за хорошее поведение!

Сэр Роберт Чилтерн (*улыбаясь*). А вы за что получали награды, миссис Чивли?

Миссис Чивли. Мои награды пришли несколько позже. И вряд ли они были за хорошее поведение. Я уже забыла за что!

Сэр Роберт Чилтерн. Во всяком случае, за что-нибудь очаровательное!

Миссис Чивли. А разве женщин награждают за то, что они очаровательны? По-моему, их за это наказывают. Сколько есть прелестных женщин, которые состарились раньше времени только оттого, что их поклонники были так им верны! Иначе я не могу объяснить совершенно замученный вид ваших лондонских красавиц.

Сэр Роберт Чилтерн. Какая мрачная философия! Я понимаю, миссис Чивли, попытаться вас класси-

фицировать было бы дерзостью. Но скажите все-таки — в глубине души вы пессимистка или оптимистка? У нас ведь только и осталось, что эти две модные религии.

Миссис Чивли. Ну нет, я ни то ни другое. Оптимизм — это улыбка до ушей, а пессимизм — синие очки. К тому же и то и другое только поза.

Сэр Роберт Чилтерн. Вы предпочитаете быть естественной?

Миссис Чивли. Иногда. Но это очень трудная поза — долго не выдержишь!

Сэр Роберт Чилтерн. А что сказали бы о такой теории авторы психологических романов, о которых мы сейчас столько слышим?

Миссис Чивли. Ах, сила женщины в том, что ее не объяснишь с помощью психологии. Мужчин можно анализировать, женщин... только обожать.

Сэр Роберт Чилтерн. Вы считаете, что наука не может совладать с проблемой женщины?

Миссис Чивли. Наука не может совладать с иррациональным. Вот почему в нашем мире у науки нет будущего.

Сэр Роберт Чилтерн. А женщины в нашем мире представляют собой иррациональное?

Миссис Чивли. Да — те, что хорошо одеваются.

Сэр Роберт Чилтерн (*с учтивым поклоном*). Боюсь, что тут я не могу с вами согласиться. Но, прошу вас, сядьте. И расскажите мне, что побудило вас покинуть веселую Вену ради нашего скучного Лондона? Или это нескромный вопрос?

Миссис Чивли. Вопросы не бывают нескромными. Ответы иногда бывают.

Сэр Роберт Чилтерн. Все-таки скажите, что вас привело сюда — политика или жажда развлечения?

Миссис Чивли. Политика мое единственное развлечение. Теперь ведь женщине не разрешается флиртовать раньше сорока лет и питать романтические чувства раньше сорока пяти. Так что нам, кто еще не достиг — или говорит, что не достиг, — тридцатилетнего возраста, остается только политика и благотворительность. Но благотворительность — это последнее прибежище для тех, кто любит допекать своих ближних. Я предпочитаю политику. По-моему, это как-то... изящнее.

Сэр Роберт Чилтерн. Политика благородное поприще!

Миссис Чивли. Да. Иногда. А иногда это азартная игра, сэр Роберт. А иногда страшная скука.

Сэр Роберт Чилтерн. А вы что в ней нашли?

Миссис Чивли. Я?.. Всего понемножку. (*Роняет веер.*)

Сэр Роберт Чилтерн (*наклоняется за веером*). Позвольте, я... (*Подает ей веер.*)

Миссис Чивли. Благодарю вас.

Сэр Роберт Чилтерн. Но вы все-таки не сказали, почему вы так вдруг решили оказать нам честь своим посещением? Лондонский сезон уже идет к концу...

Миссис Чивли. Меня не интересует лондонский сезон. Он у вас какой-то чересчур... матримониальный. Женщины все либо ловят мужей, либо прячутся от них. Нет, дело в том, сэр Роберт, что я хотела вас видеть. Сознаюсь откровенно. Вы знаете, как женщины любопытны. Почти как мужчины! Я очень хотела вас видеть и... обратиться к вам с просьбой.

Сэр Роберт Чилтерн. Надеюсь, просьба не маленькая, миссис Чивли? Маленькие просьбы всегда так трудно исполнять.

Миссис Чивли (*подумав*). Нет, это, пожалуй, не маленькая просьба.

Сэр Роберт Чилтерн. Очень рад. Скажите же, какая?

Миссис Чивли. Потом. (*Встает.*) А сейчас, если позволите, я хотела бы посмотреть ваш чудесный дом. Я слышала о вашей картинной галерее. Барон Арнгейм — вы помните барона? — он говорил мне, что в вашей коллекции есть несколько превосходных Коро².

Сэр Роберт Чилтерн (*чуть заметно вздрогнув*). Вы хорошо знали барона Арнгейма?

Миссис Чивли (*усмехаясь*). Да. Очень близко. А вы?

Сэр Роберт Чилтерн. Одно время мы были знакомы.

Миссис Чивли. Правда, замечательный человек?

Сэр Роберт Чилтерн (*после паузы*). Да, весьма замечательный — во многих отношениях.

Миссис Чивли. Как жаль, что он не писал мемуаров. Вот было бы интересно!

Сэр Роберт Чилтерн. Да, он, как тот древний грек, знал многих людей и посетил многие города.

Миссис Чивли. И не имел такой обузы, как ждущая его дома Пенелопа³.

Мэсон (*докладывает*). Лорд Горинг.

Входит лорд Горинг. Ему тридцать четыре года, но он всегда говорит, что ему меньше. Совершенно лишенное выражения лицо — маска благовоспитанности. Умен, но всячески это скрывает. Безукоризненный денди, он больше всего боится, как бы его не заподозрили в сентиментальности. Жизнь для него игра, и он в полном ладу с миром. Ему нравится быть непонятым. Это как бы возвышает его над окружающими.

Сэр Роберт Чилтерн. Здравствуйте, дорогой мой Артур! Миссис Чивли, разрешите представить вам лорда Горинга, самого праздного человека в Лондоне.

Миссис Чивли. Мы уже встречались с лордом Горингом.

Лорд Горинг (*кланяется*). Вот уж не думал, что вы меня помните, миссис Чивли.

Миссис Чивли. У меня прекрасная память — на то, что я хочу помнить. А вы все еще не женаты?

Лорд Горинг. Кажется... нет.

Миссис Чивли. Как романтично!

Лорд Горинг. Ах нет, я совсем не романтик. Для этого я недостаточно стар. Предоставляю романтику старшим по возрасту.

Сэр Роберт Чилтерн. Лорд Горинг типичный продукт своего клуба, миссис Чивли.

Миссис Чивли. Он делает честь этому учреждению.

Лорд Горинг. Можно узнать, долго ли вы еще пробудете в Лондоне?

Миссис Чивли. Это зависит отчасти от погоды, отчасти от лондонской кухни и отчасти от сэра Роберта.

Сэр Роберт Чилтерн. Но вы, надеюсь, не собираетесь ввергнуть нас в европейскую войну?

Миссис Чивли. О нет. Эта опасность вам не угрожает. (*Кивает лорду Горингу с насмешливой искоркой в глазах и выходит из зала в сопровождении сэра Роберта Чилтерна.*)

Лорд Горинг не спеша подходит к Мейбл Чилтерн.

Мейбл Чилтерн. Как вы поздно!

Лорд Горинг. А вы скучали по мне?

Мейбл Чилтерн. Ужасно!

Лорд Горинг. Жаль, я не знал, а то я бы еще больше задержался. Я люблю, когда по мне скучают.

Мейбл Чилтерн. Какой вы эгоист!

Лорд Горинг. Да, я ужасный эгоист.

Мейбл Чилтерн. Вы всегда рассказываете мне о своих дурных качествах, лорд Горинг!

Лорд Горинг. Я еще и половины вам не рассказал, мисс Мейбл.

Мейбл Чилтерн. А те, о которых вы не рассказали, тоже очень плохие?

Лорд Горинг. Чудовищные! Когда я ночью вспоминаю о них, я сейчас же опять засыпаю.

Мейбл Чилтерн. А мне нравятся ваши дурные качества. Я не хочу, чтобы вы исправлялись.

Лорд Горинг. Как это мило с вашей стороны. Но вы всегда милы. Кстати, я хочу вас спросить. Кто привел сюда эту миссис Чивли? Вон ту, в сиреневом платье, что сейчас вышла с вашим братом?

Мейбл Чилтерн. Она, кажется, приехала с леди Маркби. Почему вы спрашиваете?

Лорд Горинг. Да так просто. Я уже много лет ее не видал.

Мейбл Чилтерн. Что за нелепая причина!

Лорд Горинг. Все причины нелепы.

Мейбл Чилтерн. А что она за женщина?

Лорд Горинг. Она?.. Днем гений, вечером красавица.

Мейбл Чилтерн. Не нравится она мне.

Лорд Горинг. Это показывает, что у вас хороший вкус.

Виконт де Нанжак (*подходит к ним*). А у английской девушки пропасть — нет, как это? — английская девушка это пропасть на хороший вкус. Настоящая пропасть на хороший вкус.

Лорд Горинг. Да, именно так пишут в газетах.

Виконт де Нанжак. Я читаю все ваши английские газеты. Они очень интересны.

Лорд Горинг. Ну, значит, дорогой мой Нанжак, вы читаете между строк.

Виконт де Нанжак. Я бы очень хотел, но мой

учитель английского языка мне запрещает. (*К Мейбл Чилтерн.*) Разрешите проводить вас в музыкальный зал, мисс Чилтерн?

Мейбл Чилтерн (*очень огорчена*). С удовольствием, виконт, с большим удовольствием! (*Оглядывается на лорда Горинга.*) Вы тоже идете в музыкальный зал?

Лорд Горинг. Только если там сейчас нет музыки, мисс Мейбл.

Мейбл Чилтерн (*строго*). Музыка будет по-немецки. Вы все равно не поймете. (*Выходит с виконтом де Нанжак.*)

Лорд Кавершем (*подходит к сыну*). Ну, сэр? А вы что тут делаете? Прожигаете жизнь, по обыкновению? Вам давно пора быть в постели. Нельзя ложиться так поздно. Я слышал, вы третьего дня танцевали у леди Рефффорд и уехали в четыре часа утра.

Лорд Горинг. Было всего без четверти четыре, отец.

Лорд Кавершем. Не понимаю, как вы выносите теперешнее лондонское общество. Толпа ничтожеств, которые говорят ни о чем!

Лорд Горинг. Я люблю говорить ни о чем, отец. Это единственное, о чем я что-нибудь знаю.

Лорд Кавершем. Вы, кажется, живете только для удовольствия.

Лорд Горинг. А для чего же еще жить, отец? Для счастья? Но ничто так не старит человека, как счастье.

Лорд Кавершем. Вы бессердечны, сэр, совершенно бессердечны.

Лорд Горинг. Ну что вы, отец. Добрый вечер, леди Бэзилдон.

Леди Бэзилдон (*выгибает свои красивые брови*). И вы тут? Я не знала, что вы посещаете политические салоны.

Лорд Горинг. Я обожаю политические салоны. Это единственное место, где не говорят о политике.

Леди Бэзилдон. Я очень люблю говорить о политике. Иногда целый день говорю. Но терпеть не могу слушать, когда о ней говорят другие. Не понимаю, как эти несчастные в парламенте выдерживают свои бесконечные прения.

Лорд Горинг. Так они же никогда не слушают.
Леди Бэзилдон. Нет, правда?

Лорд Горинг (*самым серьезным тоном*). Конечно. Ведь слушать — это очень опасно: тебя могут убедить. А человек, который позволяет убедить себя доводами разума, очень неразумное существо.

Леди Бэзилдон. Ах, это объясняет мне многое в мужчинах, чего я раньше не понимала, и многое в женщинах, чего их мужья совсем не ценят.

Миссис Марчмонт (*со вздохом*). Наши мужья ничего в нас не ценят. За этим приходится обращаться к другим.

Леди Бэзилдон (*с чувством*). Да, всегда к другим!.. Всегда к другим!

Лорд Горинг (*улыбается*). И это говорят две женщины, у которых, как всем известно, лучшие мужья во всем Лондоне!

Миссис Марчмонт. В том-то и беда. Мой Реджинальд безнадежно добродетелен. Иногда это просто невыносимо. В знакомстве с таким человеком нет ни малейшего интереса!

Лорд Горинг. Какой ужас! Это должно стать достоянием гласности!

Леди Бэзилдон. Мой Бэзилдон тоже не лучше. Он так любит сидеть дома, как будто он холостяк.

Миссис Марчмонт (*пожимает руку леди Бэзилдон*). Бедная моя Оливия! Мы с вами вышли замуж за примерных мужей и вот теперь страдаем.

Лорд Горинг. Я думал, что страдают как раз мужья.

Миссис Марчмонт (*оскорбленно выпрямляется*). Как бы не так! Они совершенно счастливы. А уж до чего они нам верят — это просто трагедия!

Леди Бэзилдон. Да, истинная трагедия!

Лорд Горинг. А может быть, комедия, леди Бэзилдон?

Леди Бэзилдон. Комедия, лорд Горинг?.. Как вам не стыдно так говорить!

Миссис Марчмонт. Боюсь, что лорд Горинг, как всегда, в стане врагов. Я видела, он разговаривал с этой миссис Чивли.

Лорд Горинг. Она очень красива, эта миссис Чивли.

Леди Бэзилдон (*натянуто*). Пожалуйста, не хвалите других женщин в нашем присутствии. Могли бы подождать, пока мы ее похвалим.

Лорд Горинг. Я и ждал.

Миссис Марчмонт. Ну так не дождетесь. Мне рассказывали — она в понедельник была в опере и сказала Томми Реффорду, что лондонское общество — это сплошь неряхи и денди.

Лорд Горинг. И она права. Мужчины все неряхи, а женщины — все денди.

Миссис Марчмонт (*после паузы*). Вы думаете, она это хотела сказать?

Лорд Горинг. Конечно. И, по-моему, это довольно-таки разумное замечание.

Входит Мейбл Чилтерн.

Мейбл Чилтерн (*подходя к ним*). Почему вы говорите о миссис Чивли? Все только о ней и говорят. Лорд Горинг сказал... что вы сказали о миссис Чивли, лорд Горинг? А, вспомнила: что днем она гений, а вечером красавица.

Леди Бэзилдон. Какое отвратительное сочетание! Совершенно противоестественное.

Миссис Марчмонт (*мечтательно*). Я люблю смотреть на гениев и слушать красавцев.

Лорд Горинг. Ну это уже извращение, миссис Марчмонт!

Миссис Марчмонт (*просияв от удовольствия*). Как я рада это слышать! Мы с Марчмонтом семь лет женаты, и он ни разу не сказал мне, что я извращена. Мужчины так ненаблюдательны!

Леди Бэзилдон (*поворачиваясь к ней*). Я всегда говорила, милая Маргарет, что вы самая извращенная женщина во всем Лондоне.

Миссис Марчмонт. Да, но вы ведь всегда так добры ко мне, Оливия!

Мейбл Чилтерн. Скажите, а это извращение, если человек хочет есть? Я ужасно хочу есть. Не поведете ли вы меня ужинать, лорд Горинг?

Лорд Горинг. С удовольствием, мисс Мейбл.

Отходят вместе.

Мейбл Чилтерн. Хороши вы, нечего сказать! Даже ни разу не поговорили со мной за весь вечер.

Лорд Горинг. А как я мог? Вы ушли с этим дипломатическим младенцем.

Мейбл Чилтерн. Вы могли пойти за нами. Навязчивость в данном случае была бы только учтивой. Вы мне сегодня совсем не нравитесь.

Лорд Горинг. А вы мне бесконечно нравитесь.

Мейбл Чилтерн. Ну так показали бы это как-нибудь более заметно!

Уходят вниз по лестнице.

Миссис Марчмонт. Оливия, я как-то странно себя чувствую — такая слабость! Я бы, пожалуй, поужинала. Да, я положительно не прочь поужинать.

Леди Бэзилдон. Я умираю от голода, Маргарет!

Миссис Марчмонт. Мужчины так бессердечны — никогда не думают о таких вещах.

Леди Бэзилдон. У них низменные инстинкты, дорогая. Грубые материалисты!

Виконт де Нанжак, вместе с другими, выходит из музыкального зала. Внимательно оглядев всех присутствующих, подходит к леди Бэзилдон.

Виконт де Нанжак. Разрешите пригласить вас к ужину, контесса?

Леди Бэзилдон (*холодно*). Благодарю вас, я никогда не ужинаю, виконт.

Он хочет уйти.

(*Видя это, она проворно встает и берет его под руку.*) Но я охотно пройду с вами в столовую.

Виконт де Нанжак. Я очень люблю есть! У меня совершенно английские вкусы.

Леди Бэзилдон. Вы и по виду совсем англичанин, виконт. Как две капли воды!

Уходят. К миссис Марчмонт подходит безукоризненно одетый молодой щеголь мистер Монфорд.

Мистер Монфорд. Хотите ужинать, миссис Марчмонт?

Миссис Марчмонт (*томно*). Благодарю вас, мистер Монфорд, я никогда не ужинаю. (*Поспешно встает и берет его под руку.*) Но я посижу возле вас и буду на вас смотреть.

Мистер Монфорд. Знаете, мне как-то не очень нравится, если на меня смотрят, когда я ем.

Миссис Марчмонт. Ну я буду смотреть на кого-нибудь другого.

Мистер Монфорд. А уж это мне совсем не нравится.

Миссис Марчмонт (*строго*). Пожалуйста, не устраивайте мне публично таких ужасных сцен ревности, мистер Монфорд!

Спускаются по лестнице вместе с другими гостями. Навстречу им поднимаются сэр Роберт Чилтерн и миссис Чивли и входят в зал.

Сэр Роберт Чилтерн. Предполагаете погостить у кого-нибудь за городом до вашего отъезда из Англии, миссис Чивли?

Миссис Чивли. О нет! В ваших английских поместьях всегда такая скука. Там даже пытаются острить за завтраком. Бог знает что! Только абсолютные тупицы острят за завтраком. А какой-нибудь фамильный скелет еще читает молитву перед едой. Нет уж, увольте. Мой отъезд из Англии, сэр Роберт, целиком зависит от вас. (*Садится на диванчик.*)

Сэр Роберт Чилтерн (*садится рядом*). Серьезно?

Миссис Чивли. Вполне серьезно. Мне нужно поговорить с вами об одном очень важном политическом и финансовом предприятии. А именно об акционерной компании по сооружению Аргентинского канала.

Сэр Роберт Чилтерн. Неужто вас интересуют такие скучные, практические темы, миссис Чивли?

Миссис Чивли. Я очень люблю скучные практические темы. Чего я не люблю, это скучных практических людей. Но это не одно и то же. Кроме того, я знаю, что и вы интересуетесь каналами. Вы ведь были секретарем лорда Рэдли, когда наше правительство купило акции Суэцкого канала?

Сэр Роберт Чилтерн. Да. Но Суэцкий канал — это совсем другое дело. Это был очень важный и вполне реальный план. Он открывал нам прямую дорогу в Индию. В интересах империи необходимо было взять его в свои руки. А эта аргентинская затея — обыкновенное биржевое мошенничество.

Миссис Чивли. Спекуляция, сэр Роберт! Смелая, блестящая спекуляция!

Сэр Роберт Чилтерн. Поверьте мне, миссис Чивли, чистейшее мошенничество. Будем называть вещи своими именами. Это упрощает дело. У нас в министерстве все известно об этом канале. Я даже направил туда специальную комиссию, чтобы она негласно все разузнала, и они нам сообщили, что земляные работы еще едва только начаты, а собранные деньги уже неизвестно куда девались. Это вторая Панама⁴ — а шансов на успех имеет еще меньше. Надеюсь, вы не вложили в него денег? Вы слишком умны для этого.

Миссис Чивли. Я очень много в него вложила.

Сэр Роберт Чилтерн. Кто вам посоветовал такую глупость?

Миссис Чивли. Ваш бывший друг — и мой.

Сэр Роберт Чилтерн. Кто?

Миссис Чивли. Барон Арнгейм.

Сэр Роберт Чилтерн (*нахмурившись*). А!.. Да, я помню, — когда он умер, ходили слухи, что он как-то связан с этой аферой.

Миссис Чивли. Это был его последний роман. Точнее — предпоследний.

Сэр Роберт Чилтерн (*встает*). Но вы еще не видели моих Коро. Мы их повесили в музыкальном зале. Коро так подходит к музыке, правда? Разрешите, я вам их покажу?

Миссис Чивли (*качает головой*). Нет, я сейчас не в настроении любоваться серебряными сумерками и розовыми рассветами. Я хочу говорить о деле. (*Жестом указывает ему место рядом с собой на диванчике.*)

Сэр Роберт Чилтерн. Боюсь, что могу дать вам только один совет, миссис Чивли, — впредь помещать свои деньги в менее рискованные предприятия. Конечно, судьба этого канала зависит от того, какую позицию займет Англия. И завтра вечером я представлю в парламент доклад комиссии.

Миссис Чивли. Вот этого вы и не должны делать. В ваших собственных интересах — не говоря уже о моих.

Сэр Роберт Чилтерн (*удивленно смотрит на нее*). В моих собственных интересах? Дорогая миссис Чивли, что вы этим хотите сказать? (*Садится рядом с ней.*)

Миссис Чивли. Хорошо, сэр Роберт, будем говорить начистоту. Я хочу, чтобы вы сняли свой доклад в парламенте — на том основании, что комиссия была плохо информирована или небеспристрастна в своих выводах или по каким хотите причинам. И чтобы вы сказали несколько слов о том, что правительство намерено пересмотреть этот вопрос и что Аргентинский канал, когда его закончат, будет иметь огромное международное значение. Ну, вы знаете, что в таких случаях говорят министры. Несколько общих мест. В наше время ничто не производит такого благоприятного впечатления на слушателей, как хорошее, совершенно затертое общее место. Все вдруг ощущают некое родство душ. Вы сделаете это для меня, сэр Роберт?

Сэр Роберт Чилтерн. Миссис Чивли! Не может быть, чтобы вы всерьез делали мне такое предложение!

Миссис Чивли. И еще как всерьез!

Сэр Роберт Чилтерн (*холодно*). Разрешите мне все-таки думать, что это шутка.

Миссис Чивли (*говорит очень веско и выразительно*). Нет, это не шутка. И если вы исполните мою просьбу, я... хорошо вам заплачу.

Сэр Роберт Чилтерн. Заплатите?.. Мне?..

Миссис Чивли. Вам.

Сэр Роберт Чилтерн. Кажется, я вас все-таки не понимаю.

Миссис Чивли (*откидывается на спинку диванчика и смотрит на сэра Роберта*). Как жаль!.. А я-то приехала сюда из Вены — именно для того, чтобы вы меня поняли как следует.

Сэр Роберт Чилтерн. Отказываюсь понимать.

Миссис Чивли (*самым любезным тоном*). Дорогой мой сэр Роберт, вы же деловой человек, и стало быть, вас можно купить. В наши дни всякого можно купить. Только некоторые очень дороги. Я, например. Ну а вы, надеюсь, не будете слишком дорожиться.

Сэр Роберт Чилтерн (*встает в негодовании*). Если позволите, я вызову вашу карету. Вы так долго жили за границей, миссис Чивли, — вы очевидно сейчас просто не понимаете, что говорите с английским джентльменом.

Миссис Чивли (*останавливает его, прикоснув-*

шишь веером к его руке, и держит так веер, пока говорит). Я очень хорошо понимаю, что говорю с человеком, который заложил основу своих успехов тем, что продал государственную тайну биржевому спекулянту.

Сэр Роберт Чилтерн (*прикусив губу*). Что это значит?..

Миссис Чивли (*встав и глядя ему в лицо*). Это значит, что мне известно истинное происхождение вашего богатства — и вашей карьеры — и что ваше письмо в моих руках.

Сэр Роберт Чилтерн. Какое письмо?..

Миссис Чивли (*презрительно*). То, которое вы написали барону Арнгейму, когда были секретарем лорда Рэдли. То, в котором вы советуете барону покупать акции Суэцкого канала. А написано оно было за три дня до того, как правительство объявило о своем решении скупить акции.

Сэр Роберт Чилтерн (*хриплым голосом*). Это ложь.

Миссис Чивли. Вы думали, письмо уничтожено? Какая наивность! Оно у меня.

Сэр Роберт Чилтерн. Это была просто спекуляция. Билль еще не прошел в парламент. Его могли отвергнуть.

Миссис Чивли. Это было мошенничество, сэр Роберт. Будем называть вещи своими именами. Это упрощает дело. А теперь я хочу продать вам это письмо. И в оплату требую, чтобы вы публично поддержали аргентинский проект. Вы разбогатели на одном канале. Помогите мне и моим друзьям разбогатеть на другом.

Сэр Роберт Чилтерн. Вы хотите, чтобы я... Но это же подлость... подлость!

Миссис Чивли. Нет. Игра. Та игра, сэр Роберт, в которую всем нам рано или поздно приходится играть.

Сэр Роберт Чилтерн. Я не могу это сделать.

Миссис Чивли. То есть вы не можете этого не сделать. Вы отлично знаете, что стоите на краю пропасти. Не вам диктовать условия. Вам остается только их принять. Допустим, вы откажетесь...

Сэр Роберт Чилтерн. Что тогда?

Миссис Чивли. Да, дорогой сэр Роберт, что тог-

да? Тогда вы погибли, только и всего. Вспомните, до чего вы тут дошли, с вашим пуританством! В прежнее время никто не старался быть лучше своих ближних. Это даже считалось дурным тоном, мещанством. Но теперь вы все помешаны на морали. Каждый должен быть образцом чистоты, неподкупности и прочих семи смертных добродетелей. А результат? Вы все валитесь как кегли, один за другим. Года не проходит, чтобы кто-нибудь не исчез с горизонта. Раньше скандальная история придавала еще больший шарм человеку или хоть делала его интереснее, а теперь это гибель. А ваш скандальчик будет очень некрасивый. Вам после этого не уцелеть. Если станет известно, что вы в молодости, будучи секретарем такого важного и всеми уважаемого министра, за большие деньги продали государственную тайну, — ну, вас затравят! Носа никуда нельзя будет показать. А с какой стати вам жертвовать всем своим будущим, вместо того чтобы заключить дипломатическое соглашение с врагом? Потому что сейчас я ваш враг, это верно. И я гораздо сильнее вас. Большие батальоны на моей стороне. Вы, правда, занимаете высокое положение, но это-то и делает вас уязвимым. Трудно обороняться. А я атакую. И, заметьте, я не читаю вам мораль. Тут я вас пощадила, скажите мне за это спасибо. Ну так вот. Много лет тому назад вы совершили бесчестный, но очень выгодный для вас поступок. Получили все, чего хотели, — богатство, положение в обществе. А теперь надо за это платить. За все приходится платить, рано или поздно. Вам — вот сейчас. Прежде чем я уйду отсюда, вы должны мне пообещать, что снимете ваш доклад и выступите завтра в парламенте в защиту аргентинского проекта.

Сэр Роберт Чилтерн. Вы требуете невозможного.

Миссис Чивли. А вы сделайте, чтобы оно стало возможным. Вам же ничего другого не остается. Сэр Роберт, вы знаете, что такое ваши английские газеты. Предположим, что я прямо отсюда поеду в редакцию какой-нибудь газеты. Все расскажу и представлю доказательства. Подумайте, как они возрадуются, с каким восторгом стащат вас в грязь и обольют помоями! Какой-нибудь жирный ханжа с самодовольной улыбкой

будет писать о вас передовицу — как он все это размажет и заклеит вас позором!

Сэр Роберт Чилтерн. Перестаньте!.. Вы хотите, чтобы я снял доклад и произнес короткую речь в палате о том, что этот проект, по-моему, имеет будущее?

Миссис Чивли (*сидя на диван*). Да, таковы мои условия.

Сэр Роберт Чилтерн (*понижив голос*). Я дам вам денег — любую сумму, какую вы назначите.

Миссис Чивли. Даже вы, сэр Роберт, недостаточно богаты, чтобы выкупить свое прошлое. Никто этого не может.

Сэр Роберт Чилтерн. Я не сделаю того, что вы просите.

Миссис Чивли. Придется. А если нет... (*Встает.*)

Сэр Роберт Чилтерн (*он растерян и сбит с толку*). Подождите! А вы-то что мне предлагаете? Вы сказали, что вернете мне письмо?..

Миссис Чивли. Да. И вы можете положиться на мое слово. Завтра вечером в половине двенадцатого я буду в парламенте, на балконе для посетителей. Если к этому времени вы сделаете такое сообщение, какое мне желательно, — а возможностей для этого будет достаточно, — я вручу вам ваше письмо — с благодарностью и наилучшими или хоть наиболее подходящими к случаю пожеланиями. Я веду с вами честную игру. Всегда надо играть честно... когда козыри у тебя на руках. Барон Арнгейм научил меня этому... и еще многому другому.

Сэр Роберт Чилтерн. Дайте мне подумать.

Миссис Чивли. Нельзя. Решайте сейчас.

Сэр Роберт Чилтерн. Неделю! Три дня!

Миссис Чивли. Нет. Я должна сегодня же телеграфировать в Вену.

Сэр Роберт Чилтерн. Господи! Что привело вас на мою дорогу?..

Миссис Чивли. Обстоятельства. (*Направляется к двери.*)

Сэр Роберт Чилтерн. Не уходите. Я согласен. Доклад будет снят. И я устрою, чтобы мне задали вопрос о канале.

Миссис Чивли. Благодарю вас. Я же знала, что

мы договоримся. Я сразу поняла ваш характер. Я вас анализировала, хоть вы меня и не обожали. А теперь вызовите, пожалуйста, мою карету, сэръ Роберт. Ваши гости уже возвращаются от ужина, а вы, англичане, всегда впадаете в сентиментальность после еды, чего я совершенно не выношу.

Сэръ Роберт Чилтерн уходит. Входят гости, среди них леди Чилтерн, леди Маркби, лорд Кавершем, леди Бэзилдон, Миссис Марчмонт, виконт де Нанжак, мистер Монфорд.

Леди Маркби. Ну, дорогая миссис Чивли, надеюсь, вы приятно провели время. Сэръ Роберт такой занятый собеседник!

Миссис Чивли. Чрезвычайно занятый. Я получила огромное удовольствие от разговора с ним.

Леди Маркби. Он сделал такую блестящую карьеру. И так удачно женился. Леди Чилтерн замечательная женщина. У нее такие строгие принципы. Я уж стара и не берусь служить примеров для других — слишком хлопотливо. Но очень уважаю тех, кто это делает. А леди Чилтерн оказывает на людей прямо-таки облагораживающее влияние. Хотя обеды у нее скучноваты. Но нельзя иметь все, правда? А теперь, милочка, мне пора домой. Заехать к вам завтра?

Миссис Чивли. Буду очень рада.

Леди Маркби. Поедем в пять часов кататься в парк. Там сейчас все выглядит так свежо.

Миссис Чивли. Кроме людей.

Леди Маркби. Да, люди, пожалуй, немножко выдохлись. Я замечала, что к концу сезона у многих делается что-то вроде размягчения мозга. Но и то лучше, чем высокая интеллигентность. Она очень портит наружность. У интеллигентных девушек почему-то всегда становятся большие носы. И очень трудно потом выдать их замуж — мужчинам не нравится. Доброй ночи, дорогая! *(К леди Чилтерн.)* Доброй ночи, Гертруда! *(Уходит, опираясь на руку лорда Кавершема.)*

Миссис Чивли. Какой у вас прелестный дом, леди Чилтерн! И какой очаровательный вечер я провела! Было так интересно побеседовать с вашим мужем.

Леди Чилтерн. Почему вы хотели познакомиться с моим мужем, миссис Чивли?

Миссис Чивли. Я вам скажу. Мне хотелось заинтересовать его Аргентинским каналом — вы, наверно, о нем слышали. И ваш муж оказался очень податливым — то есть податливым к доводам рассудка. Это так редко в мужчинах. Я мигом его уговорила. Завтра на вечернем заседании он выступит в пользу этого проекта. Мы обе должны пойти в палату и послушать его речь. Это будет событие!

Леди Чилтерн. Вы, наверно, ошиблись. Мой муж не станет поддерживать эту аферу.

Миссис Чивли. Да нет, уверяю вас, это дело решенное. Теперь я уже не жалею, что совершила такую утомительную поездку из Вены. Она увенчалась полным успехом. Но пока это, конечно, секрет.

Леди Чилтерн (*сдержанно*). Секрет? Между кем и кем?

Миссис Чивли (*с насмешливым блеском в глазах*). Между мною и вашим мужем.

Сэр Роберт Чилтерн (*подходя к ним*). Ваша карета подана, миссис Чивли.

Миссис Чивли. Благодарю! Прощайте, леди Чилтерн. Доброй ночи, лорд Горинг! Я остановилась в отеле Кларидж. Может быть, нанесете мне визит?

Лорд Горинг. Если вам угодно, миссис Чивли.

Миссис Чивли. Ах, не будьте так церемонны! Не то мне самой придется нанести вам визит. А в Англии это, кажется, не принято. За границей мы уже более цивилизованы. Вы проводите меня, сэр Роберт? Теперь у нас с вами есть общие интересы, и, я надеюсь, мы будем друзьями! (*Выплывает из зала, опираясь на руку сэра Роберта Чилтерна.*)

Леди Чилтерн идет к лестнице и смотрит им вслед, пока они спускаются по ступенькам. Лицо ее выражает смущение и тревогу. Потом к ней подходит кто-то из гостей, и они вместе уходят в левую дверь.

Мейбл Чилтерн. До чего она противная, эта миссис Чивли!

Лорд Горинг. Вам пора спать, мисс Мейбл.

Мейбл Чилтерн. Лорд Горинг!

Лорд Горинг. Мой отец еще час назад посоветовал мне идти спать. А теперь я вам советую то же самое. Я всегда так поступаю с добрыми советами: пере-

даю их другим. Больше с ними нечего делать — мне самому от них никогда нет толку.

Мейбл Чилтерн. Лорд Горинг, вы всегда высылаете меня из комнаты. Это очень смело с вашей стороны. Тем более что я вовсе не намерена идти спать. *(Идет к диванчику.)* Если желаете, можете сесть рядом и говорить о чем угодно, кроме Королевской Академии, миссис Чивли и романов на шотландском диалекте. Эти темы не возвышают душу. *(Замечает на диване какую-то вещицу, завалившуюся за подушки.)* Что это? Смотрите, кто-то потерял бриллиантовую брошку. Какая изящная, правда? *(Показывает лорду Горингу.)* Мне бы такую! Но Гертруда разрешает мне носить только жемчуг, а я его терпеть не могу. В жемчугах я такая скромница, умница, пай-девочка. Интересно, чья это брошка.

Лорд Горинг. Да, и мне интересно, кто ее обронил.

Мейбл Чилтерн. Красивая брошка!

Лорд Горинг. Да, красивый браслет.

Мейбл Чилтерн. Это не браслет, это брошка.

Лорд Горинг. Ее можно носить и как браслет. *(Берет брошку, достает зеленый бумажник, аккуратно укладывает ее туда и прячет во внутренний карман. Все это он проделывает с полным хладнокровием.)*

Мейбл Чилтерн. Что вы делаете?

Лорд Горинг. Мисс Мейбл, я хочу обратиться к вам с несколько странной просьбой.

Мейбл Чилтерн *(с живостью)*. Ах, наконец-то! Я целый вечер этого ждала.

Лорд Горинг *(в первое мгновение сконфужен, но быстро овладевает собой)*. Никому не говорите, что я взял эту брошку. А если кто-нибудь напишет или вообще будет ее искать, сейчас же сообщите мне.

Мейбл Чилтерн. Действительно, странная просьба.

Лорд Горинг. Видите ли, когда-то, очень давно, я подарил эту брошку одной особе.

Мейбл Чилтерн. Вы?..

Лорд Горинг. Я.

Входит леди Чилтерн, одна. Гости уже разъехались.

Мейбл Чилтерн. В таком случае мне, конечно, ничего не остается, как только пожелать вам спокойной ночи. Доброй ночи, Гертруда! (*Уходит.*)

Леди Чилтерн. Доброй ночи, милочка! (*Лорду Горингу.*) Вы видели, кого к нам привела леди Маркби?

Лорд Горинг. Да. Неприятный сюрприз. Зачем она сюда явилась?

Леди Чилтерн. По-видимому, затем, чтобы соблазнить Роберта и заставить его поддержать дутое предприятие, в котором сама заинтересована. Аргентинский канал.

Лорд Горинг. А! Не поняла, с кем имеет дело.

Леди Чилтерн. Где уж ей понять такую чистую, возвышенную натуру, как мой муж!

Лорд Горинг. Да. Видно, ей туго пришлось, если она вздумала ловить Роберта в свои сети. Удивительно, какие ошибки совершают иной раз умные женщины!

Леди Чилтерн. Вы называете это умом? По-моему, это глупость.

Лорд Горинг. Часто это одно и то же. Спокойной ночи, леди Чилтерн!

Леди Чилтерн. Спокойной ночи!

Входит сэр Роберт Чилтерн.

Сэр Роберт Чилтерн. Уже уходите, Артур? Посидите еще немножко.

Лорд Горинг. К сожалению, не могу. Обещал еще заглянуть к Хартлокам. У них там лиловый венгерский оркестр исполняет лиловую венгерскую музыку. До скорого свиданья. Всего хорошего. (*Уходит.*)

Сэр Роберт Чилтерн. Какая ты сегодня красавица, Гертруда!

Леди Чилтерн. Роберт, скажи, ведь это неправда? Ты не станешь поддерживать эту аргентинскую спекуляцию? Ты на это неспособен!

Сэр Роберт Чилтерн (*отшатнулся*). Кто тебе сказал?

Леди Чилтерн. Эта женщина, которая только что ушла. Миссис Чивли, как она теперь себя называет. Она это говорила с издевкой, как будто смеялась надо мной. Роберт, я знаю эту женщину. А ты не знаешь. Мы вместе учились в школе. Она и тогда была

лживой, бесчестной, она дурно влияла на всех, кто верил ей или дружил с ней. Я ненавидела ее и презирала. Она крада вещи. Ее выгнали из школы за воровство. А ты позволяешь ей в чем-то тебя уговаривать!

Сэр Роберт Чилтерн. Гертруда, все это, может быть, и верно, но ведь это было очень давно. Не лучше ли об этом забыть? Миссис Чивли могла с тех пор измениться. Нельзя судить человека только по его прошлому.

Леди Чилтерн (*с глубоким убеждением*). Наше прошлое — это мы сами. Как же еще судить о людях, если не по их прошлому?

Сэр Роберт Чилтерн. Это жестоко, Гертруда!

Леди Чилтерн. Это справедливо, Роберт. Знаешь ли ты, что она хвастала, будто ты обещал ей поддерживать своим влиянием — своим именем! — эту аргентинскую спекуляцию, о которой я знаю с твоих собственных слов, что это бессовестное мошенничество?

Сэр Роберт Чилтерн (*кусает губы*). Я, может быть, ошибался. Мы все иногда ошибаемся.

Леди Чилтерн. Но ты только вчера говорил мне, что получил доклад комиссии и что она решительно осуждает этот проект!

Сэр Роберт Чилтерн (*ходит взад и вперед по комнате*). У меня есть основания думать, что члены комиссии были предубеждены или, во всяком случае, плохо информированы. И кроме того, Гертруда, политика и частная жизнь — это разные области. В них действуют разные законы, они преследуют разные цели.

Леди Чилтерн. И в той и в другой — человек должен быть на высоте. Я не вижу разницы.

Сэр Роберт Чилтерн (*останавливается*). Ну так считай, что в данном случае — в этом чисто практическом вопросе — я изменил свое мнение. Вот и все.

Леди Чилтерн. Все?..

Сэр Роберт Чилтерн (*жестко*). Да.

Леди Чилтерн. Роберт! Это ужасно, что я задаю тебе такой вопрос, но... ты сказал мне всю правду?

Сэр Роберт Чилтерн. Почему ты спрашиваешь?

Леди Чилтерн (*после паузы*). Почему ты не отвечаешь?

Сэр Роберт Чилтерн (*садится*). Гертруда,

правда очень сложная вещь, а политика очень сложный механизм. Там все связано, все цепляется одно за другое. Бывает, что тебе оказали услугу и за это надо отплатить такой же услугой. В политике часто приходится идти на компромисс. Все так делают.

Леди Чилтерн. На компромисс?.. Роберт, почему ты сегодня говоришь совсем не то, что я привыкла от тебя слышать? Почему ты вдруг так изменился?

Сэр Роберт Чилтерн. Я не изменился. Но обстоятельства иногда сильнее человека.

Леди Чилтерн. Никакие обстоятельства не могут быть сильнее нравственного закона.

Сэр Роберт Чилтерн. Ну, а если я скажу тебе...

Леди Чилтерн. Что?

Сэр Роберт Чилтерн. Что я вынужден так поступить. Что это необходимо.

Леди Чилтерн. Не может быть необходимым то, что бесчестно. А если оно необходимо, так что же я любила в тебе! Но это не так, Роберт, скажи, что это не так! Зачем тебе это делать? Что это тебе даст? Деньги? Но нам не нужны деньги. Да еще такие! Деньги из нечистого источника пятнают человека. Власть? Но власть сама по себе ничто. Только власть делать добро дает удовлетворение. Так зачем же? Роберт, скажи, зачем ты хочешь совершить эту низость?

Сэр Роберт Чилтерн. Гертруда, ты не имеешь права так говорить. Я уже объяснил тебе, что это просто разумный компромисс. Не больше.

Леди Чилтерн. Роберт, все это хорошо для других, для тех, кто в жизни ищет только корысти. Но не для тебя, Роберт, не для тебя! Ты не то что другие. Ты всегда стоял особняком. Грязь жизни до тебя не достигала. Для всех, как и для меня, ты был идеалом чести и благородства. Так останься же этим идеалом! Не отказывайся от этого высокого наследия, не разрушай эту башню из слоновой кости. Роберт, мужчина может любить женщину, даже если она ниже его, даже если она запятнана, опозорена, бесчестна. Но для нас, женщин, любовь — это преклонение; и если нет преклонения, нет и любви. Ах, не убивай мою любовь к тебе, не убивай!

Сэр Роберт Чилтерн. Гертруда!

Леди Чилтерн. Я знаю, есть люди с отвратительными тайнами в прошлом — бывает, что человек когда-то совершил бесчестный поступок, а потом за это надо платить другим бесчестным поступком — о! не говори мне, что и ты такой! Роберт, есть в твоей жизни какой-нибудь тайный позор или бесчестие? Скажи, скажи мне сейчас же! Потому что тогда...

Сэр Роберт Чилтерн. Что тогда?

Леди Чилтерн (*очень медленно*). Тогда мы должны расстаться.

Сэр Роберт Чилтерн. Расстаться?..

Леди Чилтерн. Да. Совсем и навсегда. Так будет лучше для нас обоих.

Сэр Роберт Чилтерн. Гертруда, в моей прошлой жизни нет ничего такого, чего тебе нельзя знать.

Леди Чилтерн. Я это знала, Роберт, я была уверена. Но зачем ты сегодня говорил такие ужасные вещи, такие непохожие на тебя? Ну хорошо, не будем больше об этом говорить. Ты ведь напишешь миссис Чивли, что не станешь поддерживать этот мошеннический проект? Если ты ей обещал, так возьми обещание назад, только и всего.

Сэр Роберт Чилтерн. Непременно надо написать?

Леди Чилтерн. Как же иначе?

Сэр Роберт Чилтерн. Я могу повидаться с ней и сказать.

Леди Чилтерн. Ты не должен больше видаться с ней. Ни видаться, ни говорить. Она недостойна разговаривать с таким человеком, как ты. Нет, напиши ей — сейчас, сию минуту, — и напиши так, чтобы она поняла, что твое решение неизменно.

Сэр Роберт Чилтерн. Написать сию минуту!..

Леди Чилтерн. Да.

Сэр Роберт Чилтерн. Но уже поздно. Скоро двенадцать.

Леди Чилтерн. Это ничего не значит. Она должна сейчас же узнать, что ошиблась в тебе, что ты неспособен ни на что низкое, непорядочное, нечестное. Вот, сядь за этот стол. Напиши, что отказываешься поддерживать этот проект, за который она ратует, потому что считаешь его бесчестным. Так и напиши — бесчестным. Уж ей-то понятно это слово.

Сэр Роберт Чилтерн садится и пишет письмо.

(Берет его и читает.) Да, так будет хорошо. *(Звонит.)* А теперь конверт.

Он медленно надписывает конверт. Входит Мэсон.

Сейчас же отошлите это письмо в отель Кларидж. Ответа не надо.

Мэсон уходит.

(Опускается на колени рядом с мужем и обнимает его.) Роберт, любовь делает человека мудрым. Я чувствую, что сегодня спасла тебя от чего-то, что могло принести тебе страшный вред, из-за чего люди стали бы меньше уважать тебя. Мне кажется, ты сам не понимаешь, насколько, благодаря тебе, стала чище вся атмосфера нашей политической жизни — благодаря твоей неподкупности, твоему бескорыстию, твоему всегдашнему стремлению к серьезным целям и высоким идеалам! А я это понимаю, и за это я люблю тебя, Роберт!

Сэр Роберт Чилтерн. Люби меня, Гертруда, люби меня всегда!

Леди Чилтерн. Я буду всегда любить тебя, потому что ты всегда будешь достоин моей любви. Как не любить то, что безупречно! *(Целует его и выходит из зала.)*

Сэр Роберт Чилтерн некоторое время ходит взад и вперед; потом садится и закрывает лицо руками. Входит дворецкий и начинает гасить лампы.

Сэр Роберт Чилтерн *(поднимает голову)*. Гасите свет, Мэсон, гасите свет!

Дворецкий гасит лампы. В комнате становится темно. Осталась только люстра над лестницей; свет от нее падает на гобелен, изображающий «Торжество любви».

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Малая гостиная в доме сэра Роберта Чилтерна. Лорд Горинг, одетый по последней моде, полулежит в кресле. Сэр Роберт Чилтерн стоит перед камином, прислонившись спиной к каминной доске. Он, по-видимому, в сильном волнении и тревоге. В течение разговора он несколько раз принимается ходить по комнате.

Лорд Горинг. Дорогой мой Роберт, это очень неприятная история. Очень. Надо было все рассказать жене. Иметь тайны от чужих жен — это в наше время необходимая роскошь. Так, по крайней мере, мне не раз объясняли в клубе умудренные опытом старцы с лысиной во всю голову — уж они-то должны знать. Но пытаться что-нибудь скрыть от своей жены — это непростительное легкомыслие. Она же все равно узнает. У женщин на этот счет поразительный нюх. Они все видят, кроме очевидного.

Сэр Роберт Чилтерн. Артур, я не мог сказать жене. Когда я мог сказать? Вчера? Это значило бы разлучиться с ней навсегда, потерять любовь единственной женщины, которую я боготворю, единственной женщины, которая пробудила любовь в моем сердце. Нет, вчера это было невозможно. Она с ужасом отвернулась бы от меня... с ужасом и презрением.

Лорд Горинг. Леди Чилтерн до такой степени добродетельна?

Сэр Роберт Чилтерн. Да, моя жена до такой степени добродетельна.

Лорд Горинг (*снимает перчатку с левой руки*). Очень жаль. Простите, дорогой, я не то хотел сказать. Гм! Но если так, то мне очень хотелось бы серьезно поговорить с леди Чилтерн. О жизни.

Сэр Роберт Чилтерн. Это бесполезно.

Лорд Горинг. А можно попробовать?

Сэр Роберт Чилтерн. Пожалуйста. Но ничто не заставит ее изменить свои взгляды.

Лорд Горинг. Ну что ж, на худой конец это будет психологический эксперимент.

Сэр Роберт Чилтерн. Такие эксперименты очень опасны.

Лорд Горинг. Все, милый мой, опасно. Кабы не так, не стоило бы и жить... Да. По-моему, Роберт, вы должны были давным-давно все ей рассказать.

Сэр Роберт Чилтерн. Когда? При нашей по-молвке? Так неужели вы думаете, что она вышла бы за меня замуж, если бы знала, откуда пошло мое богатство и с чего началась моя карьера, — если бы знала, что я совершил поступок, который большинство людей назвали бы постыдным и бесчестным!

Лорд Горинг (*медленно*). Да. Люди именно так его и назовут. В этом можно не сомневаться.

Сэр Роберт Чилтерн (*с горечью*). Те самые люди, которые каждый день совершают еще худшие поступки. У которых есть тайны еще похуже моей.

Лорд Горинг. Потому-то они так и любят разоблачать чужие тайны. Это отвлекает внимание от их собственных.

Сэр Роберт Чилтерн. Да кому я, в конце концов, сделал зло этим поступком? Никому.

Лорд Горинг (*пристально глядя на него*). Только себе, Роберт.

Сэр Роберт Чилтерн (*после молчания*). Ну хорошо. У меня были неофициальные сведения о некоторых действиях, которые тогдашнее правительство собиралось предпринять. Я их использовал. Но точно так же слагались почти все нынешние крупные состояния. Неофициальные сведения их обычное начало.

Лорд Горинг (*постукивая тростью по своему башмаку*). И публичный скандал их обычный конец.

Сэр Роберт Чилтерн (*ходит по комнате*). Артур, и вы считаете, что это справедливо — ставить мне сейчас в упрек то, что я сделал восемнадцать лет тому назад? Справедливо, чтобы вся моя карьера рухнула из-за того, что я сделал, когда был чуть ли не мальчишкой? Мне тогда было двадцать два года, я был знатного происхождения и беден — две вины, которых

в нашем обществе не прощают. Разве справедливо за ошибку или пусть даже грех молодости — если уж люди желают называть это грехом, — разве справедливо за одно это разбивать такую жизнь, как моя, уничтожать все, ради чего я столько трудился, разрушать все, что я с такими усилиями создал?

Лорд Горинг. Жизнь никогда не бывает справедливой, Роберт. И пожалуй, так оно и лучше для большинства из нас.

Сэр Роберт Чилтерн. Всякий, в ком есть честолюбие, вынужден бороться оружием своего времени. Оружие нашего времени — деньги. Кумир нашего времени — деньги. Для того чтобы в наше время чего-нибудь добиться — положения, власти, — нужны деньги. Деньги, деньги — во что бы то ни стало!

Лорд Горинг. Вы слишком низко себя цените, Роберт. Поверьте, вы и без денег добились бы того же.

Сэр Роберт Чилтерн. Да, может быть, — к старости. Когда уже во мне угасла бы жажда власти, когда я уже не сумел бы ею насладиться. Когда я уже был бы дряхлым, усталым, разочарованным. Нет, мне нужен был успех, пока я молод. Когда же он нужен, как не в молодости? Я не мог ждать.

Лорд Горинг. Да, вы добились успеха еще молодым, это верно. Никто в наши дни не делал такой блестящей карьеры. В сорок лет — товарищ министра! Трудно желать большего.

Сэр Роберт Чилтерн. А если теперь у меня все это отнимут? Если я все потеряю из-за безобразного публичного скандала? Если всякая общественная деятельность будет для меня закрыта?..

Лорд Горинг. Роберт, как вы могли продаться за деньги!

Сэр Роберт Чилтерн (*взволнованно*). Я не продавался за деньги. Я купил успех дорогой ценой. Вот и все.

Лорд Горинг (*серьезно*). Да, вы дорогой ценой за него заплатили. Но кто вас впервые навел на эту мысль?

Сэр Роберт Чилтерн. Барон Аригейм.

Лорд Горинг. Этот мерзавец!

Сэр Роберт Чилтерн. Нет, это был человек тонкого и острого ума. Человек с большой культурой, с

огромным обаянием, с изысканными манерами. Один из самых умных людей, каких я знал.

Лорд Горинг. Ох, я предпочитаю честных дураков. В пользу глупости можно многое сказать. Я лично преклоняюсь перед глупыми людьми. У меня это, надо полагать, родственное чувство. Но как он за это взялся? Расскажите мне все по порядку.

Сэр Роберт Чилтерн (*бросается в кресло возле письменного стола*). Однажды вечером, после обеда у лорда Рэдли, барон заговорил об успехе и о том, что для достижения его в наше время есть точные правила, что это совершенно точная наука. Своим вкрадчивым тихим голосом он излагал нам самую страшную из всех философий — философию силы, и проповедовал самое чудесное из всех евангелий — евангелие золота. Должно быть, он заметил, какое впечатление произвел на меня, потому что спустя несколько дней я получил от него письмо, в котором он приглашал меня зайти. Он жил тогда на Парк-Лейн в том доме, где сейчас живет лорд Вулком. Я помню, как он меня встретил — со странной улыбкой на своих бледных, изогнутых губах, как повел меня в свою великолепную картинную галерею, показал мне свои гобелены, эмали, драгоценные камни, резные изделия из слоновой кости — дал мне почувствовать всю прелесть роскоши, среди которой жил, а затем сказал, что роскошь — это только фон, только декорация в пьесе, а единственное, ради чего стоит жить, — это власть, власть над другими людьми, власть над миром, что это высшее наслаждение, доступное человеку, и единственная радость, которая никогда не приедается. И что в наше время путь к власти только один — богатство!

Лорд Горинг (*медленно, упирая на каждое слово*). Очень мелкая философия.

Сэр Роберт Чилтерн. Тогда я так не думал. Да и сейчас не думаю. Богатство дало мне огромную силу. В самом начале жизни оно дало мне свободу — а свобода это все. Вы никогда не были бедны, и вам незнакомо честолюбие. Вам не понять, какие горизонты открыл передо мною барон. Людям редко выпадает такая удача.

Лорд Горинг. К счастью для них, если судить по результатам. Но скажите, как он все-таки уговорил вас

сделать этот... эту... ну, одним словом, то, что вы сделали?

Сэр Роберт Чилтерн. Уже прощаясь со мною, он сказал, что, если я когда-нибудь смогу доставить ему ценные сведения — никому еще не известные и действительно ценные, — он сделает меня очень богатым человеком. Я был тогда ослеплен блестящими перспективами, которыми он меня поманил, а честолюбие и жажда власти во мне были непомерные. Месяца полтора спустя через мои руки проходили некоторые секретные документы...

Лорд Горинг (*глядя на ковер у своих ног*). Правительственные документы?

Сэр Роберт Чилтерн. Да.

Лорд Горинг (*вздыхает, потом проводит рукой по лбу и поднимает глаза*). Не думал я, Роберт, что вы — именно вы — окажетесь таким слабым... и не устоите перед соблазном.

Сэр Роберт Чилтерн. Слабым? А, бросьте. Мне противно слышать эти избитые слова. Противно, когда я сам говорю это о других. Слабым? Вы в самом деле думаете, что только слабые люди поддаются соблазну? Уверяю вас, есть такие страшные соблазны, что для того, чтобы им поддаться, нужна сила, сила и мужество. Поставить всю жизнь на карту, всем рискнуть в одно мгновение — все равно, ради власти или ради удовольствия, — нет, это не слабость! Для этого нужно дьявольское мужество. У меня оно было. В тот же вечер я сел и написал письмо барону Арнгейму — то самое письмо, что сейчас в руках у этой женщины. Он нажил на этом без малого миллион.

Лорд Горинг. А вы?

Сэр Роберт Чилтерн. Я получил от него сто десять тысяч фунтов.

Лорд Горинг. Вы продешевили, Роберт.

Сэр Роберт Чилтерн. Нет. Эти деньги дали мне именно то, чего я хотел: власть над другими людьми. Я тотчас прошел в парламент. Барон и после время от времени давал мне финансовые советы. За пять лет я почти утроил свое состояние. Мне все удавалось, за что я ни брался. Во всем, связанном с деньгами, мне так везло, что иногда даже страшно становилось. Помню, я где-то прочитал, в какой-то старинной книге,

что, когда боги хотят погубить человека, они исполняют его желания.

Лорд Горинг. И вы никогда не жалели о том, что сделали?

Сэр Роберт Чилтерн. Нет. Я боролся оружием своего времени — и победил.

Лорд Горинг. Вам казалось, что вы победили.

Сэр Роберт Чилтерн. Да, тогда мне так казалось. (*После продолжительного молчания.*) Вы, верно, презираете меня, Артур, теперь, когда я вам все рассказал.

Лорд Горинг (*с глубоким чувством*). Мне жаль вас, Роберт, жаль от всего сердца.

Сэр Роберт Чилтерн. Не скажу, чтобы я когда-нибудь испытывал угрызения совести. Во всяком случае, не в обычном смысле этого слова. Нет. Но я много раз пытался откупиться... Умилостивить судьбу. За эти годы я пожертвовал на благотворительность вдвое больше, чем получил тогда от барона Арнгейма.

Лорд Горинг (*поднимает к нему глаза*). На благотворительность! Бог мой! Сколько зла вы, должно быть, натворили, Роберт!

Сэр Роберт Чилтерн. Не говорите так, Артур. Не надо.

Лорд Горинг. Простите, Роберт. Я постоянно говорю чего не надо. Должно быть, потому, что обычно говорю то, что думаю. А в наше время это рискованно. Люди все понимают наоборот. Ну, а что касается этой скверной истории, вы можете рассчитывать на мою помощь. Сделаю все, что смогу. Да вы и сами это знаете.

Сэр Роберт Чилтерн. Спасибо, Артур, спасибо. Но что делать? Что тут можно сделать?

Лорд Горинг (*откидывается на спинку кресла, засунув руки в карманы*). Гм! Вообще-то говоря, англичане терпеть не могут, если человек твердит, что он прав, но очень любят, если он кается в своих ошибках. Это у нас неплохая черта. Но в вашем случае, Роберт, покаяние не годится. Эти деньги... вы простите меня, Роберт, но из-за этих денег получается как-то... щекотливо. Кроме того, если вы во всем покаетесь, вы уже никогда не сможете проповедовать нравственность. А в Англии, если человек не может по крайней мере два раза в неделю разглагольствовать о нравственности пе-

ред обширной и вполне безнравственной аудиторией, политическое поприще для него закрыто. В смысле профессии ему остается только ботаника или церковь. Нет, каяться вам нельзя. Это вас погубит.

Сэр Роберт Чилтерн. Да, это меня погубит. Артур, мне остается только одно: бороться до конца!

Лорд Горинг (*встает*). Я ждал, что вы это скажете, Роберт. Да! Бороться! И начать надо с того, что все рассказать жене.

Сэр Роберт Чилтерн. Этого я не могу.

Лорд Горинг. Роберт, поверьте мне, вы неправы.

Сэр Роберт Чилтерн. Не могу. Это убьет ее любовь ко мне. Лучше расскажите мне об этой женщине, миссис Чивли. Как мне защититься от нее? Вы ведь, кажется, ее раньше знали?

Лорд Горинг. Да.

Сэр Роберт Чилтерн. Хорошо знали?

Лорд Горинг (*поправляет галстук*). Настолько плохо, что чуть было не женился на ней, когда гостил у Тенби. Наша помолвка продолжалась... дай бог памяти... кажется, трое суток.

Сэр Роберт Чилтерн. А почему расстроилась?

Лорд Горинг (*небрежно*). Сейчас уж не помню. Да это и не важно. Кстати, вы не пробовали предлагать ей денег? Когда-то она была очень падкой на деньги.

Сэр Роберт Чилтерн. Пробовал. Я предлагал ей любую сумму, какую она назовет. Она отказалась.

Лорд Горинг. А! Выходит, чудесное евангелие золота не всесильно? Богатые не все могут?

Сэр Роберт Чилтерн. Да, выходит, что не все. Вы правы, Артур, я чувствую — мне не избежать публичного позора. Это будет, будет! Раньше я не знал, что такое страх. Теперь знаю. Как будто ледяная рука сжимает тебе сердце. Как будто оно бьется в пустоте и все слабее, слабее... вот-вот остановится...

Лорд Горинг (*ударяет кулаком по столу*). Роберт, вы должны бороться с ней! Бороться с ней до конца!

Сэр Роберт Чилтерн. Но как?

Лорд Горинг. Пока еще не знаю. Понятия не имею. Но у каждого есть слабое место. Каждый в чем-нибудь да уязвим. (*Подходит к камину и разгля-*

дывает себя в зеркале.) Мой отец говорит, что даже у меня есть недостатки. Может быть. Не знаю.

Сэр Роберт Чилтерн. В борьбе с миссис Чивли я имею право пускать в ход любое оружие? Как вы считаете?

Лорд Горинг (*все еще глядя в зеркало*). На вашем месте я не стал бы проявлять чрезмерную щепетильность. Она сама отнюдь не беззащитная овечка.

Сэр Роберт Чилтерн (*садится к столу и берет перо*). Ну так я сейчас же пошлю зашифрованную телеграмму в наше посольство в Вене с просьбой сообщить, что им о ней известно. Может быть, за ней водятся какие-нибудь грешки, разоблачения которых она побоится.

Лорд Горинг (*поправляя цветок в петлице*). По-моему, миссис Чивли одна из тех весьма современных женщин, которые считают, что новый скандалчик им так же к лицу, как новая шляпка, и выставляют то и другое напоказ каждый день на прогулке в парке в пять тридцать вечера. Я уверен, что она обожает скандалы, и если чем огорчается, так только тем, что их у нее еще недостаточно.

Сэр Роберт Чилтерн (*пишет*). Почему вы так думаете?

Лорд Горинг. А видите ли, вчера на ней румян было очень много, а платья очень мало. В женщине это всегда признак отчаяния.

Сэр Роберт Чилтерн (*звонит*). Но телеграфировать в Вену все-таки стоит?

Лорд Горинг. Спросить всегда стоит. Отвечать — не всегда.

Входит Мэсон.

Сэр Роберт Чилтерн. Мистер Траффорд у себя?

Мэсон. Да, сэр Роберт.

Сэр Роберт Чилтерн (*вкладывает записку в конверт и тщательно его заклеивает*). Скажите ему, чтобы сейчас же зашифровал это и отослал. Немедленно.

Мэсон. Слушаю, сэр Роберт.

Сэр Роберт Чилтерн. Постойте. Дайте сюда. (*Что-то надписывает на конверте и возвращает Мэсону.*)

Видно, она имела какую-то власть над бароном Арнгеймом. Интересно, почему.

Лорд Горинг (*усмехаясь*). М-мда. Интересно.

Сэр Роберт Чилтерн. Я буду бороться с ней насмерть! Только бы моя жена ничего не узнала.

Лорд Горинг (*с силой*). Вы все равно должны с ней бороться!

Сэр Роберт Чилтерн (*с жестом отчаяния*). Если жена узнает, мне не для чего будет бороться. Так вот — как только я получу ответ из Вены, я вам сообщу. Надежда очень слабая, но я все-таки надеюсь. Буду бороться с ней ее собственным оружием. Это только справедливо. Уверен, что у нее есть прошлое.

Лорд Горинг. Как у большинства красивых женщин. Вопрос в том, какое? На прошлое тоже есть мода, как и на платья. Возможно, что прошлое миссис Чивли просто несколько слишком... декольтировано. А это теперь модно. Кроме того, дорогой мой Роберт, не очень-то надейтесь, что вам удастся запугать миссис Чивли. Насколько я понимаю, она не из пугливых. Она пережила всех своих кредиторов, и она никогда не теряет голову.

Сэр Роберт Чилтерн. Я сейчас только и живу надеждой. Хватаюсь за соломинку. Я как человек на тонущем корабле. Вода уже поднялась ему до колен, кругом ревет буря... Тсс! Моя жена! Ее голос.

Входит леди Чилтерн, одетая как для прогулки.

Леди Чилтерн. Здравствуйте, лорд Горинг.

Лорд Горинг. Здравствуйте, леди Чилтерн. Вы были в парке?

Леди Чилтерн. Нет, я прямо с заседания Либеральной женской ассоциации, где, кстати, твое имя, Роберт, было встречено громкими аплодисментами. А теперь я пришла пить чай. (*Лорду Горингу.*) Вы еще посидите, да? И выпьете с нами чаю.

Лорд Горинг. Немножко еще посижу, спасибо.

Леди Чилтерн. Я сейчас приду, только сниму шляпу.

Лорд Горинг (*очень серьезно*). Пожалуйста, не снимайте. Она вам так идет. Прелестная шляпка. На-

деюсь, Либеральная женская ассоциация встретила ее громкими аплодисментами.

Леди Чилтерн (*улыбаясь*). У нас есть дела поважнее, чем разглядывать чужие шляпки, лорд Горинг.

Лорд Горинг. Не может быть! Какие же?

Леди Чилтерн. Ах, очень скучные, очень полезные, но и очень увлекательные дела. Например: фабричное законодательство, восьмичасовой рабочий день, женские избирательные права... одним словом, все для вас совершенно неинтересное. Вот о чем мы говорим на наших заседаниях, лорд Горинг.

Лорд Горинг. И никогда — о шляпках?

Леди Чилтерн (*с притворным негодованием*). Никогда! (*Уходит в дверь, ведущую в ее будуар.*)

Сэр Роберт Чилтерн (*берет лорда Горинга за руку*). Вы настоящий друг, Артур! Настоящий друг!

Лорд Горинг. Пока я еще очень мало сделал для вас, Роберт. Ничем не сумел вам помочь. Я весьма разочарован в себе.

Сэр Роберт Чилтерн. Вы помогли мне сказать правду. Это уже кое-что. До сих пор я никому не смел ее сказать, и она меня душила...

Лорд Горинг. Ну, правда это такая вещь, от которой я всегда стараюсь как можно скорее избавиться. Дурная привычка, кстати сказать. Очень вредит мне в глазах более пожилых членов клуба. Они говорят, что это у меня от самомнения. Может быть, и так.

Сэр Роберт Чилтерн. Как я хотел бы всегда говорить правду... жить по правде! Да, выше этого ничего нет — жить по правде! (*Вздыхает и идет к двери.*) Мы с вами еще увидимся, Артур?

Лорд Горинг. Конечно. Когда хотите. Сегодня я собираюсь на бал холостяков, если не подвернется ничего поинтереснее. Но я загляну к вам завтра утром. А если захотите еще сегодня меня видеть, пошлите записочку ко мне на Керзон-стрит.

Сэр Роберт Чилтерн. Спасибо.

Когда он уже у двери, из будуара выходит леди Чилтерн.

Леди Чилтерн. Ты уходишь, Роберт?

Сэр Роберт Чилтерн. Мне нужно написать несколько писем, дорогая.

Леди Чилтерн (*идет к нему*). Ты слишком много работаешь. Совсем не думаешь о себе, а у тебя такой усталый вид!

Сэр Роберт Чилтерн. Это ничего, дорогая. Пустяки! (*Целует ее и уходит.*)

Леди Чилтерн (*лорду Горингу*). Садитесь, пожалуйста. Я так рада, что вы зашли. Мне нужно поговорить с вами... Только не о шляпках и не о женской ассоциации. Первое вас слишком интересует, а второе — недостаточно.

Лорд Горинг. Вы хотите поговорить со мною о миссис Чивли?

Леди Чилтерн. Да. Вы угадали. Вчера, после того как вы ушли, я выяснила, что она говорила правду. Разумеется, я сейчас же заставила Роберта написать ей и отказаться от своего обещания.

Лорд Горинг. Да, он мне говорил.

Леди Чилтерн. Если бы он сдержал свое обещание, это было бы первое пятно на его незапятнанной репутации. А Роберт должен быть безупречен. Он не то, что другие. Он не может поступать, как другие. (*Она смотрит на лорда Горинга. Тот молчит.*) Вы не согласны со мной? Вы же лучший друг Роберта. Вы наш самый близкий друг, лорд Горинг. Никто, кроме меня, не знает Роберта лучше, чем вы. У него нет тайн от меня, и, я думаю, у него нет тайн от вас.

Лорд Горинг. Да. От меня у него нет тайн. То есть так мне кажется.

Леди Чилтерн. Так разве я не права в моем мнении о нем? Я знаю, что я права. Но все-таки скажите мне откровенно!

Лорд Горинг (*глядя ей в глаза*). Совершенно откровенно?

Леди Чилтерн. Конечно. Ведь вам же нечего скрывать?

Лорд Горинг. Нечего. Но, дорогая моя леди Чилтерн, я думаю, если уж позволите мне говорить откровенно, что в практической жизни...

Леди Чилтерн (*с улыбкой*). О которой вы так мало знаете, лорд Горинг...

Лорд Горинг. О которой я ничего не знаю из собственного опыта, но кое-что знаю из наблюдений над другими людьми. Я думаю, что в практической

жизни успех — большой успех — всегда требует некоторой неразборчивости в средствах. Честолюбие всегда несколько неразборчиво в средствах. Если человек твердо решил добраться до вершины, его ничто не остановит. Надо карабкаться по круче — он будет карабкаться. Надо пройти по грязи...

Леди Чилтерн. Ну?..

Лорд Горинг. Он пройдет по грязи. Я, конечно, говорю так, вообще.

Леди Чилтерн (*с ударением*). Надеюсь. Почему вы так странно смотрите на меня, лорд Горинг?

Лорд Горинг. Леди Чилтерн, я часто думал... что вы слишком уж строги в своих суждениях. Мне кажется, вы... слишком уж нетерпимы. А ведь если покопаться, так у каждого есть слабости... а то и что-нибудь похуже. Допустим, например, что какой-нибудь видный политический деятель — ну, хотя бы мой отец, или лорд Мертон, или Роберт — когда-то давно написал кому-то опрометчивое письмо...

Леди Чилтерн. Что значит — опрометчивое?

Лорд Горинг. Такое, которое его сильно компрометирует. Я, конечно, разбираю воображаемый случай.

Леди Чилтерн. Роберт неспособен на опрометчивый поступок. Тем более на дурной поступок.

Лорд Горинг (*после долгого молчания*). Всякий способен на опрометчивый поступок. И всякий способен на дурной поступок.

Леди Чилтерн. Вы стали пессимистом, лорд Горинг? А что скажут все прочие денди, ваши подражатели? Им всем придется надеть траур.

Лорд Горинг (*встает*). Нет, леди Чилтерн, я не пессимист. Да я и не знаю толком, что такое пессимизм. Но я очень хорошо знаю, что понять людей можно, только если иметь к ним милосердие. Жить с людьми можно, только имея к ним милосердие. Потому что любовь, а не немецкая философия — основа жизни. По крайней мере нашей земной жизни. Не знаю, как насчет небесной. И я хочу кое-что сказать вам, леди Чилтерн. Если когда-нибудь вас постигнет беда... если вы окажетесь в трудном положении... помните, что я всегда готов вам помочь. Доверьтесь мне — и я сделаю все, что в моих силах. Напишите мне только два слова — «хочу видеть», и я брошу все и поспешу к вам.

Или придите ко мне сами. Но очень прошу вас — сейчас же обратитесь ко мне.

Леди Чилтерн (*удивленно смотрит на него*). Как серьезно вы это говорите, лорд Горинг! Никогда еще не видела вас серьезным!

Лорд Горинг (*смеется*). Простите, леди Чилтерн. Больше не буду.

Леди Чилтерн. Но вы мне нравитесь, когда вы серьезны.

Входит Мейбл Чилтерн в восхитительном платье.

Мейбл Чилтерн. Милая Гертруда, не говорите таких ужасов лорду Горингу! Серьезность ему совсем не идет. Здравствуйте, лорд Горинг. И пожалуйста, будьте как можно легкомысленней.

Лорд Горинг (*оборачивается к ней*). Я бы рад, мисс Мейбл... но сегодня что-то не выходит. Выбился из колеи. Да мне уж и пора уходить.

Мейбл Чилтерн. Как раз когда я пришла! Что за ужасные манеры! Вы очень плохо воспитаны.

Лорд Горинг. Очень.

Мейбл Чилтерн. Жаль, что не я вас воспитывала.

Лорд Горинг. И мне жаль.

Мейбл Чилтерн. А теперь уж, наверно, поздно?

Лорд Горинг (*улыбается*). А может, и нет.

Мейбл Чилтерн. Вы завтра поедете кататься?

Лорд Горинг. Да. В десять.

Мейбл Чилтерн. Смотрите не забудьте.

Лорд Горинг. Как я могу забыть! Кстати, леди Чилтерн, сегодня в «Морнинг пост» нет списка ваших вчерашних гостей. Должно быть, их вытеснил отчет о заседании городского совета, или о церковной конференции, или еще что-нибудь столь же скучное. У вас не сохранился список приглашенных? Я бы хотел посмотреть. У меня на то есть особые причины.

Леди Чилтерн. Хорошо, я скажу мистеру Траффорду. Он вам пришлет.

Лорд Горинг. Благодарю вас.

Мейбл Чилтерн. Томми самый полезный человек в Лондоне.

Лорд Горинг (*оборачивается к ней*). А кто самый очаровательный?

Мейбл Чилтерн (*с торжеством*). Я!

Лорд Горинг. Вот умница, что догадались. (*Берет свою шляпу и трость.*) До свидания, леди Чилтерн. Вы не забудете то, что я вам сказал?

Леди Чилтерн. Нет, не забуду. Но я не понимаю, почему вы это сказали.

Лорд Горинг. Я и сам не очень-то понимаю. До свидания, мисс Мейбл.

Мейбл Чилтерн (*с гримаской разочарования*). Жаль, что вы уходите! А я хотела рассказать... у меня сегодня было четыре изумительных приключения. Даже четыре с половиной. Остались бы, послушали.

Лорд Горинг. Целых четыре и даже с половиной! Это уж эгоизм с вашей стороны. Ничего не оставить на мою долю!

Мейбл Чилтерн. Но я вовсе не хочу, чтобы у вас были приключения. Это вам вредно.

Лорд Горинг. В первый раз вы жестоки ко мне, мисс Мейбл. Но как мило вы это сказали! Так, значит, завтра в десять.

Мейбл Чилтерн. Ровно в десять.

Лорд Горинг. Ровно. Но не берите с собой мистера Траффорда.

Мейбл Чилтерн (*тряхнув головой*). Нет, Томми я не возьму. Томми сейчас в немилости.

Лорд Горинг. Рад это слышать. (*Кланяется и уходит.*)

Мейбл Чилтерн. Гертруда, поговорили бы вы с Томми Траффордом.

Леди Чилтерн. В чем на этот раз провинился бедный мистер Траффорд? Роберт говорит, что лучшего секретаря у него еще не бывало.

Мейбл Чилтерн. Томми опять сделал мне предложение. Он только это и делает. Вчера он сделал мне предложение во время концерта, когда я была совершенно беззащитна, потому что исполняли какое-то сложное трио, и я не смела даже рот открыть. Музыканты ведь такой неразумный народ. Хотят, чтоб мы были немые, как раз когда больше всего хочется быть глухим. А сегодня утром он сделал мне предложение на улице перед этой кошмарной статуей Ахиллеса. Возле этого произведения искусства постоянно происходят какие-нибудь ужасы. Не понимаю, куда смотрит полиция. За вторым завтраком я по блеску в глазах Томми

поняла, что он опять собирается сделать мне предложение. Но я вовремя его остановила, заявив, что я биметаллика. Я, правда, не знаю, что такое биметаллизм. И, по-моему, никто не знает. Но это заставило Томми замолчать на добрых десять минут. Вид у него был совсем растерянный. Еще если б он как-нибудь поинтереснее делал мне предложение — ну например, громко, во весь голос, — это хоть произвело бы впечатление на окружающих. А то шепчет на ухо, никому не слышно. Когда Томми впадает в чувствительность, он сейчас же начинает говорить, как врач у одра больного. Я очень люблю Томми, но у него совершенно устаревшая манера делать предложение. Поговорите с ним, Гертруда. Объясните ему, что незачем делать предложение чаще чем раз в неделю, и если уж делать, так по крайней мере во всеуслышание.

Леди Чилтерн. Мейбл, милочка, не болтай вздора. Ты знаешь, Роберт очень высоко ценит мистера Траффорда. Он считает, что у него блестящее будущее.

Мейбл Чилтерн. Вот уж никогда бы не вышла замуж за человека с блестящим будущим!

Леди Чилтерн. Мейбл!

Мейбл Чилтерн. Я знаю, знаю. Вы сами вышли замуж за человека с будущим. Ну так ведь Роберт гений, а у вас такая возвышенная, самоотверженная натура. Вы даже гениев можете выносить. А я ни к чему такому не способна, и Роберт единственный гений, которого я выношу. А как правило, они невыносимы. Очень уж много говорят, правда? Дурная привычка! И всегда думают о себе, когда я хочу, чтобы они думали обо мне. Ох, мне уже пора на репетицию к леди Бэзилдон. Вы не забыли, что мы устраиваем живые картины? Торжество чего-то... не помню чего. Надеюсь, это будет мое торжество. Единственное торжество, которое меня сейчас интересует. *(Целует леди Чилтерн и уходит, но тут же бегом возвращается.)* Гертруда, знаете, кто к вам приехал? Эта противная миссис Чивли! В сногшибательном платье. Вы ее приглашали?

Леди Чилтерн *(встает)*. Миссис Чивли? Ко мне? Не может быть!

Мейбл Чилтерн. А я вам говорю, это она — в натуральную величину, хотя и не совсем в натуральном виде. Она уже поднимается по лестнице.

Леди Чилтерн. Ты иди, Мейбл, не задерживайся. Не забывай, что тебя ждет леди Бэзилдон.

Мейбл Чилтерн. Я только поздороваюсь с леди Маркби. Она такая милая. Я люблю, когда она меня бранит.

Входит Мэсон.

Мэсон (*докладывает*). Леди Маркби. Миссис Чивли.

Входят леди Маркби и миссис Чивли.

Леди Чилтерн (*идет им навстречу*). Дорогая леди Маркби, как я рада вас видеть! (*Пожимает руку леди Маркби и холодно кланяется миссис Чивли.*) Садитесь, пожалуйста, миссис Чивли.

Миссис Чивли. Благодарю вас. А это мисс Чилтерн? Я очень хотела бы с ней познакомиться.

Леди Чилтерн. Мейбл, миссис Чивли хочет познакомиться с тобой.

Мейбл Чилтерн коротко кивает.

Миссис Чивли (*садится*). Вчера на вас было прелестное платье, мисс Чилтерн. Такое простенькое... и приличное.

Мейбл Чилтерн. Неужели? Непременно скажу моей портнихе. То-то она удивится! До свидания, леди Маркби!

Леди Маркби. Уже уходите?

Мейбл Чилтерн. К сожалению. Спешу на репетицию. Я там должна стоять на голове в каких-то живых картинах.

Леди Маркби. На голове, дитя мое? Не советую. Это, кажется, очень вредно. (*Садится на диван рядом с леди Чилтерн.*)

Мейбл Чилтерн. Но это с благотворительной целью, леди Маркби. В пользу недостойных бедняков. Единственная категория бедняков, которым я сочувствую. Я у них секретарь, а Томми Траффорд — казначей.

Миссис Чивли. А лорд Горинг?

Мейбл Чилтерн. Лорд Горинг — председатель.

Миссис Чивли. Самый подходящий человек для этой роли — если только он не изменился с тех пор, как я его знала.

Леди Маркби (*задумчиво*). Вы очень современная девица, Мейбл. Пожалуй, даже чересчур современная. А это опасно. Можно вдруг выйти из моды. Я видела тому много примеров.

Мейбл Чилтерн. Какая ужасная перспектива!

Леди Маркби. Ах, милочка, вам-то нечего бояться. Вы всегда будете хорошенькой. А это самая прочная мода. И единственная, которую установила Англия.

Мейбл Чилтерн (*делает реверанс*). Благодарю вас, леди Маркби, за Англию... и за себя. (*Уходит.*)

Леди Маркби (*обращаясь к леди Чилтерн*). Милая Гертруда, мы, собственно, заехали узнать, не нашлась ли бриллиантовая брошка миссис Чивли.

Леди Чилтерн. У нас?

Миссис Чивли. Да. Я хватилась ее, когда вернулась к себе в отель, и подумала — может быть, я ее здесь обронила.

Леди Чилтерн. Я ничего об этом не слышала. Но сейчас позову дворецкого и спрошу. (*Звонит.*)

Миссис Чивли. Ах, ради бога, не беспокойтесь, леди Чилтерн. Наверно, я потеряла ее в театре, еще до того, как приехала к вам.

Леди Маркби. Да, наверно, в театре. Мы все теперь столько суетимся и толкаемся, что удивительно, как на нас еще хоть что-нибудь остается к концу вечера. Мне всегда кажется, когда я выхожу из чьей-нибудь гостиной, что на мне ровно ничего не осталось, кроме обрывков приличной репутации, и только одно это мешает представителям низших классов делать иронические замечания, заглядывая в окна кареты. По-моему, светское общество страдает от перенаселения. Надо бы организовать правильную эмиграцию. Выдавать им подъемные, что ли. Кто-нибудь должен этим заняться. Это будет очень полезное дело.

Миссис Чивли. Я совершенно с вами согласна, леди Маркби. Я шесть лет не была в Лондоне, и должна сказать, светское общество стало с тех пор ужасно пестрым. Всюду встречаешь каких-то странных субъектов.

Леди Маркби. Сушая правда, милочка. Но, знаете, с ними можно не знакомиться. Я, например, незнакома с доброй половиной из тех, кто бывает у меня в

доме. И вряд ли хотела бы познакомиться, судя по тому, что я о них слышу.

Входит Мэсон.

Леди Чилтерн. Какая она на вид, эта брошка, что вы потеряли, миссис Чивли?

Миссис Чивли. Змейка из бриллиантов, а в голове у нее рубин. Довольно крупный.

Леди Маркби. А не сапфир? Вы, кажется, говорили — сапфир.

Миссис Чивли (*улыбаясь*). Нет, леди Маркби. Рубин.

Леди Маркби (*кивает*). А-а, рубин. Очень... мило.

Леди Чилтерн. Мэсон, когда убрали сегодня утром, не находилась бриллиантовая брошка с рубином?

Мэсон. Нет, миледи.

Миссис Чивли. Право же, это не важно, леди Чилтерн. Мне так совестно, что я вас затрудняю.

Леди Чилтерн (*холодно*). Какое же затруднение. Это все, Мэсон. Можете подавать чай.

Мэсон уходит.

Леди Маркби. Всегда так досадно, когда что-нибудь теряешь. Помню, раз в Бате, много лет назад, я потеряла в курзале очень красивый браслет с камеей, который мне подарил сэръ Джон. И больше он, кажется, ничего мне не дарил. За последнее время он очень изменился к худшему. Эта ужасная палата общин наверняка портит наших мужей. Нет ничего губительнее для семейного счастья, чем парламентская деятельность. То есть не было, пока не придумали этот еще худший кошмар, который называется более высокое образование для женщин.

Леди Чилтерн (*улыбается*). В нашем доме это ересь, леди Маркби. Роберт горячий сторонник более высокого образования для женщин. И я тоже.

Миссис Чивли. Более высокое образование у мужчин — вот на что я хотела бы поглядеть. Им его так недостает.

Леди Маркби. Вы совершенно правы, милочка. Но боюсь, что это безнадежно. По-моему, мужчина не-

способен к развитию. Он уже достиг высшей точки — и это не бог знает как высоко, не правда ли? А что касается женщин — ну, вы, Гертруда, принадлежите к молодому поколению, и, наверно, все это правильно, раз вы это одобряете. В мое время было иначе. Нас учили ничего не понимать. В этом и заключалась прежняя система воспитания. И это было очень занятно. Мы с сестрой столько должны были не понимать — даже перечислить невозможно. Я всегда сбивалась. А современные женщины, говорят, все понимают.

Миссис Чивли. Кроме своих мужей. Это единственное, чего не понимают современные женщины.

Леди Маркби. И очень хорошо, что не понимают. А то вряд ли уцелел бы хоть один счастливый брак. К вам, Гертруда, это, конечно, не относится. У вас примерный супруг. Хотела бы я о себе сказать то же самое! Но с тех пор как сэр Джон стал регулярно посещать все парламентские заседания, чего в доброе старое время он никогда не делал, у него выработался совершенно чудовищный язык. Ему все кажется, что он в парламенте, и поэтому, когда он начинает рассуждать о положении сельскохозяйственных рабочих, или о методистской церкви, или еще о чем-нибудь, столь же непристойном, мне приходится высылать слуг из комнаты. Ведь неприятно видеть, как твой собственный дворецкий, прослуживший у тебя двадцать три года, краснеет, стоя возле буфета, а лакеи корчатся по углам, словно акробаты в цирке. И не знаю, чем все это кончится, если только сэра Джона не введут немедленно в палату лордов. Тогда уж он перестанет интересоваться политикой, правда? Палата лордов такое здоровыслящее учреждение. Настоящие джентльмены! Но сейчас сэр Джон — это тяжелое испытание. Не дальше как сегодня за завтраком он вдруг стал в позу перед камином и принялся во весь голос взывать к английскому народу. Я, конечно, сейчас же вышла из-за стола, как только допила вторую чашку чаю. Но его скандальные речи были слышны по всему дому. Неужели и ваш Роберт такой?

Леди Чилтерн. Но я сама очень интересуюсь политикой, леди Маркби. Я очень люблю, когда Роберт говорит о политике.

Леди Маркби. Неужели? Ну, я все-таки наде-

юсь, что он хоть не так увлекается Синими книгами⁵. Сэра Джона от них не оторвешь. А это, по-моему, никому не может быть полезно.

Миссис Чивли (*томно*). Я никогда не читала Синих книг. Я предпочитаю книги... в желтых обложках.

Леди Маркби (*с полной наивностью*). Ну да, желтое — гораздо более веселый цвет. Я в молодости часто носила желтое. И теперь бы носила, но сэра Джон постоянно делает такие бестактные замечания о моих туалетах. А что мужчины в этом понимают!..

Миссис Чивли. Наоборот, леди Маркби, они-то и есть настоящие судьи.

Леди Маркби. Да-а?.. Гм! Вот уж бы не сказала, если судить по тем шляпам, что они носят.

Входит дворецкий в сопровождении лакея. Они расставляют чайный прибор на столике возле леди Чилтерн.

Леди Чилтерн. Можно предложить вам чаю, миссис Чивли?

Миссис Чивли. Благодарю вас.

Лакей подает ей чашку на подносе.

Леди Чилтерн. А вам, леди Маркби?

Леди Маркби. Нет, дорогая, спасибо.

Слуги уходят.

Дело в том, что я обещала заглянуть на минутку к бедной леди Бранкастер. У нее ужасное несчастье. Ее дочь — и ведь такая милая девушка, вполне благовоспитанная! — выходит замуж за помощника приходского священника в Шропшире. Грустно, очень грустно. Не понимаю я этого теперешнего увлечения сельским духовенством. В мое время они, конечно, иногда попадались нам на глаза — они же там всюду шныряют, как кролики, — но мы не обращали на них ни малейшего внимания. А теперь, говорят, светское общество в провинции ими просто кишит. Я считаю, что это неуважение к религии. А старший сын леди Бранкастер поссорился с отцом, и мне рассказывали, что, когда они встречаются в клубе, лорд Бранкастер всегда прячется за финансовым листком «Таймса». Но теперь это сплошь да рядом, так что всем клубам на Сент-Джеймс-стрит пришлось уве-

личить подписку на «Таймс» — столько развелось сыновей, которые не желают иметь ничего общего со своими отцами, и столько отцов, которые не разговаривают с сыновьями. По-моему, это очень плохо.

Миссис Чивли. По-моему, тоже. Отцы могли бы многому научиться от своих сыновей.

Леди Маркби. Вы думаете? Чему же?

Миссис Чивли. Искусству жить. Это единственное изящное искусство, созданное нашим поколением.

Леди Маркби. Ох, насчет этого искусства лорд Бранкастер и сам не промах. Его бедная жена еще не все знает! (*К леди Чилтерн.*) Вы ведь знакомы с леди Бранкастер, милочка?

Леди Чилтерн. Очень мало. Она прошлой осенью была у Лэнгтонов, когда и мы тоже там гостили.

Леди Маркби. Ну, значит, вы ее видели. Как все тучные женщины, она выглядит так, словно счастливее ее нет на свете. А между тем у них в семье столько трагедий! Не одна эта история со священником. Ее родная сестра, миссис Джекилл, тоже была очень несчастлива в браке, и, к сожалению, не по своей вине. И так отчаялась под конец, что даже пошла... вот не помню, не то в монастырь, не то в оперетку. Ах нет, она занялась декоративными вышивками. В общем, потеряла всякий вкус к жизни. (*Встает.*) А теперь, Гертруда, разрешите, я вам подкину миссис Чивли, а через четверть часа за ней заеду. А может быть, дорогая миссис Чивли, вы посидите в коляске, пока я буду у леди Бранкастер? Мне ведь только выразить ей свое соболезнование, так что я не задержусь.

Миссис Чивли. Я ничего не имею против того, чтобы посидеть в коляске, если будет кому на меня смотреть.

Леди Маркби. Да вот, говорят, этот священник там все время крутится.

Миссис Чивли. Спасибо. Я никогда не любила... пресных блюд.

Леди Чилтерн (*встает*). Я буду очень рада, если миссис Чивли посидит у нас. Мне хотелось бы с ней поговорить.

Миссис Чивли. Благодарю вас, леди Чилтерн, вы так любезны! Я тоже буду счастлива с вами побеседовать.

Леди Маркби. Ну да, у вас же есть общие воспоминания. О детстве, о школьных годах. Так приятно! До свидания, милая Гертруда. Вы будете сегодня у леди Бонар? Она откопала какого-то нового гения. Он... вот забыла, что он делает. Кажется, ничего. Это большое облегчение, правда?

Леди Чилтерн. Мы с Робертом сегодня обедаем дома, а я и после никуда не поеду. Роберт, конечно, должен быть на вечернем заседании в парламенте. Но там не будет ничего интересного.

Леди Маркби. Обедаете дома? Наедине? Благо-разумно ли это? Ах, я все забываю, что ваш муж иск-ключение. Мой — общее правило. А ничто так не старит женщину, как все время иметь перед глазами общее правило. *(Уходит.)*

Миссис Чивли. Замечательная женщина эта леди Маркби, правда? Наговорит с три короба, а ничего не скажет. Она прямо создана быть оратором. Гораздо больше, чем ее муж, хоть он и типичный англичанин, неизменно скучный и по большей части грубый.

Леди Чилтерн продолжает стоять и ничего не отвечает. Долгая пауза. Затем глаза обеих женщин встречаются. Леди Чилтерн бледна, лицо строгое. Миссис Чивли усмехается.

Леди Чилтерн. Миссис Чивли, скажу вам откровенно: если бы я знала, кто вы, я вчера не пригласила бы вас к себе.

Миссис Чивли *(с вызывающей улыбкой)*. Неужели?

Леди Чилтерн. Я не могла бы это сделать.

Миссис Чивли. Я вижу, вы за все эти годы ничуть не изменились, Гертруда.

Леди Чилтерн. Я никогда не меняюсь.

Миссис Чивли *(поднимает брови)*. Так значит, жизнь вас ничему не научила?

Леди Чилтерн. Она научила меня помнить, что человек, некогда совершивший бесчестный поступок, может опять совершить такой поступок и что таких людей надо избегать.

Миссис Чивли. И вы ко всем применяете это правило?

Леди Чилтерн. Ко всем без исключения.

Миссис Чивли. В таком случае мне очень жаль вас, Гертруда. Очень жаль.

Леди Чилтерн. Теперь вы, надеюсь, видите, что по многим причинам дальнейшее знакомство между нами невозможно.

Миссис Чивли (*откидывается в кресле*). Осуждаете меня, Гертруда? Да? Пожалуйста. Сколько вам угодно. Я не обижаюсь. Ведь это только поза, в которую мы становимся перед теми, кого не любим. Вы меня не любите, я знаю. А я всегда вас ненавидела. И все-таки пришла сюда, чтобы оказать вам услугу.

Леди Чилтерн (*презрительно*). Должно быть, вроде той услуги, что вы вчера хотели оказать моему мужу? Слава богу, я избавила его от ваших услуг.

Миссис Чивли (*вскакивает*). Так это вы заставили его написать мне это наглое письмо? Вы заставили его нарушить слово?

Леди Чилтерн. Да.

Миссис Чивли. Так сделайте же так, чтобы он его сдержал. Даю вам срок до завтрашнего утра. Если к этому времени он не заявит публично о своей готовности поддержать этот блестящий проект, в котором я заинтересована...

Леди Чилтерн. Эту мошенническую спекуляцию...

Миссис Чивли. Называйте ее как хотите. Ваш муж у меня в руках, и, если в вас есть хоть капля разума, вы заставите его сделать то, что я велю.

Леди Чилтерн (*идет к ней*). Вы очень дерзки. Что общего у моего мужа с вами? С такой женщиной, как вы?

Миссис Чивли (*с горьким смехом*). Да то, что мы с ним одного поля ягоды. Ваш муж сам бесчестный обманщик, вот почему нам с ним так легко столкнуться. Между ним и вами — пропасть. А мы с ним ближе, чем друзья. Мы враги, скованные одной цепью. Одним и тем же преступлением.

Леди Чилтерн. Как вы смеете равнять себя с моим мужем? Как вы смеете грозить ему — или мне? Уходите из моего дома! Вы недостойны переступить мой порог!

Сзади входит сэр Роберт Чилтерн, слышит последние слова жены и видит, к кому они обращены. Он бледнеет как полотно.

Миссис Чивли. Вашего дома! Дома, купленного ценой бесчестия. Дома, в котором за все заплачено деньгами, полученными за предательство. (*Оборачивается и видит сэра Роберта Чилтерна.*) Спросите его, откуда у него богатство! Пусть он вам расскажет, как продал министерский секрет биржевому спекулянту. Узнайте от него, чему вы обязаны своим положением!

Леди Чилтерн. Это неправда! Роберт! Это неправда!

Миссис Чивли (*указывает на него пальцем*). Посмотрите на него! Что же он не отрицает, а? Не смеет!

Сэр Роберт Чилтерн. Уходите. Сейчас же. Вы уже сделали все, что могли.

Миссис Чивли. Все? Ну нет, я еще с вами не кончила. Ни с вами, ни с ней. Даю вам обоим срок до завтра. Если до завтра, до двенадцати часов дня, не будет сделано то, что я приказываю, весь мир узнает правду о карьере Роберта Чилтерна.

Сэр Роберт Чилтерн звонит. Входит Мэсон.

Сэр Роберт Чилтерн. Проводите миссис Чивли.

Миссис Чивли вздрагивает, как от удара. Затем с преувеличенной вежливостью кланяется леди Чилтерн; та не отвечает на поклон. Проходя мимо сэра Роберта Чилтерна, который стоит ближе к двери, миссис Чивли на мгновение останавливается и смотрит ему в лицо. Потом выходит. Слуга идет сзади и притворяет за собой дверь. Супруги остаются одни. Леди Чилтерн стоит в оцепенении. Потом оборачивается и смотрит на мужа странным взглядом, как будто видит его впервые.

Леди Чилтерн. Ты продал государственную тайну за деньги. Ты начал жизнь с обмана. Ты построил свою карьеру на бесчестии. Скажи, что это неправда! Солги мне! Солги! Скажи, что это неправда!

Сэр Роберт Чилтерн. Это правда. Эта женщина сказала правду. Но, Гертруда, выслушай меня! Ты не знаешь, какое это было искушение... Позволь мне все рассказать! (*Идет к ней.*)

Леди Чилтерн. Не подходи ко мне. Не трогай меня. Ты вымарал меня в грязи. Все эти годы ты носил маску. Лживую, раскрашенную маску! Ты продался за деньги. Вором, вором быть и то лучше! Ты продал себя

тому, кто дал больше. Тебя купили с аукциона. Ты лгал всему миру. А мне ты не хочешь солгать!..

Сэр Роберт Чилтерн (*бросаясь к ней*). Гертруда! Гертруда!

Леди Чилтерн (*отстраняет его вытянутыми вперед руками*). Не говори... не говори ничего. Я не могу слышать твой голос... он пробуждает во мне воспоминания... страшные воспоминания... обо всем, за что я тебя любила... о всех словах, которые ты мне говорил... и за которые я тебя полюбила. Я не хочу об этом помнить, теперь все это... мерзко мне. А как я тебя любила! Я молилась на тебя! Ты был для меня что-то высшее, вне повседневной жизни, — чистое, благородное, честное, без единого пятнышка. Я верила: мир стал лучше оттого, что ты живешь в нем, добродетель не пустое слово, потому что ты есть на свете. А теперь... Подумать только, кого я избрала своим идеалом! Идеалом всей моей жизни!

Сэр Роберт Чилтерн. Вот это и есть твоя ошибка. Твое заблуждение! Как у всех женщин. Почему вы, женщины, не можете любить нас такими, как мы есть, со всеми нашими недостатками? Зачем вы ставите нас на пьедестал? У нас у всех ноги из глины, как у женщин, так и у мужчин; но мужчина любит женщину, зная все ее слабости, все ее причуды и несовершенства, — и, может быть, за них-то он ее больше всего и любит. И это правильно. Потому что не тот нуждается в любви, кто силен, а тот, кто слаб. Вот когда мы раним себя или другие нас ранят, тогда должна прийти любовь и исцелить наши раны. А иначе зачем любовь? Истинная любовь прощает все преступления, кроме преступления против любви. Она освящает всякую жизнь, кроме жизни без любви. Такова любовь мужчины. Она шире, добрее, человечнее, чем любовь женщины. Вы думаете, что делаете из нас идеал. А вы только творите себе ложные кумиры. Ты из меня сотворила себе ложный кумир. А у меня недостало мужества сойти вниз, показать тебе мои раны, признаться в своих слабостях. Я боялся потерять твою любовь — и недаром, — потому что вот же я ее потерял! А чем все это кончилось? Вчера ты разбила мне жизнь. Да, разбила! То, чего требовала эта женщина, ничто по сравнению с тем, что она предлагала. Она предлагала мне безопас-

ность, спокойствие, жизнь без страха. Грех моей юности, который я считал похороненным, вдруг встал передо мной — страшный, омерзительный — и схватил меня за горло. Я мог убить его, загнать обратно в могилу, изгладить самую память о нем, сжечь единственное свидетельство против меня. Ты мне помешала. Ты, ты, никто другой как ты, ты это знаешь. И теперь у меня нет ничего впереди — только публичный позор, гибель всех надежд, стыд, смех толпы: одинокая жизнь где-нибудь в глухом углу, с клеймом позора, и, может быть, такая же одинокая смерть, среди общего презрения. Нет уж, пусть лучше женщины не делают из нас идеала! Пусть не воздвигают нам алтарей и не преклоняют перед ними колени! А не то они погубят еще много человеческих жизней — так же как ты, которую я так страстно любил, погубила мою жизнь! (*Уходит.*)

Леди Чилтерн бросается за ним, но дверь захлопывается. Бледная, растерянная, без сил, она стоит, качаясь, как стебель в воде. Ее простертые руки трепещут, как цветы на ветру. Потом она опускается на пол перед диваном и прячет лицо в подушки. Ее рыдания звучат жалобно и беспомощно, как плач ребенка.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Библиотска в доме лорда Горинга. Мебель и внутреннее убранство в стиле Адам⁶. Направо дверь в холл, налево — в курительную. В задней стене двустворчатая дверь в гостиную. Топится камин. Дворецкий Фиппс раскладывает газеты на письменном столе. Главная отличительная черта Фиппса бесстрашие: некоторые энтузиасты даже называют его идеальным дворецким. Сфинкс более разговорчив и общителен, чем он. Фиппс — это маска с безукоризненными манерами. О его умственной и эмоциональной жизни ничего не известно. Он — воплощение господства формы.

Входит лорд Горинг. Он во фраке, с бутоньеркой в петлице, в цилиндре и белых перчатках, на плечи накинут плащ, в руках трость в стиле Людовика XVI — не упущен ни единый атрибут современной моды. Видно, что он с ней теснейшим образом связан, сам ее создает и, таким образом, возвышается над нею. В истории человеческой мысли он первый философ, умеющий хорошо одеваться.

Лорд Горинг. Что, принесли уже мою вторую бутоньерку, Фиппс?

Фиппс. Да, милорд. *(Берет у него цилиндр, трость и плащ и подает на подносе новую бутоньерку.)*

Лорд Горинг. Довольно изящная! В настоящее время, Фиппс, из всех сколько-нибудь достойных внимания людей в Лондоне только я один ношу бутоньерки.

Фиппс. Да, милорд. Я это заметил.

Лорд Горинг *(вынимает старую бутоньерку из петлицы)*. Видите ли, Фиппс, модно то, что носишь ты сам. А немодно то, что носят другие.

Фиппс. Да, милорд.

Лорд Горинг. Также как вульгарность — это просто-напросто поведение других людей.

Ф и п п с. Да, милорд.

Лорд Горинг (*вдевает новую бутоньерку в петлицу*). А ложь — это правда других людей.

Ф и п п с. Да, милорд.

Лорд Горинг. Другие — это вообще кошмарная публика. Единственное хорошее общество — это ты сам.

Ф и п п с. Да, милорд.

Лорд Горинг. Любовь к себе — это начало романа, который длится всю жизнь, Фиппс.

Ф и п п с. Да, милорд.

Лорд Горинг (*глядится в зеркало*). Мне все-таки не совсем нравится эта бутоньерка, Фиппс. Чутьочку старит меня. Я выгляжу с ней почти как мужчина в цвете лет. А, Фиппс?

Ф и п п с. Я не нахожу никаких перемен в вашей внешности, милорд.

Лорд Горинг. Не находите, Фиппс?

Ф и п п с. Нет, милорд.

Лорд Горинг. А я нахожу. Да. Положительно. Распорядитесь, чтобы впредь по четвергам, для вечера, мне составляли более легкомысленные бутоньерки.

Ф и п п с. Я поговорю с хозяйкой цветочного магазина, милорд. У нее недавно умер кто-то из родственников. Возможно, этим объясняется недостаток легкомыслия в ее бутоньерках.

Лорд Горинг. Удивительное это свойство у наших английских низших сословий — у них вечно умирают родственники.

Ф и п п с. Да, милорд. Им необыкновенно везет в этом отношении.

Лорд Горинг (*оборачивается и смотрит на него. Фиппс сохраняет невозмутимость*). Гм!.. Письма были, Фиппс?

Ф и п п с. Три, милорд. (*Подает письма на подносе.*)

Лорд Горинг (*берет их*). Через двадцать минут мне нужен будет кеб, Фиппс.

Ф и п п с. Слушаю, милорд. (*Идет к двери.*)

Лорд Горинг (*показывает ему письмо в розовом конверте*). Э-гм! Фиппс! Когда пришло это письмо?

Ф и п п с. Его принес посыльный сейчас же после вашего отъезда в клуб, милорд.

Лорд Горинг. Хорошо. Можете идти.

Ф и п п с уходит.

Почерк леди Чилтерн и розовая бумага леди Чилтерн. Странно! Я ждал, что Роберт напишет. А что может мне писать леди Чилтерн? *(Садится к столу, вскрывает письмо и читает.)* «Верю. Хочу видеть. Приду. Гертруда». *(Откладывает письмо, удивленно поднимая брови. Снова берет его и медленно перечитывает.)* «Верю. Хочу видеть. Приду». Так. Значит, она все узнала! Бедняжка! Бедняжка! *(Вынимает часы, смотрит на них.)* Однако поздний час для визита. Десять часов! А я собирался к Беркширам. Придется отложить. Ну, это не важно. Всегда приятно не прийти туда, где тебя ждут. А в клубе холостяков меня не ждут, вот я туда и поеду. Да. Постараюсь уговорить ее, чтобы она не покидала мужа. Ее место возле мужа. Как и всякой жены. Беда, когда у женщины высоко развито моральное чувство. От этого брак и стал таким безнадежным, односторонним учреждением. Десять часов. Вероятно, скоро придет. Надо сказать Фиппсу, что ни для кого другого меня нет дома. *(Идет к звонку.)*

Входит Ф и п п с.

Ф и п п с. Лорд Кавершем.

Лорд Горинг. Господи, ну почему родители всегда являются не вовремя? Это какой-то просчет природы.

Входит лорд Кавершем.

Дорогой отец, как я рад вас видеть! *(Идет ему навстречу.)*

Лорд Кавершем. Помогите мне снять пальто.

Лорд Горинг. Стоит ли вам раздеваться, отец?

Лорд Кавершем. Конечно, стоит, сэр. Какое тут самое удобное кресло?

Лорд Горинг. Вот это. Я всегда сам в нем сижу, когда у меня гости.

Лорд Кавершем. Благодарю. Надеюсь, тут нет сквозняков?

Лорд Горинг. Нет, отец.

Лорд Кавершем *(садится)*. Рад это слышать. Не выношу сквозняков. Дома у нас никогда не бывает сквозняков.

Лорд Горинг. Но иногда бывают бури, не правда ли?

Лорд Кавершем. А? Что? Не понимаю, что вы хотите сказать. Мне нужно серьезно поговорить с вами, сэр.

Лорд Горинг. Ну что вы, отец! В такой час?

Лорд Кавершем. Сейчас десять. Чем вам плох этот час? По-моему, час очень хороший.

Лорд Горинг. Простите, отец, но сегодня не мой день для серьезных разговоров. Очень сожалею, но... не мой день.

Лорд Кавершем. Это еще что значит, сэр?

Лорд Горинг. Во время сезона я веду серьезные разговоры только по первым вторникам каждого месяца, от четырех до семи.

Лорд Кавершем. Ну так считайте, что сегодня вторник. Считайте, что вторник.

Лорд Горинг. Но сейчас уже больше семи, отец, а мой доктор запретил мне вести серьезные разговоры после семи часов вечера. От этого я потом разговариваю во сне.

Лорд Кавершем. Разговариваете во сне? Ну и что? Какое это имеет значение? Вы ведь не женаты.

Лорд Горинг. Да, отец, я не женат.

Лорд Кавершем. Гм! Об этом я и хотел с вами поговорить. Вы должны жениться. Немедленно! В вашем возрасте, сэр, я уже три месяца был безутешным вдовцом и уже начинал ухаживать за вашей матерью. Да вы просто обязаны жениться. Это ваш долг, сэр! Нельзя жить только для удовольствия! В наше время все порядочные люди женятся. Холостяки больше не в моде. Дискредитированная публика. О них слишком много известно. Вам нужна жена. Посмотрите, чего достиг ваш друг Роберт Чилтерн честностью, усердным трудом и разумной женитьбой на хорошей женщине! Почему вы не делаете, как он? Почему не возьмете его себе за образец?

Лорд Горинг. Пожалуй, я так и сделаю, отец.

Лорд Кавершем. Очень будет хорошо. Тогда я успокоюсь. А сейчас я отравляю жизнь вашей бедной матери — и все из-за вас. Вы бессердечны, сэр, совершенно бессердечны.

Лорд Горинг. Ну что вы, отец.

Лорд Кавершем. Давно пора вам жениться. Вам уже тридцать четыре года, сэр.

Лорд Горинг. Да, отец. Но я всегда говорю, что мне тридцать два. Даже тридцать один с половиной — когда у меня хорошая бутоньерка. Эта недостаточно... легкомысленна.

Лорд Кавершем. Вздор. Вам тридцать четыре, сэр. И кроме того, в этой комнате сквозняк. Это еще ухудшает ваше поведение. Почему вы сказали, что здесь нет сквозняка? Здесь сквозит, я чувствую.

Лорд Горинг. Я тоже. Ужасный сквозняк. Давайте я лучше зайду к вам завтра. И мы обо всем поговорим. Разрешите, я вам подам пальто.

Лорд Кавершем. Нет, сэр. Я пришел сюда с определенным намерением и не уйду, пока его не выполню. Хотя бы даже ценой моего здоровья. Или вашего. Оставьте мое пальто, сэр.

Лорд Горинг. Хорошо, отец. Но перейдем, по крайней мере, в другую комнату. (*Звонит.*) В этой страшно сквозит.

Входит Ф и п п с.

Фиппс, вы затопили камин в курительной?

Ф и п п с. Да, милорд.

Лорд Горинг. Пойдемте туда, отец. Вы так чихаете, что у меня сердце разрывается.

Лорд Кавершем. Надеюсь, я имею право чихать, если мне нравится?

Лорд Горинг (*виноватым тоном*). Без сомнения, отец. Я только хотел выразить вам свое сочувствие.

Лорд Кавершем. На что мне ваше сочувствие. Этого добра на свете и так слишком много.

Лорд Горинг. Совершенно согласен с вами, отец. Если бы люди меньше сочувствовали друг другу, меньше было бы неприятностей.

Лорд Кавершем (*направляясь в курительную*). Это парадокс, сэр. Ненавижу парадоксы.

Лорд Горинг. Я тоже, отец. В наше время что ни человек, то парадокс. Это очень скучно. Всех насквозь видно как стеклышко.

Лорд Кавершем (*оборачивается и смотрит на сына из-под нависших бровей*). Вы всегда понимаете то, что говорите?

Лорд Горинг (*после некоторого колебания*). Да, отец. Если внимательно слушаю.

Лорд Кавершем (*возмущенно*). Если внимательно слушаете!.. Ха! Нахальный щенок! (*Ворча себе под нос, уходит в курительную.*)

Входит Ф и п с.

Лорд Горинг. Фипс, ко мне скоро должна прийти дама. По делу. Когда она придет, проводите ее в гостиную. Понятно?

Ф и п с. Да, милорд.

Лорд Горинг. У нее ко мне очень важное дело, Фипс.

Ф и п с. Понимаю, милорд.

Лорд Горинг. И больше никого не принимать. Ни под каким видом.

Ф и п с. Понимаю, милорд.

Слышен звонок.

Лорд Горинг. А! Это, наверно, она. Я сам ее встречу. (*Идет к двери.*)

В эту минуту из курительной выглядывает лорд Кавершем.

Лорд Кавершем. Ну, сэр? Долго я вас буду дожидаться?

Лорд Горинг (*в смущении*). Я сейчас, отец. Простите.

Лорд Кавершем скрывается.

Так помните, Фипс, — прямо в гостиную.

Ф и п с. Слушаю, милорд.

Лорд Горинг уходит в курительную. Лакей Гарольд вводит миссис Чивли. Она вся в зеленом с серебром и, более чем когда-либо, змесподобна. На плечах черное атласное манто, подбитое шелком цвета увядшей розы.

Гарольд. Как прикажете о вас доложить, сударыня?

Миссис Чивли (*Фипсу, который подходит к ней*). А где же лорд Горинг? Мне сказали, он дома.

Ф и п с. Его милость сейчас заняты с лордом Кавершемом, сударыня. (*Обращает на Гарольда холодный, уничтожающий взгляд, и тот немедленно ретируется.*)

Миссис Чивли (*про себя*). Какой примерный сын!

Фиппс. Его милость велел мне проводить вас в гостиную, сударыня. И просить вас — не будете ли вы так добры подождать минутку. Он сейчас туда придет.

Миссис Чивли (*удивлена*). Лорд Горинг меня ждал?

Фиппс. Да, сударыня.

Миссис Чивли. Вы не ошибаетесь?

Фиппс. Его милость велел мне, если придет дама, просить ее подождать в гостиной. (*Идет к дверям в гостиную и распахивает их.*) Я имею вполне точные указания.

Миссис Чивли (*про себя*). Какая заботливость! Ждать неожиданного — это поистине современный ум! (*Идет к двери и заглядывает в гостиную.*) Ух! До чего в них всегда неуютно, в этих холостяцких гостиных! Придется мне все тут переделать.

Фиппс берет лампу с письменного стола и хочет нести ее в гостиную.

Нет, не надо лампы. Слишком резкий свет. Лучше зажгите несколько свечей.

Фиппс (*ставит лампу обратно*). Слушаю, сударыня.

Миссис Чивли. Надеюсь, у свечей приятные абажуры?

Фиппс. Пока никто не жаловался, сударыня. (*Переходит в гостиную и начинает зажигать свечи.*)

Миссис Чивли (*про себя*). Интересно, какую это даму он ждет. Вот бы застигнуть его на любовном свидании! У мужчин всегда такой глупый вид, когда они попадают. А они вечно попадают. (*Оглядывает комнату и подходит к письменному столу.*) А эта комната недурна. И картины какие интересные. Ну-ка посмотрим, что у него тут за переписка. (*Перебирает бумаги на столе.*) Фу, какая скука! Счета и визитные карточки. Долги и вдовствующие герцогини! А кто это пишет ему на розовой бумаге? Смешно — розовая записочка! Похоже на начало мещанского романа. Роман не должен начинаться с изливания чувств. Он должен начинаться с трезвого расчета и кончаться дарственной записью. (*Откладывает письма, потом снова их берет.*) А ведь я знаю этот почерк. Это почерк Гертруды

Чилтерн. Я его хорошо помню. Десять заповедей в каждом росчерке пера и высоконравственность в каждой строчке. Интересно, что она ему пишет. Наверно, какие-нибудь гадости обо мне. До чего я ненавижу эту женщину! *(Читает.)* «Верю. Хочу видеть. Приду. Гертруда». «Верю. Хочу видеть. Приду...» *(Лицо ее освещается торжеством. Она уже хочет украсть письмо.)*

Но в эту минуту входит Ф и п с.

Ф и п с. Свечи в гостиной зажжены, сударыня, как вы велели.

Миссис Чивли. Благодарю. *(Поспешно встает, сунув письмо под большой отделанный серебром бювар, лежащий на столе.)*

Ф и п с. Надеюсь, абажуры вам понравятся, сударыня. Это лучшие, какие у нас есть. Его милость всегда при них одевается к обеду.

Миссис Чивли *(с улыбкой)*. Ну, тогда они, конечно, само совершенство.

Ф и п с *(с важностью)*. Благодарю вас, сударыня.

Миссис Чивли удаляется в гостиную. Ф и п с затворяет за ней дверь и уходит. Затем дверь приотворяется, миссис Чивли выходит и крадучись идет к столу. Внезапно из курительной доносятся громкие голоса. Миссис Чивли бледнеет и застывает на месте. Голоса становятся еще слышнее, и она, кусая губы, вновь скрывается в гостиной.

Входят лорд Горинг и лорд Кавершем.

Лорд Горинг *(протестуя)*. Но, дорогой мой отец, если уж я должен жениться, то хоть позвольте мне самому выбрать время, место и жену. В особенности жену.

Лорд Кавершем *(сухо)*. Ничего подобного, сэр. Вы не сумеете выбрать. Это я буду решать, а не вы. Тут замешаны имущественные интересы. А чувства тут ни при чем. Чувства в браке приходят позже.

Лорд Горинг. Да. Когда муж и жена ничего уже не чувствуют друг к другу, кроме отвращения. *(Подает пальто лорду Кавершему.)*

Лорд Кавершем. Конечно, сэр. То есть, конечно, нет, сэр. Вы сегодня глупости болтаете. Я только хотел сказать, что главное в браке — здравый смысл.

Лорд Горинг. Но женщины, обладающие здравым смыслом, все почему-то дурнушки. Вы не замечали? Я, конечно, так говорю с чужих слов.

Лорд Кавершем. Ни одна женщина, красавица или дурнушка, не обладает здравым смыслом. Здравый смысл — это преимущество нашего пола.

Лорд Горинг. Да. И мы, мужчины, настолько скромны, что никогда им не пользуемся.

Лорд Кавершем. Я пользуюсь, сэр. Только им и ничем другим.

Лорд Горинг. Да. Так и мама мне говорила.

Лорд Кавершем. В этом секрет ее счастья, сэр. Вы бессердечны, сэр, совершенно бессердечны.

Лорд Горинг. Ну что вы, отец.

Выходят. Через мгновение лорд Горинг, весьма смущенный, возвращается. С ним сэр Роберт Чилтерн.

Сэр Роберт Чилтерн. Дорогой мой Артур, вот хорошо, что вы как раз вышли! Ваш дворецкий с чего-то взял, что вас нет дома. Очень странно!

Лорд Горинг. Да, видите ли, Роберт, я сегодня очень занят, ну и велел ему всем говорить, что меня нет. Мой отец и тот сегодня встретил у меня довольно холодный прием. Так что даже все время жаловался на сквозняки.

Сэр Роберт Чилтерн. Но меня вы должны принять, Артур. Вы мой лучший друг. А завтра, может быть, будете единственным моим другом. Моя жена все узнала.

Лорд Горинг. А! Я так и думал!

Сэр Роберт Чилтерн (*смотрит на него*). Вы так думали? Почему?

Лорд Горинг (*после некоторого колебания*). Да так, догадался по выражению вашего лица, когда вы вошли. А кто ей сказал?

Сэр Роберт Чилтерн. Сама миссис Чивли. И теперь женщина, которую я люблю, знает, что моя карьера началась с обмана и бесчестия, что я построил свою жизнь на песке позора, что я, как обыкновенный торгаш, продал тайну, которую мне доверили как человеку чести. Слава богу, лорд Рэдли вовремя умер — не узнав, что я его предал. Лучше бы я сам тогда умер,

чем поддаться искушению и так низко пасть! (*Закрывает лицо руками.*)

Лорд Горинг (*после паузы*). А из Вены еще не ответили?

Сэр Роберт Чилтерн. Ответили. Сегодня, в восемь часов, я получил телеграмму от первого секретаря посольства.

Лорд Горинг. Ну?

Сэр Роберт Чилтерн. Против нее ничего нет. Наоборот, в тамошнем обществе она довольно видная фигура. Всем, правда, известно, что барон Арнгейм оставил ей большую часть своего огромного состояния. Но кроме этого, мне ничего не удалось узнать.

Лорд Горинг. Значит, она не шпионка?

Сэр Роберт Чилтерн. Э, кому теперь нужны шпионы. Вымирающая профессия. За них теперь все делают газеты.

Лорд Горинг. И даже очень неплохо делают.

Сэр Роберт Чилтерн. Артур, я умираю от жажды. Можно, я позвоню, чтобы мне чего-нибудь принесли? Рейнвейна с зельтерской?

Лорд Горинг. Конечно. Позвольте, я сам. (*Звонит.*)

Сэр Роберт Чилтерн. Спасибо. Я не знаю, что мне делать, Артур, я не знаю, что мне делать, и вы мой единственный друг. Но зато какой друг! Друг, которому можно верить. Ведь вам я могу верить, Артур?

Входит Ф и п с.

Лорд Горинг. Ну конечно же, дорогой мой Роберт. (*Фипсу.*) Принесите рейнвейна с зельтерской.

Ф и п с. Слушаю, милорд.

Лорд Горинг. Ах, да! Фипс!

Ф и п с. Что прикажете, милорд?

Лорд Горинг. Извините, Роберт, я вас оставлю на минутку. Мне нужно распорядиться.

Сэр Роберт Чилтерн. Пожалуйста.

Лорд Горинг. Когда эта дама придет, скажите, что меня сегодня нет и не будет. Скажите, что меня срочно вызвали и я уехал из города. Понимаете?

Ф и п с. Дама в гостиной, милорд. Ведь вы велели проводить ее в гостиную, милорд.

Лорд Горинг. Вы поступили совершенно правильно, Фиппс.

Фиппс уходит.

Вот так история! Ну, ничего. Выпутаюсь. Сделаю ей внушение сквозь дверь. Трудное, однако, положение.

Сэр Роберт Чилтерн. Артур, скажите, что мне делать? У меня сейчас такое чувство, как будто все кругом развалилось... все спуталось. Я как корабль без руля в ночи без звезд.

Лорд Горинг. Роберт, вы ведь любите свою жену?

Сэр Роберт Чилтерн. Я люблю ее больше всего на свете. Раньше я думал, что главное в жизни — честолюбие. Это неверно. Главное в жизни любовь. Любовь — это все. И я люблю свою жену. Но я опозорен в ее глазах. Я унижен в ее глазах. Теперь между нами все кончено. Она узнала, каков я есть. И осудила бесповоротно.

Лорд Горинг. Но неужели она не может простить вас? Разве сама она никогда не оступалась? Может быть, и сама она когда-нибудь, под влиянием минуты, совершила опрометчивый или нескромный поступок?

Сэр Роберт Чилтерн. Моя жена? Никогда! Она не знает, что такое слабость или искушение. Я — прах земной, как все мужчины. А она вознесена высоко над нами, как большинство хороших женщин. И она безжалостна в своей правоте, холодна, сурова и не ведает сострадания. Но я люблю ее, Артур. У нас нет детей, и мне некого любить, кроме нее, и меня некому любить. Если бы Бог дал нам ребенка, может быть, она была бы добрее ко мне. Но мой дом пуст. А она — она разорвала мне сердце пополам. Не будем говорить об этом. Сегодня я был очень груб с ней. Но когда грешники разговаривают со святыми, они, наверно, всегда бывают грубы. Я ей бог знает чего наговорил — правду, в общем, но такую изменную правду, мужскую. Не будем говорить об этом.

Лорд Горинг. Ваша жена простит вас. Может быть, сейчас, вот в эту минуту, она уже вас простила. Она любит вас, Роберт. Как же она может не простить?

Сэр Роберт Чилтерн. Дай Бог! Дай Бог! (За-

крывает лицо руками.) Но я хочу еще что-то сказать вам, Артур.

Входит Фиппс с подносом.

Фиппс (*подавая сэру Роберту Чилтерну*). Рейнвейн с зельтерской, сэр.

Сэр Роберт Чилтерн. Спасибо.

Лорд Горинг. Коляска ждет вас, Роберт?

Сэр Роберт Чилтерн. Нет, я пришел пешком из клуба.

Лорд Горинг. Сэр Роберт возьмет мой кеб, Фиппс.

Фиппс. Слушаю, милорд. (*Уходит.*)

Лорд Горинг. Вы не обижаетесь, Роберт, что я вас выгоняю?

Сэр Роберт Чилтерн. Потерпите еще пять минут, Артур. Слушайте. Я решил, что скажу сегодня в палате. Прения по вопросу об Аргентинском канале начинаются в одиннадцать.

В гостиной падает стул.

Что это?

Лорд Горинг. Ничего.

Сэр Роберт Чилтерн. Я слышал — в комнате рядом упал стул. Там кто-то подслушивает.

Лорд Горинг. Нет, нет. Там никого нет.

Сэр Роберт Чилтерн. Там кто-то есть. В комнате свет, дверь приотворена. Кто-то подслушал все мои тайны. Артур, что это значит?

Лорд Горинг. Роберт, вы волнуетесь, расстроены, вам послышалось. Я вам говорю — там никого нет. Сядьте, Роберт.

Сэр Роберт Чилтерн. Вы даете мне слово, что там никого нет?

Лорд Горинг. Да.

Сэр Роберт Чилтерн. Ваше честное слово? (*Садится.*)

Лорд Горинг. Да.

Сэр Роберт Чилтерн (*встает*). Артур, дайте я сам посмотрю.

Лорд Горинг. Нет. Нет.

Сэр Роберт Чилтерн. Если там никого нет, почему мне нельзя посмотреть? Артур, позвольте, я

сам пойду и удостоверюсь. Я должен быть уверен, что никакой соглядатай не проник в тайну моей жизни. Вы не знаете, что я переживаю.

Лорд Горинг. Роберт, перестаньте. Я сказал, что там никого нет, — и довольно.

Сэр Роберт Чилтерн (*бросается к дверям в гостиную*). Нет, не довольно! Я желаю войти в эту комнату. Вы сказали, там никого нет, так почему же вы меня не пускаете?

Лорд Горинг. Ради бога, не надо! Там кто-то есть. Кто-то, кого вы не должны видеть.

Сэр Роберт Чилтерн. А! Так я и знал!

Лорд Горинг. Я запрещаю вам входить в эту комнату!

Сэр Роберт Чилтерн. Прочь с дороги! На карте моя жизнь! И плевать мне, что я кого-то там не должен видеть. Я узнаю, кому я открыл свою тайну и свой позор! (*Входит в гостиную.*)

Лорд Горинг. Боже мой! Там его жена!

Сэр Роберт Чилтерн возвращается. Лицо его выражает презрение и гнев.

Сэр Роберт Чилтерн. Как вы объясните присутствие здесь этой женщины?

Лорд Горинг. Роберт, клянусь вам, она чиста и невинна перед вами.

Сэр Роберт Чилтерн. Подлая, низкая тварь!

Лорд Горинг. Не говорите так, Роберт! Она пришла сюда только ради вас. Только затем, чтобы посоветоваться со мною, как спасти вас. Она любит только вас и никого другого.

Сэр Роберт Чилтерн. Вы с ума сошли. Какое мне дело до ваших интрижек с этой женщиной. Пусть остается вашей любовницей. Прекрасная будет парочка! Она — бесстыжая, развратная, а вы — вероломный друг, предатель, хуже врага...

Лорд Горинг. Это неправда, Роберт. Видит Бог, это неправда. Пойдемте. При вас и при ней я все объясню.

Сэр Роберт Чилтерн. Пропустите меня, сэр. Довольно вы уже мне лгали! Вы — и ваше честное слово!.. (*Уходит.*)

Лорд Горинг устремляется к дверям гостиной. Навстречу ему выходит миссис Чивли, сияя насмешливой улыбкой.

Миссис Чивли (*делает ему реверанс*). Добрый вечер, лорд Горинг.

Лорд Горинг. Миссис Чивли! Бог мой!.. Позвольте узнать, что вы делали в моей гостиной?

Миссис Чивли. Подслушивала. Обожаю подслушивать сквозь замочные скважины. Узнаешь столько интересного.

Лорд Горинг. А вам не кажется, что это значит — искушать провидение?

Миссис Чивли. Ах, его уже столько раз искушали. Оно уж, наверно, привыкло. (*Жестом предлагает ему снять с нее мантию, что он и делает.*)

Лорд Горинг. Очень рад, что вы зашли. Я хочу дать вам добрый совет.

Миссис Чивли. Ради бога, не надо. Никогда не надо дарить женщине то, чего она не может носить по вечерам.

Лорд Горинг. Я вижу, вы так же упрямы, как когда-то.

Миссис Чивли. Больше! Я очень усовершенствовалась. Приобрела опыт.

Лорд Горинг. Слишком большой опыт — опасная вещь. Не угодно ли папиросу? Половина красивых женщин в Лондоне курит. Лично я предпочитаю другую половину.

Миссис Чивли. Спасибо, я не курю. Это не понравилось бы моей портнихе. А первый долг женщины — угождать своей портнихе. В чем состоит ее второй долг, до сих пор не выяснено.

Лорд Горинг. Вы пришли, чтобы продать мне письмо Роберта Чилтерна?

Миссис Чивли. Предложить его вам — на некоторых условиях. Почему вы догадались?

Лорд Горинг. Потому что вы об этом молчите. Оно с вами?

Миссис Чивли. О нет. В хорошо сшитых платьях нет карманов.

Лорд Горинг. Ваша цена?

Миссис Чивли. До чего же вы англичанин! Англичанин думает, что чековая книжка все решает. Ми-

лый мой Артур, у меня денег гораздо больше, чем у вас. Почти столько же, как у Роберта Чилтерна. Мне нужны не деньги.

Лорд Горинг. А что же, миссис Чивли?

Миссис Чивли. Почему вы не зовете меня Лордой?

Лорд Горинг. Не люблю этого имени.

Миссис Чивли. А когда-то любили.

Лорд Горинг. Да. Именно поэтому теперь не люблю.

Миссис Чивли жестом приглашает его сесть рядом с собой. Он улыбается и садится.

Миссис Чивли. Артур, когда-то вы были влюблены в меня.

Лорд Горинг. Да.

Миссис Чивли. И просили меня быть вашей женой.

Лорд Горинг. Это был естественный результат моей влюбленности.

Миссис Чивли. А потом бросили меня — и все из-за того, что будто бы видели, как покойный лорд Мортлейк очень уж страстно флиртовал со мной в зимнем саду у Тенби.

Лорд Горинг. Насколько я помню, мой адвокат уладил с вами это дело на известных условиях... которые вы сами продиктовали.

Миссис Чивли. Я тогда была бедна. А вы богаты.

Лорд Горинг. Совершенно верно. И поэтому вы притворялись, что меня любите.

Миссис Чивли (*пожимает плечами*). Потешный был старик этот лорд Мортлейк! У него были только две темы для разговора — его подагра и его жена. И я никогда не могла понять, о которой из двух идет речь. Он так страшно ругал и ту и другую. В общем, вы очень глупо сделали, Артур. Лорд Мортлейк был для меня только развлечение. Одно из тех унылых развлечений, которым поневоле предаешься, когда гостишь в английском помещичьем доме. Мало ли чего там не сделаешь от скуки! За это никого нельзя винить.

Лорд Горинг. Да. Многие так считают.

Миссис Чивли. Я любила вас, Артур.

Лорд Горинг. Дорогая миссис Чивли, вы всегда были слишком умны, чтобы кого-нибудь любить.

Миссис Чивли. А вот вас любила. И вы меня любили. Не спорьте, любили. А любовь — удивительное чувство. Если мужчина когда-то любил женщину, ведь он все сделает для нее, правда? Кроме только одного: продолжать любить ее. *(Касается его руки.)*

Лорд Горинг *(осторожно убирает руку)*. Да. Все, кроме этого.

Миссис Чивли *(после молчания)*. Мне надоело жить за границей. Я хочу вернуться в Лондон. Иметь здесь уютный дом. Устраивать приемы. Если б можно было англичан научить говорить, а ирландцев слушать, лондонское общество стало бы вполне цивилизованным. Кроме того, я уже вступила в романтический возраст. Когда я вчера увидела вас у Чилтернов, я поняла, Артур, что если кого любила, так только вас. Так вот, утром того дня, когда мы с вами поженимся, я вам отдам письмо Роберта Чилтерна. Таково мое предложение. Даже сейчас отдам, если вы обещаете на мне жениться.

Лорд Горинг. Сейчас?

Миссис Чивли *(улыбается)*. Завтра.

Лорд Горинг. Вы это серьезно?

Миссис Чивли. Вполне.

Лорд Горинг. Из меня выйдет плохой муж.

Миссис Чивли. Я не боюсь плохих мужей. У меня уже два было. Они меня ужас как забавляли.

Лорд Горинг. Вы хотите сказать, что сами ужас как забавлялись?

Миссис Чивли. Что вы знаете о моей замужней жизни?

Лорд Горинг. Ничего. Но я читаю в ней как в книге.

Миссис Чивли. Какой еще книге?

Лорд Горинг. Книге Числ⁷.

Миссис Чивли. По-вашему, это деликатно — оскорблять женщину, когда она пришла к вам в дом?

Лорд Горинг. Когда женщина столь очаровательна, как вы, миссис Чивли, пол для нее не защита. Это вызов, который она бросает мужчине.

Миссис Чивли. Вы, кажется, думаете, что сказали мне комплимент. Но, милый мой Артур, женщин

нельзя обезоружить комплиментами. Мужчин — да. В этом разница.

Лорд Горинг. Насколько я знаю женщин, их ничем не обезоружишь.

Миссис Чивли (*помолчав.*) Так, значит, вы скорее согласны видеть, как ваш лучший друг, Роберт Чилтерн, гибнет, чем жениться на женщине, далеко еще не лишенной привлекательности? Я думала, вы возвыситесь до самопожертвования. Подумайте, как было бы хорошо! Вы тогда могли бы весь остаток жизни восхищаться собой.

Лорд Горинг. Ну, это я и так делаю. А самопожертвование следовало бы запретить законом. Оно развращает тех, кому приносят жертву. Они всегда сбиваются с пути.

Миссис Чивли. Как будто можно чем-нибудь развратить Роберта Чилтерна! Вы забываете, что я знаю его истинную сущность.

Лорд Горинг. То, что вы о нем знаете, это не его истинная сущность. Это опрометчивый поступок, совершенный им в юности, — дурной поступок, согласен, скверный поступок, согласен, недостойный его поступок... и потому не его истинная сущность.

Миссис Чивли. Как вы, мужчины, всегда защищаете друг друга!

Лорд Горинг. Как вы, женщины, всегда нападаете друг на друга!

Миссис Чивли (*раздраженно*). Я нападаю только на одну женщину. На Гертруду Чилтерн. Я ее ненавижу. Сейчас еще больше, чем всегда.

Лорд Горинг. Должно быть, потому, что превратили ее жизнь в трагедию.

Миссис Чивли (*с насмешкой*). Ах, в жизни женщины есть только одна настоящая трагедия. То, что для нее прошлое — это всегда ее любовник, а будущее — это, как правило, ее муж.

Лорд Горинг. Леди Чилтерн не имеет понятия о той жизни, на которую вы намекаете.

Миссис Чивли. Женщина, которая носит перчатки размером семь и три четверти, вообще ни о чем не имеет понятия. Вы знаете, что Гертруда всегда носила перчатки семь и три четверти? Это, вероятно, одна из причин, почему у нас с ней нет ничего общего... Ну

что ж, Артур, значит, наше романтическое свидание кончено. Но вы согласны, что оно все-таки романтическое? Подумайте, за право быть вашей женой я готова была пожертвовать моим главным выигрышем, венцом моей дипломатической карьеры! Вы отказались. Хорошо. Если сэръ Роберт не поддержит мой аргентинский проект, я его разоблачу. *Voilà tout* *.

Лорд Горинг. Не делайте этого. Это подло, низко, бессовестно.

Миссис Чивли (*пожимает плечами*). Ах, к чему такие громкие слова. Они же ничего не значат. Это коммерческая сделка. Только и всего. И нечего припутывать сюда сантименты. Я предложила Роберту Чилтерну кое-что у меня купить. Он считает, что я прошу слишком дорого. Ну что ж, обществу он заплатит дороже. И больше не о чем говорить. А теперь мне пора. Прощайте! Вы не хотите пожать мне руку?..

Лорд Горинг. Вам? Нет. Я бы еще простил вам ваши махинации с Робертом Чилтерном — эту отвратительную коммерческую сделку, достойную нашего отвратительного коммерческого века. Но вы, кажется, забыли, что осмелились здесь говорить о любви... Вы, чьи уста оскверняют самое имя любви, вы, для кого любовь — книга за семью печатями, вы сегодня пришли в дом одной из самых благородных и чистых женщин, какие есть на свете, пришли нарочно для того, чтобы унижить ее мужа в ее глазах, чтобы убить ее любовь к нему, влить яд в ее сердце и внести раздор в ее жизнь, разбить ее кумира и, может, быть, растлить ее душу! Этого я не могу вам простить. Это гнусно. Этому нет прощения.

Миссис Чивли. Артур, вы несправедливы ко мне. Уверяю вас, вы несправедливы! Я вовсе не затем к ним пошла, чтобы посмеяться над Гертрудой. Даже в мыслях не было. Мы с леди Маркби заехали, только чтобы спросить об одной вещице — драгоценности, которую я вчера где-то потеряла — и думала, что, может быть, у Чилтернов. Если не верите, спросите леди Маркби. Она подтвердит. Потом, когда леди Маркби уехала, у нас, правда, вышла неприятная сцена. Но Гертруда сама ее вызвала своими дерзостями и насмеш-

---

* Вот и все (*фр.*).

ками. А я — ну, может, во мне и была капелька злобы — но главное, я хотела узнать, не нашлась ли моя брошка. А с этого и началось.

Лорд Горинг. Бриллиантовая змейка с рубином?

Миссис Чивли. Да. Почему вы знаете?

Лорд Горинг. Потому что она нашлась. Я сам ее и нашел, но, уходя, забыл сказать дворецкому. *(Идет к письменному столу и начинает выдвигать ящики.)* Она в этом ящике. Нет, в этом. Эта брошка, да? *(Показывает ее миссис Чивли.)*

Миссис Чивли. Да. Как я рада, что она нашлась. Это... подарок.

Лорд Горинг. Вы ее наденете?

Миссис Чивли. Конечно. Если вы мне приколете.

Лорд Горинг внезапно защелкивает браслет на ее руке.

Что вы делаете?.. Я и не знала, что ее можно носить как браслет.

Лорд Горинг. Не знали?

Миссис Чивли *(вытягивает свою красивую руку, любуясь)*. Нет. Но так тоже неплохо. Посмотрите, как он хорош на мне!

Лорд Горинг. Да. Гораздо лучше, чем когда я в последний раз его видел.

Миссис Чивли. Когда вы его видели?

Лорд Горинг *(невозмутимо)*. Десять лет назад. На леди Беркшир, у которой вы его украли.

Миссис Чивли *(отшатывается)*. Что?.. Что вы хотите сказать?

Лорд Горинг. Я хочу сказать, что вы украли этот браслет у моей кузины, Мэри Беркшир, которой я подарил его к свадьбе. Подозрение пало на служанку, ее выгнали с позором. Вчера я его сразу узнал. И решил ничего не говорить, пока не найду вора. Теперь я нашел воровку и слышал ее признание.

Миссис Чивли *(вскидывает голову)*. Это неправда.

Лорд Горинг. Нет, правда. Сами знаете. Да у вас сейчас на лице написано — воровка!

Миссис Чивли. Я буду все отрицать с начала до конца. Скажу, что никогда не видела этого мерзкого браслета. Никогда и в руках не держала.

Миссис Чивли пытается снять браслет. Лорд Горинг смотрит на нее с улыбкой. Пальцы ее тщетно дергают браслет. У нее вырывается проклятие.

Лорд Горинг. Воровство тем невыгодно, миссис Чивли, что иной раз сам не представляешь себе, что ты украл. Этот браслет нельзя снять, если не знаешь, где пружинка. А вы, я вижу, не знаете. Ее не так легко найти.

Миссис Чивли. Подлец! Скотина! (*Опять старается расстегнуть браслет, но безуспешно.*)

Лорд Горинг. К чему такие громкие слова. Они же ничего не значат.

Миссис Чивли (*в ярости, с невнятными выкриками, рвет браслет. Потом останавливается и смотрит на лорда Горинга*). Что вы намерены делать?

Лорд Горинг. Позвонить дворецкому. Он образцовый слуга, сейчас же приходит на звонок. А когда он придет, я пошлю его за полицией.

Миссис Чивли (*дрожа*). За полицией?.. Зачем?

Лорд Горинг. Завтра Беркширы привлекут вас к суду. А пока что я заявлю в полицию. Она для того и существует.

Миссис Чивли (*подавлена страхом. Лицо ее искажено, рот перекосился. С нее спала маска. В эту минуту на нее страшно смотреть*). Не надо! Я все сделаю, что вы хотите. Все на свете.

Лорд Горинг. Отдайте письмо Роберта Чилтерна.

Миссис Чивли. Нет!.. Подождите. Дайте мне подумать.

Лорд Горинг. Отдайте письмо Роберта Чилтерна.

Миссис Чивли. Его нет со мной. Я отдам вам завтра.

Лорд Горинг. Ложь! Давайте сейчас.

Миссис Чивли достает письмо и протягивает ему. Она бледна как смерть.

Это оно?

Миссис Чивли (*хрипло*). Да.

Лорд Горинг (*берет письмо, просматривает его, вздыхает и сжигает его над лампой*). Приятно, миссис Чивли, что такая элегантная женщина, как вы, не лишена все же здравого смысла. Поздравляю вас.

Миссис Чивли (*замечает на столе письмо леди Чилтерн — уголок, его высовывается из-под бювара*).
Дайте мне, пожалуйста, воды.

Лорд Горинг. Сию минуту.

Лорд Горинг идет в другой конец комнаты и наливает стакан воды. Пока он стоит спиной, миссис Чивли выкрадывает письмо. Когда он вновь подходит к ней со стаканом, она жестом его отстраняет.

Миссис Чивли. Спасибо, не надо. Вы поможете мне одеться?

Лорд Горинг. С удовольствием. (*Подает ей манто.*)

Миссис Чивли. Благодарю. Я больше никогда не буду делать зло Роберту Чилтерну.

Лорд Горинг. Вы, к счастью, не можете, миссис Чивли.

Миссис Чивли. Даже если б могла, я бы не стала. Наоборот, я хочу оказать ему большую услугу.

Лорд Горинг. Рад это слышать. В вас, очевидно, произошел душевный переворот.

Миссис Чивли. Да. Мне просто больно видеть, что такого честного человека, истинного английского джентльмена, так бессовестно обманывают. И поэтому...

Лорд Горинг. Ну?

Миссис Чивли. Да видите ли, у меня в кармане каким-то образом очутился прелюбопытный документ. Последние слова и предсмертная исповедь Гертруды Чилтерн.

Лорд Горинг. Что это значит?

Миссис Чивли (*с ноткой злобного торжества в голосе*). Это значит, что я намерена послать Роберту Чилтерну любовное письмо, которое вам написала его жена.

Лорд Горинг. Любовное письмо?..

Миссис Чивли (*со смехом*). «Верю. Хочу видеть. Приду. Гертруда».

Лорд Горинг (*делает шаг к столу, хватается конверт, видит, что он пуст. Оборачивается*). Несчастливая! Не можете без воровства! Отдайте письмо. Не то я отниму силой. Не выйдете из комнаты, пока не отдадите! (*Бросается к ней.*)

Но миссис Чивли в тот же миг нажимает кнопку электрического звонка на столе. Производительный звонок, раскатывается по дому.

Входит Ф и п с.

Миссис Чивли (*после паузы*). Лорд Горинг позвонил, чтобы вы меня проводили. Спокойной ночи, лорд Горинг! (*Уходит в сопровождении Финпса. Лицо ее сияет злобной радостью. Глаза искрятся. К ней словно вернулась молодость. Ее прощальный взгляд быстр как стрела.*)

Лорд Горинг стоит, кусая губы; потом закуривает папиросу.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Обстановка как во втором действии.

Лорд Горинг стоит спиной к камину, засунув руки в карманы, со скучающим видом.

Лорд Горинг (*достает часы, разглядывает их, потом звонит*). Экая досада. Никого нет, не с кем поговорить. А у меня столько интересных новостей. Я сейчас как экстренный выпуск какой-нибудь газеты.

Входит лакей Джеймс.

Джеймс. Сэр Роберт еще в министерстве иностранных дел, милорд.

Лорд Горинг. А леди Чилтерн еще не сходила вниз?

Джеймс. Ее милость у себя. Мисс Чилтерн только что вернулась с прогулки верхом.

Лорд Горинг (*про себя*). А, ну это уже кое-что.

Джеймс. Лорд Кавершем дожидается сэра Роберта в библиотеке. Я сказал ему, что вы здесь, милорд.

Лорд Горинг. Благодарю вас. Не будете ли вы добры сказать ему, что я уже ушел?

Джеймс (*с поклоном*). Будет сделано, милорд. (*Уходит.*)

Лорд Горинг. Три дня подряд встречаться со своим отцом — нет, это уж слишком, даже для самого любящего сына. Чересчур много радостных волнений. Не дай бог, он еще сюда явится. Отцов вообще не должно быть ни видно, ни слышно. Только на этой основе можно построить прочную семью. Матери другое дело. Матери — души. (*Садится в кресло, берет газету и начинает читать.*)

Входит лорд Кавершем.

Лорд Кавершем. Ну, сэр, что вы тут делаете? Тратите время зря по обыкновению?

Лорд Горинг (*бросает газету и встает*). Дорогой мой отец, когда человек приходит в гости, он тратит время хозяев, а не свое.

Лорд Кавершем. Вы подумали о том, что я вам вчера говорил?

Лорд Горинг. Только об этом и думаю.

Лорд Кавершем. Ну и что же? Вы уже помолвлены?

Лорд Горинг (*благодарушно*). Пока еще нет, но к завтраку, вероятно, буду.

Лорд Кавершем (*саркастически*). Можете отложить до обеда, если это для вас удобнее.

Лорд Горинг. Очень благодарен, но я уж решил кончить это дело до завтрака.

Лорд Кавершем. Гм!.. Никогда не могу понять, серьезно вы говорите или нет.

Лорд Горинг. Я это тоже не всегда понимаю, отец.

Пауза.

Лорд Кавершем. Сегодняшний «Таймс» читали?

Лорд Горинг (*беспечно*). «Таймс»? Ну нет. Я читаю исключительно «Морнинг пост». Единственное, что надо знать человеку, — это где сейчас та или другая герцогиня. Все остальное только засоряет мозг.

Лорд Кавершем. Как! Вы не читали передовицы в «Таймс» о карьере Роберта Чилтерна?

Лорд Горинг. Бог мой! Нет. Что там сказано?..

Лорд Кавершем. Что там сказано? Конечно, все самое похвальное. Вчерашняя речь Чилтерна об Аргентинском канале — это блеск! Вершина ораторского искусства. Таких речей не было в палате со времен Каннинга⁸.

Лорд Горинг. А-а! Не знаю, кто такой Каннинг. И не интересуюсь знать. И что же... Роберт Чилтерн... поддержал этот проект?..

Лорд Кавершем. Поддержал! Плохо же вы его знаете. Он его разнес в пух и прах. Разгромил! И попутно всю нынешнюю систему финансирования подобных предприятий. Это выступление будет поворотным

пунктом в его карьере. Так говорит «Таймс». Нет, вы должны прочитать эту статью. (*Развертывает «Таймс».*) «Сэр Роберт Чилтерн... самый выдающийся из наших молодых государственных деятелей... Блестящий оратор... Безупречная репутация... Известная всем честность и неподкупность... Воплощение всего лучшего в английской общественной жизни... Разительный контраст с низким моральным уровнем иностранных политиков...». Про вас такого не скажут, сэр.

Лорд Горинг. Боже сохрани! Я к этому не стремлюсь, отец. Но как я рад это слышать о Роберте Чилтерне. Я прямо в восторге. Это показывает, что у него есть мужество.

Лорд Кавершем. Больше, сэр! Гений!

Лорд Горинг. Я предпочитаю мужество. Гениями сейчас хоть пруд пруди. А мужество — редкость.

Лорд Кавершем. Почему вы сами не пройдете в парламент?

Лорд Горинг. Дорогой отец, только скучные люди проходят в парламент. И только тупицы там преуспевают.

Лорд Кавершем. Почему не займетесь чем-нибудь полезным?

Лорд Горинг. Я еще слишком молод, отец.

Лорд Кавершем (*сухо*). Терпеть не могу, когда человек носится со своей молодостью. Все сейчас прикидываются молодыми. Дурацкая мода!

Лорд Горинг. Молодость — это не мода, отец. Молодость — это искусство.

Лорд Кавершем. Почему вы не сделаете предложения этой хорошенькой мисс Чилтерн?

Лорд Горинг. У меня слабые нервы. Особенно по утрам.

Лорд Кавершем. Ну да, у вас нет никаких шансов, что она его примет.

Лорд Горинг. Я еще не знаю, как я сегодня котируюсь.

Лорд Кавершем. Дурочка будет, если примет.

Лорд Горинг. А я именно хочу жениться на дурочке. Умная жена за полгода довела бы меня до полного идиотизма.

Лорд Кавершем. Вы ее не стоите.

Лорд Горинг. Если бы мы, мужчины, женились только на тех женщинах, которых стоим, плохо бы нам пришлось!

Входит Мейбл Чилтерн.

Мейбл Чилтерн. Ах!.. Здравствуйте, лорд Кавершем! А как здоровье леди Кавершем?

Лорд Кавершем. Леди Кавершем чувствует себя... как обычно. Как обычно.

Лорд Горинг. Доброе утро, мисс Мейбл!

Мейбл Чилтерн (*совершенно его игнорирует и обращается исключительно к лорду Кавершему*). А как поживают шляпки леди Кавершем? Им не хуже?

Лорд Кавершем. Недавно было резкое ухудшение. Тяжелый рецидив.

Лорд Горинг. Доброе утро, мисс Мейбл!

Мейбл Чилтерн (*по-прежнему обращаясь только к лорду Кавершему*). Надеюсь, не потребуется операция?

Лорд Кавершем (*усмехаясь ее задору*). Если потребуется, мы дадим наркоз леди Кавершем. Иначе она не позволит коснуться ни единого перышка.

Лорд Горинг (*с нажимом*). Доброе утро, мисс Мейбл!

Мейбл Чилтерн (*оборачивается, с притворным удивлением*). Ах, это вы тут? Вы, конечно, понимаете, что, после того как вы опоздали на свидание; я уж больше никогда не буду с вами говорить?

Лорд Горинг. Не будьте так жестоки, мисс Мейбл! Вы единственный человек в Лондоне, которого я с таким удовольствием... заставляю себя слушать.

Мейбл Чилтерн. Знаете, я не верю ни единому слову из того, что вы мне говорите... или я вам.

Лорд Кавершем. И вы совершенно правы, моя дорогая, совершенно правы... То есть в том, что касается его.

Мейбл Чилтерн. Вы не могли бы заставить своего сына хоть изредка вести себя прилично — ну просто для разнообразия?

Лорд Кавершем. К сожалению, мисс Чилтерн, я не имею ни малейшего влияния на своего сына. И это очень грустно. А то я знаю, что я заставил бы его сделать.

Мейбл Чилтерн. Он, очевидно, из тех крайне слабовольных натур, которые не поддаются никакому влиянию.

Лорд Кавершем. Он бессердечен, совершенно бессердечен.

Лорд Горинг. Я, кажется, тут лишний?

Мейбл Чилтерн. Вам полезно почувствовать себя лишним и узнать, что люди говорят о вас за вашей спиной.

Лорд Горинг. Но я совсем не хочу знать, что люди говорят за моей спиной. Это слишком мне льстит.

Лорд Кавершем. Я вижу, дорогая моя, мне пора с вами проститься.

Мейбл Чилтерн. Неужели вы оставите меня вдвоем с лордом Горингом? Да еще в такой ранний час!

Лорд Кавершем. Боюсь, я не могу взять его с собой на Даунинг-стрит. Премьер-министр сегодня не принимает безработных. *(Пожимает руку Мейбл Чилтерн, берет свою трость и шляпу и уходит, бросив негодующий взгляд на лорда Горинга.)*

Мейбл Чилтерн *(берет розы и начинает вставлять их в вазу на столе)*. Люди, которые не приходят на свидание, отвратительны.

Лорд Горинг. Просто негодяи.

Мейбл Чилтерн. Рада, что вы это признаете. Но не понимаю, почему у вас при этом такой довольный вид.

Лорд Горинг. Ничего не могу сделать. У меня всегда довольный вид, когда я с вами.

Мейбл Чилтерн *(огорченно)*. Тогда, вероятно, мой долг — остаться с вами?

Лорд Горинг. Разумеется.

Мейбл Чилтерн. Но я никогда не делаю того, что является моим долгом. Из принципа. Всякая обязанность меня угнетает. Так что очень жаль, но я вынуждена вас покинуть.

Лорд Горинг. Ради бога, не уходите, мисс Мейбл. Мне нужно сказать вам что-то очень важное.

Мейбл Чилтерн *(в восторге)*. Вы хотите сделать мне предложение?

Лорд Горинг *(слегка ошарашен)*. Я... То есть... Ну да, хочу.

Мейбл Чилтерн (*со вздохом удовольствия*). Как я рада! Сегодня это уже второе.

Лорд Горинг (*возмущенно*). Сегодня уже второе? Какой нахальный осел... какой беспардонный наглец осмелился сделать вам предложение раньше меня?

Мейбл Чилтерн. Томми Траффорд, кто же еще! Это его день. Во время сезона он всегда делает мне предложение по вторникам и четвергам.

Лорд Горинг. Надеюсь, вы ему отказали?

Мейбл Чилтерн. Я всегда отказываю Томми Траффорду. Потому-то он и не перестает делать мне предложение. Но сегодня я так была на вас сердита, что чуть было не согласилась. Хороший был бы урок вам обоим. Авось оба научились бы вести себя приличней.

Лорд Горинг. Провались Томми Траффорд! Томми просто осел. Я люблю вас.

Мейбл Чилтерн. Я знаю. И считаю, что вам давно уж надо было это сказать. Кажется, в случаях у вас не было недостатка!

Лорд Горинг. Ну будьте же серьезны, Мейбл! Умоляю вас!

Мейбл Чилтерн. Мужчина всегда говорит это девушке, пока на ней не женился. А после уж никогда не говорит.

Лорд Горинг (*хватает ее за руку*). Мейбл, я сказал, что люблю вас. А вы... любите меня хоть немножко?

Мейбл Чилтерн. Ах, глупенький Артур! Если бы вы хоть чуточку были умнее — хоть самую капельку, — вы давно бы знали, что я вас обожаю. Все в Лондоне это знают, кроме вас. Ведь это просто скандал — до чего я вас обожаю. Последние полгода я только и делала, что всем говорила, как я вас обожаю. Удивляюсь, что вы еще разговариваете со мной. Я же совсем погубила свою репутацию. Во всяком случае, я сейчас так счастлива, что, наверно, у меня нет никакой репутации!

Лорд Горинг хватает ее в объятия и осыпает поцелуями. Потом наступает блаженное затишье.

Лорд Горинг. Милая! Знаешь, я так боялся, что ты мне откажешь!

Мейбл Чилтерн (*поднимая к нему глаза*). Но, Артур, неужели тебе когда-нибудь отказывали? Не могу себе представить, чтобы кто-нибудь мог тебе отказать!

Лорд Горинг (*после новых поцелуев*). Я, конечно, мизинца твоего не стою, Мейбл.

Мейбл Чилтерн (*прижимаясь к нему*). Я очень рада, милый. А то я боялась — вдруг ты именно стоишь... мизинца.

Лорд Горинг (*с некоторым колебанием*). И... и... мне уже немного за тридцать.

Мейбл Чилтерн. Милый, ты выглядишь на целый месяц моложе.

Лорд Горинг (*в восторге*). Какая ты прелесть, что так говоришь! И еще, Мейбл, должен откровенно признаться: я ужасно расточителен.

Мейбл Чилтерн. Так ведь и я тоже, Артур. Так что у нас будет полное согласие. А теперь я должна пойти поздороваться с Гертрудой.

Лорд Горинг. Неужели должна?.. (*Целует ее.*)

Мейбл Чилтерн. Да.

Лорд Горинг. Так скажи ей, что мне необходимо ее видеть. По важному делу. Я тут целое утро жду, чтобы поговорить либо с ней, либо с Робертом.

Мейбл Чилтерн. Как? Ты, значит, пришел по делу? А не специально затем, чтобы сделать мне предложение?

Лорд Горинг (*победоносно*). Нет, это был порыв вдохновения.

Мейбл Чилтерн. Рада это слышать. Ну, побудь здесь. Я вернусь через пять минут. И не поддавайся никаким соблазнам, пока меня не будет.

Лорд Горинг. Милая Мейбл, когда тебя нет, нет и соблазнов. Это ужасно, между прочим, — я так от тебя завишу.

Входит леди Чилтерн.

Леди Чилтерн. С добрым утром, милочка. Какая ты сегодня хорошенькая!

Мейбл Чилтерн. А вы сегодня такая бледная, Гертруда. Но это вам идет.

Леди Чилтерн. Доброе утро, лорд Горинг!

Лорд Горинг (*с поклоном*). Доброе утро, леди Чилтерн.

Мейбл Чилтерн (*вполголоса, лорду Горингу*). Я буду в зимнем саду. Под второй пальмой слева.

Лорд Горинг. Второй слева?

Мейбл Чилтерн (*с веселой насмешкой*). Ну да! Под нашей обычной. (*Посылает ему воздушный поцелуй тайком от леди Чилтерн и уходит.*)

Лорд Горинг. Леди Чилтерн, у меня есть для вас хорошие вести. Вчера вечером миссис Чивли отдала мне письмо Роберта, и я его сжег. Роберту больше ничто не угрожает.

Леди Чилтерн (*опускается на диван*). Не угрожает! О! Господи, как я рада. Какое счастье, что у Роберта есть такой друг, как вы! Вы спасли его... спасли нас.

Лорд Горинг. Но теперь другому человеку угрожает опасность.

Леди Чилтерн. Кому?

Лорд Горинг (*садится рядом с ней*). Вам.

Леди Чилтерн. Мне? Опасность? Каким образом?

Лорд Горинг. Опасность — это, пожалуй, слишком сильно сказано. Я неправильно выразился. Но есть все-таки одно обстоятельство, которое может вас встревожить... Меня оно ужасно тревожит. Вчера вечером вы написали мне письмо — прекрасное, трогательное письмо, в котором просили меня о помощи. Вы написали мне как одному из своих старых друзей — одному из старых друзей вашего мужа. Миссис Чивли выкрала это письмо у меня из комнаты.

Леди Чилтерн. Да на что оно ей? Почему это вас тревожит?

Лорд Горинг (*встает*). Леди Чилтерн, я буду с вами откровенен. Миссис Чивли вкладывает в это письмо некоторый особый смысл. И намерена послать это письмо вашему мужу.

Леди Чилтерн. Да какой особый смысл она в него вкладывает?.. О! Нет! Только не это! Только не это! Если я — в трудную минуту — написала, что верю вам, что приду... чтобы вы посоветовали мне... помогли... Неужели есть на свете такие ужасные женщины?.. И она хочет послать мужу? Расскажите мне все! Все, как было.

Лорд Горинг. Миссис Чивли спряталась в комнате рядом с библиотекой. Я об этом не знал. Я думал, там вы, ждете, чтобы поговорить со мной. Вдруг пришел Роберт. В той комнате упал стул. Роберт ворвался туда и увидел... эту особу. У нас с ним произошел крупный разговор. Я все еще думал, что там вы. Он ушел в ярости. В конце концов миссис Чивли завладела вашим письмом — попросту выкрала его, хотя не понимаю, когда и как.

Леди Чилтерн. В котором часу это было?

Лорд Горинг. В половине одиннадцатого. Я считаю, что мы должны сейчас же все рассказать Роберту.

Леди Чилтерн (*смотрит на него с изумлением, почти с ужасом*). Вы хотите, чтобы я сказала Роберту, что вы ждали меня, а не миссис Чивли? И думали, что это я прячусь у вас в доме в половине одиннадцатого ночи? Вы хотите, чтобы я это ему сказала?

Лорд Горинг. По-моему, лучше, если он будет знать всю правду.

Леди Чилтерн (*встает*). Я не могу! Не могу!

Лорд Горинг. Ну давайте я скажу.

Леди Чилтерн. Нет.

Лорд Горинг (*серьезно*). Вы неправы, леди Чилтерн.

Леди Чилтерн. Нет. Это письмо надо перехватить. Вот и все. Но как? Письма приходят чуть ли не каждый час. Секретарь их вскрывает и передает Роберту. Я не смею просить слуг, чтобы мне приносили его письма. Это невозможно. Ах, да скажите же, что мне делать?..

Лорд Горинг. Успокойтесь, леди Чилтерн. И ответьте мне на несколько вопросов. Вы говорите — письма вскрывает секретарь?

Леди Чилтерн. Да.

Лорд Горинг. А кто сегодня дежурит? Мистер Траффорд?

Леди Чилтерн. Нет. Кажется, мистер Монфорд.

Лорд Горинг. Вы можете ему довериться?

Леди Чилтерн (*с жестом отчаяния*). Почему я знаю!..

Лорд Горинг. Но если вы его о чем-нибудь попросите, он сделает?

Леди Чилтерн. Вероятно.

Лорд Горинг. Ваше письмо было на розовой бумаге. Ведь он может узнать его, не читая? По цвету?

Леди Чилтерн. Вероятно.

Лорд Горинг. Он сейчас здесь?

Леди Чилтерн. Да.

Лорд Горинг. Так я пойду к нему и скажу, что в течение дня на имя Роберта придет письмо на розовой бумаге и что это письмо ни в коем случае не должно попасть ему в руки. (*Идет к двери и отворяет ее.*) О! Роберт сам идет сюда с письмом. Оно уже пришло.

Леди Чилтерн (*с криком боли*). Ах! Вы спасли его жизнь, но что вы сделали с моей!

Входит сэр Роберт Чилтерн. В руке он держит письмо и читает его. Он направляется прямо к жене, не замечая лорда Горинга.

Сэр Роберт Чилтерн. «Верю. Хочу видеть. Приду. Гертруда». Любовь моя! Это правда? Ты веришь мне, ты хочешь меня видеть? Но зачем ты пишешь — приду? Это я должен прийти к тебе, а не ты ко мне — если б я знал, я давно бы пришел! Гертруда, твое письмо вдохнуло в меня такую силу! Теперь я ничего не боюсь, что бы со мной ни случилось? Ты хочешь меня видеть, Гертруда?

Лорд Горинг, за спиной сэра Роберта Чилтерна, делает знаки леди Чилтерн, умоляя ее воспользоваться таким оборотом событий и не рассеивать заблуждения мужа.

Леди Чилтерн. Да.

Сэр Роберт Чилтерн. Ты веришь мне, Гертруда?

Леди Чилтерн. Да.

Сэр Роберт Чилтерн. Ах!.. Но почему ты не прибавила, что любишь меня?

Леди Чилтерн (*протягивая ему руку*). Потому что я... люблю тебя.

Лорд Горинг уходит в зимний сад.

Сэр Роберт Чилтерн (*целует жену*). Гертруда, ты не знаешь, что я сейчас чувствую. Когда Монфорд передал мне твое письмо через стол — он его вскрыл по ошибке, не заметил, должно быть, чей почерк на конверте, — и я прочитал, — с этого мгновения

я уже не думал о том, какое мне грозит разоблачение, какой страшный позор, я думал только о том, что ты все еще меня любишь!

Леди Чилтерн. Тебе ничто не грозит, Роберт, — не будет ни разоблачений, ни позора. Миссис Чивли отдала то письмо лорду Горингу, и он его уничтожил.

Сэр Роберт Чилтерн. Это верно, Гертруда?

Леди Чилтерн. Да. Лорд Горинг мне только что сам сказал.

Сэр Роберт Чилтерн. Значит, я спасен! Ах, какое это дивное чувство — не бояться! Двое суток я жил в смертельном страхе. А теперь я спасен. Скажи, как именно Артур уничтожил это письмо? Что он с ним сделал?

Леди Чилтерн. Сжег.

Сэр Роберт Чилтерн. Жаль, я не видел, как единственный грех моей юности обращался в пепел. Сколько есть людей на свете, которым тоже хотелось бы обратить в пепел свое прошлое! Артур еще здесь?

Леди Чилтерн. Да. Он в зимнем саду.

Сэр Роберт Чилтерн. Я рад, что вчера произнес эту речь в палате. Когда я говорил, я был уверен, что обрушиваю на себя позор и гибель. Но получилось иначе.

Леди Чилтерн. Новые почести получились и еще больший успех.

Сэр Роберт Чилтерн. Да, кажется, так. Я этого даже боюсь. Потому что, Гертруда... хоть мне теперь и не грозит разоблачение... и единственное свидетельство против меня уничтожено... наверно, я все-таки должен отказаться от политической карьеры? *(Вопросительно и тревожно смотрит на жену.)*

Леди Чилтерн *(горячо)*. Да, Роберт, да! Это твой долг.

Сэр Роберт Чилтерн. Столько потерять!

Леди Чилтерн. Ты еще больше приобретешь, Роберт.

Сэр Роберт Чилтерн *(ходит взад и вперед по комнате с тревожным выражением лица. Потом подходит к жене и кладет руку ей на плечо)*. И ты согласишься жить со мной за границей или где-нибудь в глуши, в деревне, — вдали от Лондона, вдали от света? Ты не пожалеешь?

Леди Чилтерн. Нет, Роберт. Никогда.

Сэр Роберт Чилтерн (*с грустью*). А твои честолюбивые мечты? Ведь ты мечтала об успехе — для меня?

Леди Чилтерн. Ах, мои мечты!.. Теперь я только об одном мечтаю: чтобы мы любили друг друга. А честолюбие... Ты видишь, куда оно тебя завело. Не надо больше честолюбия.

Из зимнего сада выходит лорд Горинг с сияющим лицом и новой бутоньеркой в петлице, которую кто-то для него составил.

Сэр Роберт Чилтерн (*идет ему навстречу*). Артур, как я вам признателен за все, что вы для меня сделали! Чем мне вас отблагодарить! (*Пожимает ему руку.*)

Лорд Горинг. А я вам скажу. Вы это можете, дорогой, — даже сейчас, сию минуту. Только что под второй пальмой слева — нашей обычной... то есть в зимнем саду...

Входит Мэсон.

Мэсон. Лорд Кавершем.

Лорд Горинг. Мой драгоценный родитель прямо-таки завел привычку являться в самый неподходящий момент! Это бессердечно с его стороны, совершенно бессердечно!

Входит лорд Кавершем. Мэсон уходит.

Лорд Кавершем. Доброе утро, леди Чилтерн! Примите мои горячие поздравления, Чилтерн, вы вчера произнесли блестящую речь! Я только что от премьера. Вам предлагают портфель министра.

Сэр Роберт Чилтерн (*радуясь и торжествуя*). Портфель министра!

Лорд Кавершем. Да. Вот письмо премьера. (*Подает ему письмо.*)

Сэр Роберт Чилтерн (*берет письмо и читает*). Портфель министра!

Лорд Кавершем. Да. И вы его вполне заслужили. У вас есть то, что нам сейчас так необходимо, в нашей общественной жизни, — безупречная репутация, высокий моральный уровень, твердые принципы. (*Лорду Горингу.*) Все, чего у вас нет, сэр, и никогда не будет.

Лорд Горинг. Я не люблю принципов, отец. Мне больше нравятся предрассудки.

Сэр Роберт Чилтерн (*уже готов принять предложение премьер-министра, но встречается взглядом с женой, видит ее ясные, правдивые глаза и понимает, что это невозможно*). Я не могу принять это предложение, лорд Кавершем. Я вынужден отказаться.

Лорд Кавершем. Отказаться!..

Сэр Роберт Чилтерн. Я решил уйти от политики.

Лорд Кавершем (*в гневе*). Отказаться от портфеля министра и уйти от политики! В жизни не слышал такой чепухи! Черт знает что! Простите, леди Чилтерн. Прошу прощения, Чилтерн. (*Лорду Горингу.*) Что вы ухмыляетесь, сэр?

Лорд Горинг. Даже не думаю, отец.

Лорд Каверше

Леди Чилтерн. Я считаю, лорд Кавершем, что мой муж прав в своем решении. Я его одобряю.

Лорд Кавершем. Одобряете?.. Гос-с-споди помилуй!

Леди Чилтерн (*берет мужа за руку*). Я уважаю его за это. Преклоняюсь перед ним. Как никогда раньше. Он даже лучше, чем я думала. (*Сэру Роберту Чилтерну.*) Ты ведь напишешь премьер-министру? Сейчас же, не откладывая? Не надо колебаться, Роберт.

Сэр Роберт Чилтерн (*с оттенком горечи*). Да, раз уж так, то к чему откладывать. Дважды таких предложений не делают! Извините, лорд Кавершем, я вас покину на минутку.

Леди Чилтерн. Я пойду с тобой, Роберт. Можно?

Сэр Роберт Чилтерн. Пойдем, Гертруда.

Уходят.

Лорд Кавершем. Что это с ними, а? Тут что-нибудь? (*Постукивает себя пальцем по лбу.*) Идио-

тизм? Очевидно, наследственное. Да еще оба сразу. И муж и жена. Прискорбно. Весьма прискорбно. А ведь они даже не из старинного рода. Не понимаю!

Лорд Горинг. Это не идиотизм, отец.

Лорд Кавершем. А что же?

Лорд Горинг (*после раздумья*). Да вот то самое, что сейчас называют высоким моральным уровнем.

Лорд Кавершем. Терпеть не могу новомодных словечек. Пятьдесят лет назад мы это называли идиотизмом. Не желаю больше оставаться в этом доме.

Лорд Горинг (*берет его за локоть*). Подождите, отец. Пройдите, пожалуйста, вон в ту дверь. Под второй пальмой слева... нашей обычной.

Лорд Кавершем. Что, сэр?

Лорд Горинг. Простите, отец, я забыл — в зимний сад, отец, пройдите, пожалуйста, в зимний сад. Там ждет одна молодая девица, с которой вам необходимо поговорить.

Лорд Кавершем. О чем, сэр?

Лорд Горинг. Обо мне, отец.

Лорд Кавершем (*мрачно*). Эта тема не располагает к красноречию.

Лорд Горинг. Нет, конечно. Но эта молодая девица, как я. Она не любит красноречия в других. Считает это несколько... дурным тоном.

Лорд Кавершем уходит в зимний сад. Входит леди Чилтерн.

Леди Чилтерн, зачем вы играете на руку миссис Чивли?

Леди Чилтерн (*поражена*). Я вас не понимаю.

Лорд Горинг. Миссис Чивли пыталась разбить жизнь вашего мужа. Поставить его в такое положение, что ему пришлось бы либо стать изгнанником, либо пойти против совести. От этого второго несчастья вы его спасли. На первое вы его теперь сами толкаете. Зачем вы делаете то, что хотела сделать миссис Чивли, но ей не удалось?

Леди Чилтерн. Лорд Горинг, я...

Лорд Горинг (*собирается с духом для предстоящей ему задачи; в нем обнаруживается философ, скрытый под внешностью денди*). Леди Чилтерн, разрешите мне сказать. Вчера вы написали мне письмо, в

котором говорили, что верите мне и просите у меня помощи. Сейчас как раз та минута, когда вам действительно нужна моя помощь, когда вы должны мне поверить и принять мой совет. Вы любите Роберта. Так ужели вы хотите убить его любовь к вам? Чем станет его жизнь, если вы отнимете у него плоды его честолюбия и славу большой политической карьеры, отрежете ему все пути к общественному действию, обречете его на бесплодие и поражение — его, созданного для побед и успеха? Назначение женщины не в том, чтобы судить нас, а в том, чтобы нас прощать, когда мы нуждаемся в прощении. Ее дело миловать, а не карать. Зачем вам наказывать его за грех, совершенный им в юности, когда он еще не знал вас, не знал самого себя? Жизнь мужчины имеет иную цену, чем жизнь женщины. У него шире поле деятельности, крупнее масштабы, он посягает на большее и большего может добиться. Женщина живет чувством, увлекаемая его круговоротом. Мужчина живет интеллектом, двигаясь вперед к намеченной цели. Леди Чилтерн, не совершайте такой ужасной ошибки. Если женщина сумела внушить любовь мужчине и сама его любит, она сделала все, что нужно от нее миру, все, чего он может от нее потребовать.

Леди Чилтерн (*смущена и колеблется*). Но мой муж сам хочет уйти от политики. Он считает, что это его долг. Он первый это сказал.

Лорд Горинг. Да, чтобы сохранить вашу любовь, он сейчас готов на все — даже выбросить за борт всю свою карьеру. Он приносит вам страшную жертву. Послушайтесь моего совета, леди Чилтерн, не принимайте от него такой огромной жертвы. Иначе вы потом горько раскаетесь. Никто из нас, ни мужчина, ни женщина, не должен принимать таких жертв. Мы их недостойны. А Роберт, кроме того, уже достаточно наказан.

Леди Чилтерн. Мы оба наказаны. Я ставила его слишком высоко.

Лорд Горинг (*с глубоким чувством*). Так не ставьте его теперь слишком низко. Если он упал с алтаря, не топите его в болоте. Он захлебнется в этой стоячей воде. Его призвание — власть. Отнимите это — и все в нем замрет, даже его любовь к вам. Леди Чилтерн, вы сейчас держите в руках жизнь вашего мужа,

вы держите в руках любовь вашего мужа. Не разрушайте и то и другое.

Входит сэр Роберт Чилтерн.

Сэр Роберт Чилтерн. Гертруда, я написал. Прочитать тебе?

Леди Чилтерн. Дай, я сама.

Сэр Роберт подает ей письмо. Она читает, потом страстным жестом разрывает письмо.

Сэр Роберт Чилтерн. Что ты делаешь?..

Леди Чилтерн. Жизнь мужчины имеет иную цену, чем жизнь женщины. У него шире поле деятельности, крупнее масштабы, он посягает на большее и большего может добиться. Мы живем чувством, увлекаемые его круговоротом. Мужчина живет интеллектом, двигаясь вперед к намеченной цели. Этому — и еще многому другому — меня только что научил лорд Горинг. И я не стану портить тебе жизнь, и не позволю тебе ее испортить — я не приму от тебя этой жертвы, этой ненужной жертвы!

Сэр Роберт Чилтерн. Гертруда! Гертруда!

Леди Чилтерн. Ты забудешь. Мужчины легко забывают. А я простила. Это и есть наше участие в жизни мира. Теперь я это понимаю.

Сэр Роберт Чилтерн (*глубоко взволнованный, обнимает ее*). Жена моя! Жена моя! (*Лорду Горингу.*) Артур, мне суждено вечно быть у вас в долгу!

Лорд Горинг. Ну что вы, Роберт. Не у меня вы в долгу — у леди Чилтерн.

Сэр Роберт Чилтерн. Нет, я вам многим обязан. А теперь скажите — о чем вы хотели меня просить, когда вошел лорд Кавершем?

Лорд Горинг. Роберт, вы опекун своей сестры. Мне нужно ваше согласие на брак с ней. Вот и все.

Леди Чилтерн. Ах, как я рада! Как я рада! (*Пожимает руку лорду Горингу.*)

Лорд Горинг. Благодарю вас, леди Чилтерн.

Сэр Роберт Чилтерн (*в смущении*). Вы хотите жениться на моей сестре?

Лорд Горинг. Да.

Сэр Роберт Чилтерн (*с твердостью*). Артур, мне очень жаль, но это невозможно. Я обязан заботить-

ся о счастье Мейбл. А я не верю, что с вами она будет счастлива. Я не могу принести ее в жертву.

Лорд Горинг. В жертву?..

Сэр Роберт Чилтерн. Да! Это значило бы загубить ее жизнь. Брак без любви — страшная вещь. Но есть нечто худшее, чем даже брак без любви. Это брак, в котором есть любовь, но только с одной стороны: есть верность, но только с одной стороны; есть преданность, но только с одной стороны. В таком браке одно из сердец непременно будет разбито.

Лорд Горинг. Но я люблю Мейбл. В моей жизни нет никакой другой женщины.

Леди Чилтерн. Роберт, если они любят друг друга, почему им не пожениться?

Сэр Роберт Чилтерн. Артур не может дать Мейбл такую любовь, какой она заслуживает.

Лорд Горинг. Какие у вас основания так думать?

Сэр Роберт Чилтерн (*помолчав*). Вы в самом деле хотите, чтобы я сказал?

Лорд Горинг. Конечно.

Сэр Роберт Чилтерн. Хорошо. Будь по-вашему. Когда я вчера зашел к вам, я обнаружил, что у вас в соседней комнате спрятана миссис Чивли. Это было в одиннадцатом часу ночи. Я не хочу входить в подробности. Мне нет дела до ваших отношений с миссис Чивли, я это еще вчера сказал. Когда-то вы собирались на ней жениться. Очевидно, те чувства, которые вы к ней тогда питали, теперь вновь ожили. Вчера вы говорили о ней как о женщине чистой и невинной, как о женщине, которую вы уважаете и чтите. Пусть так. Но я не могу вверить вам жизнь моей сестры. Не имею права. Это было бы несправедливо — чудовищно несправедливо по отношению к ней.

Лорд Горинг. Мне больше нечего сказать.

Леди Чилтерн. Роберт, вчера вечером лорд Горинг ждал не миссис Чивли.

Сэр Роберт Чилтерн. Не миссис Чивли? А кого же?

Лорд Горинг. Леди Чилтерн!

Леди Чилтерн. Твою жену. Роберт, вчера лорд Горинг сказал мне — еще днем, когда был у нас, — что, если меня когда-нибудь постигнет беда, я могу обрати-

ться к нему за помощью как к нашему давнишнему и самому близкому другу. Потом, после этой ужасной сцены, что разыгралась тут, в этой комнате, я написала ему письмо, в котором говорила, что верю ему, что мне нужно его видеть, что я приду к нему за помощью и советом.

Сэр Роберт достает письмо из кармана.

Да, это самое письмо. В конце концов я не пошла к лорду Горингу. Я решила, что только мы сами можем себе помочь. Это гордость во мне говорила. И как раз в это время, пока он меня ждал, пришла миссис Чивли. Она выкрала мое письмо и сегодня послала его тебе — для того чтобы ты подумал... чтобы ты заподозрил... Нет, я не могу сказать, какое подозрение она хотела тебе внушить!..

Сэр Роберт Чилтерн. Как? Неужели я так низко пал в твоих глазах? Неужели ты могла хоть на миг подумать, что я способен в тебе усомниться? Гертруда, ты для меня живой образ всего самого лучшего, самого чистого, что есть на земле, грех не может тебя коснуться. Артур, идите к Мейбл, и дай вам Бог счастья! Нет, подождите!.. В этом письме нет обращения. Неизвестно, кому оно адресовано. Миссис Чивли при всей своей хитрости этого, видно, не заметила. Тут должно стоять имя.

Леди Чилтерн. Дай я поставлю твое. Это тебе я верю, это ты мне нужен. Только ты — и никто другой.

Лорд Горинг. Позвольте, леди Чилтерн, это мое письмо. Я хочу получить его обратно.

Леди Чилтерн (*улыбаясь*). Нет. Вместо него вы получите Мейбл. (*Берет письмо и надписывает на нем имя своего мужа.*)

Лорд Горинг. Если только она не передумала. Ведь уже двадцать минут прошло с тех пор, как я ее видел.

Входят Мейбл Чилтерн и лорд Кавершем.

Мейбл Чилтерн. Лорд Горинг, беседовать с вашим отцом гораздо интереснее, чем с вами. Впредь я буду говорить только с ним. И всегда под нашей обычной пальмой.

Лорд Горинг. Милая! (*Целует ее.*)

Лорд Кавершем. Что это значит, сэр? Неужели эта милая, умная девушка сделала такую глупость — согласилась стать вашей женой?

Лорд Горинг. Конечно, отец. А Чилтерн сделал умную вещь — согласился стать министром.

Лорд Кавершем. Очень рад это слышать, Чилтерн... поздравляю вас. И если Англия не пойдет прахом и не попадет в руки радикалов, вы еще когда-нибудь будете премьером.

Входит Мэсон.

Мэсон. Завтрак подан, миледи.

Мэсон уходит.

Мейбл Чилтерн. Вы ведь позавтракаете с нами, лорд Кавершем?

Лорд Кавершем. С удовольствием. А потом отвезу вас на Даунинг-стрит, Чилтерн. У вас блестящее будущее, блестящее! (*Лорду Герингу.*) Хотел бы я сказать то же самое о вас, сэр. Но боюсь, что ваше будущее ограничится домашним кругом.

Лорд Горинг. И очень хорошо. Я лучшего не желаю.

Лорд Кавершем. И если вы не будете для этой девочки идеальным мужем, я вас лишу наследства.

Мейбл Чилтерн. Идеальным мужем! Но я совсем не хочу, чтобы он был идеальным мужем. Это что-то такое... ненастоящее. Чего и нет на этом свете, а разве только на том.

Лорд Кавершем. А чем вы хотите чтобы он был?

Мейбл Чилтерн. Пусть будет чем хочет. А я сама хочу только одного... быть ему настоящей женой.

Лорд Кавершем. И, честное слово, в этом есть большая доля здравого смысла, леди Чилтерн.

Все уходят, кроме сэра Роберта Чилтерна. Он опускается на стул и сидит задумавшись. Немного погодя входит леди Чилтерн.

Леди Чилтерн (*подходит к нему сзади и наклоняется над спинкой его стула*). Разве ты не пойдешь завтракать, Роберт?

Сэр Роберт Чилтерн (*берет ее за руку*). Гер-
труда, что ты чувствуешь ко мне — любовь или только
жалость?

Леди Чилтерн (*целует его*). Любовь, Роберт.
Любовь — и только любовь. Для нас обоих начинается
новая жизнь.

Занавес

Как важно
быть серьезным

*Легкомысленная
комедия для серьезных людей*

Комедия
в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Джон Уординг, землевладелец, почетный мировой судья.
Алджернон Монкриф.
Его преподобие канояик Чезюбл, доктор богословия.
Мерримен, дворецкий.
Лэйн, лакей Монкрифа.
Леди Брэкнелл.
Гвендолен Ферфакс, ее дочь.
Сесили Кардью.
Мисс Призм, ее гувернантка.

Место действия

Действие первое — квартира Алджернона Монкрифа на Хаф-Мун-стрит, Уэст-Энд.
Действие второе — сад в поместье м-ра Уординга, Вултон.
Действие третье — гостиная в поместье м-ра Уординга, Вултон.
Время действия — наши дни.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная в квартире Алджернона на Хаф-Мун-стрит. Комната обставлена роскошно и со вкусом. Из соседней комнаты слышатся звуки фортепьяно.

Лэй н накрывает стол к чаю. Музыка умолкает, и входит Алджернон.

Алджернон. Вы слышали, что я играл, Лэй н?

Лэй н. Я считаю невежливым подслушивать, сэр.

Алджернон. Очень жаль. Конечно, вас жаль, Лэй н. Я играю не очень точно — точность доступна всякому, — но я играю с удивительной экспрессией. И поскольку дело касается фортепьяно — чувство, вот в чем моя сила. Научную точность я приберегаю для жизни.

Лэй н. Да, сэр.

Алджернон. А уж если говорить о науке жизни, Лэй н, вы приготовили сэндвичи с огурцом для леди Брэкнелл?

Лэй н. Да, сэр. *(Протягивает блюдо с сэндвичами.)*

Алджернон *(осматривает их, берет два и садится на диван)*. Да... кстати, Лэй н, я вижу по вашим записям, что в четверг, когда у меня обедали лорд Шормэн и мистер Уординг, в счет поставлено восемь бутылок шампанского.

Лэй н. Да, сэр; восемь бутылок и пинта пива.

Алджернон. Почему это у холостяков шампанское, как правило, выпивают лакеи? Это я просто для сведения.

Лэй н. Отношу это за счет высокого качества вина, сэр. Я часто отмечал, что в семейных домах шампанское редко бывает хороших марок.

Алджернон. Боже мой, Лэйн! Неужели семейная жизнь так развращает нравы?

Лэйн. Возможно, в семейной жизни много приятного, сэр. Правда, в этом отношении у меня самого опыт небольшой. Я был женат только один раз. И то в результате недоразумения, возникшего между мной и одной молодой особой.

Алджернон (*томно*). Право же, ваша семейная жизнь меня не очень интересует, Лэйн.

Лэйн. Конечно, сэр, это не очень интересно. Я и сам об этом никогда не вспоминаю.

Алджернон. Вполне естественно! Можете идти, Лэйн, благодарю вас.

Лэйн. Благодарю вас, сэр.

Лэйн уходит.

Алджернон. Взгляды Лэйна на семейную жизнь не слишком-то нравственны. Ну, а если низшие сословия не будут подавать нам пример, какая от них польза? У них, по-видимому, нет никакого чувства моральной ответственности.

Входит Лэйн.

Лэйн. Мистер Эрнест Уординг.

Входит Джек. Лэйн уходит.

Алджернон. Как дела, дорогой Эрнест? Что привело тебя в город?

Джек. Развлечения, развлечения! А что же еще? Как всегда, жуешь, Алджи?

Алджернон (*сухо*). Насколько мне известно, в хорошем обществе в пять часов принято слегка подкрепляться. Где ты пропадал с самого четверга?

Джек (*располагается на диване*). За городом.

Алджернон. А что ты делал за городом?

Джек (*снимая перчатки*). В городе — развлекаешься сам. За городом развлекаешь других. Такая скука!

Алджернон. А кого именно ты развлекаешь?

Джек (*небрежно*). А! Соседей, соседей.

Алджернон. И симпатичные у вас там соседи, в Шропшире?

Джек. Невыносимые. Я никогда с ними не разговариваю.

Алджернон. Да, этим ты им, конечно, доставляешь большое развлечение. (*Подходит к столу и берет сэндвич.*) Кстати, я не ошибся, это действительно Шропшир?

Джек. Что? Шропшир? Да, конечно. Но послушай. Почему этот сервиз? Почему сэндвичи с огурцами? К чему такая расточительность у столь молодого человека? Кого ты ждешь к чаю?

Алджернон. Никого, кроме тети Августы и Гвендолен.

Джек. Отлично!

Алджернон. Да, все это очень хорошо, но боюсь, тетя Августа не очень-то одобрит твое присутствие.

Джек. А, собственно, почему?

Алджернон. Милый Джек, твоя манера флиртовать с Гвендолен совершенно неприлична. Не меньше чем манера Гвендолен флиртовать с тобой.

Джек. Я люблю Гвендолен. Я и в город вернулся, чтобы сделать ей предложение.

Алджернон. Ты же говорил — чтобы развлечься... А ведь это дело.

Джек. В тебе нет ни капли романтики.

Алджернон. Не нахожу никакой романтики в предложении. Быть влюбленным — это действительно романтично. Но предложить руку и сердце? Предложение могут принять. Да обычно и принимают. Тогда прощай все очарование. Суть романтики в неопределенности. Если мне суждено жениться, я, конечно, постараюсь позабыть, что я женат.

Джек. Ну, в этом я не сомневаюсь, дружище. Бракоразводный суд был создан специально для людей с плохой памятью.

Алджернон. А! Что толку рассуждать о разводах. Разводы совершаются на небесах.

Джек протягивает руку за сэндвичем.

(*Тотчас же одергивает Джека.*) Пожалуйста, не трогай сэндвичей с огурцом. Они специально для тети Августы. (*Берет сэндвич и ест.*)

Джек. Но ты же все время их ешь.

Алджернон. Это совсем другое дело. Она моя тетка. (*Достаёт другое блюдо.*) Вот хлеб с маслом. Он для Гвендолен. Гвендолен обожает хлеб с маслом.

Джек (*придвигаясь к столу и берясь за хлеб с маслом*). А хлеб действительно очень вкусный.

Алджернон. Но только, дружище, не вздумай уплести все без остатка. Ты ведешь себя так, словно Гвендолен уже твоя жена. А она еще не твоя жена, да и вряд ли будет.

Джек. Почему ты так думаешь?

Алджернон. Видишь ли, девушки никогда не выходят замуж за тех, с кем флиртуют. Они считают, что это не принято.

Джек. Какая чушь!

Алджернон. Вовсе нет. Истинная правда. И в этом разгадка, почему всюду столько холостяков. А кроме того, я не дам разрешения.

Джек. Ты не дашь разрешения?!

Алджернон. Милый Джек, Гвендолен — моя кузина. И я разрешу тебе жениться на ней, только когда ты объяснишь мне, в каких ты отношениях с Сесили. (*Звонит.*)

Джек. Сесили! О чем ты говоришь? Какая Сесили? Я не знаю никакой Сесили.

Входит Лэйн.

Алджернон. Лэйн, принесите портсигар, который мистер Уординг забыл у нас в курительной, когда обедал на той неделе.

Лэйн. Слушаю, сэр. (*Уходит.*)

Джек. Значит, мой портсигар все это время был у тебя? Но почему же ты меня не известил об этом? А я-то бомбардирую Скотленд-ярд запросами. Я уже готов был предложить большую награду тому, кто найдет его.

Алджернон. Ну что же, вот и выплати ее мне. Деньги мне сейчас нужны до зарезу.

Джек. Какой смысл предлагать награду за уже найденную вещь?

Лэйн вносит портсигар на подносе. Алджернон сразу берет его.

Лэйн уходит.

Алджернон. Не очень-то благородно с твоей стороны, Эрнест. (*Раскрывает портсигар и разглядывает его.*) Но, судя по надписи, это вовсе и не твой портсигар.

Джек. Разумеется, мой. *(Протягивает руку.)* Ты сотни раз видел его у меня в руках и, во всяком случае, не должен читать, что там написано. Джентльмену не следует читать надписи в чужом портсигаре?

Алджернон. Всякие правила насчет того, что следует и чего не следует читать, просто нелепы. Современная культура более чем наполовину зиждется на том, чего не следует читать.

Джек. Пусть будет по-твоему. Я вовсе не собираюсь дискутировать о современной культуре. Это не предмет для частной беседы. Я просто хочу получить свой портсигар.

Алджернон. Да, но портсигар вовсе не твой. Это подарок некоей Сесили, а ты сказал, что не знаешь никакой Сесили.

Джек. Ну, если хочешь знать, у меня есть тетка, которую зовут Сесили.

Алджернон. Тетка!

Джек. Да. Чудесная старушка. Живет в Тэнбридж Уэллс. Ну, давай сюда портсигар, Алджернон.

Алджернон *(отступая за диван)*. Но почему она называет себя маленькой Сесили, если она твоя тетка и живет в Тэнбридж Уэллс? *(Читает.)* «От маленькой Сесили. В знак нежной любви...»

Джек *(подступая к дивану и упираясь в него коленом)*. Ну что в этом непонятного? Есть тетки большие, есть тетки маленькие. Уж это, кажется, можно предоставить на усмотрение самой тетки. Ты думаешь, что все тетки непременно похожи на твою? Какая ерунда! А теперь отдай мой портсигар! *(Преследует Алджернона.)*

Алджернон. Так. Но почему это твоя тетка зовет тебя дядей? «От маленькой Сесили. В знак нежной любви к дорогому дяде Джеку». Допустим, тетушка может быть маленькой, но почему тетушке, независимо от ее размера и роста, называть собственного племянника дядей — этого я в толк не возьму. А кроме того, тебя зовут вовсе не Джек, а Эрнест.

Джек. Вотсе не Эрнест, а Джек.

Алджернон. А ведь ты всегда говорил мне, что тебя зовут Эрнест? Я представлял тебя всем как Эрнеста. Ты отзывался на имя Эрнест. Ты серьезен как настоящий Эрнест. Никому на свете так не подходит имя

Эрнест. Что за нелепость отказываться от такого имени! Наконец, оно стоит на твоих визитных карточках. Вот. *(Берет визитную карточку из портсигара.)* «Мистер Эрнест Уординг, Б-4, Олбени». Я сохраню это как доказательство, что твое имя Эрнест, на случай если ты вздумаешь отпираться при мне, при Гвендолен или при ком угодно. *(Кладет визитную карточку в карман.)*

Джек. Ну что ж, в городе меня зовут Эрнест, в деревне — Джек, а портсигар мне подарили в деревне.

Алджернон. И все-таки это не объясняет, почему твоя маленькая тетушка Сесили из Тэнбридж Уэллс называет тебя дорогим дядей Джеком. Полно, дружище, лучше уж выкладывай все сразу.

Джек. Дорогой Алджи, ты уговариваешь меня точь-в-точь как дантист. Что может быть пошлее, чем говорить как дантист, не будучи дантистом. Это вводит в заблуждение.

Алджернон. А дантисты именно это и делают. Ну, не упрямясь, расскажи все как есть. Признаюсь, я всегда подозревал в тебе тайного и ревностного бенбернста и теперь окончательно убедился в этом.

Джек. Бенберист? А что это значит?

Алджернон. Я тебе тотчас же объясню, что значит этот незаменимый термин, как только ты объяснишь мне, почему ты Эрнест в городе и Джек в деревне.

Джек. Отдай сначала портсигар.

Алджернон. Изволь. *(Передает ему портсигар.)* А теперь объясняй, только постарайся как можно неправдоподобнее. *(Садится на диван.)*

Джек. Дорогой мой, здесь нет ничего неправдоподобного. Все очень просто. Покойный мистер Томас Кардью, который усыновил меня, когда я был совсем маленьким, в своем завещании назначил меня опекуном своей внучки мисс Сесили Кардью. Сесили называет меня дядей из чувства уважения, которое ты, видимо, неспособен оценить, и живет в моем загородном доме под надзором почтенной гувернантки мисс Призм.

Алджернон. А между прочим, где этот твой загородный дом?

Джек. Тебе это не к чему знать, мой милый. Не надейся на приглашение... Во всяком случае, могу сказать, что это не в Шропшире.

Алджернон. Я так и думал, мой милый. Я два раза бенберировал по всему Шропширу. Но все-таки, почему же ты Эрнест в городе и Джек в деревне?

Джек. Дорогой Алджи, я не надеюсь, что ты поймешь истинные причины. Ты для этого недостаточно серьезен. Когда вдруг оказываешься опекуном, приходится рассуждать обо всем в высоконравственном духе. Это становится твоим долгом. А так как высоконравственный дух отнюдь не способствует ни здоровью, ни благополучию, то, чтобы вырваться в город, я всегда говорю, что еду к своему младшему брату Эрнесту, который живет в Олбени и то и дело попадает в страшные передраги. Вот, мой дорогой Алджи, вся правда, и притом чистая правда.

Алджернон. Вся правда редко бывает чистой. Иначе современная жизнь была бы невыносимо скучна. А современная литература и вообще не могла бы существовать.

Джек. И мы ничего бы от этого не потеряли.

Алджернон. Литературная критика вовсе не твое призвание, дружище. Не становись на этот путь. Предоставь это тем, кто не обучался в университете. Они с таким успехом занимаются этим в газетах. По натуре ты прирожденный бенберист. Я имел все основания называть тебя так. Ты один из самых законченных бенберистов на свете.

Джек. Объясни, бога ради, что ты хочешь сказать.

Алджернон. Ты выдумал очень полезного младшего брата по имени Эрнест, для того чтобы иметь повод навещать его в городе, когда тебе вздумается. Я выдумал неопенимого вечно больного мистера Бенбери, для того чтобы навещать его в деревне, когда мне вздумается. Мистер Бенбери — это сущая находка. Если бы не его слабое здоровье, я не мог бы, например, сегодня пообедать с тобой у Виллиса, так как тетя Августа пригласила меня на сегодня еще неделю назад.

Джек. Да я и не приглашал тебя обедать.

Алджернон. Ну еще бы, ты удивительно забывчив. И напрасно. Нет ничего хуже, как не получать приглашений.

Джек. Ты бы лучше отобедал у твоей тети Августы.

Алджернон. Не имею ни малейшего желания.

Начать с того, что я обедал у нее в понедельник, а обедать с родственниками достаточно и один раз в неделю. А кроме того, когда я там обедаю, со мной обращаются как с родственником, и я оказываюсь то вовсе без дамы, то сразу с двумя. И наконец, я прекрасно знаю, с кем меня собираются посадить сегодня. Сегодня меня посадят с Мэри Фарквер, а она все время флиртует через стол с собственным мужем. Это очень неприятно. Я сказал бы — даже неприлично... А это, между прочим, входит в моду. Просто безобразие, сколько женщин в Лондоне флиртует с собственными мужьями. Это очень противно. Все равно что на людях стирать чистое белье. Кроме того, теперь, когда я убедился, что ты заядлый бенберист, я, естественно, хочу с тобой поговорить об этом. Изложить тебе все правила?

Джек. Да никакой я не бенберист. Если Гвендолен согласится, я тут же прикончу своего братца; впрочем, я покончу с ним в любом случае. Сесили что-то слишком заинтересована им. Это несносно. Так что от Эрнеста я отделаюсь. И тебе я искренне советую сделать то же с мистером... ну с твоим больным другом, забыл, как его там.

Алджернон. Ничто не заставит меня расстаться с мистером Бенбери, и если ты когда-нибудь женишься, что представляется мне маловероятным, то советую и тебе познакомиться с мистером Бенбери. Женатый человек, если он не знаком с мистером Бенбери, готовит себе очень скучную жизнь.

Джек. Глупости. Если я женюсь на такой очаровательной девушке, как Гвендолен, а она единственная девушка, на которой я хотел бы жениться, то поверь, я и знать не хочу твоего мистера Бенбери.

Алджернон. Тогда твоя жена захочет. Ты, должно быть, не отдаешь себе отчета в том, что в семейной жизни втроем весело, а вдвоем скучно.

Джек (*назидательно*). Мой дорогой Алджи. Безнравственная французская драма насаждает эту теорию уже полвека.

Алджернон. Да, и счастливая английская семья усвоила ее за четверть века.

Джек. Ради бога, не старайся быть циником. Это так легко.

Алджернон. Ничто не легко в наши дни, мой

друг. Во всем такая жестокая конкуренция. (*Слышен продолжительный звонок.*) Вот, должно быть, тетя Августа. Только родственники и кредиторы звонят так по-вагнеровски. Так вот, если я займу ее на десять минут, чтобы тебе на свободе сделать предложение Гвендолен, могу я рассчитывать сегодня на обед у Виллиса?

Джек. Если так — конечно.

Алджернон. Но только без твоих шуточек. Ненавижу, когда несерьезно относятся к еде. Это неосновательные люди, и притом пошлые.

Входит Лэйн.

Лэйн. Леди Брэкнелл и мисс Ферфакс.

Алджернон идет встречать их. Входят леди Брэкнелл и Гвендолен.

Леди Брэкнелл. Здравствуй, мой милый Алджернон. Надеюсь, ты хорошо себя ведешь?

Алджернон. Я хорошо себя чувствую, тетя Августа.

Леди Брэкнелл. Это вовсе не то же самое. Более того, это редко совпадает... (*Замечает Джека и весьма холодно кивает ему.*)

Алджернон (*к Гвендолен*). Черт возьми, как ты элегантна.

Гвендолен. Я всегда элегантна. Не правда ли, мистер Уординг?

Джек. Вы просто совершенство, мисс Ферфакс.

Гвендолен. О! Надеюсь, что нет. Это лишило бы меня возможности совершенствоваться, а я намерена совершенствоваться во многих отношениях.

Гвендолен и Джек усаживаются в уголке.

Леди Брэкнелл. Извини, что мы запоздали, Алджернон, но мне надо было навестить милую леди Харбери. Я не была у нее с тех пор, как умер бедный ее муж. И я никогда не видела, чтобы женщина так изменилась. Она выглядит на двадцать лет моложе. А теперь я бы выпила чашку чаю и отведала твоих знаменитых сэндвичей с огурцом.

Алджернон. Ну разумеется, тетя Августа. (*Идет к столу.*)

Леди Брэкнелл. Иди к нам, Гвендолен.

Гвендолен. Но, мама, мне и тут хорошо.

Алджернон (*при виде пустого блюда*). Силы небесные! Лэйн! Где же сэндвичи с огурцом? Я ведь их специально заказывал!

Лэйн (*невозмутимо*). Сегодня на рынке не было огурцов, сэр. Я два раза ходил.

Алджернон. Не было огурцов?

Лэйн. Нет, сэр. Даже за наличные.

Алджернон. Хорошо, Лэйн, благодарю вас.

Лэйн. Благодарю вас, сэр. (*Уходит.*)

Алджернон. К моему величайшему сожалению, тетя Августа, огурцов не оказалось, даже за наличные.

Леди Брэкнелл. Ну, ничего, Алджернон. Леди Харбери меня угостила пышками. Она, по-видимому, сейчас ни в чем себе не отказывает.

Алджернон. Я слышал, что волосы у нее стали совсем золотые от горя.

Леди Брэкнелл. Да, цвет волос у нее изменился, хотя, право, не скажу, отчего именно.

Алджернон подает ей чашку чая.

Спасибо, мой милый. А у меня для тебя сюрприз. За обедом я хочу посадить тебя с Мэри Фарквер. Такая прелестная женщина и так внимательна к своему мужу. Приятно смотреть на них.

Алджернон. Боюсь, тетя Августа, что я вынужден буду пожертвовать удовольствием обедать у вас сегодня.

Леди Брэкнелл (*хмурясь*). Надеюсь, ты пере думаешь, Алджернон. Это расстроит мне весь стол. Ведь твоему дядюшке придется обедать у себя. К счастью, он уже к этому привык.

Алджернон. Мне очень досадно, и, конечно, я очень огорчен, но я только что получил телеграмму с известием, что мой бедный друг Бенбери снова опасно болен. (*Переглянувшись с Джеком.*) Там все ждут моего приезда.

Леди Брэкнелл. Странно. Этот твой мистер Бенбери, как видно, очень слаб здоровьем.

Алджернон. Да, бедный мистер Бенбери совсем инвалид.

Леди Брэкнелл. Я должна сказать тебе, Алджернон, что, по-моему, мистеру Бенбери пора уже ре-

шить, жить ему или умирать. Колебаться в таком важном вопросе просто глупо. Я, по крайней мере, не увлекаюсь современной модой на инвалидов. Я считаю ее нездоровой. Поощрять болезни едва ли следует. Быть здоровым — это наш первейший долг. Я не устаю повторять это твоему бедному дяде, но он не обращает на мои слова никакого внимания... по крайней мере судя по состоянию его здоровья. Ты меня очень обяжешь, если от моего имени попросишь мистера Бенбери поправиться к субботе, потому что я рассчитываю на твою помощь в составлении музыкальной программы. У меня это последний вечер в сезоне, и надо же дать какие-то темы для разговора, особенно в конце сезона, когда все уже выговорилось, сказали все, что у них было за душой, а ведь чаще всего запас этот очень невелик.

Алджернон. Я передам ваше пожелание мистери Бенбери, тетя Августа, если только он еще в сознании, и ручаюсь вам, что он постарается поправиться к субботе. Конечно, с музыкой много трудностей. Если музыка хорошая — ее никто не слушает, а если плохая — невозможно вести разговор. Но я покажу вам программу, которую я наметил. Пройдете в кабинет.

Леди Брэкнелл. Спасибо, Алджернон, что помнишь свою тетку. *(Встает и идет за Алджерноном.)* Я уверена, что программа будет прелестная, если ее слегка почистить. Французских шансонеток я не допускаю. Гости всегда либо находят их неприличными и возмущаются, и это такое мещанство, либо смеются, а это еще хуже. Я пришла к убеждению, что немецкий язык звучит гораздо приличнее. Гвендолен, идем со мной.

Гвендолен. Иду, мама.

Леди Брэкнелл и Алджернон выходят. Гвендолен остается на месте.

Джек. Не правда ли, сегодня чудесная погода, мисс Ферфакс.

Гвендолен. Пожалуйста, не говорите со мной о погоде, мистер Уординг. Каждый раз, когда мужчины говорят со мной о погоде, я знаю, что на уме у них совсем другое. И это действует мне на нервы.

Джек. Я и хочу сказать о другом.

Гвендолен. Ну вот видите. Я никогда не ошибаюсь.

Джек. И мне хотелось бы воспользоваться отсутствием леди Брэкнелл, чтобы...

Гвендолен. И я бы вам это посоветовала. У мамы есть привычка неожиданно появляться в комнате. Об этом мне уже приходилось ей говорить.

Джек (*нервно*). Мисс Ферфакс, с той самой минуты, как я вас увидел, я восторгался вами больше, чем всякой другой девушкой... какую я встречал... с тех пор как я встретил вас.

Гвендолен. Я это прекрасно знаю. Жаль только, что хотя бы на людях вы не показываете этого более явно. Мне вы всегда очень нравились. Даже до того, как мы с вами встретились, я была к вам неравнодушна.

Джек смотрит на нее с изумлением.

Мы живем, как вы, надеюсь, знаете, мистер Уординг, в век идеалов. Это постоянно утверждают самые фешенебельные журналы, и, насколько я могу судить, это стало темой проповедей в самых захолустных церквях. Так вот, моей мечтой всегда было полюбить человека, которого зовут Эрнест. В этом имени есть нечто внушающее абсолютное доверие. Как только Алджернон сказал мне, что у него есть друг Эрнест, я сейчас же поняла, что мне суждено полюбить вас.

Джек. И вы действительно любите меня, Гвендолен?

Гвендолен. Страстно!

Джек. Милая. Вы не знаете, какое это для меня счастье!

Гвендолен. Мой Эрнест!

Джек. А скажите, вы действительно не смогли бы полюбить меня, если бы меня звали не Эрнест?

Гвендолен. Но вас ведь зовут Эрнест.

Джек. Да, конечно. Но если бы меня звали как-нибудь иначе? Неужели вы меня не полюбили бы.

Гвендолен (*не задумываясь*). Ну! Это ведь только метафизическое рассуждение, и, как прочие метафизические рассуждения, оно не имеет ровно никакой связи с реальной жизнью, такой, какой мы ее знаем.

Джек. Сказать по правде, мне совсем не нравится имя Эрнест... По-моему, оно мне совсем не подходит.

Гвендолен. Оно подходит вам больше, чем кому-либо. Чудесное имя. В нем есть какая-то музыка. Оно вызывает вибрации.

Джек. Но право же, Гвендолен, по-моему, есть много имен гораздо лучше. Джек, например, — прекрасное имя.

Гвендолен. Джек? Нет, оно вовсе не музыкально. Джек — нет, это не волнует, не вызывает никаких вибраций... Я знала нескольких Джеков, и все они были один другого ordinarily. А кроме того, Джек — ведь это уменьшительное от Джон. И мне искренне жаль всякую женщину, которая вышла бы замуж за человека по имени Джон. Она, вероятно, никогда не испытает упоительного наслаждения — побыть хоть минутку одной. Нет, единственное надежное имя — это Эрнест.

Джек. Гвендолен, мне необходимо сейчас же креститься, — то есть я хотел сказать — жениться. Нельзя терять ни минуты.

Гвендолен. Жениться, мистер Уординг?

Джек (*в изумлении*). Ну да... конечно. Я люблю вас, и вы дали мне основание думать, мисс Ферфакс, что вы не совсем равнодушны ко мне.

Гвендолен. Я обожаю вас. Но вы еще не делали мне предложения. О женитьбе не было ни слова. Этот вопрос даже не поднимался.

Джек. Но... но вы разрешите сделать вам предложение?

Гвендолен. Я думаю, сейчас для этого самый подходящий случай. И чтобы избавить вас от возможного разочарования, мистер Уординг, я должна вам заявить с полной искренностью, что я твердо решила ответить вам согласием.

Джек. Гвендолен!

Гвендолен. Да, мистер Уординг, так что же вы хотите мне сказать?

Джек. Вы же знаете все, что я могу вам сказать.

Гвендолен. Да, но вы не говорите.

Джек. Гвендолен, вы согласны стать моей женой? (*Становится на колени.*)

Гвендолен. Конечно, согласна, милый. Как долго вы собирались! Я думаю, вам не часто приходилось делать предложение.

Джек. Но, дорогая, я никого на свете не любил, кроме вас.

Гвендолен. Да, но мужчины часто делают предложение просто для практики. Вот, например, мой брат Джеральд. И все мои подруги говорят мне это. Какие у вас чудесные голубые глаза, Эрнест. Совершенно, совершенно голубые. Надеюсь, вы всегда будете смотреть на меня вот так, особенно при людях.

Входит леди Брэкнелл.

Леди Брэкнелл. Мистер Уординг! Встаньте! Что за полусогбенное положение! Это в высшей степени неприлично!

Гвендолен. Мама! *(Джек пытается встать. Она его удерживает.)* Пожалуйста, обождите в той комнате. Вам здесь нечего делать. Кроме того, мистер Уординг еще не кончил.

Леди Брэкнелл. Чего не кончил, осмелюсь спросить?

Гвендолен. Я помолвлена с мистером Уордингом, мама.

Они встают оба.

Леди Брэкнелл. Извини, пожалуйста, но ты еще ни с кем не помолвлена. Когда придет время, я или твой отец, если только здоровье ему позволит, сообщим тебе о твоей помолвке. Помолвка для молодой девушки должна быть неожиданностью, приятной или неприятной — это уже другой вопрос. И нельзя позволять молодой девушке решать его самостоятельно... Теперь, мистер Уординг, я хочу задать вам несколько вопросов. А ты, Гвендолен, подождешь меня внизу в карете.

Гвендолен *(с упреком)*. Мама!

Леди Брэкнелл. В карету, Гвендолен!

Гвендолен идет к двери. На пороге они с Джеком обмениваются воздушным поцелуем за спиной у леди Брэкнелл.

Леди Брэкнелл *(озирается в недоумении, словно не понимая, что это за звук. Потом оборачивается)*. В карету!

Гвендолен. Да, мама. *(Уходит, оглядываясь на Джека.)*

Леди Брэкнелл (*усаживаясь*). Вы можете сесть, мистер Уординг. (*Роется в кармане, ища записную книжечку и карандаш.*)

Джек. Благодарю вас, леди Брэкнелл, я лучше постою.

Леди Брэкнелл (*вооружившись книжкой и карандашом*). Вынуждена отметить: вы не значите в моем списке женихов, хотя он в точности совпадает со списком герцогини Болтон. Мы с ней в этом смысле работаем вместе. Однако я готова внести вас в список, если ваши ответы будут соответствовать требованиям заботливой матери. Вы курите?

Джек. Должен признаться, курю.

Леди Брэкнелл. Рада слышать. Каждому мужчине нужно какое-нибудь занятие. И так уж в Лондоне слишком много бездельников. Сколько вам лет?

Джек. Двадцать девять.

Леди Брэкнелл. Самый подходящий возраст для женитьбы. Я всегда придерживалась того мнения, что мужчина, желающий вступить в брак, должен знать все или ничего. Что вы знаете?

Джек (*после некоторого колебания*). Ничего, леди Брэкнелл.

Леди Брэкнелл. Рада слышать это. Я не одобряю всего, что нарушает естественное неведение. Неведение подобно нежному экзотическому цветку: дотроньтесь до него, и он завянет. Все теории современного образования в корне порочны. К счастью, по крайней мере у нас в Англии, образование не оставляет никаких следов. Иначе оно было бы чрезвычайно опасно для высших классов и, быть может, привело бы к террористическим актам на Гровнор-сквер. Ваш доход?

Джек. От семи до восьми тысяч в год.

Леди Брэкнелл (*делая пометки в книжке*). В акциях или в земельной ренте?

Джек. Главным образом в акциях.

Леди Брэкнелл. Это лучше. Всю жизнь платишь налоги, и после смерти с тебя их берут, а в результате земля не дает ни дохода, ни удовольствия. Правда, она дает положение в обществе, но не дает возможности пользоваться им. Такова моя точка зрения на землю.

Джек. У меня есть загородный дом, ну, и при

нем — земля — около полутора тысяч акров; но не это основной источник моего дохода. Мне кажется, что пользу из моего поместья извлекают только браконьеры.

Леди Брэкнелл. Загородный дом! А сколько в нем спален? Впрочем это мы выясним позднее. Надеюсь, у вас есть дом и в городе? Такая простая неиспорченная девушка, как Гвендолен, не может жить в деревне.

Джек. У меня дом на Белгрэйв-сквер, но его из года в год арендует леди Блоксхэм. Конечно, я могу отказать ей, предупредив за полгода.

Леди Брэкнелл. Леди Блоксхэм? Я такой не знаю.

Джек. Она редко выезжает. Она уже довольно пожилая.

Леди Брэкнелл. Ну, в наше время это едва ли может служить гарантией порядочного поведения. А какой номер на Белгрэйв-сквер.

Джек. Сто сорок девять.

Леди Брэкнелл (*покачивая головой*). Не модная сторона. Так я и знала, что не обойдется без дефекта. Но это легко изменить.

Джек. Что именно — моду или сторону?

Леди Брэкнелл (*строго*). Если понадобится — и то и другое. А каковы ваши политические взгляды?

Джек. Признаться, у меня их нет. Я либерал-юнионист.

Леди Брэкнелл. Ну, их можно считать консерваторами. Их даже приглашают на обеды. Во всяком случае, на вечера. Ну, а теперь перейдем к менее существенному. Родители ваши живы?

Джек. Нет. Я потерял обоих родителей.

Леди Брэкнелл. Потерю одного из родителей еще можно рассматривать как несчастье, но потерять обоих, мистер Уординг, похоже на небрежность. Кто был ваш отец? Видимо, он был человек состоятельный. Был ли он, как выражаются радикалы, представителем крупной буржуазии или же происходил из аристократической семьи?

Джек. Боюсь, не смогу ответить вам на этот вопрос. Дело в том, леди Брэкнелл, что я неточно выразился, сказав, что я потерял родителей. Вернее было бы сказать, что родители меня потеряли... По правде

говоря, я не знаю своего происхождения. Я... найден-ныш.

Леди Брэкнелл. Найденныш!

Джек. Покойный мистер Томас Кардью, весьма добросердечный и щедрый старик, нашел меня и дал мне фамилию Уординг, потому что у него в кармане был тогда билет первого класса до Уординга. Уординг, как вы знаете, морской курорт в Сассексе.

Леди Брэкнелл. И где же этот добросердечный джентльмен с билетом первого класса до Уординга нашел вас?

Джек (*серьезно*). В саквояже.

Леди Брэкнелл. В саквояже?

Джек (*очень серьезно*). Да, леди Брэкнелл. Я был найден в саквояже — довольно большом черном кожаном саквояже с прочными ручками — короче говоря, в самом обыкновенном саквояже.

Леди Брэкнелл. И где именно этот мистер Джемс или Томас Кардью нашел этот самый обыкновенный саквояж?

Джек. В камере хранения на вокзале Виктория. Ему выдали этот саквояж по ошибке вместо его собственного.

Леди Брэкнелл. В камере хранения на вокзале Виктория?

Джек. Да, на Брайтонской платформе.

Леди Брэкнелл. Платформа не имеет значения. Мистер Уординг, должна вам признаться, я несколько смущена тем, что вы мне сообщили. Родиться или пусть даже воспитываться в саквояже, независимо от того, какие у него ручки, представляется мне забвением всех правил приличия. Это напоминает мне худшие эксцессы времен Французской революции. Я полагаю, вам известно, к чему привело это злосчастное возмущение. А что касается места, где был найден саквояж, то хотя камера хранения и может хранить тайны нарушения общественной морали — что, вероятно, и бывало не раз, — но едва ли она может обеспечить прочное положение в обществе.

Джек. Но что же мне делать? Не сомневайтесь, что я готов на все, лишь бы обеспечить счастье Гвендолен.

Леди Брэкнелл. Я очень рекомендую вам, мистер Уординг, как можно скорей обзавестись родствен-

никами — постараться во что бы то ни стало достать себе хотя бы одного из родителей — все равно, мать или отца, — и сделать это еще до окончания сезона.

Джек. Но право же, я не знаю, как за это взяться. Саквояж я могу предъявить в любую минуту. Он у меня в гардеробной, в деревне. Может быть, этого вам будет достаточно, леди Брэкнелл?

Леди Брэкнелл. Мне, сэръ! Какое это имеет отношение ко мне? Неужели вы воображаете, что мы с лордом Брэкнелл допустим, чтобы наша единственная дочь — девушка, на воспитание которой положено столько забот, — была отдана в камеру хранения и обручена с саквояжем? Прощайте, мистер Уординг! *(Исполненная негодования, величаво выплывает из комнаты.)*

Джек. Прощайте!

В соседней комнате Алджернон играет свадебный марш.

(В бешенстве подходит к дверям.) Бога ради, прекрати эту идиотскую музыку, Алджернон! Ты совершенно невыносим.

Марш обрывается, и, улыбаясь, вбегает Алджернон.

Алджернон. А что, разве не вышло, дружище? Неужели Гвендолен отказала тебе? С ней это бывает. Она всем отказывает. Такой уж у нее характер.

Джек. Нет! С Гвендолен все в порядке. Что касается Гвендолен, то мы можем считать себя помолвленными. Ее мамаша — вот в чем загвоздка. Никогда не видывал такой мегеры... Я, собственно, не знаю, что такое мегера, но леди Брэкнелл сущая мегера. Во всяком случае, она чудовище, и вовсе не мифическое, а это гораздо хуже... Прости меня, Алджернон, я, конечно, не должен был так отзываться при тебе о твоей тетке.

Алджернон. Дорогой мой, обожаю, когда так отзываются о моих родных. Это единственный способ как-то примириться с их существованием. Родственники — скучнейший народ, они не имеют ни малейшего понятия о том, как надо жить, и никак не могут догадаться, когда им следует умереть.

Джек. Ну, это чепуха!

Алджернон. Нисколько.

Джек. Я вовсе не намерен с тобой спорить. Ты всегда обо всем споришь.

Алджернон. Да все на свете для этого и создано.

Джек. Ну, знаешь ли, если так считать, то лучше застрелиться... *(Пауза.)* А ты не думаешь, Алджи, что лет через полтораста Гвендолен станет очень похожа на свою мать?

Алджернон. Все женщины со временем становятся похожи на своих матерей. В этом их трагедия. Ни один мужчина не бывает похож на свою мать. В этом его трагедия.

Джек. Это что, остроумно?

Алджернон. Это отлично сказано и настолько же верно, насколько любой афоризм нашего цивилизованного века.

Джек. Я сыт по горло остроумием. Теперь все остроумны. Шага нельзя ступить, чтобы не встретить умного человека. Это становится поистине общественным бедствием. Чего бы я не дал за нескольких настоящих дураков. Но их нет.

Алджернон. Они есть. Сколько угодно.

Джек. Хотел бы повстречаться с ними. О чем они говорят?

Алджернон. Дураки? Само собой, об умных людях.

Джек. Какие дураки!

Алджернон. А кстати, ты сказал Гвендолен всю правду про то, что ты Эрнест в городе и Джек в деревне?

Джек *(покровительственным тоном)*. Дорогой мой, вся правда — это совсем не то, что следует говорить красивой, милой, очаровательной девушке. Что у тебя за превратные представления о том, как вести себя с женщиной!

Алджернон. Единственный способ вести себя с женщиной — это ухаживать за ней, если она красива, или за другой, если она некрасива.

Джек. Ну, это чепуха!

Алджернон. А все-таки как быть с твоим братцем? С беспутным Эрнестом?

Джек. Не пройдет недели, и я навсегда разделаюсь с ним. Я объявлю, что он умер в Париже от апоплексического удара. Ведь многие скоростижно умирают от удара, не так ли?

А л д ж е р н о н. Да, но это наследственное, мой милый. Это поражает целые семьи. Не лучше ли острая простуда?

Д ж е к. А ты уверен, что острая простуда — это не наследственное?

А л д ж е р н о н. Ну конечно, уверен.

Д ж е к. Хорошо. Мой бедный брат Эрнест скоропостижно скончался в Париже от острой простуды. И кончено.

А л д ж е р н о н. Но мне казалось, ты говорил... Ты говорил, что мисс Кардью не на шутку заинтересована твоим братом Эрнестом? Как она перенесет такую утрату?

Д ж е к. Ну, это не важно. Сесили, смею тебя уверить, не мечтательница. У ней превосходный аппетит, она любит большие прогулки и вовсе не примерная ученица.

А л д ж е р н о н. А мне хотелось бы познакомиться с Сесили.

Д ж е к. Постараюсь этого не допустить. Она очень хорошенькая, и ей только что исполнилось восемнадцать.

А л д ж е р н о н. А ты сказал Гвендолен, что у тебя есть очень хорошенькая воспитанница, которой только что исполнилось восемнадцать?

Д ж е к. К чему разглашать такие подробности. Сесили и Гвендолен непременно подружатся. Поручусь чем угодно, что через полчаса после встречи они назовут друг друга сестрами.

А л д ж е р н о н. Женщины приходят к этому только после того, как обзовут друг друга совсем иными именами. Ну, а теперь, дружище, надо сейчас же переодеться. Иначе мы не захватим хорошего столика у Виллиса. Ведь уже скоро семь.

Д ж е к (*раздраженно*). У тебя постоянно скоро семь.

А л д ж е р н о н. Ну да, я голоден.

Д ж е к. А когда ты не бываешь голоден?

А л д ж е р н о н. Куда мы после обеда? В театр?

Д ж е к. Нет, ненавижу слушать глупости.

А л д ж е р н о н. Ну тогда в клуб.

Д ж е к. Ни за что. Ненавижу болтать глупости.

А л д ж е р н о н. Ну тогда к десяти в варьете.

Джек. Не выношу смотреть глупости. Уволь!

Алджернон. Ну так что же нам делать?

Джек. Ничего.

Алджернон. Это очень трудное занятие. Но я не против того, чтобы потрудиться, если только это не ради какой-то цели.

Входит Лэйн.

Лэйн. Мисс Ферфакс.

Входит Гвендолен. Лэйн уходит.

Алджернон. Гвендолен! Какими судьбами?

Гвендолен. Алджи, пожалуйста, отвернись. Я должна по секрету поговорить с мистером Уордингом.

Алджернон. Знаешь, Гвендолен, в сущности я не должен разрешать тебе этого.

Гвендолен. Алджи, ты всегда занимаешь аморальную позицию по отношению к самым простым вещам. Ты еще слишком молод для этого.

Алджернон отходит к камину.

Джек. Любимая!

Гвендолен. Эрнест, мы никогда не сможем пожениться. Судя по выражению маминого лица, этому не бывать. Теперь родители очень редко считаются с тем, что говорят им дети. Былое уважение к юности быстро отмирает. Какое-либо влияние на маму я утратила уже в трехлетнем возрасте. Но даже если она помешает нам стать мужем и женой и я выйду еще за кого-нибудь, и даже не один раз, — ничто не сможет изменить моей вечной любви к вам.

Джек. Гвендолен, дорогая!

Гвендолен. История вашего романтического происхождения, которую мама рассказала мне в самом непривлекательном виде, потрясла меня до глубины души. Ваше имя мне стало еще дороже. А ваше простодушие для меня просто непостижимо. Ваш городской адрес в Олбени у меня есть. А какой ваш адрес в деревне?

Джек. Поместье Вултон. Хартфордшир.

Алджернон, который прислушивался к разговору, улыбается и записывает адрес на манжете. Потом берет со стола железнодорожное расписание.

Гвендолен. Надеюсь, почтовая связь у вас налажена. Возможно, нам придется прибегнуть к отчаянным мерам. Это, конечно, потребует серьезного обсуждения. Я буду сноситься с вами ежедневно.

Джек. Душа моя!

Гвендолен. Сколько вы еще пробудете в городе?

Джек. До понедельника.

Гвендолен. Прекрасно! Алджи, можешь повернуться.

Алджернон. А я уже повернулся.

Гвендолен. Можешь также позвонить.

Джек. Вы позволите мне проводить вас до кареты, дорогая?

Гвендолен. Само собой.

Джек (*вошедшему Лэйн*). Я провожу мисс Ферфакс.

Лэйн. Слушаю, сэр.

Джек и Гвендолен уходят. Лэйн держит на подносе несколько писем. Видимо, это счета, потому что Алджернон, взглянув на конверты, рвет их на кусочки.

Алджернон. Стакан хересу, Лэйн.

Лэйн. Слушаю, сэр.

Алджернон. Завтра, Лэйн, я отправлюсь бенберировать.

Лэйн. Слушаю, сэр.

Алджернон. Вероятно, я не вернусь до понедельника. Уложите фрак, смокинг и все для поездки к мистеру Бенбери.

Лэйн. Слушаю, сэр. (*Подает херес.*)

Алджернон. Надеюсь, завтра будет хорошая погода, Лэйн.

Лэйн. Погода никогда не бывает хорошей, сэр.

Алджернон. Лэйн, вы законченный пессимист.

Лэйн. Стараюсь по мере сил, сэр.

Входит Джек. Лэйн уходит.

Джек. Вот разумная, мыслящая девушка. Единственная в моей жизни.

Алджернон без удержу хохочет.

Чего это ты так веселишься?

А л д ж е р н о н. Просто вспомнил о бедном мистере Бенбери.

Д ж е к. Если ты не одумаешься, Алджи, помяни мое слово, попадешь ты с этим Бенбери в переделку!

А л д ж е р н о н. А мне это как раз нравится. Иначе скучно было бы жить на свете.

Д ж е к. Какая чушь, Алджи. От тебя слышишь одни глупости.

А л д ж е р н о н. А от кого их не услышишь?

Д ж е к с возмущением глядит на него, потом выходит. Алджернон закуривает папиросу, читает адрес на манжете и улыбается.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сад в поместье м-ра Уординга. Серая каменная лестница ведет к дому. По-старомодному распланированный сад, полный роз. Время — июль. В тени большого тисса соломенные стулья, стол, заваленный книгами.

Мисс Призм сидит за столом. Сесили в глубине поливает цветы.

Мисс Призм. Сесили, Сесили! Такое утилитарное занятие, как поливка цветов, это скорее обязанность Мольтона, чем ваша. Особенно сейчас, когда вас ожидают интеллектуальные наслаждения. Ваша немецкая грамматика у вас на столе. Раскройте страницу пятнадцатую. Мы повторим вчерашний урок.

Сесили (*подходя очень медленно*). Но я ненавижу немецкий. Противный язык. После немецкого урока у меня всегда ужасный вид.

Мисс Призм. Дитя мое, вы знаете, как озабочен ваш опекун тем, чтобы вы продолжали свое образование. Уезжая вчера в город, он особенно обращал мое внимание на немецкий язык. И каждый раз, уезжая в город, он напоминает о немецком языке.

Сесили. Дорогой дядя Джек такой серьезный! Иногда я боюсь, что он не совсем здоров.

Мисс Призм (*выпрямляясь*). Ваш опекун совершенно здоров, и строгость его поведения особенно похвальна в таком сравнительно молодом человеке. Я не знаю никого, кто превосходил бы его в сознании долга и ответственности.

Сесили. Может быть, поэтому он и скучает, когда мы остаемся тут втроем.

Мисс Призм. Сесили! Вы меня удивляете. У мистера Уординга много забот. Праздная и легкомыслен-

ная болтовня ему не к лицу. Вы же знаете, какие огорчения доставляет ему его несчастный младший брат.

С е с и л и. Я хотела бы, чтобы дядя позволил этому несчастному младшему брату хоть иногда гостить у нас. Мы бы могли оказать на него хорошее влияние, мисс Призм. Я уверена, что вы, во всяком случае, могли бы. Вы знаете немецкий и геологию, а такие познания могут перевоспитать человека. *(Что-то записывает в своем дневнике.)*

Мисс Призм *(покачивая головой)*. Не думаю, чтобы даже я могла оказать влияние на человека, который, по словам собственного брата, обладает таким слабым и неустойчивым характером. Да я и не уверена, что взялась бы за его исправление. Я вовсе не одобряю современной мании мгновенно превращать дурного человека в хорошего. Что он посеял, пускай и пожнет. Закройте ваш дневник, Сесили. Вообще вам совсем не следует вести дневник.

С е с и л и. Я веду дневник для того, чтобы поверять ему самые удивительные тайны моей жизни. Без записей я, вероятно, позабыла бы их.

Мисс Призм. Память, моя милая, — вот дневник, которого у нас никто не отнимет.

С е с и л и. Да, но обычно запоминаются события, которых на самом деле не было и не могло быть. Я думаю, именно памяти мы обязаны трехтомными романами, которые нам присылают из библиотеки.

Мисс Призм. Не хулите трехтомные романы, Сесили. Я сама когда-то сочинила такой роман.

С е с и л и. Нет, в самом деле, мисс Призм? Какая вы умная! И, надеюсь, конец был несчастливый. Я не люблю романов со счастливым концом. Они меня положительно угнетают.

Мисс Призм. Для хороших там все кончалось хорошо, а для плохих — плохо. Это и называется беллетристикой.

С е с и л и. Может быть, и так. Но это несправедливо. А ваш роман был напечатан?

Мисс Призм. Увы! Нет. Рукопись, к несчастью, была мною утрачена.

Сесили делает удивленный жест.

Я хочу сказать — забыта, потеряна. Но примемся за

работу, дитя мое, время уходит у нас на пустые разговоры.

С е с и л и (с улыбкой). А вот и доктор Чезюбл идет к нам.

М и с с П р и з м (встав и идя навстречу). Доктор Чезюбл! Как приятно вас видеть!

Входит каноник Чезюбл.

Ч е з ю б л. Ну, как мы сегодня поживаем? Надеюсь, вы в добром здравии, мисс Призм?

С е с и л и. Мисс Призм только что жаловалась на головную боль. Мне кажется, ей помогла бы небольшая прогулка с вами, доктор.

М и с с П р и з м. Сесили! Но я вовсе не жаловалась на головную боль.

С е с и л и. Да, мисс Призм, но я чувствую, что голова у вас болит. Когда вошел доктор Чезюбл, я думала как раз об этом, а не об уроке немецкого языка.

Ч е з ю б л. Надеюсь, Сесили, что вы внимательно относитесь к вашим урокам?

С е с и л и. Боюсь, что не очень.

Ч е з ю б л. Не понимаю. Если бы мне посчастливилось быть учеником мисс Призм, я бы не отрывался от ее уст.

Мисс Призм негодует.

Я говорю метафорически — моя метафора заимствована у пчел. Да! Мистер Уординг, я полагаю, еще не вернулся из города?

М и с с П р и з м. Мы ждем его не раньше понедельника.

Ч е з ю б л. Да, верно, ведь он предпочитает проводить воскресные дни в Лондоне. Не в пример его несчастному младшему брату, он не из тех, для кого единственная цель — развлечения. Но я не стану больше мешать Эгерии и ее ученице.

М и с с П р и з м. Эгерия? Меня зовут Летиция, доктор.

Ч е з ю б л (отвешивая поклон). Классическая аллюзия, не более того; заимствована из языческих авторов. Я, без сомнения, увижу вас вечером в церкви?

М и с с П р и з м. Я все-таки, пожалуй, немножко пройду с вами, доктор. Голова у меня, действительно, побаливает, и прогулка мне поможет.

Чезюбл. С удовольствием, мисс Призм, с величайшим удовольствием. Мы пройдем до школы и обратно.

Мисс Призм. Восхитительно! Сесили, в мое отсутствие вы приготовите политическую экономию. Главу о падении рупии можете опустить. Это чересчур злободневно. Даже финансовые проблемы имеют драматический резонанс. *(Уходит по дорожке, сопровождаемая доктором Чезюблом.)*

Сесили *(хватает одну книгу за другой и швыряет их обратно на стол)*. Ненавижу политическую экономию! Ненавижу географию. Ненавижу, ненавижу немецкий.

Входит Мерримен с визитной карточкой на подносе.

Мерримен. Сейчас со станции прибыл мистер Эрнест Уординг. С ним его чемоданы.

Сесили *(берет карточку и читает)*. «Мистер Эрнест Уординг, Б-4, Олбени, зап». Несчастный брат дяди Джека! Вы ему сказали, что мистер Уординг в Лондоне?

Мерримен. Да, мисс. Он, по-видимому, очень огорчился. Я заметил, что вы с мисс Призм сейчас в саду. Он сказал, что хотел бы побеседовать с вами.

Сесили. Просите мистера Эрнеста Уординга сюда. Я думаю, надо сказать экономке, чтобы она приготовила для него комнату.

Мерримен. Слушаю, мисс. *(Уходит.)*

Сесили. Никогда в жизни я не встречала по-настоящему беспутного человека! Мне страшно. А вдруг он такой же, как все?

Входит Алджернон, очень веселый и добродушный.

Да, такой же!

Алджернон *(приподнимая шляпу)*. Так это вы моя маленькая кузина Сесили?

Сесили. Тут какая-то ошибка. Я совсем не маленькая. Напротив, для своих лет я даже слишком высока.

Алджернон несколько смущен.

Но я действительно ваша кузина Сесили. А вы, судя по визитной карточке, брат дяди Джека, кузен Эрнест, мой беспутный кузен Эрнест.

Алджернон. Но я вовсе не беспутный, кузина. Пожалуйста, не думайте, что я беспутный.

Сесили. Если это не так, то вы самым непопулярным образом вводили нас в заблуждение. Надеюсь, вы не ведете двойной жизни, прикидываясь беспутным, когда на самом деле вы добродетельны. Это было бы лицемерием.

Алджернон (*глядя на нее с изумлением*). Гм! Конечно, я бывал весьма легкомысленным.

Сесили. Очень рада, что вы это признаете.

Алджернон. Если вы уж заговорили об этом, должен признаться, что шалил я достаточно.

Сесили. Не думаю, что вам следует этим хвастаться, хотя, вероятно, это вам доставляло удовольствие.

Алджернон. Для меня гораздо большее удовольствие быть здесь, с вами.

Сесили. Я вообще не понимаю, как вы здесь очутились. Дядя Джек вернется только в понедельник.

Алджернон. Очень жаль. Я должен уехать в понедельник первым же поездом. У меня деловое свидание, и мне очень хотелось бы... избежать его.

Сесили. А вы не могли бы избежать его где-нибудь не в Лондоне?

Алджернон. Нет, свидание назначено в Лондоне.

Сесили. Конечно, я понимаю, как важно не выполнить деловое обещание, если хочешь сохранить чувство красоты и полноты жизни, но все-таки вам лучше дождаться приезда дяди Джека. Я знаю, он хотел поговорить с вами относительно вашей эмиграции.

Алджернон. Относительно чего?

Сесили. Вашей эмиграции. Он поехал покупать вам дорожный костюм.

Алджернон. Никогда не поручил бы Джеку покупать мне костюм. Он неспособен выбрать даже галстук.

Сесили. Но вам едва ли понадобятся галстуки. Ведь дядя Джек отправляет вас в Австралию.

Алджернон. В Австралию! Лучше на тот свет!

Сесили. Да, в среду за обедом он сказал, что вам предстоит выбирать между этим светом, тем светом и Австралией.

Алджернон. Вот как! Но сведения, которыми я

располагаю об Австралии и о том свете, не очень заманчивы. Для меня и этот свет хорош, кузина.

Сесили. Да, но достаточно ли вы хороши для него?

Алджернон. Боюсь, что нет. Поэтому я и хочу, чтобы вы взяли за мое исправление. Это могло бы стать вашим призванием — конечно, если б вы этого захотели, кузина.

Сесили. Боюсь, что сегодня у меня на это нет времени.

Алджернон. Ну тогда хотите, чтобы я сам исправился сегодня же?

Сесили. Едва ли это вам по силам. Но почему не попробовать?

Алджернон. Непременно попробую. Я уже чувствую, что становлюсь лучше.

Сесили. Но вид у вас стал хуже.

Алджернон. Это потому, что я голоден.

Сесили. Ах, как это мне не пришло в голову! Конечно, тот, кто собирается возродиться к новой жизни, нуждается в регулярном и здоровом питании. Пройдемте в дом.

Алджернон. Благодарю вас. Но можно мне цветок в петлицу? Без цветка в петлице мне и обед не в обед.

Сесили. Маршалль Ниель? *(Берется за ножницы.)*

Алджернон. Нет, лучше пунцовую.

Сесили. Почему? *(Срезает пунцовую розу.)*

Алджернон. Потому что вы похожи на пунцовую розу, Сесили.

Сесили. Я думаю, вам не следует так говорить со мной. Мисс Призм никогда со мной так не говорит.

Алджернон. Значит, мисс Призм просто близорукая старушка. *(Сесили вдевает розу ему в петлицу.)* Вы на редкость хорошенькая девушка, Сесили.

Сесили. Мисс Призм говорит, что красота — это только ловушка.

Алджернон. Это ловушка, в которую с радостью попался бы всякий здравомыслящий человек.

Сесили. Ну, я вовсе не хотела бы поймать здравомыслящего человека. О чем с ним разговаривать?

Они уходят в дом. Возвращаются мисс Призм и доктор Чезюбл.

Мисс Призм. Вы слишком одиноки, дорогой доктор. Вам следовало бы жениться. Мизантроп — это я еще понимаю, но женотропа понять не могу.

Чезюбл (*физиологическое чувство которого потрясено*). Поверьте, я не заслуживаю такого неологизма. Как теория, так и практика церкви первых веков христианства высказывалась против брака.

Мисс Призм (*правоучительно*). Поэтому церковь первых веков христианства и не дожила до нашего времени. И вы, должно быть, не отдаете себе отчета, дорогой доктор, что, упорно отказываясь от женитьбы, человек является всеобщим соблазном. Мужчинам следует быть осмотрительнее, слабых духом безбрачие способно сбить с пути истинного.

Чезюбл. Но разве женатый мужчина менее привлекателен?

Мисс Призм. Женатый мужчина привлекателен только для своей жены.

Чезюбл. Увы, даже для нее, как говорят, не всегда.

Мисс Призм. Это зависит от интеллектуального уровня женщины. Зрелый возраст в этом смысле всего надежней. Спелости можно довериться. А молодые женщины — это еще зеленый плод.

Доктор Чезюбл делает удивленный жест.

Я говорю агрикультурно. Моя метафора заимствована из садоводства. Но где же Сесили?

Чезюбл. Может быть, она тоже пошла пройтись до школы и обратно?

Из глубины сада медленно приближается Джек. Он облачен в глубокий траур, с крепом на шляпе и в черных перчатках.

Мисс Призм. Мистер Уординг!

Чезюбл. Мистер Уординг!

Мисс Призм. Какой сюрприз! А мы вас не ждали раньше понедельника.

Джек (*с трагической миной жмет руку мисс Призм*). Да, я вернулся раньше, чем предполагал. Доктор Чезюбл, здравствуйте.

Чезюбл. Дорогой мистер Уординг. Надеюсь, это скорбное одеяние не означает какой-нибудь ужасной утраты?

Джек. Мой брат.

Мисс Призм. Новые долги и безрассудства?

Чезюбл. В тенетах зла и наслаждения?

Джек (*качая головой*). Умер.

Чезюбл. Ваш брат Эрнест умер?

Джек. Да, умер. Совсем умер.

Мисс Призм. Какой урок для него! Надеюсь, это ему пойдет на пользу.

Чезюбл. Мистер Уординг, приношу вам мои искренние соболезнования. Для вас остается по крайней мере утешением, что вы были самым великодушным и щедрым из братьев.

Джек. Брат Эрнест! У него было много недостатков, но это тяжкий удар.

Чезюбл. Весьма тяжкий. Вы были с ним до конца?

Джек. Нет. Он умер за границей! В Париже. Вчера вечером пришла телеграмма от управляющего Гранд-отеля.

Чезюбл. И в ней упоминается причина смерти?

Джек. По-видимому, острая простуда.

Мисс Призм. Что посеешь, то и пожнешь.

Чезюбл (*воздевая руки*). Милосердие, дорогая мисс Призм, милосердие! Никто из нас не совершенен. Я сам в высшей степени подвержен простуде. А погребение предполагается здесь, у нас?

Джек. Нет. Он, кажется, завещал, чтобы его похоронили в Париже.

Чезюбл. В Париже! (*Покачивает головой.*) Да! Значит, он до самого конца не проявил достаточной серьезности. Вам, конечно, желательно, чтобы я упомянул об этой семейной драме в моей воскресной проповеди.

Джек горячо пожимает ему руку.

Моя проповедь о манне небесной в пустыне пригодна для любого события, радостного или, как в данном случае, печального. (*Все вздыхают.*) Я произносил ее на празднике урожая, при крещении, конфирмации, в дни скорби и в дни ликования. В последний раз я произнес ее в соборе на молебствии в пользу Общества

предотвращения недовольства среди высших классов. Присутствовавший при этом епископ был поражен злободневностью некоторых моих аналогий.

Джек. А кстати! Вы, кажется, упомянули крещение, доктор Чезюбл. Вы, конечно, умеете крестить?

Доктор Чезюбл в недоумении.

Я хочу сказать, вам приходится часто крестить?

Мисс Призм. К сожалению, в нашем приходе это одна из главных обязанностей пастора. Я часто говорила по этому поводу с беднейшими из прихожан. Но они, как видно, понятия не имеют об экономии.

Чезюбл. Смее спросить, мистер Уординг, разве вы заинтересованы в судьбе какого-нибудь определенного ребенка? Ведь сколько мне известно, брат ваш был холост?

Джек. Да.

Мисс Призм (с горечью). Таковы обычно все живущие исключительно ради собственного удовольствия.

Джек. Дело касается не ребенка, дорогой доктор. Хотя я и очень люблю детей. Нет! В данном случае я сам хотел бы подвергнуться обряду крещения, и не позднее чем сегодня — конечно, если вы свободны.

Чезюбл. Но, мистер Уординг, ведь вас уже крестили.

Джек. Не помню.

Чезюбл. Значит, у вас на этот счет имеются сомнения?

Джек. Если нет, так будут. Но, конечно, я не хотел бы затруднять вас. Может быть, мне уже поздно креститься?

Чезюбл. Нисколько. Окропление и даже погружение взрослых предусмотрено каноническими правилами.

Джек. Погружение?

Чезюбл. Не беспокойтесь. Окропления будет вполне достаточно. Оно даже предпочтительно. Погода у нас такая ненадежная. И в котором часу вы предполагаете совершить обряд?

Джек. Да я мог бы заглянуть часов около пяти, если вам удобно.

Чезюбл. Вполне. Вполне! Как раз около этого

часа я собираюсь совершить еще два крещения. Это двойня, недавно рожденная у одного из ваших арендаторов. У Дженкинса, того, знаете, возчика и весьма работающего человека.

Джек. Мне совсем не улыбается креститься заодно с другими младенцами. Это было бы ребячество. Не лучше ли тогда в половине шестого?

Чезюбл. Чудесно! Чудесно! *(Вынимая часы.)* А теперь, мистер Уординг, позвольте мне покинуть сию обитель скорби. И я от всей души посоветовал бы вам не сгибаться под бременем горя. То, что представляется нам тяжкими испытаниями, иногда на самом деле — скрытое благо.

Мисс Призм. Мне оно кажется очень даже явным благом.

Из дома выходит Сесили.

Сесили. Дядя Джек! Как хорошо, что вы вернулись. Но что за ужасный костюм? Скорее идите переодевайтесь!

Мисс Призм. Сесили!

Чезюбл. Дитя мое! Дитя мое!

Сесили подходит к Джеку, он с грустью целует ее в лоб.

Сесили. В чем дело, дядя? Улыбнитесь. У вас такой вид, словно зубы болят, а у меня для вас есть сюрприз. Кто бы вы думали сейчас у нас в столовой? Ваш брат!

Джек. Кто?

Сесили. Ваш брат, Эрнест. Он приехал за полчаса до вас.

Джек. Что за чушь! У меня нет никакого брата.

Сесили. О, не надо так говорить! Как бы дурно он ни вел себя в прошлом, он все-таки ваш брат. Зачем вы так суровы? Не надо отрекаться от него. Я сейчас позову его сюда. И вы пожмете ему руку, не правда ли, дядя Джек? *(Бежит в дом.)*

Чезюбл. Какое радостное известие!

Мисс Призм. Теперь, когда мы уже примирились с утратой, его возвращение вызывает особую тревогу.

Джек. Мой брат в столовой? Ничего не понимаю. Какая-то нелепость.

Входит Алджернон за руку с Сесили. Они медленно идут к Джеку.

Силы небесные! *(Делает знак Алджернону, чтобы тот ушел.)*

Алджернон. Дорогой брат, я приехал из Лондона, чтобы сказать тебе, что я очень сожалею о всех причиненных тебе огорчениях и что я намерен в будущем жить совсем по-иному.

Джек бросает на него грозный взгляд и не берет протянутой руки.

Сесили. Дядя Джек, неужели вы оттолкнете руку вашего брата?

Джек. Ничто не заставит меня пожать ему руку. Его приезд сюда — просто безобразие. Он знает сам почему.

Сесили. Дядя Джек, будьте снисходительны. В каждом есть крупица добра. Эрнест сейчас рассказывал мне о своем бедном больном друге Бенбери, которого он часто навещает. И, конечно, есть доброе чувство в том, кто отказывается от всех удовольствий Лондона для того, чтобы сидеть у одра больного.

Джек. Как! Он тебе рассказывал о Бенбери?

Сесили. Да, он рассказал мне о бедном Бенбери и его ужасной болезни.

Джек. Бенбери! Я не желаю, чтобы он говорил с тобой о Бенбери и вообще о чем бы то ни было. Это слишком!

Алджернон. Признаюсь, виноват. Но я не могу не сознаться, что холодность брата Джона для меня особенно тяжела. Я надеялся на более сердечный прием, особенно в мой первый приезд сюда.

Сесили. Дядя Джек, если вы не протянете руку Эрнесту, я вам этого никогда не прощу!

Джек. Никогда не простишь?

Сесили. Никогда, никогда, никогда!

Джек. Ну хорошо, в последний раз. *(Пожимает руку Алджернону и угрожающе смотрит на него.)*

Чезюбл. Как утешительно видеть такое искреннее примирение. Теперь, я думаю, нам следует оставить братьев наедине.

Мисс Призм. Сесили, идемте со мной.

Сесили. Сейчас, мисс Призм. Я рада, что помогла их примирению.

Чезюбл. Сегодня вы совершили благородный поступок, дитя мое.

Мисс Призм. Не будем поспешны в наших суждениях.

Сесили. Я очень счастлива!

Все, кроме Джека и Алджернона, уходят.

Джек. Алджи, перестань озорничать. Ты должен убраться отсюда сейчас же. Здесь я не разрешаю бенбериговать!

Входит Мерримен.

Мерримен. Я поместил вещи мистера Эрнеста в комнате рядом с вашей, сэр. Полагаю, так и следует, сэр?

Джек. Что?

Мерримен. Чемоданы мистера Эрнеста, сэр. Я внес их в комнату рядом с вашей спальней и распаковал.

Джек. Его чемоданы?

Мерримен. Да, сэр. Три чемодана, несессер, две шляпные картонки и большая корзина с провизией.

Алджернон. Боюсь, на этот раз я не смогу пробыть больше недели.

Джек. Мерримен, велите сейчас же подать кабриолет. Мистера Эрнеста срочно вызывают в город.

Мерримен. Слушаю, сэр. *(Уходит в дом.)*

Алджернон. Какой ты выдумщик, Джек. Никто меня не вызывает в город.

Джек. Нет, вызывает.

Алджернон. Понятия не имею, кто именно.

Джек. Твой долг джентльмена.

Алджернон. Мой долг джентльмена никогда не мешает моим удовольствиям.

Джек. Готов тебе поверить.

Алджернон. А Сесили — прелестна.

Джек. Не смей в таком тоне говорить о мисс Кардью. Мне это не нравится.

Алджернон. А мне, например, не нравится твой костюм. Ты просто смешон. Почему ты не пойдешь и не переоденешься? Чистое ребячество носить траур по человеку, который собирается целую неделю провести у тебя в качестве гостя. Это просто нелепо!

Джек. Ты ни в коем случае не пробудешь у меня целую неделю, ни в качестве гостя, ни в ином качестве. Ты должен уехать поездом четыре пять.

Алджернон. Я ни в коем случае не оставлю тебя, пока ты в трауре. Это было бы не по-дружески. Если бы я был в трауре, ты, полагаю, не покинул бы меня? Я бы счел тебя черствым человеком, если бы ты поступил иначе.

Джек. А если я переоденусь, тогда ты уедешь?

Алджернон. Да, если только ты не будешь очень копать. Ты всегда страшно копаешься перед зеркалом, и всегда без особого толку.

Джек. Уж во всяком случае, это лучше, чем быть всегда расфуфыренным, вроде тебя.

Алджернон. Если я слишком хорошо одет, я искупаю это тем, что я слишком хорошо воспитан.

Джек. Твое тщеславие смехотворно, твое поведение оскорбительно, а твое присутствие в моем саду — нелепо. Однако ты еще поспеешь на поезд четыре пять и, надеюсь, совершишь приятную поездку в город. На этот раз твое бенберирование не увенчалось успехом. *(Идет в дом.)*

Алджернон. А по-моему, увенчалось, да еще каким. Я влюблен в Сесили, а это самое главное.

В глубине сада появляется Сесили. Она берет лейку и начинает поливать цветы.

Но я должен повидать ее до отъезда и условиться о следующей встрече. А, вот она!

Сесили. Я пришла полить розы. Я думала, вы с дядей Джеком.

Алджернон. Он пошел распорядиться, чтобы мне подали кабриолет.

Сесили. Вы поедете с ним кататься?

Алджернон. Нет, он хочет отослать меня.

Сесили. Так, значит, нам предстоит разлука?

Алджернон. Боюсь, что да. И мне это очень грустно.

Сесили. Всегда грустно расставаться с теми, с кем только что познакомился. С отсутствием старых друзей можно легко примириться. Но даже недолгая разлука с теми, кого только что узнал, почти невыносима.

Алджернон. Спасибо за эти слова.

Входит Мерримен.

Мерримен. Экипаж подан, сэр.

Алджернон умоляюще глядит на Сесили.

Сесили. Пусть подождет, Мерримен, ну, минут... минут пять.

Мерримен. Слушаю, мисс. *(Уходит.)*

Алджернон. Надеюсь, Сесили, я не оскорблю вас, если скажу честно и прямо, что в моих глазах вы зримое воплощение предельного совершенства.

Сесили. Ваша искренность делает вам честь, Эрнест. Если вы позволите, я запишу ваши слова в свой дневник. *(Идет к столу и начинает записывать.)*

Алджернон. Так вы действительно ведете дневник? Чего бы я не дал за то, чтобы заглянуть в него. Можно?

Сесили. О нет! *(Прикрывает его рукой.)* Видите ли, это всего только запись мыслей и переживаний очень молодой девушки, и, следовательно, это предназначено для печати. Вот когда мой дневник появится отдельным изданием, тогда непременно купите его. Но прошу вас, Эрнест, продолжайте. Я очень люблю писать под диктовку. Я дописала до «предельного совершенства». Продолжайте. Я готова.

Алджернон *(несколько озадачен)*. Хм! Хм!

Сесили. Не кашляйте, Эрнест. Когда диктуешь, надо говорить медленно и не кашлять. А к тому же я не знаю, как записать кашель. *(Записывает, по мере того как Алджернон говорит.)*

Алджернон *(говорит очень быстро)*. Сесили, как только я увидел вашу поразительную и несравненную красоту, я осмелился полюбить вас безумно, страстно, преданно, безнадежно.

Сесили. По-моему, вам не следует говорить мне, что вы любите меня безумно, страстно, преданно, безнадежно. А кроме того, безнадежно сюда вовсе не подходит.

Алджернон. Сесили!

Входит Мерримен.

Мерримен. Экипаж ожидает вас, сэр.

Алджернон. Скажите, чтобы его подали через неделю в это же время.

Мерримен (*смотрит на Сесили, которая не опровергает слов Алджернона*). Слушаю, сэр.

Мерримен уходит.

Сесили. Дядя Джек будет сердиться, когда узнает, что вы уедете только через неделю в это же время.

Алджернон. Мне нет дела до Джека. Мне нет дела ни до кого, кроме вас. Я люблю вас, Сесили. Согласны вы быть моей женой?

Сесили. Какой вы глупый! Конечно. Мы ведь обручены уже около трех месяцев.

Алджернон. Около трех месяцев?!

Сесили. Да, в четверг будет ровно три месяца.

Алджернон. Но каким образом это произошло?

Сесили. С тех пор как дядя Джек признался нам, что у него есть младший брат, беспутный и порочный, вы стали, конечно, предметом наших разговоров с мисс Призм. И конечно, тот, о ком так много говорят, становится особенно привлекательным. Должно же в нем быть что-то выдающееся. Может быть, это очень глупо с моей стороны, но я полюбила вас, Эрнест.

Алджернон. Милая! Но все-таки когда состоялось обручение?

Сесили. Четырнадцатого февраля. Не в силах больше вынести того, что вы даже не знаете о моем существовании, я решила так или иначе уладить этот вопрос и после долгих колебаний обручилась с вами под этим старым милым деревом. На другой день я купила вот это колечко, ваш подарок, и этот браслет с узлом верности и дала обещание не снимать их.

Алджернон. Так, значит, это мои подарки? А ведь недурны, правда?

Сесили. Да, у вас очень хороший вкус, Эрнест. За это я вам всегда прощала ваш беспутный образ жизни. А вот шкатулка, в которой я храню ваши милые письма. (*Нагибается за шкатулкой, открывает ее и достает пачку писем, перевязанных голубой ленточкой.*)

Алджернон. Мои письма? Но, дорогая моя Сесили, я никогда не писал вам писем.

Сесили. Не надо напоминать мне об этом. Я слишком хорошо помню, что мне пришлось писать ваши письма за вас. Я писала их три раза в неделю, а иногда и чаще.

Алджернон. Позвольте мне прочитать их, Сесили.

Сесили. Ни в коем случае. Вы слишком возгордились бы. *(Убирает шкатулку.)* Три письма, которые вы написали мне после нашего разрыва, так хороши и в них так много орфографических ошибок, что я до сих пор не могу удержаться от слез, когда перечитываю их.

Алджернон. Но разве наша помолвка расстроилась?

Сесили. Ну конечно. Двадцать второго марта. Вот, можете посмотреть дневник. *(Показывает дневник.)* «Сегодня я расторгла нашу помолвку с Эрнестом. Чувствую, что так будет лучше. Погода по-прежнему чудесная».

Алджернон. Но почему, почему вы решились на это? Что я сделал? Я ничего такого не сделал, Сесили! Меня в самом деле очень огорчает то, что вы расторгли нашу помолвку. Да еще в такую чудесную погоду.

Сесили. Какая же это по-настоящему прочная помолвка, если ее не расторгнуть хоть раз. Но я простила вас на той же неделе.

Алджернон *(подходя к ней и становясь на колени)*. Вы ангел, Сесили!

Сесили. Мой милый сумасброд!

Он целует ее, она ерошит его волосы.

Надеюсь, волосы у вас вьются сами?

Алджернон. Да, дорогая, с небольшой помощью парикмахера.

Сесили. Я так рада.

Алджернон. Больше вы никогда не расторгнете нашей помолвки, Сесили?

Сесили. Мне кажется, что теперь, когда я вас узнала, я этого не смогла бы. А к тому же ваше имя...

Алджернон *(нервно)*. Да, конечно.

Сесили. Не смейтесь надо мной, милый, но моей девической мечтой всегда было выйти за человека, которого зовут Эрнест.

Алджернон встает, Сесили тоже.

В этом имени есть нечто внушающее абсолютное доверие. Я так жалею бедных женщин, мужа которых носят другие имена.

Алджернон. Но, дорогое дитя мое, неужели вы

хотите сказать, что не полюбили бы меня, если бы меня звали по-другому?

С е с и л и. Как, например?

А л д ж е р н о н. Ну, все равно, хотя бы — Алджернон...

С е с и л и. Но мне вовсе не нравится имя Алджернон.

А л д ж е р н о н. Послушайте, дорогая, милая, любимая девочка. Я не вижу причин, почему бы вам возражать против имени Алджернона. Это вовсе не плохое имя. Более того, это довольно аристократическое имя. Половина ответчиков по делам о банкротстве носит это имя. Нет, шутки в сторону, Сесили... *(Подходя ближе.)* Если бы меня звали Алджи, неужели вы не могли бы полюбить меня?

С е с и л и *(вставая)*. Я могла бы уважать вас, Эрнест. Я могла бы восхищаться вами, но, боюсь, что не смогла бы все свои чувства безраздельно отдать только вам.

А л д ж е р н о н. Гм! Сесили! *(Хватаясь за шляпу.)* Ваш пастор, вероятно, вполне сведущ по части церковных обрядов и церемоний?

С е с и л и. О, конечно, доктор Чезюбл весьма сведущий человек. Он не написал ни одной книги, так что вы можете себе представить, сколько у него сведений в голове.

А л д ж е р н о н. Я должен сейчас же повидаться с ним... и поговорить о неотложном крещении... я хочу сказать — о неотложном деле.

С е с и л и. О!

А л д ж е р н о н. Я вернусь не позже чем через полчаса.

С е с и л и. Принимая во внимание, что мы с вами обручены с четырнадцатого февраля и что встретились мы только сегодня, я думаю, что вам не следовало бы покидать меня на такой продолжительный срок. Нельзя ли через двадцать минут?

А л д ж е р н о н. Я мигом вернусь! *(Целует ее и убегает через сад.)*

С е с и л и. Какой он порывистый! И какие у него волосы! Нужно записать, что он сделал мне предложение.

Входит Мерримен.

Мерримен. Некая мисс Ферфакс хочет видеть мистера Уординга. Говорит, что он нужен ей по очень важному делу.

Сесили. А разве мистер Уординг не у себя в кабинете?

Мерримен. Мистер Уординг недавно прошел по направлению к дому доктора Чезюбла.

Сесили. Попросите эту леди сюда. Мистер Уординг, вероятно, скоро вернется. И принесите, пожалуйста, чаю.

Мерримен. Слушаю, мисс. *(Выходит.)*

Сесили. Мисс Ферфакс? Вероятно, одна из тех пожилых дам, которые вместе с дядей Джеком занимаются благотворительными делами в Лондоне. Не люблю дам-филантропок. Они слишком много на себя берут.

Входит Мерримен.

Мерримен. Мисс Ферфакс.

Входит Гвендолен. Мерримен уходит.

Сесили *(идя ей навстречу)*. Позвольте вам представиться. Меня зовут Сесили Кардью.

Гвендолен. Сесили Кардью? *(Идет к ней и пожимает руку.)* Какое милое имя! Я уверена, мы с вами подружимся. Вы мне и сейчас ужасно нравитесь. А первое впечатление меня никогда не обманывает.

Сесили. Как это мило с вашей стороны, мы ведь с вами так сравнительно недавно знакомы. Пожалуйста, садитесь.

Гвендолен *(все еще стоя)*. Можно мне называть вас Сесили?

Сесили. Ну конечно!

Гвендолен. А меня зовите просто Гвендолен.

Сесили. Если вам это приятно.

Гвендолен. Значит, решено? Не так ли?

Сесили. Надеюсь.

Пауза. Обе одновременно садятся.

Гвендолен. Теперь, я думаю, самое подходящее время объяснить вам, кто я такая. Мой отец — лорд Брэкнелл. Вы должно быть никогда не слышали о папе, не правда ли?

Сесили. Нет, не слыхала.

Гвендолен. К счастью, он совершенно неизвестен за пределами тесного семейного круга. Это вполне естественно. Сферой деятельности для мужчины, по-моему, должен быть домашний очаг. И как только мужчины начинают пренебрегать своими семейными обязанностями, они становятся такими изнеженными. А я этого не люблю. Это делает мужчин слишком привлекательными. Моя мама, которая смотрит на воспитание крайне сурово, развила во мне большую близорукость: это входит в ее систему. Так что вы не возражаете, Сесили, если я буду смотреть на вас в лорнет?

Сесили. Нет, что вы, Гвендолен, я очень люблю, когда на меня смотрят!

Гвендолен (*тщательно обзрев Сесили через лорнет*). Вы здесь гостите, не так ли?

Сесили. О нет. Я здесь живу.

Гвендолен (*строго*). Вот как? Тогда здесь находится, конечно, ваша матушка, или хотя бы какая-нибудь пожилая родственница?

Сесили. Нет. У меня нет матери, да и родственниц никаких нет.

Гвендолен. Что вы говорите?

Сесили. Мой дорогой опекун с помощью мисс Призм взял на себя тяжкий труд заботиться о моем воспитании.

Гвендолен. Ваш опекун?

Сесили. Да, я воспитанница мистера Уординга.

Гвендолен. Странно! Он никогда не говорил мне, что у него есть воспитанница. Какая скрытность! Он становится интереснее с каждым часом. Но я не сказала бы, что эта новость вызывает у меня восторг. (*Встает и направляется к Сесили.*) Вы мне очень нравитесь, Сесили. Вы мне понравились с первого взгляда, но должна сказать, что сейчас, когда я узнала, что вы воспитанница мистера Уординга, я бы хотела, чтобы вы были... ну, чуточку постарше и чуточку менее привлекательной. И знаете, если уж говорить откровенно...

Сесили. Говорите! Я думаю, если собираются сказать неприятное, надо говорить откровенно.

Гвендолен. Так вот, говоря откровенно, Сесили, я хотела бы, чтобы вам было не меньше чем сорок два года, а с виду и того больше. У Эрнеста честный и пря-

мой характер. Он воплощенная искренность и честь. Неверность для него так же невозможна, как и обман. Но даже самые благородные мужчины до чрезвычайности подвержены женским чарам. Новая история, как и древняя, дает тому множество плачевных примеров. Если бы это было иначе, то историю было бы невозможно читать.

Сесили. Простите, Гвендолен, вы, кажется, сказали — Эрнест?

Гвендолен. Да.

Сесили. Но мой опекун вовсе не мистер Эрнест Уординг — это его брат, старший брат.

Гвендолен (*снова усаживаясь*). Эрнест никогда не говорил мне, что у него есть брат.

Сесили. Как ни грустно, но они долгое время не ладили.

Гвендолен. Тогда понятно. А к тому же я никогда не слыхала, чтобы мужчины говорили о своих братьях. Тема эта для них, по-видимому, крайне неприятна. Сесили, вы успокоили меня. Я уже начинала тревожиться. Как ужасно было бы, если бы облако омрачило такую дружбу, как наша. Но вы совершенно, совершенно уверены, что ваш опекун не мистер Эрнест Уординг?

Сесили. Совершенно уверена. (*Пауза.*) Дело в том, что я сама собираюсь его опекать.

Гвендолен (*не веря ушам*). Что вы сказали?

Сесили (*смущенно и как бы по секрету*). Дорогая Гвендолен, у меня нет никаких оснований держать это в тайне. Ведь даже наша местная газета объявит на будущей неделе о моей помолвке с мистером Эрнестом Уордингом.

Гвендолен (*вставая, очень вежливо*). Милочка моя. Тут какое-то недоразумение. Мистер Эрнест Уординг обручен со мной. И об этом будет объявлено в «Морнинг пост» не позднее субботы.

Сесили (*вставая и не менее вежливо*). Боюсь, вы ошибаетесь. Эрнест сделал мне предложение всего десять минут назад. (*Показывает дневник.*)

Гвендолен (*внимательно читает дневник сквозь лорнет*). Очень странно, потому что он просил меня быть его женой не далее как вчера в пять тридцать пополудни. Если вы хотите удостовериться в

этом, пожалуйста. (*Достает свой дневник.*) Я никуда не выезжаю без дневника. В поезде всегда надо иметь для чтения что-нибудь захватывающее. Весьма сожалею, дорогая Сесили, если это вас огорчит, но боюсь, что я первая.

С е с и л и. Я была бы очень огорчена, дорогая Гвендолен, если бы причинила вам душевную или физическую боль, но все же приходится разъяснить вам, что Эрнест явно передумал после того, как сделал вам предложение.

Г в е н д о л е н (*размышляя вслух*). Если кто-то вынудил моего бедного жениха дать какие-то опрометчивые обещания, я считаю своим долгом немедленно и со всей решимостью прийти к нему на помощь.

С е с и л и (*задумчиво и грустно*). В какую бы предательскую ловушку ни попал мой дорогой мальчик, я никогда не попрекну его этим после свадьбы.

Г в е н д о л е н. Не на меня ли вы намекаете, мисс Кардью, упоминая о ловушке? Вы чересчур самонадеянны. Говорить правду в подобных случаях не только моральная потребность. Это удовольствие.

С е с и л и. Не меня ли вы обвиняете, мисс Ферфакс, и том, что я вынудила у Эрнеста признание? Как вы смеете? Теперь не время носить маску внешних приличий. Если я вижу лопату, я и называю ее лопатой.

Г в е н д о л е н (*насмешливо*). Рада довести до вашего сведения, что я никогда в жизни не видела лопаты. Совершенно ясно, что мы возвращаемся в различных социальных сферах.

Входит Мерримен, за ним лакей с подносом, скатертью и подставкой для чайника. Сесили уже готова возразить, но присутствие слуг заставляет ее сдержаться, так же как и Гвендолен.

Мерримен. Чай накрывать здесь, как всегда, мисс?

С е с и л и (*сурово, но спокойно*). Да, как всегда.

Мерримен начинает освобождать стол и накрывать к чаю. Продолжительная пауза. Сесили и Гвендолен яростно глядят друг на друга.

Г в е н д о л е н. Есть у вас тут интересные прогулки, мисс Кардью?

С е с и л и. О да, сколько угодно. С вершины одного из соседних холмов видно пять графств.

Гвендолен. Пять графств! Я бы этого не вынесла. Ненавижу тесноту!

С е с и л и (*очень любезно*). Именно поэтому вы, вероятно, живете в Лондоне.

Гвендолен (*закусывает губу и нервно постукивает зонтиком по ноге, озираясь*). Очень милый садик, мисс Кардью.

С е с и л и. Рада, что он вам нравится, мисс Ферфакс.

Гвендолен. Я и не предполагала, что в деревне могут быть цветы.

С е с и л и. О, цветов тут столько же, сколько в Лондоне людей.

Гвендолен. Лично я не могу понять, как можно жить в деревне — конечно, если ты не полное ничтожество. На меня деревня всегда наводит скуку.

С е с и л и. Да? Это как раз то, что газеты называют сельскохозяйственной депрессией. Мне кажется, аристократы именно сейчас особенно часто страдают от этой болезни. Как мне рассказывали, среди них это своего рода эпидемия. Не угодно ли чаю, мисс Ферфакс?

Гвендолен (*с подчеркнутой вежливостью*). Благодарствуйте. (*В сторону.*) Несносная девчонка! Но мне хочется чаю.

С е с и л и (*очень любезно*). Сахару?

Гвендолен (*надменно*). Нет, благодарю вас. Сахар сейчас не в моде.

С е с и л и (*сердито смотрит на нее, берет щипцы и кладет в чашку четыре куска сахара, сурово*). Вам пирога или хлеба с маслом?

Гвендолен (*со скучающим видом*). Хлеба, пожалуйста. В хороших домах сейчас не принято подавать сладкие пироги.

С е с и л и (*отрезает большой кусок сладкого пирога и кладет на тарелочку*). Передайте это мисс Ферфакс.

Мерримен выполняет приказание и уходит, сопровождаемый лакеем.

Гвендолен (*пьет чай и морщится. Отставив чашку, она протягивает руку за хлебом и видит, что это пирог; вскакивает в негодовании*). Вы наложили

мне полную чашку сахару, и хотя я совершенно ясно просила у вас хлеба, вы подсунули мне пирог. Всем известны моя деликатность и мягкость характера, но предупреждаю вас, мисс Кардью, вы заходите слишком далеко.

С е с и л и (*в свою очередь вставая*). Чтобы спасти моего бедного, ни в чем не повинного, доверчивого мальчика от происков коварной женщины, я готова на все!

Г в е н д о л е н. С той самой минуты, как я увидела вас, вы мне внушили недоверие. Я почувствовала, что вы притворщица и обманщица. Меня вам не провести. Мое первое впечатление никогда меня не обманывает.

С е с и л и. Мне кажется, мисс Ферфакс, я злоупотребляю вашим драгоценным временем. Вам, вероятно, предстоит сделать еще несколько таких же визитов в нашем графстве.

Входит Д ж е к.

Г в е н д о л е н (*заметив его*). Эрнест! Мой Эрнест! Д ж е к. Гвендолен!.. Милая! (*Хочет поцеловать ее.*)

Г в е н д о л е н (*отстраняясь*). Минуточку! Могу ли я спросить — обручены ли вы с этой молодой леди? (*Указывает на Сесили.*)

Д ж е к (*смеясь*). С милой крошкой Сесили? Ну конечно, нет. Как могла возникнуть такая мысль в вашей хорошенькой головке?

Г в е н д о л е н. Благодарю вас. Теперь можно. (*Подставляет щеку.*)

С е с и л и (*очень мягко*). Я так и знала, что тут какое-то недоразумение, мисс Ферфакс. Джентльмен, который сейчас обнимает вас за талию, это мой дорогой опекун, мистер Джон Уординг.

Г в е н д о л е н. Как вы сказали?

С е с и л и. Да, это дядя Джек.

Г в е н д о л е н (*отступая*). Джек! О!

Входит Алджернон.

С е с и л и. А вот это Эрнест!

А л д ж е р н о н (*никого не замечая, идет прямо к Сесили*). Любимая моя! (*Хочет ее поцеловать.*)

С е с и л и (*отступая*). Минуточку, Эрнест. Могу ли я спросить вас — вы обручены с этой молодой леди?

Алджернон (*озираясь*). С какой леди? Силы небесные, Гвендолен!

Сесили. Вот именно, силы небесные Гвендолен. С этой самой Гвендолен!

Алджернон (*смеясь*). Ну конечно, нет. Как могла возникнуть такая мысль в вашей хорошенькой головке?

Сесили. Благодарю вас. (*Подставляет щеку для поцелуя.*) Теперь можно.

Алджернон целует ее.

Гвендолен. Я чувствовала, что тут что-то не так, мисс Кардью. Джентльмен, который сейчас обнимает вас, — мой кузен, мистер Алджернон Монкриф.

Сесили (*отстраняясь от Алджернона*). Алджернон Монкриф? О!

Девушки идут друг к другу и обнимаются за талию, как бы ища защиты друг у друга.

Сесили. Так вас зовут Алджернон?

Алджернон. Не могу отрицать.

Сесили. О!

Гвендолен. Вас действительно зовут Джон?

Джек (*горделиво*). При желании я мог бы это отрицать. При желании я мог бы отрицать все что угодно. Но меня действительно зовут Джон. И уже много лет.

Сесили (*обращаясь к Гвендолен*). Мы обе жестоко обмануты.

Гвендолен. Бедная моя оскорбленная Сесили!

Сесили. Дорогая обиженная Гвендолен!

Гвендолен (*медленно и веско*). Называй меня сестрой, хочешь?

Они обнимаются. Джек и Алджернон вздыхают и прохаживаются по дорожке.

Сесили (*спохватившись*). Есть один вопрос, который я хотела бы задать моему опекуну.

Гвендолен. Прекрасная идея! Мистер Уординг, я хотела бы задать вам один вопрос. Где ваш брат Эрнест? Мы обе обручены с вашим братом Эрнестом, и нам весьма важно знать, где сейчас находится ваш брат Эрнест.

Джек (*медленно и запинаясь*). Гвендолен, Сеси-

ли... Мне очень жаль, но надо открыть вам всю правду. Я в первый раз в жизни оказался в таком затруднительном положении, мне никогда не приходилось говорить правду. Но я признаюсь вам по чистой совести, что у меня нет никакого брата Эрнеста. У меня вообще нет брата. Никогда в жизни у меня не было брата, и у меня нет ни малейшего желания обзаводиться им в будущем.

С е с и л и (с изумлением). Никакого брата?

Д ж е к (весело). Ровно никакого.

Г в е н д о л е н (сурово). И никогда не было?

Д ж е к (сияя). Никогда.

Г в е н д о л е н. Боюсь, Сесили, что обе мы ни с кем не обручены.

С е с и л и. Как неприятно для молодой девушки оказаться в таком положении. Не правда ли?

Г в е н д о л е н. Пойдемте в дом. Они едва ли осмелятся последовать за нами.

С е с и л и. Ну что вы, мужчины так трусливы.

Полные презрения, они уходят в дом.

Д ж е к. Так это безобразие и есть то, что ты называешь бенбериованием?

А л д ж е р н о н. Да, и притом исключительно удачным. Так замечательно бенбериовать мне еще ни разу в жизни не приходилось.

Д ж е к. Так вот, бенбериовать здесь ты не имеешь права.

А л д ж е р н о н. Но это же нелепо. Каждый имеет право бенбериовать там, где ему вздумается. Всякий серьезный бенберист знает это.

Д ж е к. Серьезный бенберист! Бог мой!

А л д ж е р н о н. Надо же в чем-то быть серьезным, если хочешь наслаждаться жизнью. Я, например, бенберирую серьезно. В чем ты серьезен, этого я не успел установить. Полагаю — во всем. У тебя такая ordinaria натура.

Д ж е к. Что мне нравится во всей этой истории, — это то, что твой друг Бенбери лопнул. Теперь тебе не удастся так часто спасаться в деревне, дорогой мой. Оно и к лучшему.

А л д ж е р н о н. Твой братец тоже слегка полинял, дорогой Джек. Теперь тебе не удастся пропадать в

Лондоне, как ты это проделывал раньше. Это тоже неплохо.

Джек. А что касается твоего поведения с мисс Кардью, то я должен тебе заявить, что оболещать такую милую, простую, невинную девушку совершенно недопустимо. Не говоря уже о том, что она под моей опекой.

Алджернон. А я не вижу никакого оправдания тому, что ты обманываешь такую блестящую, умную и многоопытную молодую леди, как мисс Ферфакс. Не говоря уже о том, что она моя кузина.

Джек. Я хотел обручиться с Гвендолен, вот и все. Я люблю ее.

Алджернон. Ну и я просто хотел обручиться с Сесили. Я ее обожаю.

Джек. Но у тебя нет никаких шансов жениться на мисс Кардью.

Алджернон. Еще менее вероятно то, что тебе удастся обручиться с мисс Ферфакс.

Джек. Это не твое дело.

Алджернон. Будь это моим делом, я бы и говорить не стал. *(Принимается за сдобные лепешки.)* Говорить о собственных делах очень вульгарно. Этим занимаются только биржевые маклеры, да и то больше на званых обедах.

Джек. И как тебе не стыдно преспокойно уплетать лепешки, когда мы оба попали в такую беду? Бессердечный эгоист!

Алджернон. Но не могу же я есть лепешки волнуясь. Я бы запачкал маслом манжеты. Лепешки надо есть спокойно. Это единственный способ есть лепешки.

Джек. А я говорю, что при таких обстоятельствах вообще бессердечно есть лепешки.

Алджернон. Когда я расстроен, единственное, что меня успокаивает, это еда. Люди, которые меня хорошо знают, могут засвидетельствовать, что при крупных неприятностях я отказываю себе во всем, кроме еды и питья. Вот и сейчас я ем лепешки потому, что несчастлив. Ну, и кроме того, я очень люблю деревенские лепешки. *(Встает.)*

Джек *(встает)*. Но это еще не причина, чтобы уничтожить их все без остатка. *(Отнимает у Алджернона блюдо с лепешками.)*

Алджернон (*подставляя ему пирог*). Может быть, ты возьмешь пирога? Я не люблю пироги.

Джек. Черт возьми! Неужели человек не может есть свои собственные лепешки в своем собственном саду?

Алджернон. Но ты только что утверждал, что есть лепешки — бессердечно.

Джек. Я говорил, что при данных обстоятельствах это бессердечно с твоей стороны. А это совсем другое дело.

Алджернон. Может быть. Но лепешки-то ведь те же самые. (*Отбирает у Джека блюдо с лепешками.*)

Джек. Алджи, прошу тебя, уезжай.

Алджернон. Не можешь ты выпроводить меня без обеда. Это невысказано. Я никогда не уйду, не пообедав. На это способны лишь вегетарианцы. А кроме того, я только что договорился с доктором Чезюблом. Он окрестит меня, и без четверти шесть я стану Эрнестом.

Джек. Дорогой мой, чем скорей ты выкинешь из головы эту блажь, тем лучше. Я сегодня утром договорился с доктором Чезюблом, в половине шестого он окрестит меня и, разумеется, даст мне имя Эрнест. Гвендолен этого требует. Не можем мы оба принять имя Эрнест. Это нелепо. Кроме того, я имею право креститься. Нет никаких доказательств, что меня когда-либо крестили. Весьма вероятно, что меня и не крестили, доктор Чезюбл того же мнения. А с тобой дело обстоит совсем иначе. Ты-то уже наверно был крещен.

Алджернон. Да, но с тех пор меня ни разу не крестили.

Джек. Положим, но один раз ты был крещен. Вот что важно.

Алджернон. Это верно. И теперь я знаю, что могу это перенести. А если ты не уверен, что уже подвергался этой операции, то это для тебя очень рискованно. Это может причинить тебе большой вред. Не забывай, что всего неделю назад твой ближайший родственник чуть не скончался в Париже от острой простуды.

Джек. Да, но ты сам сказал, что простуда — болезнь не наследственная.

Алджернон. Так считали прежде, это верно, но

так ли это сейчас? Наука идет вперед гигантскими шагами.

Джек (*отбирая блюдо с лепешками*). Глупости, ты всегда говоришь глупости!

Алджернон. Джек, ты опять принялся за лепешки! А как же я? Там только две и остались. (*Берет их.*) Я же сказал тебе, что люблю лепешки.

Джек. А я ненавижу сладкий пирог.

Алджернон. С какой же стати ты позволяешь угощать твоих гостей пирогом? Странное у тебя представление о гостеприимстве.

Джек. Алджернон, я уже говорил тебе — уезжай. Я не хочу, чтобы ты оставался. Почему ты не уходишь?

Алджернон. Я еще не допил чай, и надо же мне доесть лепешку.

Джек со стоном опускается в кресло. Алджернон продолжает есть.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Гостиная в поместье м-ра Уординга. Гвендолен и Сесили, стоя у окна, смотрят в сад.

Гвендолен. То, что они сразу не пошли за нами в дом, как и можно было ожидать, доказывает, по-моему, что у них еще сохранилась капля стыда.

Сесили. Они едят лепешки. Это похоже на раскаяние.

Гвендолен (*помолчав*). Они, видимо, не замечают нас. Может быть, вы попробуете кашлянуть?

Сесили. Но у меня нет кашля.

Гвендолен. Они смотрят на нас. Какая дерзость!

Сесили. Они идут сюда. Как самонадеянно с их стороны.

Гвендолен. Будем хранить горделивое молчание.

Сесили. Конечно. Ничего другого не остается.

Входит Джек, за ним Алджернон. Они насвистывают мотив какой-то ужасающей арии из английской оперы.

Гвендолен. Горделивое молчание приводит к печальным результатам.

Сесили. Очень печальным.

Гвендолен. Но мы не можем заговорить первыми.

Сесили. Конечно, нет.

Гвендолен. Мистер Уординг, у меня к вам личный вопрос. Многое зависит от вашего ответа.

Сесили. Гвендолен, ваш здравый смысл меня просто восхищает. Мистер Монкриф, будьте добры ответить мне на следующий вопрос. Для чего вы пытались выдать себя за брата моего опекуна?

Алджернон. Чтобы иметь предлог познакомиться с вами.

Сесили (*обращаясь к Гвендолен*). Мне кажется, это удовлетворительное объяснение. Как по-вашему?

Гвендолен. Да, моя дорогая, если только можно ему верить.

Сесили. Я не верю. Но это не умаляет удивительного благородства его ответа.

Гвендолен. Это так. В важных вопросах главное не искренность, а стиль. Мистер Уординг, чем вы объясните вашу попытку выдумать себе брата? Не затем ли вы на это пошли, чтобы иметь предлог как можно чаще бывать в Лондоне и видеть меня?

Джек. Неужели вы можете сомневаться в этом, мисс Ферфакс?

Гвендолен. У меня на этот счет большие сомнения. Но я решила ими пренебречь. Сейчас не время для скептицизма в духе немецких философов. (*Подходит к Сесили.*) Их объяснения кажутся мне удовлетворительными, особенно объяснение мистера Уординга. Оно звучит правдиво.

Сесили. Мне более чем достаточно того, что сказал мистер Монкриф. Один его голос внушает мне абсолютное доверие.

Гвендолен. Так вы думаете — мы можем простить их?

Сесили. Да. То есть нет.

Гвендолен. Верно! Я совсем позабыла. На карту поставлен принцип, и нам нельзя уступать. Но кто из нас скажет им это? Обязанность не из приятных.

Сесили. А не можем ли мы сказать это вместе?

Гвендолен. Прекрасная идея! Я почти всегда говорю одновременно со своим собеседником. Только держите такт.

Сесили. Хорошо.

Гвендолен отбивает такт рукой.

Гвендолен и Сесили (*говоря вместе*). Неодолимым препятствием по-прежнему являются ваши имена. Так и знайте!

Джек и Алджернон (*говоря вместе*). Наши имена? И только-то? Но нас окрестят сегодня же.

Гвендолен (*Джеку*). И вы ради меня идете на такое испытание?

Джек. Иду!

Сесили (*Алджернону*). Чтобы сделать мне приятное, вы согласны это перенести?

Алджернон. Согласен!

Гвендолен. Как глупы все разговоры о равенстве полов. Когда дело доходит до самопожертвования, мужчины неизмеримо выше нас.

Джек. Вот именно! (*Пожимает руку Алджернону.*)

Сесили. Да, порой они проявляют такое физическое мужество, о каком мы, женщины, и понятия не имеем.

Гвендолен (*Джеку*). Милый!

Алджернон (*Сесили*). Милая!

Все четверо обнимаются. Входит Мерримен. Поняв ситуацию, он вежливо покашливает.

Мерримен. Хм! Хм! Леди Брэкнелл.

Джек. Силы небесные!..

Входит леди Брэкнелл. Влюбленные испуганно отстраняются друг от друга. Мерримен уходит.

Леди Брэкнелл. Гвендолен! Что это значит?

Гвендолен. То, что я помолвлена с мистером Уордингом. Только и всего, мама.

Леди Брэкнелл. Поди сюда. Сядь. Сядь сейчас же. Нерешительность — это признак душевного упадка у молодых и физического угасания у пожилых. (*Повернувшись к Джеку.*) Поставленная в известность о внезапном исчезновении моей дочери ее доверенной горничной, чье усердие я раз и навсегда обеспечила посредством небольшой денежной mzды, я тотчас последовала за ней в товарном поезде. Ее бедный отец воображает, что она находится сейчас на несколько затянувшейся популярной лекции о влиянии, которое рента оказывает на развитие мысли. И это очень хорошо. Я не намерена разуверять его. Я стараюсь никогда не разуверять его ни в чем. Я бы считала это недостойным себя. Но вы, конечно, понимаете, что обязаны отныне прекратить всякие отношения с моей дочерью. И немедленно! В этом вопросе, как, впрочем, и во всех других, я не пойду ни на какие уступки.

Джек. Я обручен с Гвендолен, леди Брэкнелл.

Леди Брэкнелл. Ничего подобного, сэр. А что касается Алджернона... Алджернон!

Алджернон. Да, тетя Августа?

Леди Брэкнелл. Скажи мне, не в этом ли доме обитает твой больной друг мистер Бенбери?

Алджернон (*запинаясь*). Да! Нет. Бенбери живет не здесь. Сейчас Бенбери здесь нет. По правде говоря, Бенбери умер.

Леди Брэкнелл. Умер? А когда именно скончался мистер Бенбери? Судя по всему, он умер скоропостижно.

Алджернон (*беззаботно*). О, Бенбери я сегодня убил. Я хочу сказать — бедняга Бенбери умер сегодня днем.

Леди Брэкнелл. А что было причиной его смерти?

Алджернон. Бенбери?.. Он... он лопнул, взорвался...

Леди Брэкнелл. Взорвался? Может быть, он стал жертвой террористического акта? Я не предполагала, что мистер Бенбери интересуется социальными проблемами. Ну, а если так, поделом ему за такие нездоровые интересы.

Алджернон. Дорогая тетя Августа, я хочу сказать, что его вывели на чистую воду. То есть доктора установили, что жить он больше не может, вот Бенбери и умер.

Леди Брэкнелл. По-видимому, он придавал слишком большое значение диагнозу своих врачей. Но во всяком случае, я рада, что наконец-то он избрал какую-то определенную линию поведения и до конца не был лишен медицинской помощи. Но теперь, когда мы наконец избавились от этого мистера Бенбери, могу я спросить, мистер Уординг, что за молодая особа, которую сейчас держит за руку мой племянник Алджернон совершенно неподобающим, с моей точки зрения, образом.

Джек. Эта леди — мисс Сесили Кардью, моя воспитанница.

Леди Брэкнелл холодно кланяется Сесили.

Алджернон. Я помолвлен с Сесили, тетя Августа.

Леди Брэкнелл. Как ты сказал?

Сесили. Мистер Монкриф и я помолвлены, леди Брэкнелл.

Леди Брэкнелл (*вздвинув, проходит к дивану и садится*). Не знаю, может быть, воздух этой части Хартфордшира действует как-то особенно возбуждающе, но только число обручений, здесь заключенных, кажется мне много выше той нормы, которую предписывает нам статистическая наука. Я считаю, с моей стороны уместно будет задать несколько предварительных вопросов. Мистер Уординг, мисс Кардью тоже имеет отношение к одному из главных лондонских вокзалов? Мне нужны только факты. До вчерашнего дня я не предполагала, что есть фамилии или лица, происхождение которых ведет начало от конечной станции.

Джек (*вне себя от ярости, но сдерживается, звонко и холодно*). Мисс Кардью — внучка покойного мистера Томаса Кардью — Белгрэйв-сквер 149, Ю.-З; Джервез-парк, Доркинг в Сэррее; и Спорран, Файфшир, Северная Англия.

Леди Брэкнелл. Это звучит внушительно. Три адреса всегда вызывают доверие к их обладателю, даже если это поставщик. Но где гарантия, что адреса не вымышлены?

Джек. Я нарочно сохранил «Придворный альманах» за те годы. Они доступны для вашего обозрения, леди Брэкнелл.

Леди Брэкнелл (*угрюмо*). Мне попадались странные опечатки в этом издании.

Джек. Делами мисс Кардью занимается фирма Маркби, Маркби и Маркби.

Леди Брэкнелл. Маркби, Маркби и Маркби. Фирма, пользующаяся авторитетом в своем кругу. Мне даже говорили, что одного из господ Маркби иногда встречают на званых обедах. Ну что ж, пока это весьма удовлетворительно.

Джек (*крайне раздраженно*). Как это мило с вашей стороны, леди Брэкнелл. К вашему сведению могу добавить, что я располагаю свидетельствами о рождении мисс Кардью и ее крещении, справками о кори, коклюше, прививке оспы, принятии причастия, а также о краснухе и желтухе.

Леди Брэкнелл. О, какая богатая приключениями жизнь, даже, может быть, слишком бурная для такой молодой особы. Я, со своей стороны, не одобряю преждевременной опытности. (*Встает, смотрит на*

часы.) Гвендолен, время нашего отъезда приближается. Нам нельзя терять ни минуты. Хотя это всего-навсего проформа, мистер Уординг, но я должна еще осведомиться, не располагает ли мисс Кардью каким-либо состоянием.

Джек. Да. Около ста тридцати тысяч фунтов в государственной ренте. Вот и все. Прощайте, леди Брэкнелл. Очень приятно было поговорить с вами.

Леди Брэкнелл (*снова усаживается*). Минуточку, минуточку, мистер Уординг. Сто тридцать тысяч! И в государственной ренте. Мисс Кардью при ближайшем рассмотрении представляется мне весьма привлекательной особой. В наше время немногие девушки обладают по-настоящему солидными качествами, долговечными и даже улучшающимися от времени. К сожалению, должна сказать, что мы живем в поверхностный век. (*Обращаясь к Сесили.*) Подойдите, милочка.

Сесили подходит.

Бедное дитя, платье у вас такое простенькое и волосы почти такие же, какими их создала природа. Но это все поправимо. Опытная французская камеристка в очень короткий срок добьется удивительных результатов. Помню, я рекомендовала камеристку леди Лансинг-младшей, и через три месяца ее не узнавал собственный ее муж.

Джек. А через шесть месяцев ее уже никто не мог узнать.

Леди Брэкнелл (*бросает грозный взгляд на Джека, а потом с заученной улыбкой обращается к Сесили*). Пожалуйста, повернитесь, дитя мое.

Сесили поворачивается к ней спиной.

Нет, нет, в профиль.

Сесили становится в профиль.

Леди Брэкнелл. Именно этого я и ожидала. В вашем профиле есть данные. С таким профилем можно иметь успех в обществе. Два наиболее уязвимых пункта нашего времени — это отсутствие принципов и отсутствие профиля. Подбородок чуть повыше, дорогая моя. Стиль в значительной степени зависит от того, как держать подбородок. Теперь его держат очень высоко. Алджернон!

Алджернон. Да, тетя Августа?

Леди Брэкнелл. С таким профилем мисс Кардью может рассчитывать на успех в обществе.

Алджернон. Сесили самая милая, дорогая, прелестная девушка во всем свете. И какое мне дело до ее успехов в обществе.

Леди Брэкнелл. Никогда не говори неуважительно об обществе, Алджернон. Так поступают только те, кому закрыт доступ в высший свет. (*Обращается к Сесили.*) Дитя мое, вы, конечно, знаете, что у Алджернона нет ничего, кроме долгов. Но я не сторонница браков по расчету. Когда я выходила за лорда Брэкнелла, у меня не было никакого приданого. Однако я и мысли не допускала, что это может послужить препятствием. Поэтому я думаю, что могу благословить ваш брак.

Алджернон. Благодарю вас, тетя Августа!

Леди Брэкнелл. Сесили, поцелуйте меня, дорогая.

Сесили (*целует*). Благодарю вас, леди Брэкнелл.

Леди Брэкнелл. Можете впредь называть меня тетя Августа.

Сесили. Благодарю вас, тетя Августа.

Леди Брэкнелл. Свадьбу, я думаю, не стоит откладывать.

Алджернон. Благодарю вас, тетя Августа.

Сесили. Благодарю вас, тетя Августа.

Леди Брэкнелл. Я, по правде говоря, не одобряю длительных помолвок. Это дает возможность узнать характер другой стороны, что, по-моему, не рекомендуется.

Джек. Прошу прощения, что прерываю вас, леди Брэкнелл, но ни о какой помолвке в данном случае не может быть и речи. Я опекун мисс Кардью, и до совершеннолетия она не может выйти замуж без моего согласия. А дать такое согласие я решительно отказываюсь.

Леди Брэкнелл. По какой причине, смею вас спросить? Алджернон вполне подходящий, более того — завидный жених. У него нет ни гроша, а с виду он кажется миллионером. Чего же лучше?

Джек. Мне очень жаль, но приходится говорить в открытую, леди Брэкнелл. Дело в том, что я решитель-

но не одобряю моральный облик вашего племянника. Я подозреваю, что он двуличен.

Алджернон и Сесили смотрят на него изумленно и негодуя.

Леди Брэкнелл. Двуличен? Мой племянник Алджернон? Немыслимо! Он учился в Оксфорде!

Джек. Боюсь, что в этом не может быть никакого сомнения. Сегодня, во время моей недолгой отлучки в Лондон по весьма важному для меня личному делу, он проник в мой дом, прикинувшись моим братом. Прикрываясь вымышленным именем, он выпил, как мне только что стало известно от дворецкого, целую бутылку моего «Перье-Жуе-Брю» тысяча восемьсот восемьдесят девятого года; вино, которое я хранил специально для собственного пользования. Продолжая свою недостойную игру, он в один день покорило сердце моей единственной воспитанницы. Оставшись пить чай, он уничтожил все лепешки до единой. И поведение его тем более непростительно, что он все время прекрасно знал, что у меня нет брата, что у меня никогда не было брата и что я не имею ни малейшего желания обзаводиться каким бы то ни было братом. Я совершенно определенно сказал ему об этом еще вчера.

Леди Брэкнелл. Гм! Мистер Уординг, всесторонне обсудив этот вопрос, я решила оставить без всякого внимания обиды, нанесенные вам моим племянником.

Джек. Весьма великодушно с вашей стороны, леди Брэкнелл. Но мое решение неизменно. Я отказываюсь дать согласие.

Леди Брэкнелл (*обращаясь к Сесили*). Подойдите ко мне, милое дитя.

Сесили подходит.

Сколько вам лет, дорогая?

Сесили. По правде сказать, мне только восемнадцать, но на вечерах я всегда говорю — двадцать.

Леди Брэкнелл. Вы совершенно правы, внося эту маленькую поправку. Женщина никогда не должна быть слишком точной в определении своего возраста. Это отзывается педантизмом... (*Раздумчиво.*) Восемнадцать, но двадцать на вечерах. Ну что ж, не так уж долго ждать совершеннолетия и полной свободы от опеки.

Не думаю, чтобы согласие вашего опекуна имело бы такое значение.

Джек. Простите, я снова прерву вас, леди Брэкнелл. Но я считаю своим долгом сообщить вам, что по завещанию деда мисс Кардью срок опеки над нею установлен до тридцатипятилетнего возраста.

Леди Брэкнелл. Ну, это не кажется мне серьезным препятствием. Тридцать пять — это возраст расцвета. Лондонское общество полно женщин самого знатного происхождения, которые по собственному желанию много лет сряду остаются тридцатипятилетними. Леди Дамблтон, например. Сколько мне известно, ей все еще тридцать пять с тех самых пор, как ей исполнилось сорок, а это было уже много лет назад. Я не вижу причин, почему бы нашей дорогой Сесили не быть еще более привлекательной в указанном вами возрасте. К тому времени ее состояние значительно увеличится.

Сесили. Алджи, вы можете ждать, пока мне исполнится тридцать пять лет?

Алджернон. Ну конечно, могу, Сесили. Вы знаете, что могу.

Сесили. Да, я так и чувствовала, но я-то не смогу ждать. Я не люблю ждать когда-нибудь даже пять минут. Это меня всегда раздражает. Сама я не отличаюсь точностью, это правда, но в других люблю пунктуальность и ждать — пусть даже нашей свадьбы — для меня невыносимо.

Алджернон. Так что же делать, Сесили?

Сесили. Не знаю, мистер Монкриф.

Леди Брэкнелл. Дорогой мистер Уординг, так как мисс Кардью положительно утверждает, что она не может ждать до тридцати пяти лет, — замечание, которое, должна сказать, свидетельствует о несколько нетерпеливом характере, — я просила бы вас пересмотреть ваше решение.

Джек. Но, дорогая леди Брэкнелл, вопрос этот всецело зависит от вас. В ту самую минуту, как вы согласитесь на мой брак с Гвендолен, я с великой радостью разрешу вашему племяннику сочетаться браком с моей воспитанницей.

Леди Брэкнелл (*вставая и горделиво выпрямляясь*). Вы прекрасно знаете: то, что вы предложили, — немыслимо.

Джек. Тогда безбрачие — вот наш удел.

Леди Брэкнелл. Не такую судьбу мы готовили для Гвендолен. Алджернон, конечно, может решать за себя. *(Достаёт часы.)* Идем, дорогая.

Гвендолен встает.

Мы уже пропустили пять, а то и шесть поездов. Если мы пропустим еще один — это может вызвать нежелательные толки на станции.

Входит доктор Чезюбл.

Чезюбл. Все готово для обряда крещения.

Леди Брэкнелл. Крещения, сэр? Не преждевременно ли?

Чезюбл *(со смущенным видом указывая на Джека и Алджернона)*. Оба эти джентльмена выразили желание немедленно подвергнуться крещению.

Леди Брэкнелл. В их возрасте? Это смехотворная и безбожная затея. Алджернон, я запрещаю тебе креститься. И слышать не хочу о таких авантюрах. Лорд Брэкнелл был бы весьма недоволен, если бы узнал, на что ты тратишь время и деньги.

Чезюбл. Значит ли это, что сегодня крещения не будет?

Джек. Судя по тому, как обернулись обстоятельства, досточтимый доктор, я не считаю, что это имело бы практическое значение.

Чезюбл. Меня весьма огорчает, что вы это говорите, мистер Уординг. Это отдаёт еретическими взглядами анабаптистов, взглядами, которые я полностью опроверг в четырех моих неопубликованных проповедях. Однако, так как вы сейчас, по-видимому, полностью погружены в заботы мира сего, я тотчас же возвращусь в церковь. Меня только что известили, что мисс Призм уже полтора часа дожидается меня в ризнице.

Леди Брэкнелл *(вздрагивая)*. Мисс Призм? Вы, кажется, упомянули о мисс Призм?

Чезюбл. Да, леди Брэкнелл. Мне сейчас предстоит встреча с мисс Призм.

Леди Брэкнелл. Позвольте задержать вас на одну минуту. Этот вопрос может оказаться чрезвычайно важным для лорда Брэкнелла и для меня самой. Не

является ли упомянутая вами мисс Призм женщиной отталкивающей наружности, но притом выдающей себя за воспитательницу?

Чезюбл (*со сдержанным негодованием*). Это одна из самых воспитанных леди и само воплощение респектабельности.

Леди Брэкнелл. Ну, значит, это она и есть! Могу ли я осведомиться, какое положение занимает она в вашем доме?

Чезюбл (*сурово*). Я холост, сударыня.

Джек (*вмешиваясь*). Мисс Призм, леди Брэкнелл, вот уже три года является высокочтимой гувернанткой и высокоценимой компаньонкой мисс Кардью.

Леди Брэкнелл. Несмотря на все ваши отзывы, я должна с ней немедленно повидаться. Пошлите за ней!

Чезюбл (*оглядываясь*). Она идет; она уже близко.

Поспешно входит мисс Призм.

Мисс Призм. Мне сказали, что вы ждете меня в ризнице, дорогой каноник. Я ожидала вас там почти два часа. (*Замечает леди Брэкнелл, которая пронизывает ее взглядом. Мисс Призм бледнеет и вздрагивает. Она боязливо озирается, словно готовясь к бегству.*)

Леди Брэкнелл (*суровым прокурорским тоном*). Присм!

Мисс Призм смиренно опускает голову.

Сюда, Присм!

Мисс Призм крадучись приближается.

Леди Брэкнелл. Присм! Где ребенок?

Всеобщая растерянность. Доктор Чезюбл в ужасе отступает. Алджернон и Джек заслоняют Сесили и Гвендолен, подчеркнуто стараюсь оградить их слух от подробностей ужасающего разоблачения.

Двадцать восемь лет назад, Присм, вы оставили дом лорда Брэкнелла, 104 по Гровнор-стрит, имея на попечении детскую коляску, содержащую младенца мужского пола. Вы не вернулись. Через несколько недель усилиями уголовной полиции коляска была обнаружена однажды ночью в уединенном уголке Бэйсуотера. В

ней нашли рукопись трехтомного романа, до тошноты сентиментального.

Мисс Призм негодуяще вздрагивает.

Но ребенка там не было!

Все смотрят на мисс Призм.

Призм, где ребенок?

Пауза.

Мисс Призм. Леди Брэкнелл, я со стыдом признаю, что я не знаю. О! Если бы я знала! Вот как все это произошло. В то утро, навсегда запечатлевшееся в моей памяти, я по обыкновению собиралась вывезти дитя в коляске на прогулку. Со мной был довольно старый, объемистый саквояж, куда я намеревалась положить рукопись беллетристического произведения, сочиненного мною в редкие часы досуга. По непостижимой рассеянности, которую я до сих пор не могу себе простить, я положила рукопись в коляску, а ребенка в саквояж.

Джек (*слушавший ее с большим вниманием*). Но куда же вы дели саквояж?

Мисс Призм. Ах, не спрашивайте, мистер Уординг!

Джек. Мисс Призм, это для меня чрезвычайно важно. Я настаиваю, чтобы вы сказали, куда девался саквояж с ребенком.

Мисс Призм. Я оставила его в камере хранения одного из самых крупных вокзалов Лондона.

Джек. Какого вокзала?

Мисс Призм (*в полном изнеможении*). Виктория. Брайтонская платформа. (*Падает в кресло.*)

Джек. Я должен вас на минуту покинуть. Гвендолен, подождите меня.

Гвендолен. Если вы ненадолго, я готова ждать вас всю жизнь.

Джек убегает в крайнем волнении.

Чезюбл. Что все это может означать, как вы думаете, леди Брэкнелл?

Леди Брэкнелл. Боюсь что-нибудь предположить, доктор Чезюбл. Едва ли надо говорить вам, что в

аристократических семьях не допускают странных совпадений. Они считаются нереспектабельными.

Над головой у них слышен шум, словно кто-то передвигает сундуки. Все смотрят вверх.

С е с и л и. Дядя Джек необычайно взволнован.

Ч е з ю б л. У вашего опекуна очень эмоциональная натура.

Л е д и Б р э к н е л л. Весьма неприятный шум. Как будто он там с кем-то дерется. Я ненавижу драки, независимо от повода. Они всегда вульгарны и нередко доказательны.

Ч е з ю б л (*глядя вверх*). Вот, все прекратилось.

Шум раздается с новой силой.

Л е д и Б р э к н е л л. Хотела бы я, чтобы он пришел наконец к какому-нибудь выводу.

Г в е н д о л е н. Это ожидание ужасно. Я не хочу, чтобы оно кончалось.

Входит Д ж е к. В руках у него черный кожаный саквояж.

Д ж е к (*подбегая к мисс Призм*). Этот, мисс Призм? Поглядите получше, прежде чем ответить. От вашего ответа зависит судьба нескольких человек.

М и с с П р и з м (*спокойно*). Похоже что мой. Да. Вот царапина, полученная при катастрофе с омнибусом на Гауэр-стрит в лучшие дни моей юности. А вот на подкладке пятно от лопнувшей бутылки безалкогольного напитка — это случилось со мной в Лимингтоне. А вот на замочке мои инициалы. Я и забыла, что из каких-то экстравагантных побуждений велела выгравировать их на замке. Да, саквояж действительно мой. Очень рада, что он так неожиданно нашелся. Мне все эти годы так его не хватало!

Д ж е к (*торжественно*). Мисс Призм, нашелся не только саквояж. Я — младенец, которого вы в нем потеряли.

М и с с П р и з м (*пораженная*). Вы?

Д ж е к (*обнимая ее*). Да... мама!

М и с с П р и з м (*вырываясь и в полном негодовании*). Мистер Уординг! Я девица!

Д ж е к. Девица? Признаюсь, это для меня большой удар. Но, в конце концов, кто посмеет бросить камень в

женщину, которая столько выстрадала? Неужели раскаяние не искупает минуты увлечения? Почему должен быть один закон для мужчин и другой для женщин? Мама, я прощаю тебя. (*Снова пытается обнять ее.*)

Мисс Призм (*в еще большем негодовании*). Мистер Уординг, здесь какое-то недоразумение. (*Указывая на леди Брэкнелл.*) Ее сиятельство может сказать вам, кто вы такой на самом деле.

Джек (*помолчав*). Леди Брэкнелл! Простите, что докучаю вам, но скажите мне, кто я такой.

Леди Брэкнелл. Боюсь, эти сведения придутся вам не по вкусу. Вы сын моей покойной сестры, миссис Монкриф, и, следовательно, старший брат Алджернона.

Джек. Старший брат Алджи! Так, значит, у меня все-таки есть брат! Я так и знал, что у меня есть брат. Я всегда говорил, что у меня есть брат. Сесили, как могла ты сомневаться, что у меня есть брат? (*Хватает Алджернона за плечи.*) Доктор Чезюбл, — мой беспутный братец. Мисс Призм, — мой беспутный братец. Гвендолен, — мой беспутный братец. Алджи, негодник, ты теперь обязан относиться ко мне с большим уважением. Ты никогда в жизни не относился ко мне как к старшему брату.

Алджернон. Да, каюсь, дружище. Я старался, но у меня не было практики. (*Пожимает руку Джеку.*)

Гвендолен (*Джеку*). Родной мой! Но кто же вы, если стали кем-то другим? Как вас теперь зовут?

Джек. Силы небесные!.. Про это я совсем забыл. Ваше решение относительно моего имени остается неизменным?

Гвендолен. Я неизменна во всем, кроме своих чувств.

Сесили. Какой у вас благородный характер, Гвендолен.

Джек. С этим вопросом надо покончить сейчас же. Минуточку, тетя Августа. К тому времени, как мисс Призм потеряла меня вместе со своим саквояжем, я, вероятно, был уже крещен?

Леди Брэкнелл. Все жизненные блага, которые можно приобрести за деньги, были вам предоставлены вашими любящими и заботливыми родителями, в том числе, конечно, и крещение.

Джек. Значит, я был крещен! Это ясно. Но какое же мне дали имя? Я готов к самому худшему.

Леди Брэкнелл. Как старший сын вы, разумеется, получили имя отца.

Джек (*сердится*). Да, но как звали моего отца?

Леди Брэкнелл (*задумчиво*). Сейчас не могу припомнить, как звали вашего батюшку, генерала Монкрифа. Не сомневаюсь, однако, что его все же как-нибудь звали. Он был чудак, это правда. Но только в преклонных годах. И под влиянием индийского климата, женитьбы, несварения желудка и прочего в этом роде.

Джек. Алджи, ты-то можешь вспомнить, как звали нашего отца?

Алджернон. Дорогой мой, мне ни разу не пришлось беседовать с ним. Он умер, когда мне еще и году не было.

Джек. Его имя должно быть в армейских справочниках того времени. Не так ли, тетя Августа?

Леди Брэкнелл. Генерал был человеком весьма мирного характера во всем, кроме семейной жизни. Но я не сомневаюсь, что имя его значится в любом военном альманахе.

Джек. Армейские списки за последние сорок лет — это украшение моей библиотеки. Мне бы надо было без устали штудировать эти воинские скрижали. (*Бросается к книжным полкам и выхватывает одну книгу за другой.*) Значит, М... генералы... Магли, Максбом, Маллам, — какие ужасные фамилии — Маркби, Миксби, Моббз, Монкриф! Лейтенант — в тысяча восемьсот сороковом. Капитан, подполковник, полковник, генерал — в тысяча восемьсот шестьдесят девятом. Зовут — Эрнест-Джон. (*Не торопясь ставит книгу на место; очень спокойно.*) Я всегда говорил вам, Гвендолен, что меня зовут Эрнест, не так ли? Ну, я и на самом деле Эрнест. Как тому и следовало быть!

Леди Брэкнелл. Да, теперь я припоминаю, что генерала звали Эрнест. Я так и знала, что у меня есть особая причина не любить это имя.

Гвендолен. Эрнест! Мой Эрнест! Я с самого начала чувствовала, что у вас не может быть другого имени.

Джек. Гвендолен! Как это ужасно для человека —

вдруг узнать, что всю свою жизнь он говорил правду, сущую правду. Вы прощаете мне этот грех?

Гвендолен. Прощаю. Потому что вы непременно изменитесь.

Джек. Милая!

Чезюбл (к мисс Призм). Летиция! (Обнимает ее.)

Мисс Призм (восторженно). Фредерик! Наконец-то!

Алджернон. Сесили! (Обнимает ее.) Наконец-то!

Джек. Гвендолен! (Обнимает ее.) Наконец-то!

Леди Брэкнелл. Дорогой мой племянник, вы, кажется, проявляете признаки легкомыслия.

Джек. Что вы, тетя Августа, наоборот, впервые в жизни я понял, как важно Эрнесту быть серьезным!

Немая картина.

Занавес

КОММЕНТАРИИ

ГЕРЦОГИНЯ ПАДУАНСКАЯ (The Duchess of Padua)

Впервые напечатана в Нью-Йорке в 1883 г. в двадцати экземплярах. Трагедия была написана Уайльдом в расчете на исполнение главной роли американской актрисой Мэри Андерсон (1859 – 1940; на сцене выступала до 1899 г.), которая, однако, отказалась играть в пьесе. В начале 1890-х гг. трагедия была поставлена в Нью-Йорке, но успеха не имела. В декабре 1904 г. она прошла в Гамбурге в немецком переводе Макса Майерфельда.

Перевод Валерия Брюсова печатается по изданию «Полное собрание сочинений Оскара Уайльда», под ред. К. Чуковского, т. 4, СПб., 1912.

Сюжет трагедии псевдонсторический, но по ходу действия упоминаются реальные исторические лица.

¹ *Всю землю / Я сделаю «землю крови»...* — В евангельской легенде о Христе говорится, что Иуда, предавший его, в порыве раскаяния возвратил тридцать сребренников священникам, подкунившим его, а те купили на них «землю горшечника» для погребения странников. В подлиннике Гвидо и говорит о «земле горшечника», то есть земле, приобретенной ценой предательства.

² *...фьяску доброго вина...* — *Фьяска (ит.)* — бутылка.

³ *С немейским львом!* — В Немейской долине в Греции, согласно мифам, Геракл совершил один из своих прославленных подвигов — убил могучего льва.

⁴ *...бледные утесы / Могучей Англии...* — Имеются в виду меловые скалы у юго-восточных берегов Англии около Дувра.

⁵ *...Те лилии твоей родной страны, / Что у нее похитил лев британский...* — Золотые лилии были геральдическим знаком на гербе Франции. Здесь — намек на то, что часть французских земель была во время Столетней войны захвачена англичанами.

⁶ *Со скоростью Меркурия летят...* — *Меркурий* (Гермес) считался вестником богов и отличался быстротой в передвижениях.

⁷ *...богатства, / Хранимые в горах Армейских грифом.* — Гриф — мифическое животное с телом льва и головой орла, во многих легендах фигурирует в качестве хранителя сокровищ. *Армейские горы* — часть Древней Армении.

⁸ *Как сын красильщика в Вероне, Павел, / Иль как в Венеции его соперник, / Великий Тициан...* — Павел — Паоло Веронезе (1528 — 1588), итальянский художник, родился в Вероне; откуда и возникло его прозвище. Работал главным образом в Венеции, где жил другой великий художник той эпохи — Тициан Вечелио (1477 — 1576).

⁹ *Король Франциск был рыцарь...* — Французский король Франциск I (1494 — 1547) завоевал Северную Италию, затем потерял ее в борьбе против императора Карла V. Франциск славился своим рыцарством.

¹⁰ *...грозной Прозерпины...* — Прозерпина (Персефона) в античной мифологии жена Гадеса, царица подземного царства, владычица над душами умерших и чудовищами загробного мира.

¹¹ *Отмщение мне, и аз воздам.* — Библейское изречение означает: за себя я сам (то есть Бог) отомщу.

¹² *...мы — / Лишь прах, как говорит Иероним.* — Св. Иероним (340? — 420) — один из основателей христианства, перевел Библию на латынь и написал ряд богословских сочинений.

¹³ *Песок в часах не медлит.* — Имеются в виду песочные часы.

БЕЕР ЛЕДИ УИНДЕРМИР (Lady Windermere's Fan)

Комедия впервые поставлена 22 февраля 1892 г. в лондонском театре Сент-Джеймс, имела феноменальный успех и с тех пор обошла сцены всех театров мира. Первое издание — 1893 г.

ЖЕНЩИНА, НЕ СТОЯЩАЯ ВНИМАНИЯ (A Woman of No Importance)

Премьера состоялась 19 апреля 1893 г. в лондонском театре Хаймаркет, где комедия была поставлена известным актером и режиссером Бирбом-Три. Первое издание — 1894 г.

¹ *Сфинксы без загадки.* — В античной мифологии чудовища, убивавшие тех, кто не отгадывал их загадок. Сфинксы без загад-

ки — непонятные люди, но отгадывать, почему они таковы, бесполезно, ибо в них нет ничего загадочного.

² *Книга Жизни начинается с мужчины и женщины в саду.* — Намек на то, что в Библии первая часть «Бытие» содержит легенду о первых людях — Адаме и Еве, которые до своего «грехопадения» жили в райском саду Эдеме.

³ *А кончается Откровением.* — Последняя часть Библии «Откровение Иоанна Богослова» написана пророчески грозно и нравоучительно; карающий ангел является с небес на землю, чтобы разрушить Вавилон.

⁴ *...железную Выставку в городке с таким смешным названием...* — Имеется в виду выставка в Чикаго в 1893 г.

⁵ *Биметаллизм.* — В конце XIX в. была выдвинута идея международной монетной системы двойного характера, при которой не только золото, но и серебро является платежным средством и мерилom стоимости. Вопрос этот обсуждался в экономических и правительственных кругах, был предметом международных конференций, но так и не получил решения.

⁶ *Патагония* — в те времена наименее цивилизованная часть Аргентины.

⁷ *Не меньше, чем Анна Самуила.* — Самуил — библейский пророк, Анна — его мать.

САЛОМЕЯ (Salomé)

Драма была написана в 1892 г. для исполнения главной роли известной французской актрисой Сарой Бернар (1844 — 1923) во время ее лондонских гастролей в театре Пэлес. Во время репетиций английский театральный цензор запретил постановку, как безнравственную и кощунственную, так как в числе персонажей пьесы был Иоанн Креститель — Иоканаан. Впервые пьеса была поставлена на сцене парижского театра «Творчество» (1896) режиссером Люнье-По с Линой Мюнтц в роли Саломеи. В 1901 г. «Саломею» начинают ставить немецкие театры. Композитор Рихард Штраус пишет оперу «Саломея» (1905), которая обходит многие оперные сцены Европы и Америки. В России «Саломея» была поставлена А. Таировым в Камерном театре с А. Коонен в главной роли (1917).

Сюжет драмы основан на библейском рассказе о гибели Иоанна Крестителя.

Первое издание на французском языке — Париж, 1893 г. Английский перевод Альфреда Дугласа — Лондон, 1894 г.

¹ *Тетрарх* — титул правителя страны в Иудее, Сирии и некоторых других странах Ближнего Востока в древности.

² *Фарисеи* — религиозная секта в Древней Иудее, сторонники которой считали, что хотя человеку предоставлена свобода выбора между честными и бесчестными поступками, но тот или иной выбор не обходится без предопределения свыше. В отличие от них саддукеи признавали полную свободу воли и утверждали, что судьба человека находится всецело в его руках.

³ *Эдом* — область в Южной Иудее.

⁴ *Содом* — один из библейских городов, жители которого вызвали своей греховностью гнев Бога.

⁵ *Тир* — город в Финикии, крупнейший торговый центр древности.

⁶ *Моавия* — область на восточном берегу Мертвого моря.

⁷ *Вавилон* — город Древнего Востока, славившийся суетностью своей жизни и наказанный за это разрушением.

⁸ *...есть один человек, который может спасти тебя.* — Имеется в виду Иисус Христос.

⁹ *Я думал, что только римские философы убивают себя.* — Намек на древнеримского философа Луция Аннея Сенеку, который, будучи уличен в заговоре против императора Нерона, получил приказ покончить самоубийством, что он и сделал со стоическим спокойствием (умер в 65 г.).

¹⁰ *Император написал на них сатиру.* — Имеется в виду римский император Нерон (37–68). Его же далее называют Цезарем.

¹¹ *Эта мысль вышла из александрийских школ, где учат греческой философии.* — Город Александрия в Египте был одним из научных центров древнего мира.

¹² *Капернаум* — город на берегу Тивериадского озера в Галилее, где, согласно Евангелию, Христос совершал всевозможные чудеса.

¹³ *Самария* — город в Палестине.

ИДЕАЛЬНЫЙ МУЖ (An Ideal Husband)

Комедия впервые поставлена 3 января 1895 г. в лондонском театре Хаймаркет. Первое издание — Лондон, 1899 г.

¹ *Ван-Дейк* Антони (1599–1641) — фламандский художник, долго работал в Англии в качестве придворного живописца.

² *Коро Жан Батист Камилл* (1796–1875) французский живописец, мастер пейзажа.

³ *Пенелопа* — героиня «Одиссеи», жена Одиссея, классический образ верной жены, сохраняющей преданность мужу в самых трудных испытаниях.

⁴ *Панама* — скандальное дело, связанное с крахом кампании по строительству Панамского канала (1888). Синоним всякого дурного коммерческого предприятия.

⁵ *Синие книги* — книги, содержавшие публикацию документов различных комиссий парламента, назывались так по цвету бумажных обложек.

⁶ *В стиле Адам*. — Братья Адам (Роберт, Джон, Джемс, Уильям) — семья архитекторов, шотландцев по происхождению, создавших во второй половине XVIII в. стиль украшения светских домов венками и другими орнаментами псевдоклассического характера.

⁷ *Книга Числ* — четвертая книга Библии, содержит перечисление племен и поколений израильтян. Здесь — намек на то, что миссис Чивли неоднократно меняла мужей.

⁸ *Каннинг Джордж (1770–1827)* — английский политический деятель, парламентарий и министр, славившийся ораторским искусством.

КАК ВАЖНО БЫТЬ СЕРЬЕЗНЫМ (The Importance of Being Earnest)

Премьера комедии состоялась 14 февраля 1895 г. в лондонском театре Сент-Джеймс. Первое издание — Лондон, 1899 г.

Название комедии, как и ее фабула, построено на игре слов: имя «Эрнест» имеет по-английски такое же звучание, как слово «earnest» («серьезный»). Название имеет, таким образом, два смысла: «Как важно быть серьезным» и «Как важно быть Эрнестом».

А. Аникст

СОДЕРЖАНИЕ

ПЬЕСЫ

Герцогиня Падуанская. <i>Перевод с англ. В. Брюсова</i>	5
Веер леди Уиндермир. <i>Перевод с англ. М. Лорие</i>	91
Женщина, не стоящая внимания. <i>Перевод с англ. Н. Дарузес</i> . .	155
Саломея. <i>Перевод с фр. К. Бальмонта и Е. Андреевой</i>	227
Идеальный муж. <i>Перевод с англ. О. Холмской</i>	259
Как важно быть серьезным. <i>Перевод с англ. И. Кашкина</i>	357
КОММЕНТАРИИ	426

Оскар Уайльд

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРЕХ ТОМАХ

Том второй

Редактор *А. Дорошевич*
Художественный редактор *И. Марев*
Технический редактор *И. Гаврилина*
Корректор *И. Сахарук*
Верстка *И. Полятых*

Изд. № 0403208.

Подписано в печать 30.10.03 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная.

Гарнитура «Петербург». Печать высокая.

Усл. печ. л. 22,68. Уч.-изд. л. 23,12.

Заказ № 0314270.

ТЕРРА—Книжный клуб.
115093, Москва, ул. Щипок, 2.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Как бы ни менялась литературная мода,
какое бы множество превратностей ни испытала
оценка произведений Оскара Уайльда в связи
с переменами во вкусах и взглядах, сама фигура
«Короля жизни» и его драматическая судьба всегда
интересовали публику. «Символ искусства и культуры
своего века», как он сам назвал себя,
Уайльд может многое рассказать
«о времени и о себе»
сегодняшнему читателю.

ISBN 5-275-00919-4

9 785275 009194